

Лев Гудков, Борис Дубин, Юрий Левада

Проблема «Элиты» в сегодняшней России

**Размышления над результатами
социологического исследования**

Москва 2007

УДК 323:316.344.42(470+571)
ББК 66.3(2Рос)6
Г93

Гудков, Л.Д.

Г93 **Проблема «элиты» в современной России: Размышления над результатами социологического исследования** / Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Ю.А. Левада. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. — 372 с.

ISBN 978-5-903135-03-5

Книга посвящена проблемам и особенностям формирования, самопонимания, функционирования элитарных групп в советской и постсоветской России. Дается социологическая интерпретация понятия «элита». Обобщаются материалы серии интервью и анкетных опросов представителей российской элиты, проведенных в 2005–2006 гг. сотрудниками Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центр).

УДК 323:316.344.42(470+571)
ББК 66.3(2Рос)6

ISBN 978-5-903135-03-5

© Фонд «Либеральная миссия», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Элитарные структуры в постсоветской ситуации: возможности исследования, предварительные замечания	4
Часть первая. Проблематика и организация исследования.....	19
К уточнению задачи	19
Исходная постановка проблемы: идеологические импликации.....	22
Элита: некоторые аналитические подходы к интерпретации понятия	24
Понятие «элита» в российской ситуации	30
Элита и номенклатура	36
Номенклатура и интеллигенция	40
Процессы разгосударствления и образование новых «элит»	49
Современные российские элиты: к социологическому переопределению понятия.....	54
Элита и репродуктивные институты общества	57
Российские заменители «элиты»	69
Операционализация исследовательских задач	76
Ход работы	79
Часть вторая. Власть, политический порядок, модели развития	84
Характер и направленность изменений в стране: оценки населения	84
Предпочтительные модели развития: мнения элит	100
В. Путин и его окружение в перспективе модернизации страны: баланс сил и оси напряжений между элитарными группами	122
Политика в массовых представлениях россиян	132
Политика и политический потенциал групп элиты, по оценкам их представителей.....	142
Система нынешней политической власти и ее кадровый состав.....	150
В. Путин и партийные элиты	163
Стабильность режима, возможности трансформации, угрозы ослабления	166
«Проблема 2008 года»	177
Мнения элиты и массы: сходство и различия	179
Эксперты московские и региональные: сопоставление оценок.....	189
Итоги и выводы	198
Часть третья. Путин и его режим в оценках элиты: материалы личных интервью ..	209
Литература	292
Приложение. Результаты опросов	296
Послесловие: ответ получен. <i>Е. Ясин</i>	360

ВВЕДЕНИЕ. ЭЛИТАРНЫЕ СТРУКТУРЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ СИТУАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В многочисленных дискуссиях о современном положении и перспективах развития российского общества неизменно присутствует «проблема элиты». Анализ обширного эмпирического материала, полученного в ходе исследования, целесообразно предварить хотя бы кратким обсуждением некоторых методологических аспектов постановки этой проблемы и соответствующих дефиниций. Как правило, общественный и публицистический интерес сконцентрирован в данном случае на ответственности нынешней (условно говоря, постсоветской) элиты за кризисы исторического развития страны и поисках выхода из сложившейся ситуации. Социальные и исторические рамки «элиты» как категории исследования общества редко становятся при этом предметом внимания. Между тем при использовании такой категории важно представлять, какие «реальные», эмпирически наблюдаемые группы (социальные слои, типы) к ней могут быть отнесены в определенных условиях, какие функции (задачи, роли) правомерно связывать с деятельностью таких групп в различные периоды. Не углубляясь в методологические тонкости, ограничимся некоторыми необходимыми замечаниями.

В принципе, понятие «элита» — не эмпирическая, а, пользуясь известной терминологией М. Вебера, «идеально-типическая» категория, то есть конструкт, используемый для исследовательских целей. Для определения общественных слоев и групп как элитарных существенны такие признаки, как социальные ресурсы (обладание специальными знаниями, благами, возможностями влияния, доступом к власти), обозначенная обособленность от других групп (престиж, «избранность»), характер деятельности, функции (поддержание порядка, репродукция образца, адаптация или сопротивление изменениям).

При рассмотрении сегодняшних элитарных групп нередко происходит перенесение (проекция) характеристик структур традиционных обществ (сословий, каст, орденов, лож, тайных обществ, «света»), что допустимо в меру понимания условности, метафоричности таких аналогий. Следует принимать во внимание, что механизмы и функции замкнутости, консолидации, рекрутмента («отбора»), высокостатусности современных элит принципиально иные, чем были у средневековых, восточных и прочих их аналогов. И, разумеется, необходимо избегать соблазна — скорее публицистического — приписывать элитарным группам такие антропоморфные признаки, как обладание сознанием, волей, желаниями, «миссией». В дефиниции «элитарности» наиболее важен не «кадровый состав» соответствующих групп, а способ их действия с его нормативно-ценностными и символическими компонентами, «кумирами» и мифами («автомоделями» на языке отечественной семиотики времен Ю.М. Лотмана).

Типы элиты в российской исторической традиции

Практически все современные трактовки и проблемы элитарных групп, барьеров, функций непосредственно восходят к советскому периоду. Принятая пока как единственно уместная характеристика российского общества со всеми его социальными институтами и группами как *постсоветского* адекватна, поскольку общество, государство и граждане доселе обитают не в «новом» доме, а на развалинах «старого» (советской институциональной и социально-групповой структуры). Более древние конструкции вместе с соответствующим человеческим «материалом» как будто полностью уничтожены после 1917 г. (заметные сегодня натужные вздохи по былой аристократии и «венценосцам» скорее обозначают отсутствие места соответствующих феноменов в реально значимой социальной памяти). Тем не менее заслуживают внимания некоторые «фазовые» сходства структур, способных воспроизводиться при радикальной смене условий и «материала». Отметим некоторые моменты.

Короткие ряды традиции

Российское историческое время сложено из относительно коротких — по меркам других обществ — отрезков, каждый из которых как бы начинает историю (институциональную традицию и память) заново, «с чистого листа». Каждый период обычно находит свое «оправдание» в отрицании предыдущего правления и расправах с его элитарными структурами. Функции отсутствующей исторической традиции (как инструмента легализации и поддержки существующего порядка) восполняются квазиисторической мифологией.

«Назначенные» элиты

На разных этапах прерывистой монархической истории России наибольшую роль в качестве опор трона, военачальников, наместников почти всегда играла не традиционная знать, выведившая свои привилегии от «Рюриковичей», а «назначенные» элитарные группы и фигуры (дворяне, приближенные, чиновники). В одном из писем князю Курбскому Иван IV утверждал, что перед богоданным самодержцем все холопы, независимо от звания и рода. Как известно, и спустя столетия этот принцип не только постоянно использовался, но и, что не менее важно, с готовностью воспринимался как должное на разных ступенях государственной иерархии — вплоть последнего времени. Социальная категория «пэров» (равных по знатности) практически никогда не работала.

Самозванчество и цареубийство как атрибут наследования власти

Легитимный механизм наследования царских полномочий утвердился в России за сто с небольшим лет до падения монархии, после повторявшихся

периодов дворцовых переворотов, царевубийств и самозванчества (как «верхушечного», так и «низового», наиболее яркие примеры XVIII века не нуждаются в напоминании). Притом, в соответствии с архетипической моделью, изученной Дж. Фрэйзером (а еще ранее — описанной Шекспиром), причастный к убийству с необходимостью получал корону, менее значимый приз не годился для оправдания злодейства.

От милостей до казней

В структуре самодержавного произвола (царского и последующих периодов) наиболее эффективным инструментом статусного взлета всегда оказывалось благорасположение первого лица, достаточно легко переходящее в подозрительность и гнев (если не со стороны «самого», то со стороны его преемников). Такие карьерные повороты становились практически неизбежными, когда фавориты предъявляли завышенные претензии, например, на роль соперников или наследников. Столь же неизбежно «мотором» карьерного продвижения постоянно, во все времена и при всех режимах служили клановые интриги, лоббизм, доносы и т.п. Критерием сохранения статуса «назначенной» знати оказывалась не эффективность исполнения ею своих функций, а доверие со стороны вышестоящих; тем самым определялись принципиальные различия между «лояльной» бюрократией и ее «рациональными» моделями (по М. Веберу).

Два «модернизационных» мифа XIX века

Первый из них использовал Пушкин, называя правительство Николая I «единственным европейцем», то есть агентом модернизации в духе Петра и его чиновников. «Крестьянский» кризис середины XIX века — не преодоленный и полстолетием позже — показал пределы показной (в основном военно-технической) модернизации без изменения институциональной структуры общества. Еще раньше стала очевидной безнадёжная коррумпированность бюрократии в малограмотном и не обладающем правовой культурой обществе. От героизации фигуры Петра просветительская литература перешла к жесткому обличению самодержавно-бюрократических опытов модернизации («История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина). К концу века государственной власти пришлось отказаться от претензий на роль единственной или главной движущей силы европеизации. Проводниками материально-технических компонентов этого процесса выступили бизнес и связанный с ним слой технических специалистов — групп, избежавших славы и претензий на элитарные роли. В значительной мере это обусловлено тем, что в годы, когда — после Крымской войны и реформы 1861 г. — Россия довольно широко открыла двери (уже не «окно») в Европу, промышленная модернизация там испытывала первые тяжелые кризисы, а различные варианты

моральной и эгалитаристской критики прогресса находили благодатную почву. В этой ситуации сформировался второй российский модернизационный миф XIX века — «интеллигентский».

Миссия русской интеллигенции — воображаемая и реальная

В собственных и широко распространенных представлениях отечественная интеллигенция брала на себя миссию слома идейных основ патриотического консерватизма («православия — самодержавия — народности») и трансплантации на российскую ниву лучших плодов европейского прогресса и просвещения без его «вредных привычек» (индивидуализма, цинизма). Преданность своему делу, готовность к самопожертвованию, а потом и ореол мучеников «за правду» давали основания придавать деятельности этой специфической социально-нравственной группы ауру вдохновенных неопитов религиозного возрождения. Если оценивать реальные, исторически значимые результаты деятельности интеллигенции за время ее активной жизни (то есть примерно за 50 лет в конце XIX и начале XX века), приходится признать, что разрушительную часть своей миссии она (и ее кумиры) практически выполнила. Н. Бердяев однажды причислил к «духам русской революции» Гоголя, Достоевского и Толстого как разрушителей устоев традиционной России. А со сменой общественно-политической ситуации в стране к концу века нравственные максималисты были вынуждены уступить роль «лидера мнений» не лучшим из собственных учеников — куда более практическим и куда менее нравственно-обремененным адептам радикального терроризма, сначала индивидуального, а потом и массового. И тем самым создать условия для последующего собственного уничтожения — ликвидации интеллигенции как особого социально-исторического феномена и условий ее существования.

Отметим некоторые особенности этого феномена, необходимые для дальнейшего анализа интересующей нас темы. Его носителей никоим образом нельзя представить как профессиональную группу работников какой-то отрасли «интеллектуального труда» («мыслящий пролетариат» в воображении Д. Писарева) или поставить в один списочный ряд с античными жрецами, придворными мудрецами восточных цивилизаций или специалистами новейшего хай-тека — слишком уж разнятся способы и функции использования интеллектуальных «ресурсов» в различные эпохи. К тому же трудно приписать профессионализм и узкую специализацию в какой-либо конкретной сфере вдохновенным интеллигентам, блеснувшим на переломе XIX и XX веков. Специфика — даже уникальность — интеллигентского феномена, в принципе, объяснима особенностями расстановки сил и мнений в российском обществе в период напряженного выбора варианта модернизации. Положение высокообразованной (по чужим, европейским, меркам), оторванной от традиционной «почвы», прямо или косвенно противостоявшей власти и не имевшей даже на-

дежды на массовую поддержку интеллигенции побуждало ее взяться за невыполнимую задачу (и уже попутно разбираться в тонкостях души человеческой). Некоторые аналоги, вероятно, можно найти в модернизационных катаклизмах восточных, африканских, латиноамериканских обществ с существенно понижающим ситуацию коэффициентом: миссию модернизирующих элит там чаще всего берут на себя группы, не прошедшие европейской цивилизационной школы и потому готовые ограничиться соединением нахватанного радикального эгалитаризма (или исламизма) с полученным по случаю стрелковым вооружением и элементами тоталитарных форм государственной организации.

В качестве элитарного фактора русская интеллигенция представляла себя антиподом чиновничества по всем ориентирам (служение — служба, творчество — исполнение, свобода — послушание, мир символов — иерархия начальников, исторический «отбор» — назначение власть имущими и т.д.; редкие случаи пересечения групп на личном уровне не имели принципиального значения).

Правомерно говорить о противостоянии двух моделей модернизации — бюрократической и интеллигентской (и, соответственно, двух «мифов» русского XIX века). Ни одна из них не была осуществлена до конца, что и создало условия для серии катаклизмов последующего столетия. Это противостояние удалось устранить советской эпохе, формально зачислившей бывшую интеллигенцию в госслужащих.

Русская интеллигенция — классический пример элитарного феномена, не связанного с какой-либо социально-групповой структурой, членством, организационными связями и т.п. Она могла привлекать последователей в разных слоях и сословиях тогдашнего общества, не принадлежа ни к одному из них. В принципе, элитарная группа «интеллигентского» типа консолидирована вокруг символов, а бюрократическая — вокруг должностей. В функции интеллигенции входила консолидация действий и «теченья мыслей» вокруг символических структур, кумиров, «учителей» (притом не только «своих»: когда Ф. Достоевский писал, что у русских «две родины — Россия и Западная Европа», под «русскими» имелись в виду тогдашние интеллигентские просветители). В этой среде выделялся «высший» — символически — слой (знаменитые литераторы, публицисты, художники) и ориентированная на него довольно широкая масса «низовых» последователей (врачи, учителя, земские активисты). Они не пытались «вести за собой» страну или влиять на государственную политику, но реально влияли на *нравственную атмосферу* в обществе. (Известен разговор двух весьма консервативных по убеждениям литераторов, Достоевского и Суворина, в конце 1870-х гг. на крайне острую тему поднявшего голову революционного терроризма. Осуждая его акции, оба собеседника уверяли, что ни в коем случае не стали бы доносчиками, ес-

ли бы узнали о готовящемся покушении. Напрашиваются сопоставления с позднейшими ситуациями и состоянием общественной атмосферы, когда подобные суждения стали принципиально невозможными.)

Крушение «старых» российских элит

Со сменой эпох (после 1917 г.) прекратили существование все элитарные феномены российского общества, причем это произошло еще до того, как были уничтожены соответствующие социальные группы, классы, сословия. Значительная часть носителей элитарных функций была физически истреблена Гражданской войной и волнами массового террора, некоторые ушли в эмиграцию, но все же главным фактором крушения элитарных структур была ликвидация их функций («места») в обществе, соответствующих ожиданий, символов, мифов. По мере того как советская система создавала свои элитарные вертикали и средства их поддержки, все «старые» конструкты оставались не у дел и утрачивали смысл. Судьба же человеческого («кадрового») состава этих структур оказалась более сложной — немалая их доля с переменным успехом попыталась (или была вынуждена) адаптироваться к новым обстоятельствам.

На протяжении 70 с лишним лет партийно-советского господства элитарные структуры и группы пережили ряд существенных трансформаций.

От революционной элиты к бюрократической номенклатуре

Главная ось всей социальной организации (и, если так можно выразиться, главное социальное изобретение советской эпохи) — всепроникающий механизм партийно-советской номенклатуры, то есть жестко построенной вертикали власти, влияния и контроля во всех областях жизни общества, опиравшейся на назначенных «сверху» и ответственных только перед ним, «верхом», порученцев. В отличие от иных иерархических социальных систем (например, феодальных) самый верхний уровень господства имел возможность непосредственно проводить свои требования на любом уровне вертикали. Формально в стране были задекларированы несколько якобы автономных вертикальных иерархически-властных линий — партийных, советских, «общественных» (профсоюзных, научных, а также специализированных в хозяйственной деятельности, военной, охранительной и пр.), но реальное значение имела лишь одна, именованная «партийно-государственной» (при том, что «госпартия» политической партией не являлась, а «партгосударство» не было государством в собственном смысле этого слова). Все же прочие линии использовались как источник ресурса для поддержки и прикрытия универсальной «оси».

В период захвата и первичной организации власти в качестве революцион-

ной элиты выступала группа, консолидированная общими символами и кумирами, энергией разрушения и унаследованной от «второго эшелона» радикальной интеллигенции готовностью жертвовать чужими и собственными жизнями во имя предполагаемых возвышенными целей. На протяжении ряда последующих переломов эта элита, практически полностью сменившая свой персональный состав, трансформировалась в разветвленную систему все более коррумпированной номенклатурной бюрократии.

В некоторых аспектах («назначенство», контроль сверху, коррумпированность) советская номенклатура выглядела преемником традиций старого чиновничества. Но уже по масштабам численности, претензий, самоуверенного цинизма и безграничного страха перед начальством значительно его превосходила. В отличие от своих предшественников «новая» номенклатура не имела ни своей истории и традиций, ни возможности для консолидации, ни малейших гарантий от постоянно грозивших ей чисток и расправ. Полностью беспомощная перед произволом верхов, она не способна была поддерживать сплоченность собственной корпорации или сохранять какие-то привилегии. Не обладая сколько-нибудь цивилизованными нормами внутригрупповых отношений, номенклатура в этом плане вынуждена была довольствоваться примитивным регламентом волчьей стаи или криминального сообщества. Доминирующим оставался корпоративный страх («все из-за одного», «каждый за себя») и т.п., стимулировавший массовое доноительство и отречение от «захромавших уток», а тем самым и постоянно возрождавшуюся ситуацию корпоративного заложничества.

Существенный момент длительной эволюции постреволюционной номенклатуры — прагматическое «приземление» претензий и уровня самих функционеров. За несколько десятилетий произошел переход от героического образца подвижников мировой революции (Сталин сравнивал партийные кадры с орденом меченосцев) до мелко-суетливых столоначальников разных уровней, заинтересованных в благорасположении начальства и сохранении своих привилегий. В период «застоя», старческого угасания системы господства вышли на поверхность обиденные (корыстные и статусные) интересы иерархии номенклатурных функционеров. Ориентации на «европейские» рационально-бюрократические стандарты в этой среде никогда не просматривалось. А нагло-хамский стиль отношений с нижестоящими или «не допущенными» к привилегиям власти постоянно служил прикрытием комплекса собственной неполноценности.

Чтобы поддерживать собственную (по меньшей мере, воображаемую) устойчивость, вертикаль власти нуждалась в ресурсах поддержки разного рода, прежде всего институциональной.

Такой «ближайший» к власти ресурс неизменно поставляли силовые и карательные институты (армия, службы безопасности, суд-прокуратура-

ра-ГУЛАГ), чьей функцией было поддержание мобилизационной напряженности в обществе. Но приближенность к власти, оплачиваемая набором привилегий, никогда не означала самостоятельного участия силовых структур в принятии властных решений. Иерархии военного, полицейского и тому подобного управления действовали при властной вертикали. Пресловутые сталинские «чистки» верхушек военных и карательных ведомств были направлены на то, чтобы держать их в таком же состоянии неуверенности, экзистенциального и статусного страха, в котором жила вся номенклатурная бюрократия. (Легенда о попытке карательного ведомства подчинить себе госпартийную вертикаль была пущена в ход Н. Хрущевым, чтобы отвести эффект разоблачения сталинизма от партийной вертикали — и от самого себя.)

Демонстративным апофеозом номенклатурной милитаризации явилась начатая в разгар войны, в 1943 г., затея с переодеванием всей высшей партийной элиты в генеральские мундиры (главнокомандующего — в маршальский). Несколько лет спустя, в конце 40-х, была торжественно введена табель о рангах, мундирах, погонах и пр. уже для целого ряда профессий (от георазведки до почтовой службы).

На поверхности официальной общественно-политической жизни советского времени постоянно (особенно, кстати, в канун очередных ее переломов — в последние годы правлений Сталина, Хрущева, Брежнева) кипели «идеологические» страсти, обличались отступники, провозглашались требования сохранять верность учениям отцов-основателей и — что всегда было более важным — очередным руководящим установкам. Многочисленная армия идеологических надзирателей на всех уровнях властной вертикали (в партаппарате, СМИ, образовательных и ученых заведениях) призвана была следить за соответствием принятым стандартам написанных, произнесенных, даже вообразенных текстов. Чиновники общественных наук, активно участвовавшие как в тайных расправах над неугодными, так и в показательных мероприятиях, претендовали на статус «идеологической» элиты, для которой в номенклатурной системе не было места. Функционеры идеологического профиля, как правило, занимали второстепенные позиции во властной иерархии («третьи секретари» в парткомах разного уровня). Формально, согласно официальным декларациям, режим опирался на «научную идеологию», на деле же использовал ссылки на «классические источники» в соответствии с конъюнктурными нуждами. Поэтому не вполне адекватная распространенная в советологической литературе характеристика партийно-государственного правления как «идеократии». Апелляции к идеологическим формулам нужны были для самооправдания властной вертикали, а также для поддержания атмосферы единомыслия в обществе (особенно среди его более активной и молодой части).

Каждый шаг по устранению одиозных черт сталинского режима, нормализации отношений с Западом и пр. неизменно происходил под страхом общей

катастрофы системы. И наступления ответственности ее лидеров за преступления прошлых лет. Отсюда постоянные акции «сдерживания» критики (показательна череда событий знаменательного и трагического 1956 г.). Ослабление политических репрессий пытались сбалансировать укреплением «идеологической дисциплины» (выражение В. Ягодкина, московского идеологического погромщика начала 1970-х), борьбой с «ревизионизмом», «формализмом» и пр. в среде художников, литераторов, экономистов, философов, социологов и т.д. В сталинские годы все и всяческие прегрешения, приписываемые неугодным, объявлялись политическими преступлениями — со всеми положенными последствиями. А в менее жестокие времена на поверхность выступали идеологические мотивы проработок. Реальная функция карательных акций, массовых или избирательных, оставалась той же — поддержание атмосферы послушного страха и трепета в обществе.

Приложением к «цеху» идеологической поддержки примерно с конца 1920-х гг. служили такие насквозь идеологизированные дисциплины, как официально признанные философия, история, политэкономия и пр., со своей иерархией чинов и званий и деятельностью, слабо напоминающей старомодно-академические области знания. Доминирующими занятиями в этой среде были непрерывные клятвы на верность руководящим силам, а также нескончаемые садистски-сладострастные обличения уклонистов, отступников и прочих супостатов в собственных рядах. Обычной практикой было возвеличивание и ниспровержение временных авторитетов (то есть лиц, таковыми назначенных), превращаемых в мальчиков для показательного битья. После того как поводы и методы подобных акций были преданы забвению, главным плодом долгой (2–3 «рабочих» поколения) деятельности такого рода оказалась относительно многочисленная группа тогдашних выдвиженцев на влиятельные (вплоть до сегодняшнего дня) посты в различных учреждениях социально-научного профиля.

Фантом интеллигенции

В первые советские годы, примерно до середины 30-х, интеллигенция (точнее, люди и традиции, оставшиеся от устаревшей структуры) нарочито третиновалась как «чуждое» явление, профессорских детей не хотели принимать в комсомол и ограничивали при поступлении в институты, «интеллигентские привычки» (даже ношение галстуков) высмеивались. Провозглашена была ставка на формирование «своей», рабоче-крестьянской, литературы, «красной профессуры» и т.д. Серия карательных акций против «чуждой интеллигенции», начатая в 1921–1922 гг. (из опасений, как бы нэп не стал могильщиком режима), увенчалась травлей технических специалистов (после сфабрикованного «дела Промпартии»), научных кадров («академические» процессы начала 1930-х) и, наконец, приведением к общему (государственному) знаме-

нателью разнообразия стилей и организаций литераторов, художников и т.д. Со второй половины 30-х гг. прямые репрессии и угрозы (политика «кнута») дополняются политикой «пряника» — снятием ряда ограничений для выходцев из интеллигентской среды, установлением высоких гонораров, доступом к дефицитным благам (квартиры, дачи, автомобили, зарубежные поездки и встречи — разумеется, под бдительным контролем соответствующих органов, цензуры и спецподразделений в самих «творческих» организациях). Ценой признания рудиментарной интеллигенции со стороны власти явился полный отказ от свободы творчества и мысли в пользу «служения» интересам властной вертикали (точнее, выслуживания перед ней). Чем бы ни оправдывалось (субъективно или публично) такое отречение от ценностей, консолидировавших некогда «старую» российскую интеллигенцию, — интересами спасения ценностей культуры, стремлением цивилизовать отношения между властью и народом, просто желанием выжить, — оно означало полную идейную и моральную капитуляцию, сделавшую невозможным существование интеллигенции как социального феномена. Фактическое превращение «творцов» в государственных служащих покончило с историческим противостоянием интеллигенции и бюрократии. (Стоит напомнить, что требование посадить людей «творческих» профессий на казенное жалованье, дабы не допустить опасного вольнодумства с их стороны, прозвучало из уст Хрущева в 1963 г., и газеты уже начали публиковать поток восторженных откликов, но затея оборвалась на полуслове — как и породившая ее противоречивая эпоха.)

«Свободно-парящий разум» (die freischwebende Intelligenz К. Маннгейма), или творческий дух, был недопустим в системе тотального господства. Но некий «интеллигентный» фасад режиму требовался — для самоутверждения и в какой-то мере для международного имиджа. Поэтому властная вертикаль нуждалась не только в постоянном восхвалении своих достижений и вождя (то есть в клакерских аплодисментах, которые обычно обеспечивала «творческая» обслуга среднего уровня с помощью «массовой» литературы, музыки, песен, репродукций и пр.), но и в символической поддержке (или хотя бы лояльности) со стороны мастеров культуры высшего класса. Последним приходилось исполнять функцию ампириного фасада режима.

Специалисты и ученые: под колпаком и на содержании у власти

Положение научного сообщества и ученых («научных кадров») в партийно-советской системе — особая и весьма болезненная проблема. Востребованными были преимущественно прикладные разработки, дающие непосредственный эффект для ВПК, конкурентоспособные и экономически выгодные; «чистая» (фундаментальная) наука и ее творцы почти всегда оставались в загоне. Избирательно поощряя «нужных» специалистов, власть имущие не допускали самоорганизации и взаимной поддержки в научной среде, тем более коллективного

сопротивления произволу (можно вспомнить постыдную кампанию 1967–1968 гг. против «подписантов»). Время от времени устраивались идеологические набеги на различные научные отрасли — от математики до биологии, физики, технической кибернетики и пр., причинившие огромный вред целым сферам научного знания и целым поколениям их работников. Глубоко оскорбительным для достоинства серьезных ученых было приравнение к ним (по статусу) далеких от науки активистов и надсмотрщиков от «общественных» дисциплин. Жесткий бюрократический контроль приводил к тому, что в роли ученых мужей нередко выступали чиновники от научных ведомств, организаторы престижных проектов и просто шарлатаны (типичный, но далеко не единственный пример — «лысенковщина» 50–60-х гг.). «Академический» статус науки и ученых — даже в той ограниченной мере, в какой он сохранялся в советское время, — неоднократно в 30-е, 60-е да и в последние годы оказывался под угрозой.

Необходимость постоянно приспосабливаться к идеологическому прессу и бюрократическому контролю всегда создавала почву для коррумпирования самой среды людей интеллигентных профессий — как нравственного, так и денежного. В принципе, «заказной» отзыв на диссертацию и «заказной» судебный приговор — феномены одного порядка, так как делаются вопреки закону, нормам профессиональной грамотности и этики, за вознаграждение или под страхом наказания. Все более распространенная в последние годы практика денежного подкупа соответствующих функционеров подготовлена нравственной деградацией их цеха в прошлом.

«Демонстративная элита» советского образца

Приметная черта наглухо закрытой или просто отсутствующей общественно-политической жизни советского времени — списки «знатных людей» из различных слоев (академиков, спортсменов, музыкантов, передовиков труда и т.д.), которые заполняли президиумы, награждались орденами, становились депутатами и лауреатами, по мере надобности выступали от имени «общественности» с горячим одобрением или с гневным осуждением тех, кого следовало в данный момент одобрять или проклинать. Никаких реальных действий или собственных мнений от этих людей, конечно, никто не ждал. Списки «знатных» (в позднейшей иронии — «сталинских соколов») контролировались и изменялись в соответствии с конъюнктурой.

Объяснить эту сугубо показную суету в рамках каких-либо рациональных моделей общественной жизни нельзя. Это компонент театра масок, в подлинность которых никто не верит, но почти все согласны с тем, что «так нужно». Со сменой исполнителей и технических средств (ТВ + Сеть) многие роли и приемы того театра продолжают существовать, например, под вывеской казенно-общественных учреждений: потребность в показной поддержке власти показной элитой сохраняется.

Массовое сознание и элита советского времени

По косвенным свидетельствам можно составить лишь приблизительную картину восприятия населением назначенных элитарных групп тех лет. Политическая верхушка, узкая и как будто тесно сплоченная группа «приблизженных», явленная народу в повсеместно тиражируемых портретах и списках, представлялась бесконечно удаленной от повседневных забот людей и от образов поведения «обычного», знакомого людям низового начальства (характерное впечатление от внезапного падения Л. Берия: «стены закачались...»). Созданный в середине 1930-х культ верховного вождя, по всей видимости, эмоционально воспринимался на среднем уровне активистов, допущенных к власти, и довольно безразлично — на массовом, потому и прощание с ним прошло спокойно.

На протяжении полутора-двух десятков лет общество воспитывали в духе всеобщего убогого эгалитаризма, презрения не только к богатству, но и к жизненному комфорту. В поисках действенных стимулов к труду в 30-е гг. шаг за шагом внедряются различные (символические и материальные) меры поощрения «ударной» работы и «выдающихся» достижений. (Шоковый шаг: установление размера сталинских премий I степени в 300 тыс. рублей при средней зарплате менее 100 руб. — пролог к созданию значимой иерархии привилегий в самой вертикали власти.)

Массовая зависть населения к знатым («назначенным») и богатым не перешла в какие-либо активные установки отторжения от пирамиды привилегий, но подпитывала готовность участвовать в кампаниях доносительства и травли, направленных против ее уже поверженных функционеров.

Некоторые итоги: неустойчивость советских «эрзац-элит»

За семь десятилетий своего существования партийно-советский режим не создал ни эффективных институциональных структур, ни устойчивых социальных конструкций, пригодных для исполнения опорными элитами своей роли. Произвол и «назначенство» (иерархия временщиков и самозванцев на вертикали власти) обрекали на непрочность практически любые, даже благие, намерения и метания. Приближенность к власти или относительно высокий потребительский статус (допуски к благам) не могли создать «настоящую» элиту (традиционную, «достижительскую» или рационально-бюрократическую), консолидированную и уверенную в своем статусе и престиже. В лучшем случае можно было говорить о подобии элит или заместителей, эрзац-элитах власти и различных сфер. Разлом и крушение советской системы за последние 15–20 лет обнаружили ограниченность этих структур со всей очевидностью.

Расцвет и крушение иллюзий «перестройки»

Главная иллюзия инициаторов, а отчасти и сторонников «перестройки» — представление о возможности коренным образом изменить общественно-по-

литическую систему страны «сверху», то есть с помощью госпартийного механизма. По сути дела, речь шла о *бюрократической* модели преобразования (косвенный римейк старой модели бюрократической модернизации). Как стало ясно уже примерно за год до августа 1991 г., влияние М. Горбачева на этот механизм оказалось слишком слабым, а сам механизм — совершенно непригодным для выполнения такой задачи. В годы гласности получили известность интеллигентские движения и клубы, выступавшие за «демократическую», или «радикальную», перестройку, они пользовались некоторым благорасположением власти, но значительного влияния не имели. Горбачев опирался на сравнительно небольшую реформаторскую группу из высшего партийного руководства, не решаясь вырваться из пут партийного аппарата и пойти на создание движения, партии или системы реально действующих государственных институтов демократического типа.

Конкурентные выборы и открытая трибуна депутатских съездов обозначили высшую точку «гласности», но не создали новой системы власти или новой расстановки сил на социально-политическом поле. Публичный характер приобрели околополитические дискуссии в СМИ и на тех же съездах, но не принятие политических решений.

Вторая иллюзия «перестройки» — мелькнувшее было в конце 80-х представление о формировании во взбудораженном обществе новой элитарной структуры на основе коалиции «реформаторской» части партийной верхушки с демократически настроенной интеллигенцией (а также с некоторыми движениями за национальные права и свободу вероисповедания). Вскоре, однако, стало понятно, что значение и прочность такой коалиции сомнительны. Интеллигентская демократия была не у власти, а только при власти — в качестве публицистов, ораторов, реже советников или консультантов, а кроме того и сверх того — в качестве демократического прикрытия бюрократических, а потом и диктаторских способов действия. Позже эти функции обесценились. Как известно, в моменты романтического увлечения «перестройкой», чтобы снискать славу демократов, было достаточно ярких публицистических выпадов против партийной монополии на власть, разработанные программы и платформы не требовались. (Должно быть, во всех известных истории радикальных поворотах во всех странах уровень имевшихся надежд значительно превышал уровень средств для их реализации...)

В ситуации политических кризисов «перестройки» (примерно с 1990 г.), а в дальнейшем — кризисов наследовавших ей властных структур (1993–1994–1996 гг. и т.д.) «верхи» все чаще и откровеннее обращаются за поддержкой и опорой уже не к либерально-интеллигентским группам, а к силовым институтам, то есть к тем, кто в наибольшей мере сохранил свою организацию и направленность после падения советского государства. А либерально настроенным интеллигентам, так и не сумевшим организовать в са-

мостоятельную общественно-политическую силу, приходится с трудом убеждать самих себя в неизбежности — во избежание худшего — хотя бы условно поддержать какие-то инициативы или кандидатуры от существующей власти. Самый наглядный и поучительный пример — ситуация вокруг президентских выборов 1996 г., фактически проложившая дорогу к смене политического режима после 1999 г.

Новая обстановка: элитарные группы при вертикали власти

Определившись в последние годы (ко второму президентскому сроку В. Путина) ситуация в российском обществе суммирует и как бы собирает в один узел накопившиеся проблемы, не решенные ранее. Сдвиги в экономическом положении страны, обусловленные конъюнктурой мирового энергетического рынка, позволили снизить уровень напряженности в ряде болевых точек первых «переходных» лет (невыплаты зарплаты, высокая инфляция) и повлиять на рост оптимистических настроений и ожиданий в обществе, прежде всего в его элитарных слоях и группах.

Общественное недовольство и потенциал протеста сосредоточены преимущественно в менее продвинутых сегментах населения (пожилые, менее образованные). Более активные слои общества, в какой-то мере преуспевшие в годы перемен, оказываются и более лояльными к существующей власти и ее носителям.

Неудивительно, что в таких условиях значительная часть представителей элитарных групп связывает свои надежды с государственной властью и государственной экономикой, с государственной поддержкой науки, образования, здравоохранения и т.д., почти не смущаясь тем, что само государство шаг за шагом утрачивает демократические претензии и приобретает черты абсолютистского деспотизма. Ожидание милостей от власти и страх их утратить по-прежнему разобщают и губят российские прогрессивные элиты.

Заметные перемены в последнее время наблюдаются не столько в соотношении социальных групп, сколько в их составе и генеалогии. В годы перестройки и первоначальных реформ (при Горбачеве и Ельцине) у власти находилась группа выходцев из высших эшелонов партийно-советской номенклатуры, под влиянием обстоятельств вынужденная более или менее радикально изменять свои общественно-политические ориентации. Сейчас эта группа практически полностью покинула политическую сцену, ее место заняли представители другого поколения, лишённые необходимости переживать (или демонстрировать) свой разрыв с советскими стереотипами поведения и сознания. Демонстративный идеологизм партийно-советских времен и последовавшие поиски «идеологии перестройки» при Горбачеве и «национальной идеи»

при Ельцине уступили место столь же показному универсальному прагматизму (под прикрытием которого, впрочем, нередко выступают глубоко укорененные установки великодержавности, мирового противостояния, «партийного» единомыслия и пр.). Наиболее подходящими носителями такой «антиидеологической» идеологии выступили кадры менее всего затронутых веяниями перемен исполнительских служб старого госаппарата, принесшие с собой профессиональные атрибуты — стиль спецопераций, агентуру, маски, скрывающие лица, неограниченные силовые приемы и т.д.

Изменения внутри элитарных (высокостатусных, высокообразованных) групп также в значительной мере связаны со сменой поколений и стиля деятельности. Уходят или отодвигаются на второй план люди, которым приходилось выдерживать идеологические и бюрократические «накаты» советского периода, а в начале новых времен разделять демократические надежды. Выдвигаются люди, не знавшие такой общественно-политической школы и связывающие свое статусное и материальное возвышение уже с прагматическими обстоятельствами пореформенных лет.

После ликвидации зачатков публичной политики значимые перемены произошли в функциях СМИ и деятельности групп, относимых к медиасообществу: место обличительной публицистики заняли шоу и политреклам, провозвестники перемен вытеснены цинично-технологическими манипуляторами новой формации.

При отсутствии «госпартийной» монополии на кадровую политику чиновникам околоставных структур (свите, службе) приходится дилетантски, «вручную» распределять привилегии и тумачи во всех углах государственного хозяйства, в том числе и по отношению к элитарным группам. Как и в «добрые» старые времена, жесты внимания и адресные подачки одним сочетаются с усилением контроля над всеми, а также с установками на практическую (согласно новейшей моде — и на экономическую) эффективность. Наглядный показатель унижительного презрения власть держащих к «высоколобым» — использование их в составе декоративных прикрытий (например, «Общественной» палаты).

Вряд ли можно сегодня — и в обозримом будущем — ждать сенсационных поворотов в настроениях элитарных (как и прочих) групп российского общества. Повторно вступить в бурный поток «перестроечных» надежд никому не удастся. (Условного «нового Хрущева» ждали 20 лет, «нового Горбачева» как будто не ждет никто.) Факторами изменения обстановки могут стать эрозия нынешних массовых надежд, исчерпание материальных и моральных ресурсов существующей расстановки общественных сил. обстоятельное изучение динамики общественных настроений важно для понимания тенденций назревающих перемен и готовности к ним различных социальных групп.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОБЛЕМАТИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

К уточнению задачи

В основе книги — анализ эмпирических данных трех волн экспертного опроса, который был проведен сотрудниками Аналитического центра Юрия Левады по заказу Фонда «Либеральная миссия» в 2005–2006 гг. Работа такого характера, объема и сложности была предпринята Центром впервые. Вместе с тем мы имели возможность опираться на огромный массив данных как массового, так и экспертного характера, полученных в наших опросах 1989–2006 годов, — и опубликованных, и хранящихся в нашей базе, использовать наблюдения и обобщения, сделанные при осмыслении этого массива прежде. Многие из таких материалов и соображений по их поводу далее широко привлекаются в разных разделах книги.

Исходные посылки исследования, сформулированные перед рабочей группой в качестве гипотез, которые предстояло либо подтвердить, либо опровергнуть, можно изложить так: установление фактически бесконтрольной власти президента сделало проблематичными и неясными любые перспективы развития страны, еще несколько лет назад, казалось, идущей по тому же пути модернизации, по которому уже прошли страны Восточной и Центральной Европы. Неудача трансформации закрытого и репрессивного общества, каким представляла перед глазами социолога постсоветская Россия в конце 1980-х — начале 1990-х гг., в открытое общество с правовыми институтами, динамичной и конкурентной экономикой, с представительской демократией и т. п., породила широко распространенные настроения уныния, цинизма и безнадежности. Сомнения в том, что Путин по окончании второго срока своего президентства уйдет, не только не рассеялись после всех его заверений о том, что он не намерен нарушать Конституцию, а скорее окрепли, в том числе из-за ясного понимания того, что даже если он уйдет, то это уже не изменит характера сложившегося режима, который возглавит и сохранит назначенный им преемник. Высокий рейтинг доверия и одобрения его деятельности, благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура заставляли считать, что любые социальные напряжения и протестные движения могут быть без особого труда нейтрализованы, а сам режим этого рода, подавив оппозицию и восстановив контрольно-репрессивные органы управления массами, может существовать неопределенно долго, пока окончательно не обнаружится, что сложившееся полицейское государство стало причиной полнейшей деградации страны, ее внутреннего разложения и краха, из которых она уже не в состоянии выбраться. Нельзя сказать, что этой опасности никто не осознает — напротив, и среди части высокопоставленных политиков, и среди некоторых топ-менед-

жеров такой футуристический сценарий представляется весьма вероятным. Он обсуждается в некоторых столичных изданиях, в научных и культурных кругах, хотя сферу распространения подобных настроений оценить довольно трудно.

Иначе говоря, если народу Владимир Путин нравится, то элита в нем уже разочаровалась. Конкретные причины разочарования и недовольства могут быть самыми разными, но все они сводятся к пониманию тупиковости и опасности для страны проводимой президентом авторитарной политики, ведущей к социальной и экономической стагнации, административному произволу, распространению коррупции, международной изоляции. Первоначальные надежды на него как на лидера, способного завершить переходный этап от коммунизма к современному обществу, провести модернизацию России, оказались несостоятельными. Поэтому элита — группа, обладающая чувством ответственности за положение дел в стране, ее будущее, не хочет его поддерживать, но пока не в состоянии найти ему замену.

Напротив, население, массы видят в Путине человека, способного реализовать их надежды на лучшую жизнь — более обеспеченную, спокойную, предсказуемую, с ясными перспективами экономического развития и роста благосостояния. Президент Путин, согласно данным социологических опросов, оказывается воплощением массовых иллюзий, социальных ожиданий «правильной политики государства». Кроме того, в глазах народа он защитник традиционных идеальных коллективных представлений о великой стране, лидер, восстанавливающий авторитет России на международной арене, который был утрачен за годы ельцинского правления. Это гарант стабильности, политик, борющийся с «олигархами», расхищающими богатства страны, из-за чего население не может подняться на ноги и выйти из состояния хронической и унижительной бедности. Именно так обычно объясняется высокий уровень массового доверия к нему, одобрения его в качестве президента страны. Путин нравится значительному числу людей, они ценят в нем его решительность, энергичность, умение говорить.

Этому объяснению не противоречат и кажущиеся на первый взгляд принципиально иными версии высокого массового рейтинга президента, опирающиеся на два допущения. Первое: даже если «Путин и не сделал ничего полезного людям», то это не оттого, что он плох сам по себе, а оттого, что ему «мешали». Второе: от Путина следует ожидать меньше вреда, чем от какого-то другого из политиков, во всяком случае, от него было меньше вреда, чем от прежних правителей (Ельцина, Горбачева). Таково массовое отношение к Путину.

Если следовать основным посылкам исследовательского проекта, то настроения элиты можно описать так: эта более продвинутая, образованная, политически ангажированная и ответственная часть населения озабочена тем, что

реформы в стране застопорились, что меры по укреплению властной вертикали свелись лишь к подавлению самостоятельности местных и региональных властей, уничтожению любых независимых источников общественного влияния и авторитета, усилению влияния репрессивных и «силовых» структур. За шесть лет путинского правления те начатки демократии (многопартийность, свобода слова) и правового государства, которые были провозглашены в 1991–1993 гг. и рассматривались как главное достижение постсоветской России, были уничтожены, парламент выхолощен и низведен до дегенеративного состояния собрания отраслевых или региональных лоббистов, упразднена независимость не только СМИ, утративших функции информирования и критического анализа текущей политики, но и судебной власти. Сознывая, что власть в стране все в большей степени оказывается сосредоточена в руках отдельного клана или теневой группировки, что усиливается авторитаризм, предлагающий лишь одну программу политического развития — превращение России в «сырьевую империю», элита, как предполагается, все более негативно оценивает сложившийся при Путине политический порядок и все отчетливее видит в авторитарно-полицейском режиме препятствие национальному развитию.

Отсюда, если следовать исходным посылкам, делается вывод: с течением времени путинская модель социально-политического устройства страны будет отторгаться все большим числом самых активных и ресурсобеспеченных групп. Это в свою очередь вызовет новый рост политической оппозиции и сопротивления режиму со стороны бизнеса, общественных движений, гражданского общества, если не появление новых либеральных партий, то восстановление потенциала поддержки прежних, общее оживление политических дискуссий в стране, мобилизацию демократических сил и их победу на выборах (разумеется, с учетом правильно организованной избирательной кампании). Другими словами, речь идет об оценке сегодняшнего потенциала модернизации страны, стратегиях и ресурсах демократического развития, ценностях и представлениях, характеризующих возможности интенсивного, инновационного развития, сближения России с европейскими странами, завершения тех процессов, которые вызвали начало краха и попытки реформирования советской тоталитарной системы в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Соответственно, можно сделать три предположения.

Первое: элита подстраивается под нынешнюю политику президента и его ближайшего окружения, обеспечивая традиционный для России путь авторитарно-бюрократической, номенклатурной модернизации.

Второе: административный произвол фактически ведет к разложению и устранению элиты с политического поля, из публичной сферы в целом.

Третье: сверхцентрализация власти и усиление государственного контроля над всеми сферами общественной жизни вызовет внутреннюю консолидацию

элитарных групп, озабоченных проблемами модернизации и европеизации страны, их отказ власти в социальной поддержке и нарастающее сопротивление проводимому сегодня авторитарному курсу.

Прежде чем ставить задачи по операционализации исходных гипотез, мы считаем необходимым рассмотреть сами ценностные, идеологические и социальные послышки гипотезы. Сюда входят интуитивные представления об элите, ее роли в обществе, отношениях элиты и власти, о сфере политических значений (политике), структуре социума и потенциале его изменения, распространенные среди образованных россиян. Представления такого рода, обеспечивающие статусно-групповую идентификацию, очень слабо рационализированы, поэтому их объективация — всегда продукт определенной аналитической реконструкции.

Исходная постановка проблемы: идеологические импликации

Начнем со стоящих за исходной гипотезой представлений об обществе, его государственно-политической системе, с тем чтобы от них прийти к определению или характеристике понятия «элита», его нормативным (рецептурным) и описательным элементам.

Первая посылка: общество, в данной картине реальности, представляет собой довольно косную, пассивную среду. Ее организация сводится к властно-государственному аппарату управления, режим которого может существенно различаться, но в любом варианте власть мыслится как самодостаточная. Основания ее легитимации могут варьироваться от традиционного самодержавия, коммунистической идеологии, великодержавности до эклектического национализма или простого административного произвола, практически не обремененного поисками идеологического прикрытия. Лишенное собственных импульсов развития, это общество подчинено интересам властной верхушки и целям ее политики. Эти цели могут быть идеологическими, амбициозно-великодержавными, военно-модернизационными, а могут ограничиваться попросту сохранением существующей власти.

Вторая посылка: характер развития общества зависит от идеологии, легитимности и интересов властной группировки — от того, как она определяет направление национального развития и структуру организации всего целого. Неясным при этом остается следующее: сама ли власть вырабатывает собственные цели и легитимационную легенду либо она в этом полностью или частично зависит от элиты, которая эту легенду формулирует и оформляет, вносит представление о целях в сознание руководства страны, а по мере укоренения там этих идей создает условия и механизмы для массового их усвоения, признания власти как законного источника авторитета и руководящей си-

лы, ведущей население к лучшему будущему или обеспечивающей избавление страны от угрожающих ей опасностей? В любом случае, модель модернизации видится как традиционно российский путь «реформ сверху», то есть как авторитарная модернизация, а сами базовые модели социально-исторического процесса укладываются в общую композицию «власть–интеллигенция–народ». Никаких других понятий о «движущих силах» при этом не возникает. Дилемма заключается лишь в том, как мыслить себе элиту: как обслуживающую власть прослойку специалистов или как силу, чья самоидентификация предполагает просвещение и гуманизацию власти и народа, как агента европейских ценностей и идей, прав человека и современных представлений о праве, государстве, представительной системе, рыночной экономике.

Третья посылка (практически неразвернутая): элита — это проекция власти «без власти», носитель морального и культурного авторитета, но без доступа к средствам управления и принуждения масс. Основное предназначение элиты в этом смысловом плане — изменение структуры «непросвещенной» власти на просвещенную, современную, европеизированную, эффективную. Идеал — сильное, но «доброе», «либеральное» («ориентированное на человека», предназначенное для человека, «правовое») государство, однако вместе с тем — «великая держава». Скрытая ловушка, заключающаяся в этой посылке и развернутая уже в последнее время (годы второго правления Ельцина, а потом Путина), состоит в том, что реформы и модернизация оказываются лишь предлогом, идеологической посылкой легитимации прихода группировки к власти, после чего реформы заканчиваются, а «новый» режим повторяет все принципиальные черты старого.

Соответственно, перед исследователями встает задача: как исходя из сказанного определить, что же такое в данном контексте элита? Для того чтобы точнее определить семантическое поле представлений об элите, с социологической точки зрения совершенно недостаточно перебрать те или иные словарные определения данного понятия — дефиниции классиков, введших этот термин (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс), или их позднейших интерпретаторов (Ч.Р. Миллс, Т. Боттомор, В. Цапф и множество других)¹, свести статьи из соответствующих словарей и энциклопедий и выбрать наиболее адекватную формулировку, как это обычно делают российские авторы, пишущие о проблемах элиты. Необходимо указать, когда и кем, в каких обстоятельствах, для чего, в полемике с кем вводится данное понятие, имеет ли оно чисто инструментальное назначение либо играет идеологическую, ценностную или какую-то иную роль.

¹ Основные социологические концепции элиты сведены на нынешний день в обобщающих западных работах, например: *Coenen-Huther J. Sociologie des élites*. P.: Armand Colin, 2004; *Hartmann M. Elitesoziologie. Eine Einführung*. Frankfurt am Main; New York: Campus, 2004.

Элита: некоторые аналитические подходы к интерпретации понятия

Современное понятие «элита» как самостоятельный описательный или объясняющий термин стало выделяться из неопределенных и аморфных контекстов, из различных предметных словоупотреблений, фиксирующих обстоятельства социальной селекции людей, образцов их поведения (аграрных, историографических, искусствоведческих метафор), в европейской ситуации Нового времени, когда традиционные способы сохранения или поддержания правящего, господствующего меньшинства, сословия, привилегированного слоя, замкнутой группы, касты или корпорации, связанные с особыми предписанными либо закрепленными качествами происхождения, богатства, занятий (воинских, судейских, торговых, религиозных) и знаний, «мудрости», стали меняться на принципиально другие, предполагающие отбор по квалификационным признакам «достижения», производительности, эффективности². Это означало трансформацию закрытого иерархического социума и господствующего слоя в виде аристократии, патрициата с наследуемыми социальными позициями и ролями в открытое общество плюралистической массовой демократии и рыночной экономики, где статус и достоинство индивида измеряется общественным или государственным признанием, сертификацией качества и ценности его достижений (заслуг, успехов, приобретенного им лично законным образом богатства), авторитета в политической сфере. Изменения подобного рода предполагают слом или разложение закрытого общества, возникновение институциональных структур индустриальной и постиндустриальной экономики, а также связанных с ними новых каналов социальной мобильности, представительства, публичности и критики, интенсивные процессы массовизации, появление новых сфер занятости, институтов образования, коммуникаций, управления, основанного уже не на признании тех или иных достоинств или добродетелей, передающихся по наследству либо воспитываемых в среде закрытых групп и меньшинств, а на универсальных знаниях, доступных — благодаря образованию, библиотекам, информационным каналам — в принципе всем членам сообщества (реальное достижение подобной всеобщности — вопрос времени, но он актуален, внесен в повестку дня).

Появление самой темы, или проблемы, элиты в социологическом смысле свидетельствует о том, что важнейшие социокультурные функции: *символическая* (выработка ценностей и их репрезентация, смыслополагание), то есть деятельность по осмыслению или наделение значением тех или иных явлений, областей социальной жизни, *интегративная* (мораль, поддержание общих

² См.: Schluchter W. Der Elitebegriff als soziologische Kategorie // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1963. Jg. H. 1. S. 233–256.

ценностей, норм и правил) и *целеполагания* (политики, управления) — перестали быть жестко связанными с прежними, традиционными группами или институтами, ранее обеспечивавшими их выполнение³. Если говорить в более строгих терминах, они утратили аскриптивный характер безусловной и неразрывной связи вида деятельности и деятеля, перестали быть принадлежностью какого-то одного сословия, цеха или статуса. Ни монархия, ни аристократия, ни духовенство уже не могут быть безоговорочными представителями соответствующих авторитетных инстанций и деятельности, не могут даже претендовать на монопольное их представительство. То, что считается значимым, важным или полезным (ценностным) в «современных», то есть плюралистических, открытых обществах, признается таковым только в результате соответствующих процедур и механизмов гратификации, в открытой конкуренции, публичном подтверждении и признании, что, в свою очередь, становится основанием высокого социального положения, признаваемого в качестве значимого и важного именно благодаря таким достижениям — потому что оно потенциально достижимо и реально достигнуто. Иначе говоря, накопленные таким образом символические и материальные ресурсы (аккумулированные «гратификации») в открытых обществах становятся значимым фактором социальной стратификации, социальный порядок которой признается обществом в качестве справедливого и общепринятого, морально одобряемого.

Поэтому центральный момент в социологической проблематике элиты — это соединение вопросов о механизмах социального подъема (публичной, политической, государственной или управленческой карьеры), а значит — оценки достижения (эффективности, продуктивности, качества действия в той или иной сфере), становящейся основанием для признания *политической роли* со-

³ В специальной литературе, особенно исторической, иногда говорят о традиционных элитах, например сословных. Это замкнутые привилегированные группы, целиком определенные их социальным положением: скажем, в старом Китае они были близки к правящей бюрократии (чиновничеству) или даже составляли ее. Элита же, вносящая новые образцы, инновационная элита — феномен дифференцирующегося, массивизирующегося общества (основных подсистем действия), особенно значимый на первых стадиях его модернизации, о ней как идеально-типической категории мы и будем в основном дальше говорить. Стоит отметить, что миссионерское самоопределение первых элит, идеология «единственной элиты» со временем сходят на нет. Перенос центра тяжести социологических и политологических исследований последних десятилетий на политическую культуру, движения участия, другие формы инициатив и самоорганизации общества, социальные сети и т.д. свидетельствует, среди прочего, об ослаблении ценностной (идеологической) нагрузки и аналитического потенциала исходной дихотомии «элита/масса». Это обстоятельство заставляет западных ученых заново поставить вопрос о роли элиты в условиях развитой демократии (см., например: *Bachrach P.* Die Theorie demokratischer Elitenherrschaft. Frankfurt am Main: Europäische Verl., 1967; «Demokratische» Elitenherrschaft. Traditionsbestände eines Sozialwissenschaftlichen Problems / Hg. Von W. Rörich. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1975; *Heinich N.* L'Elite artiste. Excellence et singularité en régime démocratique. Paris: Gallimard, 2005; *Herwig M.* Eliten in einer egalitären Welt. Berlin: WJS-Verlag, 2005). Заро радикалы интеллигентского миссионерства и изоляционистская дихотомия «элита/масса» цепко и надолго удерживаются в странах «запоздалой», или «отсроченной», модернизации, в самодентификации, обиходе и дискурсе их продвинутых групп.

ответствующих индивидов, с вопросами о способности этих персонажей к участию в публичной, открытой политике, преследующей общезначимые цели. Наличие общественного согласия относительно достоинства кандидатов (их порядочности, морального авторитета в обществе, их чувства справедливости) является неременным условием квалификации их в качестве людей, способных к определению стратегии или целей национальной политики. Особую трудность при анализе механизмов отбора кандидатов в элиту представляют обстоятельства соединения трех планов оценки, которыми определяется публичная репутация:

а) значимость культурных ценностей, придающих те или иные значения поведению кандидатов в элиту; это могут быть особые идеологические установки, моральные или религиозные взгляды, этнические, эстетические, исторические и тому подобные предпочтения;

б) функциональные требования квалификации (императив — быть лучшим в своей области: специалистом, экспертом, лидером, авторитетом, короче, образцом в своем деле, на который ориентируются другие);

в) обоснованность претензий или прав на общественно-политическое представительство и авторитет, которые становятся основанием для социального признания индивида в качестве публичного деятеля; если в доэлитную эпоху такими основаниями служили подразумеваемые значения социальных позиций (статус в иерархической системе или значимость фиксированных институциональных ролей), то в современных обществах «аскриптивность» этих прав, привилегий или претензий сменяется «достижительски-ми», то есть приобретаемыми, заслуживаемыми качествами индивида.

Тем самым индивиду предоставляется возможность, своего рода «пропуск», для участия в конкурсе лидеров, претендующих на представительство всего целого (страны, общества, отдельных социально-культурных групп — этнических, профессиональных, территориальных, религиозных, идеологических, возрастных и т.п.), но выдвигаемых соответствующими организациями массовой поддержки — партиями, общественными движениями либо же кооптируемых непосредственно во власть через исполнительные органы.

«Элитой можно считать такую социальную группу, которая, во-первых, обладает некоторым уникальным социально значимым ресурсом — властью, культурным потенциалом (сакральное, затем рационализированное знание, оперирование символическими структурами — «языками» культуры), профессиональным опытом и пр. Во-вторых, элита способна реализовать этот потенциал для поддержания нормативных образцов, символических структур и опорных социальных «узлов» данной общественной системы. И в-третьих, она обеспечивает хранение и «воспроизводство» своего ресурса из поколения в поколение. Это значит, что не всякая группа носителей уни-

кального ресурса (власти, культуры) может исполнять функции элиты в строгом смысле»⁴.

Таким образом, социологические теории и эмпирические исследования элиты должны принимать во внимание четыре плана рассмотрения: систему властных отношений (механизмы господства и управления); ценностно-символический характер репрезентации коллективного целого или той группы, которая претендует на данную представительскую роль (общества, власти, «народа»); институциональные механизмы, с помощью которых организована сертификация достигнутой квалификации и самих процедур достижения (господство «менеджеров», функционеров, бюрократии, система специализированного признания, которая по сути своей не может быть общедоступной); систему вертикальной мобильности и социальной структуры, общественно-политического представительства. Иначе говоря, сложность проблематики элиты в открытых обществах заключается в том, что понятие элиты сочетает или соединяет разнородные критерии для выдвижения в «группу принимающих решения», то есть включает в себя все четыре плана образования и институционализации правящей группы, не говоря уже об истории образования самой проблематики элиты.

Важнейший социологический признак элиты — ее открытость, то есть публичный характер оценки и сертификации кандидатов, квалификации их деятельности, доходов, моральных характеристик (честность, умеренность, порядочность). А это означает систематическую связь элит со всеми другими социальными институтами, функционирующими независимо от власти и ее механизмов. Элиты институционализированы или, по крайней мере, тесно связаны с основными институтами социума (в этом смысле парижская богема XIX в., советское или восточноевропейское диссидентство, нью-йоркский контркультурный андерграунд 1960-х гг. или «вторая культура» в СССР брежневской эпохи *не относятся* к элите). Воплощенные в ведущих институтах ценности и значения фиксируют основные ориентиры общества, а потому общество в виде элиты — через системы отбора, квалификации, признания, вознаграждения — концентрирует и подтверждает эти ценности, поддерживает дух общества. Элита, а вернее, элиты не могут возникать и функционировать без конкурентной системы образования, конкурсной практики занятия ключевых позиций и должностей в общественной, экономической и государственной службе (что не отменяет чисто бюрократического характера продвижения по службе), которая проходит под контролем «общественности» (СМИ, организаций гражданского общества), опирающихся на суд и политические партии. Или иначе: принципы и механизмы

⁴ Левада Ю.А. Еще раз о проблеме социальной элиты // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 269.

формирования элиты представляют собой разные формы контроля общества над властью, своего рода «страховку» от монополизации властью центральных функций системы и тем самым от их выхолащивания и последующей деградации системы, теряющей вариативность политики, информационное обеспечение, оперативность и гибкость в принятии решений. Сам феномен элиты возникает только при соответствующей дифференциации ветвей власти, наличии различных механизмов вхождения во власть — публичных (через СМИ, партийную деятельность, профсоюзы, муниципальную и региональную деятельность, университеты) и внутрикорпоративных (бюрократических, управленческих).

Структура элиты полностью обусловлена характером конституции социума — власти, государства и общества. Бессмысленно рассчитывать на то, что элита будет выполнять функции целеполагания, задания образца, что она будет «прогрессивной» и «модернизированной», если в самом обществе нет условий для структурно-функциональной дифференциации, институциональной и групповой автономии, обеспечения независимости личности от государства, церкви или других институтов — армии, системы родства или кланов и т.п.

Продуктивность, эффективность и независимость элиты возможны лишь в ситуации разнообразия групповой структуры общества и спроса с его стороны на соответствующую высокоспециализированную или рефлексивную деятельность (выработка и введение новых образцов, рационализация тех или иных аспектов социального существования, передача знания, выработка политических решений, управление). Только в этом случае — при наличии соответствующей «аудитории», к которой может адресоваться элита, системы коммуникаций и рефлексивного анализа или дискуссии по поводу того, что считается элитарным продуктом или действием, соответственно, источников гратификации (включая финансовую поддержку и вознаграждение, обеспечение) — становятся возможными само ее существование, функционирование, автономность как особой группы или социальной подсистемы. Это значит, что индикатором «элитности» может служить разнообразие структуры коммуникаций, независимых от государства, отделяющихся, эмансипирующихся, живущих работой на негосударственных партнеров (и на их средства), финансируемых бизнесом, партиями, фондами, зарубежными партнерами — университетами, исследовательскими корпорациями, общественными организациями. Увеличение или, напротив, сокращение диапазона многообразия может служить, таким образом, мерой потенциала элиты или элит.

Специфика элиты заключается в способности сочетать разные (именно *разные*) профессиональные ресурсы знаний и квалификации, компетенции, точек зрения, необходимые для выработки политических решений, предлага-

емых определенной группировкой руководства. Элита в этом смысле — один из элементов открытой системы выработки политических стратегий, но не самой электоральной демократии. Она легко уступает место «диктатуре менеджеров», технократов, теряя тем самым специфические свойства кумулятивности усилий и компетентности. Это происходит лишь в одном случае — при ослаблении критики и контроля над менеджерами одного клана или группировки со стороны других элит или публичных акторов, появлении элементов закрытости правящей группы, непрозрачности самого характера принятия решений.

Эффективность элиты заключается, помимо прочего, еще и в том, что она обеспечивает координацию различных авторитетных групп в обществе, а соответственно — в состоянии учитывать разные группы интересов. Собственно, именно рекрутирование кандидатов по функциональным признакам из *разных групп* и обеспечивает этот механизм связями и компетенциями. Напротив, закрытая или полужакрытая структура, предполагающая жесткий диктат интересов лишь одной группы — той, что в настоящий момент стоит у власти, — нейтрализует или разрывает связи такого рода.

Подытожим и еще раз отметим, что определения элиты, при всех различиях, включают:

- 1) *статусные характеристики* (представители элиты занимают высокие, выше среднего, социальные позиции);
- 2) *функциональные характеристики* (максимально эффективное или образцовое выполнение социальных или культурных функций, причем речь идет не только о господстве, авторитете, общепризнанном праве принятия решения и массовом управлении, но и о деятельности, предполагающей задание самого образца, — смыслополагании, поддержании целостности общества путем утверждения общих моральных представлений и правовых норм);
- 3) *коммуникативные характеристики* (поддержание солидарности в обществе посредством общих моделей поведения и общезначимых конструкций реальности: искусство, мода, СМИ).

Назначение элиты — быть «репрезентативным обществом», моделью целого в массивизирующемся социуме, целого, взятого в своих наивысших (или признанных на данный момент высшими) достижениях, и исходя из этого определять политический курс государства. Поэтому к важнейшим задачам элиты относится формулировка целей общества, приоритетов развития, общих задач (отсюда — социальная роль соответствующих организаций в обществе).

Такова модель элиты в идеальном (не в смысле — наилучшем, а в смысле — чистом, умозрительном, идеально-типическом) обществе. Эта модель нужна лишь для того, чтобы понять те общие условия, в которых возникают

сложные системы, управляемые, среди прочего, и элитой, а значит и осознавать сами условия, в которых формируются элиты, в которых они терпеливо «выращиваются»⁵.

Понятие «элита» в российской ситуации

В отечественных дискуссиях понятие «элита» стало появляться не ранее конца 1980-х гг., уже на последних фазах перестройки, когда обнаружился раскол компартии и в ее руководстве выделились реформистское и реакционное крылья. Становилось ясно, что приближается крах КПСС, а значит необходимо определить перспективы реформ, их характер, «движущие силы», потенциал поддержки в обществе.

В советское время слово «элита» было окрашено крайне негативно. Надзирателями от идеологии оно воспринималось нервно, поскольку резко контрастировало с партийно-популистской демагогией. С одной стороны, теория элит как бы отрицала идею классовой борьбы (что в принципе неверно), с другой — наводила на мысль о том, что партийно-советская верхушка и есть самодостаточная и утратившая революционно-идеологический потенциал «элита». В любом случае, подрывался формальный пропагандистский тезис, будто советская власть — это власть *трудящихся* под руководством компартии. Использование понятия «элита» как бы намекало или указывало на потенциально конкурентные группы или альтернативные принципы образования «политического класса» — по каким-то особым достоинствам (аристократичность, интеллектуальное превосходство, функциональные достижения). По закону перевертывания знака в ситуации общественного перелома и коллапса СССР именно эти неразвернутые значения стали опорными для выбора слова «элита» в качестве обозначения «прогрессивных сил» российского общества в противопоставлении компартии и ее претензиям на власть. Однако следует признать, что на тот момент подобное словоупотребление встречалось лишь в единичных случаях.

Как само собой разумеющееся понятие, не требующее дополнительных пояснений или определений, слово «элита» (в значении группы новых лидеров, способных обновить страну, а также их опоры в самых активных социальных

⁵ Об элитах в характерной социально-исторической ситуации стран Центральной и Восточной Европы на выходе из тоталитарных режимов, особенно интересной и важной в контексте нашего исследования, см.: Хоффман-Ланге У. Элиты и демократизация: германский опыт // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 50–57; Edinger L.J. Post-Totalitarian Leadership: Elites in the German Federal Republic // American Political Science Review. 1960. Jg. 54. P. 58–82; Elites in Transition. Elite Research in Central and Eastern Europe / Best H., Becker U., eds. Opladen: Leske + Budrich, 1997; Higley J. Elites After State Socialism: Theories and Analysis. Lanham: Rowman & Littlefield, 2000.

слоях общества, чуть позднее — нового политического класса) стало входить в политический жаргон позже, уже после отставки правительства младореформаторов, при постепенном вытеснении из высшего руководства «некондиционных» фигур, выступавших с идеями дальнейшей радикализации реформ и преобразования страны по образцам европейских государств. Потребность в подобном слове стала особенно ощущаться именно тогда, когда Ельцин, меняя состав своей команды, все сильнее делал упор на «умеренных» и проверенных в прошлом номенклатурных кадрах консервативного толка, не грозивших его власти риском каких-то идеологически окрашенных авантюр и радикальных экспериментов. Именно тогда, не раньше середины 1990-х гг., возник спрос на социальные категории, которые бы указывали на факторы устойчивости реформационного курса политики, но в то же время не содержали признаков зависимости от личных интересов и прихоти правителя, то есть создавали бы впечатление объективности изменений в стране, придавали наблюдателю чувство уверенности и детерминированности смысла происходящих событий. Такое чувство объективной правильности происходящего могло появиться лишь с указанием на социальные группы, являющиеся носителями этих изменений, жизненно заинтересованные в них.

В это время и возникают первые конструкции «философии российских реформ» Е. Гайдара, В. Мау, С. Синельникова-Мурылева и других, интерпретирующие российские события, как правило, в духе экономического детерминизма и на фоне крупноформатных исторических сопоставлений. «Элита» в этом плане стала приобретать черты размытого и трудноопределимого слоя чиновничества, федерального и регионального, околоставных кругов высококвалифицированных специалистов, высшей или как минимум средней бюрократии, крупного и среднего бизнеса, завязанных на власть или тесно с ней сотрудничающих, политически ангажированных ученых, включенных в различного рода общественные ассоциации и фонды (как государственные, так и неправительственные, финансируемые из-за рубежа или крупными корпорациями), журналистов, публичных интеллектуалов (писателей, артистов, имиджмейкеров, ньюсмейкеров), университетской профессуры, выступающей в качестве экспертов или комментаторов по разного рода вопросам, имеющим политическое значение (от экологии до национальных отношений, от здравоохранения и демографии до морали или отношений с другими странами). Тем самым понятие «элита» в данном контексте (в соответствии с внутренним заданием) подразумевало в первую очередь не функции, которые выполняют или должны были бы выполнять перечисленные выше социальные группы, а предметные социальные характеристики, социально-таксономические признаки групп, которые можно было бы уподобить «элите» или назначать на роль «элиты».

Помимо таких признаков, как *высокий социальный статус*, определяемый исключительно по отношению к власти (ранг в бюрократической системе или

мера влияния в ней), как *образование, компетенция, ресурсы влияния* на власть (или ее осуществление, реализация властных полномочий, массового управления), сюда неявно включались также определенные идеологические представления. Суть этих последних можно описать как наличие «*государственно-национальной озабоченности*» положением страны (в том числе в ряду других стран), утверждением ее авторитета, усилением промышленно-экономического и военного потенциала, который в этом контексте отождествлялся с курсом на «модернизацию» страны⁶.

Семантика понятия «элита» в российском словоупотреблении не имеет непосредственного отношения к *социальной структуре*. Постсоветская элита — не аристократия, не знать, не благородное сословие, в этом смысле она лишена черт сословия, касты, института или определенной социальной группы с ясными признаками групповой принадлежности, группообразования⁷. Но отношение к элите в данном контексте не имеет отношения и к *продуктивности, оригинальности или образцовости достижений*. Постсоветская элита лишена свойств меритократии — это не научная или спортивная элита, не героическое предпринимательство в духе Форда, Макдональдса или Гейтса. Она не имеет отношения и к задачам *символической репрезентации ценностей* всего целого. Это не политические трибуны и демагоги, любимцы толпы, пламенные ораторы и партийные лидеры в духе Муссолини или Черчилля, как и не религиозные деятели, моралисты и этические философы вроде папы Иоанна-Павла II, Мартина Лютера Кинга или Фиделя Кастро, Альберта Швейцера или матери Терезы, Камю или Сартра.

Слово или ярлык «элита» в этом контексте стали использовать набирающие силу политические манипуляторы, политтехнологи, пиарщики, менеджеры избирательных кампаний, политконсультанты, близкие к ним управленцы новых массовых медиа (прежде всего двух первых каналов телевидения). Введение этой заимствованной из языка западных политических наук категории служило удовлетворению двух внутренних потребностей новой профессиональной группы. Во-первых, полагало или утверждало существование «политического класса», мыслимого в качестве объекта воздействия политтехнологов и политологов, непосредственно связанных с властью, проводников ее интересов в среде, считающейся влиятельной и авторитетной, в отличие от неполитической массы, которой вменялись лишь свойства манипулируе-

⁶ Под этим подразумевается не «вестернизация», то есть усвоение западных ценностей, политической и правовой, гражданской культуры, предполагающей социокультурную дифференциацию, разделение ответственности, эмансипацию общества от государства, дестатизацию и т.п., а скорее восстановление утраченного статуса великой державы, промышленной мощи страны, позволяющей претендовать на определенную роль в мировой политике. Производным от этого мыслится и более высокий жизненный уровень населения.

⁷ В отличие от перечисленных групп или от «номенклатуры» понятие «элита» не содержит никаких признаков правовой регуляции, не закреплено какими-либо юридическими определениями.

мости, управляемости, но не активности («электорат» или, еще циничнее, «пипл»). У «массы» тем самым отрицались ее собственные интересы, она не обладала качествами разнородности, самодостаточности и пр. Во-вторых, само существование «политического класса» («элиты») делало осмысленной и оправданной работу политтехнологов, а значит их существование, потребность для власти. Именно с середины 1990-х гг. (в ходе первой профессионально организованной компании по выборам в Думу, но в особенности — выборов президента в 1996 г.) во множестве, как грибы после дождя, стали возникать многочисленные институты стратегического анализа, экспертизы, эффективной политики, национального анализа, политического консультирования, пиара и т.п. Причастность к «элите» в подобном понимании, в трактовке данной заинтересованной группы, подразумевало два важнейших качества: лояльность власти или оппозиция ей, а также способность влиять на «общественное мнение», обладание некоторым потенциалом для массовой мобилизации.

Другими словами, конструкция «элита» явилось на тот момент важнейшим продуктом самоидентификации политтехнологов и политологов, результатом деятельности специализированных групп, обслуживающих власть или ее потенциальных конкурентов. Это была сравнительно новая по смыслу социально-политическая категория, отражавшая особенности квазиполитической жизни в посттоталитарном социуме, а именно разложение в нем прежней институциональной системы, в первую очередь организации власти.

Само появление такого умственного образования свидетельствовало об исчерпанности не только прежней идеологии, но и какой-либо новой ее разновидности (безотносительно к характеру политических ориентаций, будь они либеральными, консервативными, социал-демократическими, революционными, националистическими, монархическими, фундаменталистскими), то есть о невозможности (и ненужности) идей в качестве нового мобилизационного потенциала. Внутренний смысл такого политтехнологического понимания «элиты» предполагал, что в настоящем уже нет таких ценностей и идей, идеалов, значимых для общества, таких представлений о будущем (общества или человека), которые могли бы стать сильными мотивациями или нравственными побуждениями к изменению положения вещей, обновлению общества. В таком случае идеология (точнее, отдельные, эклектически соединяемые радикалы любых идеологий, от имперской до рыночной) превращается лишь в инструмент сохранения статус-кво, защиту тех групп, которые уже обладают властью и нуждаются в технологиях удержания масс под контролем.

Собственно, это и происходит с переносом различных ярлыков и понятий западного словаря в российскую риторическую практику, общественно-политический «дискурс». «Элита» попадает сюда одновременно с другими категориями политической легитимации и оформления реальности: «средним классом», «демократией», «суверенитетом», «гражданским обществом», «парла-

ментом» (а не «Думой»), российским «консерватизмом» и тому подобными словами-фикциями. Их назначение примерно то же, что и слов «либерально-демократическая» в названии партии Жириновского, не имеющей прямого отношения ни к либерализму, ни к демократии. В данном смысле и контексте «элита» — понятие со слабым дескриптивным потенциалом. Оно неинструментально и малоинформативно, зато обладает значительным благодаря своей неопределенности идеологическим бэкграундом и ценностными импликациями, широкими возможностями манипулировать различными неконтролируемыми смыслами. Момент «замещения» реальных проблем и явлений российского общества и его истории суррогатными категориями и понятиями очень важен. Эта подмена, с одной стороны, будто бы вписывает российские явления и процессы в общемировой закономерный порядок, делает их «опознаваемыми», «предсказуемыми», конвенциональными⁸, а с другой — узаконивает статус политконсультантов в глазах власти, заказчика и оценщика, подтверждая разумность и правильность действий «верхов», давая им как бы легитимное определение (они такие же, как «там», как «везде»), ставя их в европейский цивилизационный ряд сообществ и государств.

Таким образом, тема «элиты» в России стала подниматься лишь в перестроечные годы и постсоветское время — по двум совершенно разным, можно сказать несовместимым, причинам, мотивам. Поскольку эти мотивы обращения к проблематике «элиты» в реальности были чаще всего перемешаны и слиты воедино, сама проблематика несла на себе отпечаток двойственности, внутренней рассогласованности и конфликтности. (Далее «внутренний» конфликт вышел наружу, так что понятие «элиты» претерпело ряд важных и характерных трансформаций, связанных с переменами в составе, ориентациях, механизмах влияния, символической практике высшей власти.)

Мотивы первого рода были связаны с поиском ответов на важнейшие вопросы о *потенциале модернизации страны, источниках образцов и авторитетов для проведения политики трансформации страны, перехода ее от тоталитарного режима к «современному обществу» и адекватной ему форме демократического, правового государства.* При значительной неопределенности тогдашнего знания о российском обществе (его устройстве, социальной структуре, особенностях массового сознания и поведения, культуре, механизмах поддержки и легитимации власти и пр.), очень важной и трудной задачей было прояснение способности авторитетных групп предложить новые модели

⁸ Конвенциональное употребление, то есть включение в общий ряд мировых событий, описываемых и обсуждаемых в универсальном языке, не равнозначно их осмыслению — это не понимание проблемы, а ее смысловая рутинизация, снимающая остроту и драматичность происходящего, зато позволяющая обсуждать эти явления с зарубежными коллегами, квалифицировать их как очередную фазу закономерных изменений и детерминаций.

развития и устройства общества. Причем не просто предложить, но и убедить в этом ведущие группы и слои населения, а также провести соответствующую политику, обусловленную избранными ценностями и представлениями, реализовать потенциал реформ.

Второй комплекс причин обращения к проблематике «элиты» был связан с абсолютно другими обстоятельствами — *хроническим дефицитом основной авторитетности бюрократии, дезориентированностью значительной части ее среднего и высшего состава и необходимостью смены оснований легитимности*. Отвечая на этот запрос власти, группы ее интеллектуальной obsługi все чаще стали предлагать в качестве декоративного прикрытия и идеологического оформления словарь транзитологии, натягивая на отношения и институты, на посттоталитарную реальность понятийные определения и характеристики «нормальных обществ». Определенная часть бюрократии, включая «реформаторов» и тех, кто их вытеснил, но воспользовался их словарем, как оказалось, была крайне заинтересована в том, чтобы представить нынешнее положение дел как завершенный процесс трансформации, как посткризисную ситуацию, как стабилизацию и социальный подъем. Именно для этого охотно использовался язык и расхожие термины западной политической, экономической и социологической теории. По сути дела, это был процесс социальной мимикрии, перехвата идеологически нагруженных понятий, использование их в самых разных, но отнюдь не дескриптивных или аналитических целях — чисто идеологический процесс образования принудительного консенсуса между властью и частью образованного общества. Здесь слово «элита» играет примерно ту же роль, что и другие, уже перечисленные выше понятия, снимающие различия между западным обществом и западными государствами и российской действительностью. Дескать, все нормально: и там «элита» (совокупность лиц, принимающих решение), и здесь «элита», между ними масса общего, хотя имеются, понятно, и специфические отличия.

В результате вытесняется социально-исторический контекст и сами функциональные различия между правящими группами в разных социальных системах. Дело не в том, что в одном случае представители этих групп окончили Гарвард, Оксфорд или Эколь Нормаль, а в другом — ВПШ или Свердловский политехнический институт. Можно, конечно, уравнивать МГУ и Гейдельберг, Эм-Ай-Ти (Массачусетский технологический институт) и Плешку, Вестпойнт и Академию ФСБ. Однако при этом постулируется тезис, будто *они играют одну и ту же роль в обществе*. Тем самым отрицается историческое прошлое, вся система образования и воспитания соответствующих специалистов, этос бюрократии, но главное — институциональные рамки их деятельности, сами функции, которые они выполняют в структурах принципиально разного типа.

Элита и номенклатура

Социальная эволюция советской номенклатуры заключалась в постепенном относительном уменьшении политического диктата центра, выразившегося в первую очередь в сужении сферы централизованных кадровых перемещений — непосредственного назначения из центра на различные посты и должности высокого и среднего уровня в регионах или народном хозяйстве. К середине 1970-х гг. центр удерживал под своим контролем лишь ключевые позиции — «хозяев» регионов (прежде всего секретарей обкомов⁹) и руководителей отраслей, которые в свою очередь уже сами подбирали — по своему разумению и вкусу, под свои интересы — кадры региональных или отраслевых исполнителей среднего и ниже уровней. Это означало постепенное сокращение контингента «солдат партии», чистых функционеров — проводников политики центрального руководства и увеличение доли управленцев, завязанных на отраслевые или региональные структуры управления и соответствующие корпоративные интересы.

Процесс усиления местных или производственных кланов сопровождался незаметной децентрализацией власти и усилением значимости «сетевых» отношений между различными группами, держателями управленческих ресурсов среднего уровня, которые с легкой руки С. Кордонского и В. Найшуля получили название «административного рынка». Дело, собственно, не в коррупции чиновников и управленцев, хотя эти явления, без сомнения, имели место, и чем дальше — тем больше. Дело в давлении на систему управления интересов управляемого населения или групп работников данной отрасли, что чиновники среднего и низшего уровня так или иначе были вынуждены учитывать, хотя бы для того, чтобы вся система продолжала функционировать после уменьшения объема репрессий или их угрозы. Ослабление террора (мотивация страха и принуждения в структуре мотивации и массового поведения, и поведения бюрократии) лишь отчасти могло компенсироваться действующими материальными стимулами, поскольку их действие было очень незначительным в условиях плановой экономки. В этих случаях сопротивление нижних уровней управления вышестоящим инстанциям принимает вид ограничений, накладываемых соображениями «технической рациональности», компетентных действий персонала, вынужденного учитывать непланируемые последствия принимаемых наверху решений (технологическая кастрация политической «харизмы», если воспользоваться выражением М. Вебера). Рост числа функционеров, пришедших во власть уже с дипломами вузов, то есть получивших образование, даю-

⁹ В конце перестройки, в 1990–1991 гг., с утратой «ведущей роли КПСС», секретари обкомов моментально пересели в кресла председателей облисполкомов (то же произошло и на более низких уровнях управления).

шее сравнительно более широкий кругозор и чуть более независимое от высшей власти понимание происходящего, соответствовал сокращению числа комиссаров, получивших образование во время или после прихода во власть (ВПСШ или технические вузы в соответствующих отраслях). Возрастная и поколенческая ротация кадров (или точнее — их расширенное воспроизводство), в обоих смыслах — и в количественном, и в качественном — влекла за собой медленные, но чрезвычайно важные социально-политические изменения. Значение политических органов (внутренних партийных структур, спецслужб, политической полиции, проверяющей чистоту кадров и их лояльность верхам) ослабевало по мере усложнения задач управления и господства. Партия из «ордена меченосцев» все быстрее превращалась в самоизолирующуюся — из-за снижения уровня компетентности — систему косного догматического или непрофессионального контроля (что в ситуации кризиса конца 1980-х гг. позволило легко удалить эти деградировавшие структуры и образования).

Таким образом, медленный процесс деидеологизации тоталитарного режима сопровождался устойчивым ростом численности чиновничества среднего уровня, более образованного и квалифицированного (в сравнении с политической «головкой» страны, ЦК или министерствами), парализующего идиотизм и авантюризм высшего политического и государственного руководства. Однако сокращение влияния партийных органов на сферу управления незаметно размывало основания легитимации власти, меняло соотношение «мобилизационных» и «гратификационных» составляющих.

В этом процессе, собственно, нет особой уникальности — в каком-то отношении данная закономерность повторилась уже после краха советской системы и «авантюризма реформаторов».

Подобные факторы изменения носят чисто консервативный и системный характер, они никоим образом не способствуют социально-структурной и функциональной дифференциации и появлению представительных органов, которые могли бы сделать систему более эффективной в политическом смысле.

После краха, в ситуации крайней неопределенности, дезориентации номенклатуры высшего и среднего уровня, высокого карьерного и биографического риска открылись каналы мобильности для молодых специалистов, рискнувших заняться делами, которые были вне компетенции предыдущей номенклатуры. Практически все они не удержались в политике (верхнем эшелоне руководства), но, накопив некоторые ресурсы финансово-экономического рода в виде капитала связей и информации, влияния, перешли в ассоциированные с властью управленческие или банковские, финансово-промышленные структуры, оставшись на ролях управляющих новых корпораций или консультантов. Это тип либерального государственника. Все они — вначале полные морального энтузиазма и идеализма («смертники», «камикадзе», по выражению Гайдара, которое сегодня звучит просто смешно) — постепенно проника-

лись важностью «государственных и «национальных интересов», отождествляя их в большой степени со своими интересами и персонами, и соглашались на компромисс со старыми кадрами, образуя то, что Михельс называл «амальгамированием» новой и старой элиты.

В ситуации развала советской номенклатуры и деградации интеллигенции возникали (хотя и с большим трудом, крайне болезненно) первые предпосылки для формирования необходимого разнообразия и институционализации групп, потенциально могущих стать элитой — появились признаки плюралистического общества. Начали работу независимые исследовательские центры, издания, телеканалы, публичные площадки для диалога и обмена идеями, критики, публичной дискуссии, фонды и экспертные сообщества, то, что может быть названо параметрами и предпосылками публичности. Сам факт диверсификации источников информации и экспертизы, соответственно, рекрутирования кадров для власти и управления уже следовало считать чрезвычайно значимым в этом отношении. Однако главную опасность для этого процесса представляло состояние «верхушки»: несмотря на смену кланов и властных группировок в высшем руководстве, сама структура организации власти изменилась очень незначительно. Циркуляция на высших уровнях власти, при всех бросающихся в глаза переменах, шла крайне медленно: с начала перестройки и до конца 90-х гг., по оценкам экспертов, отслеживающих изменения в составе руководства страны, было замещено в целом всего около 20–30% кадрового состава. Ни о какой «революционной» смене состава аппарата власти и властных ресурсов говорить не приходится. В этом одна из причин воспроизводства самодержавного режима правления в России. Скорость замещения падала по мере спуска с самых высоких уровней на средние этажи управления. Изменения такого рода детерминированы не столько изменением системы назначения на должность (кооптирования во власть), сколько чисто возрастными и демографическими причинами¹⁰.

¹⁰ Как пишет О. Крыштановская, анализируя динамику кадрового состава регионального руководства, «анализ политического бэкграунда четырех когорт региональной элиты 1989, 1992, 1997 и 2001 годов показывает, что удельный вес номенклатуры остается до сих пор чрезвычайно высоким. Плавность убывания представителей советской номенклатуры от когорты к когорте свидетельствует о естественном ходе обновления, а вовсе не о приходе совершенно новой группы людей к власти в российских регионах» (*Крыштановская О. Региональная элита и выборы // Региональная элита в современной России. М., Фонд «Либеральная миссия», 2005. С. 128*). «К 2004 году среди губернаторов все еще оставалось 50% тех, кто в свое время работал на номенклатурных должностях» (Там же. С. 141). «...Несмотря на обновление персонального состава губернаторского корпуса, его структурные характеристики изменились незначительно. Региональная элита как была, так и осталась непроницаемой для разночинцев, которые могли попасть на высокие посты исключительно благодаря назначениям из центра, но не путем выборов. Демократические альтернативные выборы, призванные расширить доступ к власти для всех слоев населения, в регионах сыграли иную роль — они практически закрыли доступ в элиту представителям неэлитарных слоев...» (Там же. С. 142). К аналогичным выводам приходит и Р. Туровский: «Выборы последних лет показали заведомую устойчивость губернаторских режимов к попыткам тех или иных бизнес-групп осуществить смену власти. Открытый политический конфликт "номенклатурной" элиты и бизнеса оказывается более редким явлением, чем их альянс» (*Туровский Р. Власть и бизнес в регионах России: современные процессы обновления региональной элиты // Там же. С. 162*).

Учитывая эту скорость кадровой мобильности на высших уровнях управления, близкой к естественному ходу воспроизводства, можно предполагать, что за 12–13 лет в целом высший средний уровень управления («номенклатурный корпус») обновится менее чем на половину, а учитывая устойчивость к изменениям самой структуры власти, опирающейся на совокупность посттоталитарных институтов — политическую полицию, суд, прокуратуру, армию, МВД, систему образования и т.п., приходится делать вывод о том, что характер социально-политического режима не изменится на протяжении еще как минимум двух поколений. Это не означает, что не будет изменений в политической стилистике режимов — каждый раз со сменой первой фигуры кадры будут перетряхиваться, особенно на высших уровнях управления, но сами принципы конституции власти сверху вниз, то есть воспроизводство административного произвола и отсутствие контроля населения над властью, будут сохраняться.

В советское время работа с кадрами предполагала последовательную селекцию кандидатов из провинции в центр, причем каждый из приобретающих вес чиновников, выдвигавшийся на высокую номенклатурную должность, тянул за собой штат сотрудников с предыдущего места работы, доверенных лиц, обеспечивающих ему должностную безопасность. Распад СССР сопровождался номенклатурной турбулентностью, экстраординарными кадровыми назначениями 1990–1993 гг., перестановками, увольнениями и т.п. После отставки первого правительства «реформаторов» началось медленное замещение новопришедших, чья карьера характеризовалась необычайным порядком назначения, вертикальным лифтом, кадрами, прошедшими советскую школу управленческой дрессировки. После 1996 г. принцип формирования «государственной службы», комплектования элиты в какой-то мере восстанавливается, хотя и с заметными отличиями: подбор кадров шел преимущественно уже по кланово-земляческому и чекистскому принципу (питерские и чекистские кадры на все должности).

С приходом Путина и зачисткой информационного и политического пространства диапазон подбора кадров резко сузился, стал восстанавливаться госконтроль не только над составом работников СМИ или руководством политических партий, но и над НКО и другими общественными организациями, стал более жестким министерский контроль над системой образования. В провинциальных университетах и вузах стали оказывать сильнейшее давление на молодых специалистов, преподавателей, аспирантов с целью заставить их если не прекратить, то во всяком случае резко ограничить контакты с нежелательными фондами, партиями и организациями, зарубежными партнерами, возникли трудности с зарубежными поездками и учебой и пр. Бизнес в целом после 2000 г. был вынужден адаптироваться к административному произволу, утратив какие-либо общественно-политические интересы. Соответственно, сокращалось и поле автоном-

ности и продуктивности элиты. Она все сильнее жметя к власти, соразмеряя с предполагаемым мнением последней свои действия и мнения, чаще всего даже выстраивая за нее интерпретационные схемы происходящего (поскольку сама власть явно не способна что-то делать в этом роде). Иначе говоря, проблемы стерилизации потенциальной элиты связаны с невозможностью ее автономности, независимости от власти, отсутствием других механизмов гратификации и признания ее авторитета, нежели власть. А это, в свою очередь, означает фактическую неспособность представителей образованной и продуктивной части населения к выполнению других функций, кроме обслуживания власти, отсутствие других образцов консолидации, кроме номенклатурного и интеллигентского самопонимания. Рассмотрим эти обстоятельства подробнее.

Номенклатура и интеллигенция

Современная российская «элита» образована довольно «экономным» в умственном и культурном отношении образом — путем мысленного соотнесения с двумя конструкциями «избранных начальством» высокостатусных категорий государственных служащих, фракций бюрократии советского времени: *номенклатурой и интеллигенцией*, образ которых сохраняется в памяти нынешних творцов идеологии «элиты». Никакой иной правящей элиты («нового класса», если следовать Джиласу) в тоталитарных системах (государствах-обществах) не было и быть не могло. Еще раз подчеркнем — это не столько «реально существующие», «объективные» морфологические образования, группы или слои, сколько средства понимания, то есть опознания и интерпретации действительности, можно сказать — коллективного конструирования социальной реальности, которыми сегодня располагает российское образованное и политически ангажированное сообщество. Можно с большой долей уверенности полагать, что действительная структура организации власти и ее отношений с массой должна быть гораздо более сложной и многообразной, однако на сегодняшний день это лишь предположение, опирающееся на плохо организованное и несистематизированное эмпирическое множество данных и сведений, полученных из разных источников и разной степени достоверности. Здесь делаются лишь самые первые и очень робкие шаги. Надежных и относительно полных — социальных, политологических или экономических — описаний или аналитических исследований этой предметной области сегодня нет, еще менее удовлетворительным является состояние теоретических разработок данной проблемы. Большинство пишущих на темы российской элиты пользуются заимствованными, чужими категориями и объяснениями, не ставя вопрос об их адекватности и приложимости к российской истории и настоящему.

В рамках программы нашего исследования мы имеем дело — в соответствии с выбранными средствами описания и материалом нашего анализа: структурами общественного мнения, групповыми, коллективными представлениями — с общими, повторяющимися в большом числе случаев взглядами, установками и отношениями людей из окол властных кругов, их оценками происходящего, то есть с действующими смысловыми интерпретациями, носящими характер не столько «истинный» и «адекватный» реальности, сколько практический, оказывающий непосредственное воздействие на поведение этих людей. Но практическими в этом плане могут быть и иллюзии, и предубеждения, и мифологемы, и идеологические убеждения, которые должны учитываться в этом своем качестве точно так же, как и заимствованные из западной литературы «научные» понятия, если они «работают», то есть включаются людьми в способы своего объяснения себя и других и тем самым в мотивации повседневного взаимодействия. Оба понятия, используемые нами в данном случае, принадлежат именно к такому классу конструкций: они реально используются в языке описания и объяснения происходящего сегодня в России. Наша задача в данном случае — лишь прояснить структуру этих семантических комплексов, раз они стали таким важным компонентом идентификации, и их функциональное значение, их роль в социальном конструировании реальности.

Итак, первая группа — «номенклатурные функционеры», важнейшие этапы карьеры которых относятся к советскому времени. Нормы и правила их подъема к власти определены базовыми институциональными механизмами тоталитарного режима (не просто членство в партии, но проявление особой готовности к подчинению, которая отличает кандидатов во «внутреннюю партию»). Эта категория высокопоставленных партийно-хозяйственных управленцев предельно закрыта от общества. Ее черты, структура, функции слабо рационализированы, но в данном случае для нас важен высокий статус приобщенных к номенклатуре, способ рекрутирования и ореол таинственности, характерный для закрытых окол властных групп.

Номенклатура представляет собой закрытую управляющую корпорацию, чей кадровый состав (списки кадрового резерва) образуют специально подобранные или отобранные лица. Номенклатура адаптирует идеологическую догматику применительно к своим корпоративным интересам, хотя сама по себе не в состоянии предложить какие-либо идеи или целевые программы. В советское время этот кадровый состав (партийно-хозяйственный актив управленцев, прошедших школу партийно-комсомольских выдвиженцев, то есть людей, связанных жесткой дисциплиной по отношению к высшим инстанциям, командно-административными методами управления, лояльностью к власти и жесткостью к управляемым, отсутствием или, в лучшем случае, дополнительностью специальной компетенции) позволял контролировать различные

сферы социальной жизни и хозяйства, обеспечивая социальную мобильность для избранных. Вне номенклатуры не остается практически никаких других возможностей или каналов социального продвижения и достижения значимого статуса или социального признания.

Номенклатуру отличает в первую очередь дисциплина (партийная школа выдвинутцев), безоговорочность повиновения и следования требованиям любой текущей кампании. Собственное мнение и интересы в данном случае неважны и незначимы, мнение вышестоящего начальства принимается как свое собственное (это не беспринципность, а принцип организации слоя). Иерархия основана не на предметной или деловой компетенции, а на лояльности вышестоящей власти и особой технологии управления (командно-административном опыте). Такой принцип предполагает

- 1) возможность переброски из одной сферы управления в любую другую;
- 2) быстрый карьерный рост (в сочетании с постоянной угрозой или опасностью репрессий);
- 3) специфические средства управления (жесткость принуждения и бюрократическое согласование, волокита, неэффективность);
- 4) бесконтрольность и безответственность — «освобождение» от юридической ответственности отдельного члена номенклатуры, система корпоративной защиты, установление иерархии уровней ответственности (что допустимо в отношении обычных граждан, то недопустимо в отношении членов номенклатуры, судебные дела подавляются, следствия прекращаются, действует неформальное право и круговая порука, корпоративная солидарность, если только не вступает в действие межведомственная или межклановая конкуренция, в советское время — довольно редкое явление¹¹, в постсоветское — обычная практика, механизм внутреннего разложения);
- 5) освобождение от юридической ответственности, то есть от связи с другими институтами общества, предполагает ответственность только перед вышестоящим начальством, что влечет за собой партикуляризм связей, неизбежность бюрократических или межведомственных барьеров — невозможность моральной GRATIFICATION и ответственности;
- 6) двойной контроль: партийный и ведомственно-административный;
- 7) иерархию потребления и образа жизни, двоемыслие;
- 8) предопределенность карьеры (пожизненная включенность в бюрократическую деятельность);
- 9) характер образования — неспециализированное образование, партийно-бюрократическое обучение общего профиля, но не специалиста

¹¹ Только когда обнаруживается столкновение интересов двух равносильных ведомств (МВД против КГБ, «хлопковое» или «икорное дело»).

- (ВПШ, вуз, чаще — втуз, в гораздо меньшей степени сюда попадают специалисты второго ряда — ученые-администраторы или партийные функционеры);
- 10) неизбежность ограничения репрессий, закрытие от ответственности и террора, децентрализация контроля (сверхзапасы, двойной счет, омертвление ресурсов, наращивание неучтенных ресурсов и возможностей);
 - 11) некоторые особенности самосознания — «избранность», грубость, корпоративная замкнутость, уверенность в собственной исключительности, беспринципность, простота управления, бюрократизм и крочкотворство.

Другой идеологемой, значимой для процедур идентификации постсоветской элиты, является «интеллигенция» как носительница специализированного знания, с одной стороны, нравственных и просветительских начал и ценностей — с другой¹². «Интеллигенция» — принятое в среде советских инженерно-технических работников и служащих, учителей, «работников идеологического фронта, науки и культуры» самоопределение и самохарактеристика. Мифологичность интеллигенции связана с характером идеологической самоидентичности репродуктивной и управленческой бюрократии (среднего и низшего уровня). Интеллигенция (в данном случае мы берем лишь некоторые элементы ее мифологии, существенные в контексте настоящего анализа проблемы) играет роль представителя «народа» перед властью, являясь «совестью общества», вестником проблем «народа», и в то же время — просветителем, учителем и воспитателем народа. Такая конструкция отношений образованного класса, власти и народа (народ–интеллигенция–власть) возникает только в ситуациях модернизации самодержавного общественного порядка или кризиса тоталитарного режима, когда отсутствуют другие социальные посредники в обществе. Средняя и низшая управленческая и репродуктивная бюрократия берет тем самым на себя «задачу» символической репрезентации для власти общества (литература как публицистика), а по отношению к массе играет роль тотальной бюрократической власти (пропаганда, цензура, технологическое управление, социальный контроль и т.п.)¹³. Для той

¹² О категории интеллектуальной элиты на Западе, в том числе о ее сравнении с интеллигенцией см.: *Weyl N.* The Creative Elite in America. Washington: Public Affairs Press, 1966; *Znaniński F.* The Social Role of the Man of Knowledge. New York: Harper & Row, 1968; On Intellectuals: Theoretical Studies, Case Studies / Philip Rieff, ed. Garden City, NY: Anchor/ Doubleday, 1969; The Intelligentsia and the Intellectuals: Theory, Method, and Case Study / A. Gella, ed. Beverly Hills, CA: Sage, 1976; *Konrád G., Szelenyi I.* The Intellectuals on the Road to Class Power. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1979; *Bauman Z.* Legislators and Interpreters: On Modernity, Post-Modernity, and Intellectuals. Ithaca: Cornell UP, 1987; *Bourdieu P.* The Corporation of the Universal: The Role of Intellectuals in the Modern World // *Telos*. 1989. N 81. P. 99–110; *Coser L.A.* Men of Ideas: A Sociologist's View. New York: Free Press, 1997; *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции. М.: Новое издательство, 2005.

¹³ См.: *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях. Москва; Харьков: Эпицентр ; Фолио, 1995.

социальной массы средней бюрократии, которая принимает в качестве матрицы самоидентификации «интеллигентские» мифологемы и образцы, характерны следующие черты:

- 1) двойная структура управления: партийно-идеологический (общественники) и административно-ведомственный контроль, двойное предназначение и типы мобильности;
- 2) ограниченность социального роста, общее или типовое высшее образование при слабой специализации, но все же гораздо более широкий кругозор и профессиональная подготовка; лояльность верхам, но с признаками социального критицизма;
- 3) корпоративная идеология и идентичность — между властью и народом, цинизм и мечтательность, подавление достижительности, ответственности;
- 4) партикуляристская гратификация¹⁴, блокирование функциональной дифференциации и специализации;
- 5) поверхностное различие на ИТР (неспециализированная техническая бюрократия) и гуманитарную интеллигенцию, подчиняющуюся более жесткому идеологическому контролю;
- 6) идеологические и идентификационные составляющие советской интеллигенции (отсутствие должной гратификации, основанной на достижениях, реальной работе, соответственно, критериев эффективности), избыточность численности и девальвация общего образования — пик карьеры приходится на конец 1950-х и первую половину 1960-х гг.;
- 7) наличие контролируемого центра (близость к власти и слабость компетенции) и периферия исполнения (ослабление идеологического контроля при более высокой оценке профессиональных качеств и способностей); закрытые «ящики» и учреждения общего режима;
- 8) изоляция от внешнего мира и потенциал протеста или, мягче, недовольства;
- 9) напряжения в среднем и нижнем контуре управления, связанные со склеротизацией системы карьерного лифта и мобильности;
- 10) невысокий (постоянно снижающийся) социальный статус и престиж, незначительно поднимающийся над статусом «рабочих».

¹⁴ Партикуляризм в системе вознаграждения или стимулирования предполагает личные отношения начальства и подчиненных, неформальные санкции за деятельность внутри организации (как положительные — поощрения, блат, скрытые выплаты, раздачу привилегий, социальную поддержку при продвижении или получении преференций в сферах, лежащих за пределами должностной компетенции, так и отрицательные). Другими словами, вознаграждения за работу (гратификация) не связаны здесь с эффективностью самой работы, с максимизацией продуктивности, рационализацией функционирования всей организации. Подобная рационализация возможна только при наличии универсалистской системы гратификации и прогрессирующей специализации функций.

«Интеллигентские» настроения и взгляды, таким образом, характеризуются крайне ограниченными возможностями карьеры, замедлением темпов социальной мобильности, систематическим снижением авторитета и гратификации по мере расширения слоя (девальвация статуса и квалификации, так называемое перепроизводство инженеров). Отсюда — рост критических настроений по отношению к номенклатуре (мечтательно-критические dreams о социализме с человеческим лицом), но вместе с тем нежелание, неспособность или неготовность к выработке других представлений об обществе, отсутствие других моральных оснований. Это сочетание узкой специализации и моральной неразвитости, релятивизма, связанного с постоянными усилиями приспособиться к административному произволу. Так называемые комплексы интеллигенции заключаются в сочетании завышенной самооценки и неполноценности, рождающейся из практической несостоятельности интеллигентов, отсутствии у них адекватных средств гратификации, мечтательности и неспособности к солидарности и практической деятельности, склонности к утопизму — романтизации западных обществ или фундаментализму (консервативно-почвенничеству).

Отсутствие механизмов представительства и дискуссии в элитах данного типа, закрытых системах управления ведет к парадоксальному распределению компетенции и квалификации, информированности, эффективности принятия решения. Наивысшей квалификацией и компетентностью обладают средние статусные уровни, достигшие своего потолка «полномочий» и квалификации. Выше они не могут пройти, поскольку при такой организации власти установлен барьер — вышестоящая инстанция подбирает себе удобных исполнителей, но именно исполнителей, а не соперников и заместителей. Раз отсутствует открытая конкуренция за власть по открытым и формальным правилам (например, в ходе честной победы на выборах), то остается единственная возможность обновления состава властвующей элиты — кооптация в состав правящей группы по личным основаниям, вне зависимости от фракционной или исходной групповой принадлежности, далеко не всегда зависящей от квалификации кандидата или даже совсем не зависящей от нее (как в случае с Фрадковым, Патрушевым, Чайкой или Устиновым и т.п.). Принцип «еврей при губернаторе» определяет социальную морфологию данного элитарного слоя. В качестве «еврея» должен выступать специалист (менеджер, толковый и продувной человек «с головой»), чужой для занявших ключевые — властные или номенклатурные — позиции, которого можно убрать в любом необходимом случае, поскольку он не принадлежит к собственно номенклатуре (не прошел должных обрядов инициации, карьеры, требуемой для своих, или не происходит из кланов «своих»).

Ниже среднего находятся исполнители разной квалификации, которые могут исполнять роли как номенклатурных кандидатов (карьеристов), так и, собственно, «молодых и перспективных» специалистов, имеющих шансы

на управленческую карьеру среднего уровня (не политическую — стать членами номенклатуры). Их квалификация несколько ниже высококвалифицированного специалиста, но они имеют все шансы со временем ее повысить до уровня «потолка» своего статуса, но вероятность того, что эта их квалификация и компетентность сама по себе может стать основанием для перехода в класс «политиков», «демагогов» или «высших руководителей» (псевдолодей), достаточно мала, ибо это требует смены социальных ролей и игры по другим правилам построения карьеры.

Проблема не просто в устройстве «политической сферы», где нет механизмов конкуренции и открытого представительства идей и интересов, но в таком сочетании «политического» и «компетентного», которое предполагает установку не на эффективность, представительность и рациональность, а на «применимость» к власти, по определению некомпетентной, сочетании, порождающем цинизм и сервильность, узаконивающем произвол и аморализм государственного порядка. Дело не в формальной некомпетентности «правлящих» лиц или группы, а в их происхождении, то есть в порядке прихода к власти по правилам, которые заданы ведущими или центральными институтами предыдущей эпохи или фазы. Политика как сфера или институт в этом случае всегда будет представлять собой воспроизводство предыдущих образцов; задачи такого рода ретроориентированной институциональной подсистемы сводятся к эклектическому соединению прежних образцов и отношений с текущими задачами управления, сформулированными в категориях интересов данной группы, задач самосохранения. В этом смысле целью политики становится использование квалификации исполнителей при недопущении вместе с тем признания слишком значительного их влияния, закрепления их авторитета, апроприации ими социальных позиций в силу их компетентности и претензий на превосходство знания и эффективности. В противном случае мы имели бы дело с автономизацией данной сферы, институционализацией компетентности и норм, принципов, правил ее (компетенции) приобретения и признания, то есть с открытой конкуренцией при занятии высоких специализированных социальных позиций, независимых от интересов и действий собственно власти. Однако именно это исключается номенклатурным принципом организации последней, поскольку означает принципиальное изменение организации политических институтов. Но раз это так, то политика в данной системе власти всегда неэффективна, а околополитическая «элита» всегда сервильна, коррумпирована и аморальна.

Реакция системы в целом на такое состояние некомпетентности верхушки будет заключаться в увеличении объема слоя «исполнителей», росте численности чиновничества и бюрократизма в целом¹⁵.

¹⁵ См.: *Гавриленков Е.* Русский крест : Выступление на конференции «Россия вчера и сегодня: нереализованный выбор», посвященной памяти О.Р. Лациса (25 апреля 2006 г., Москва, Центр А.Д. Сахарова).

Порядок оценки достоинств и достижений в системе «элиты» этого типа зависит не столько от индивидуальных достоинств и достижений, сколько от оценки вышестоящего начальства. Оно определяет, что ценно и важно в действиях представителей «элиты», а что нет. Сами по себе эти принципы в формальном виде зафиксированы в положениях инструкций, сертификации соответствующих контролирующих учреждений и ведомств, определяющих статус членов элиты. Кого можно считать «политиком», «ученым» (или какой центр занимается наукой, а какой нет), кто может преподавать в университете, а кто нет и т.п. — определяется порядком инструкций соответствующих ведомств (а значит — налоги, субсидии, законодательство и т.п.). Это означает следующее:

- отсутствуют механизмы представительства (социальных и экономических групп, территорий, меньшинств разного рода и т.п.);
- нет и не может быть публичного и открытого обсуждения представленных программ, точек зрения, позиций, интересов или стратегий политического действия (нет политических механизмов участия и конкуренции). Это положение может быть развернуто иначе: не возникают — или сознательно и последовательно подавляются — явления структурно-функциональной дифференциации и специализации, а значит нет и тенденций к автономизации дифференцирующихся сфер социальной жизни, где могли бы быть значимыми собственные, то есть выработанные внутри данной специализированной и автономизированной области, критерии оценки достижений, согласие относительно стандартов оценки или их изменения;
- действуют силы, либо нивелирующие потенциальные достижения и многообразие, либо снижающие порог их признания, то есть работающие как «начальник-дурак», не допускающий ничего, что выходит за рамки его понимания.

Это система последовательной рутинизации и оглушения как отдельных людей, так и корпорации «элита» в целом. Принимая экстренные меры для стимулирования динамики в нужных направлениях, номенклатура вынуждена допускать существование сфер компетенции, свободных от ее контроля, но ограниченных определенными рамками (служебного пользования, секретности, изолированности), — «шарашки», «центры стратегических исследований», аналитические отделы при администрации и т.п. Такая тактика несколько смягчает неизбежную деградацию и тупость управления правящего класса, но не решает проблему в целом. Неизбежный результат — прогрессирующая неспособность системы к решению встающих перед ней проблем, нарастающий паралич или падение эффективности власти.

Частное же следствие из этого — последовательное подавление интереса к интенсификации деятельности, потенциала развития и модернизации, замы-

кание любых отношений на носителях власти, едва ли не всеобщая — вынужденная или добровольная, явная или скрытая — солидарность с последней, часто даже вопреки собственным профессиональным интересам и критериям. Групповые интересы и представления не могут в такой системе быть институционализированы и признаны в своем качестве (хотя в теневом и неформальном взаимодействии они как-то, чаще в индивидуальном и частном порядке, представляются, а связи, возникающие на основе подобной мотивации, регулируются).

Принципиальная схема существования и деятельности представителей «советской элиты» характеризуется дробностью, парциальностью отдельных сегментов ее работы, вызванной невозможностью систематической коммуникации и обмена информацией, запретом на дискуссии, обусловленном режимом секретности или нормами идеологического «единомыслия», в результате чего воспроизводится хроническая фасеточность отдельных частных знаний и примитивность общих представлений о реальности. Поэтому принципиальная непубличность общественной жизни в стране, изолированность различных ее частей и сфер друг от друга, закрытость в целом от внешнего мира неизбежно должны были привести к деградации правящей верхушки и ее замыканию на самой себе. Это предопределило отставание СССР от мирового развития даже в тех областях, которые считались ключевыми и приоритетными для руководства страны. Очень неглубокий культурный слой образованных, ни за что не отвечавших людей, лишенных самостоятельности и оснований для самооценки, стал причиной нарастающего интеллектуального бесплодия «интеллигенции», ее сервильности и аморализма.

Специфика организации верхнего социального слоя в советское время производила эффект «понижающего трансформатора» — систематической потери эффективности деятельности специальных институтов. Это связано с укорененным в самой системе принципом недооценки специальных компетенций и знаний, постоянной подозрительностью по отношению к знанию, идеологическим и политическим «контролем над спецями». Единственным выходом становилось создание особых зон, где идеологические соображения теряли свою силу («ящики», закрытые города и производства, сугубо технологические отрасли спецпроизводств). Но и в этих случаях автономность и авторитетность носителей специальных знаний, как выяснилось, были резко ограничены. История советской науки, прежде всего космических исследований, ракетостроения, авиации, ЭВМ и компьютерной промышленности, дает массу примеров того, как плохо образованные и ограниченные политики определяли тупиковые варианты развития целых областей науки и высоких технологий.

Дефектность постсоветской «элиты» заключается в том, что закрытость этой бюрократической корпорации делает невозможными коммуникативные связи внутри разных групп. Нет механизмов дискуссии, нет независимой

от верхушки системы отбора лидеров. Процесс принятия решений носит очень скрытый и теневой характер — они просто тупо продавливаются сверху через множество инстанций без квалификационной оценки и, соответственно, учета последствий. Иными словами, требуемая и предполагаемая гетерогенность этой группы (разнообразие специализации, компетенций, опыта и точек зрения) нивелируется вышестоящими инстанциями, при этом теряется важнейшее качество элиты — ее «политичность», способность принимать решение с учетом многообразия «вводных». Чисто экстенсивный рост числа образованных (число занятых в народном хозяйстве с высшим образованием увеличилось за 25 лет, с начала 1960-х гг. до начала перестройки, в 6–7 раз) без изменения структуры и функций самих этих групп, то есть при сохранении модели «элиты» как государственной бюрократии, привел к девальвации образования как социального ресурса и оказал внутренне парализующее воздействие на инновационный потенциал советской системы. Поэтому понятно, что в ситуации краха последней для образованных открылись новые перспективы и социальные возможности, с энтузиазмом воспринятые в этой среде. Не случайно, что актив перестройки формировался главным образом из самых квалифицированных специалистов (интеллигенции). И эта же социальная среда явилась позднее одной из значимых протестных составляющих (электорат партии «Яблоко», частично — образованной части КПРФ, а еще позднее — «Родины»).

Процессы разгосударствления и образование новых «элит»

До краха советской системы и начала гайдаровских реформ не могло быть и речи о появлении «независимых» от власти групп, то есть групп, обладающих собственными ресурсами какого-либо рода: финансовыми, властными, интеллектуальными, культурными и т.п.

Действующие «творческие организации», «союзы» (композиторов, писателей, журналистов, театральных деятелей, художников, архитекторов и др.) находились в процессе разложения и внутренней ожесточенной склоки, которая поначалу еще носила характер идеологических разногласий, но вскоре утратила его и стала чисто внутриорганизационной борьбой за контроль над бюрократическим аппаратом и имуществом организации, правом приватизации, извлечением дохода и т.п.

Внутренняя неготовность членов этих псевдосоюзов к другим, негосударственным, условиям функционирования стала причиной резкого ослабления позиций «мастеров» (носителей ценностей, создателей новых интерпретаций реальности) и усиления «хозяйственных руководителей». Первые были настроены слегка оппозиционно по отношению к государственному

аппарату, но протестовали они лишь против репрессивного контроля министерских и других чиновников, а по сути ничего не имели против самого принципа государственного обеспечения учреждений «культуры», «печати», СМИ. Таким был, например, первый и казавшийся очень удачным и прогрессивным «Закон о печати», утверждавший самые демократические нормы свободы слова, возможности учреждения новых СМИ и положивший начало выходу прежних медиа (телеканалов, «толстых» журналов и др.) из-под финансовой опеки государства, но совершенно не связанный с процессами формирования рыночной экономики, а значит с гражданским или хозяйственным правом. Поэтому очень скоро нормы декларативных свобод оказались менее значимыми и действенными, чем нормы административного и хозяйственного права, чем, собственно, и воспользовалась укрепляющая свои силы авторитарная группировка во власти. Проигрыш всех независимых СМИ и последующая ликвидация большинства из них была произведена и оформлена как чисто экономическая коллизия, а не как наступление на свободу слова и права человека. Никакого особого сопротивления «государству» в лице теневых административных структур (администрации президента) «элита» в этих случаях оказать не могла и, видимо, особенно не хотела.

Прежние властители умов (писатели, режиссеры, театральные деятели, журналисты) с утратой твердого финансирования от государства были вынуждены либо переориентироваться на массового, но платежеспособного потребителя культурного и информационного продукта, либо вступить в сложные, непрозрачные и полукоррупцированные отношения частного или акционерного производителя этих благ и услуг с госзаказчиком, соответственно, отвечая требованиям и интересам этого заказчика. Особенно впечатляющими эти процессы стали в сфере книгоиздания, где приватизация крупнейших государственных издательств и полиграфических мощностей прошла очень быстро, частично разорив сопротивляющихся, частично обеспечив их трансформацию в частные концерны, ориентированные главным образом на выпуск масслита. Значительная часть руководства и ведущих сотрудников госаппарата осталась в отрасли, став держателями основных пакетов акций и ресурсов влияния на наиболее доходную, рутинную и простую по своему содержанию часть издательского потока (дотируемая или имеющая гарантированный сбыт учебная литература, классика, проверенная беллетристика и т.п.). Множество мелких издательств обеспечили быстрый рост печатного многообразия, поток западной переводной литературы, способствующей, с одной стороны, усилению разрыва читательских аудиторий, а с другой — консервации состояния неразвитости, недомодерности российского общества, в первую очередь консервации социальной и культурной периферии, где проживает основная часть населения (более двух третей).

Ситуация в науке примерно та же: сохранившиеся государственные научные институты (в первую очередь учреждения в системе РАН) переживали глубокий кризис, связанный с уменьшением государственного финансирования, что повлекло за собой разрыв в системе воспроизводства, сокращение притока молодых кадров, утечку мозгов в тех сферах, где российская наука была конкурентной, и застой или деградацию в отраслях, не имеющих рыночного спроса (гуманитарно-идеологическая сфера). Появление новых независимых исследовательских центров, ориентированных на внешних или негосударственных партнеров, сделало ситуацию значительно более благоприятной, смягчив последствия институционального кризиса, но, естественно, не изменило принципиально структуру организации науки. В строгом смысле, эти изменения носили характер «пристройки», а не «строительства» нового здания.

Еще тяжелее положение в системе образования. Наиболее косной оказалась начальная и средняя школа, где практически ничего не изменилось в сравнении с последними годами советского времени (появление небольшого числа частных школ, в которых могут учиться лишь дети очень богатых родителей, в данном случае не в счет, поскольку никакого влияния на педагогическую элиту или подрастающее поколение они не имели — это, что называется, эксклюзивная продукция). В высшей школе, безусловно, изменения гораздо более значительны, хотя и они явно недостаточны для того, чтобы стимулировать трансформацию всей системы университетов и репродукции элиты.

На протяжении практически 10–12 лет в стране не было группы, которая могла бы проводить последовательную, единую по своей направленности осмысленную и внятную для других политику (и отвечать за нее). Скорее речь всегда шла о нескольких не очень проявленных центрах власти и влияния, авторитета для разных кругов и грызне между ними. И это положение сохраняется в известной мере и в настоящее время, даже с учетом проводимой в последние годы политики единообразия.

Время, прошедшее после 1991 г., было временем не только политических и экономических импровизаций, но и трудного если не освоения, то знакомства российской элиты с некоторыми элементарными понятиями и принципами западной культуры — европейскими и американскими политическими идеями, правовыми формами, рыночной экономикой и т.п. Отсутствие в нашем опыте таких понятий, как гражданское общество, независимый суд, парламентская республика и пр., конечно, не может быть заменено изложением общих сведений о государственном устройстве западных стран. Но благо, что в последние годы предметом преподавания на факультетах и кафедрах политологии вузов и университетов в России стало хотя бы это. И все-таки потенциальные «кандидаты» в российскую элиту учатся неохотно, с трудом

и крайне медленно усваивая основные идеи западной политической истории и экономики. В экономике ситуация несколько лучше (или кажется таковой), поскольку степень многообразия форм экономической жизни все-таки на порядок выше, чем политической, и интересы участников рынка заставляют их учиться гораздо быстрее и успешнее, нежели членов политического сообщества. Можно привести в этой связи ряд объемистых работ квазиисторического толка (что-то вроде очередной философии истории, предлагающей еще несколько версий связной спекулятивной интерпретации генезиса идей или государственных режимов в России), в которых «элита» сама себе объясняла те или иные явления настоящего, сравнивая российскую реальность с соответствующими западными принципами и постулатами, отмечая различия и тем самым усваивая соответствующий материал из курсов западной политической теории и практики¹⁶. Особенности усвоения именно социально-политических представлений в сравнении с экономическими знаниями (разновременность этого усвоения, разная скорость обучения и понимания) обусловлены разной структурой интересов, определяющих отбор идей и мотивацию их осмысления и рационализации применительно к русским условиям. Например, проблематика национализма, диапазон возможных точек зрения на проблему начинают осваиваться элитой, включая и научную часть ее, только после 1993–1994 гг. и не совсем восприняты в настоящее время (причем труднее всего действующим политикам и политологам — эта подгруппа наименее способна к учебе). Иными словами, процесс идет со страшным запаздыванием и с необратимыми упущениями, в самой примитивной и неадекватной форме. Еще хуже с правовыми идеями и знаниями — этого практически нет и до сих пор.

Одновременно с обеднением широких слоев населения поднялся тонкий слой обладателей крупных состояний, сложившихся благодаря добыче и экспорту минеральных сырьевых и энергоресурсов, торговле и банковскому делу, спекулятивным операциям, а чаще сочетанию этих занятий. Изменилась и социальная структура общества — прежняя партийно-государственная элита частично ушла, частично трансформировалась в предпринимательство, использующее свои тесные связи с государственным аппаратом в деловых интересах.

Главная особенность позднесоветской и постсоветской элиты — сохранение ее тотально бюрократической организации, подмявшей под себя наличное многообразие организационных и идеологических форм, открывшееся после краха советской системы в начале 1990-х гг. Влияние организации такого рода

¹⁶ В качестве характерного примера можно указать на крупномасштабные толкования русской истории («русской системы»), развиваемые Ю. Пивоваровым и А. Фурсовым.

на продуктивность элиты сказывается прежде всего в том, что смысловые, идейные, идеологические проблемы, от обсуждения и рационализации которых зависят функции социального и — что еще более важно — политическое целеполагания, теряют свое должное значение, будучи подменяемыми технологическими вопросами их реализации, постепенно приобретающими приоритетный характер и замещающими сами идеальные цели, трансформирующие идеи и обусловленные ими представления о реальности. Тем самым происходит, во-первых, резкое сокращение многообразия представительства социальных групп и интересов, а во-вторых, подмена многообразных социальных интересов и представлений интересами и представлениями господствующей группировки или режима (или даже отдельных его кланов)¹⁷.

Например, пользуясь своим преимуществом, администрация Путина заявляет о том, что российское общество — в силу давних традиций произвола власти, длительного существования в условиях самодержавия и советского тоталитаризма — отличается крайне низким уровнем гражданского самосознания, либеральные ценности разделяет лишь относительно небольшая часть населения и т.п. Все это, безусловно, верно, но из этого делается вывод, что построение демократии и правового государства — это «цель» политического развития, а не «средство» функционирования государства, что демократия не может быть характеристикой реального функционирующего государственного устройства, что для ее достижения необходимы особые методы, время, что нынешнее устройство — это особая «суверенная» демократия, демократия «для народа», а не самоцель. Тем самым руководство страны автоматически превращается в правление «незаменимых», «лучших» или, по крайней мере, «безальтернативных», гарантирующих стабильность положения в обществе, отсутствие кризисов и потрясений, недопущение к власти экстремистов и радикалов.

¹⁷ Это проблема в социологии не новая, именно на нее в свое время (в начале 1910-х гг.) указывал Р. Михельс, выводя свой «железный закон олигархических тенденций» в политических партиях (см.: *Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie: Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens.* Leipzig: Klingenhart, 1911. S. 159). Михельс описывал трансформацию внутри больших партийных организаций, в первую очередь социал-демократической партии Германии, но выводы его, как показали позднейшие исследования социологов, вполне применимы и для больших политических систем в целом, чье возникновение и функционирование носит массовый и идеологический характер. В данном отношении заслуги Михельса заключаются в том, что он конкретизировал и проработал идею М. Вебера о «технологической кастрации» бюрократией «харизмы» политиков. Главным, как подчеркивал Михельс, на этом этапе эволюции партий как больших политических систем становится сам «механизм» функционирования управления массовыми членами, а не идеальные цели и задачи, не идеологические, не содержательные вопросы. Ведущая роль в этой трансформации движения в бюрократическую структуру принадлежит «партийным вождям», профессиональным функционерам партии, все больше и больше заботящихся о самосохранении организации и своего властного положения в ней, а потому идущих на компромисс и соглашения со своими политическими оппонентами для поддержания баланса сил и интересов. Хороший пример подобных процессов можно видеть в недавних зигзагах траектории «оранжевой революции» на Украине.

Современные российские элиты: к социологическому переопределению понятия

Подведем итог концептуальной части наших рассуждений. Сегодняшние российские разговоры об элите в публичных выступлениях журналистов, «социальных» ученых и гуманитариев по каналам массмедиа — разговоры вне собственно аналитических задач и специализированного институционального (научного) контекста — обычно неконтролируемо соединяют как минимум три разных (и даже противостоящих друг другу по источникам, конструкции и функциям) представления об особом, привилегированном слое или группе в структуре социума, его статусной системе.

Во-первых, это персоны, наделенные властью, люди власти, управленческий (менеджерский) слой, а именно «управленцы», «номенклатура», «кадры», «бюрократия», «начальство», собственно «власть» («власти»). Этот «критический» слой представлений в нынешних публичных дискуссиях чаще всего был сформирован самиздатовскими и тамиздатовскими публикациями книг А. Авторханова и М. Восленского, а через них — ходившими в самиздате текстами Э. Бернхейма, М. Джиласа и других или, по крайней мере, их отголосками.

Во-вторых — интеллигенция, «образованное сообщество», включая «владельцев дум» (реже — «интеллектуалов»), «люди знания», не обладающие ресурсами власти и механизмами управления, не наделенные властными функциями. Источником таких представлений является отечественная традиция споров о судьбе внебюрократического «образованного сословия» — от схваток славянофилов с западниками до манифестов А. Солженицына и Д. Галковского.

И, наконец, в-третьих, — отборная группа лидеров в тех или иных областях, важных для социального целого, носители образцовых инновационных достижений в этих сферах (от политики и финансов до искусства и спорта), способные через репродуктивные институты социума (массмедиа, школа, мода и др.) задавать подобный образец как уже надинституциональную обобщенную модель или даже моральный ориентир для других групп, — это собственно «элита» (чаще всего за такими представлениями стоит проекция тех или иных идей и соображений, заимствованных из западного обихода, у В. Парето или Х. Ортеги-и-Гассета, К. Маннхейма и Ч.Р. Миллса, Д. Белла и др.).

Советская номенклатура («списочная» система подготовки, рекрутирования и воспроизводства кадров высшего и среднего управленческого звена) и ее нынешние радикалы («властная вертикаль») не является элитой ни по профессиональным качествам (критерий квалификации), ни по деловым (критерий эффективности). В этом смысле она не может быть приравнена и к бюрократии: она не обладает компетентностью, рациональностью, от-

ветственностью. Ее основа — лояльность снизу по отношению к высшим, отбор сверху по степени близости к «своим» (землякам, однокашникам, «товарищам по работе» и тому подобным неформальным основаниям).

Интеллигенция — не элита, поскольку, во-первых, не имеет политических интересов, претензий, видов, не обладает средствами их организованного публичного выражения, то есть выражения своей самостоятельности. Советская интеллигенция по социальному статусу была подчиненной, служилой, ее функции — формирование, поддержка и воспроизводство основных легенд власти средствами государственных репродуктивных институтов, через учреждения «культуры» (в советском смысле слова). Другой она быть просто не могла: она рекрутировалась именно на условиях отказа от самостоятельных политических претензий. При этом «политическое» в советских условиях выступало не языком общего (общественного, в смысле — вне- и надсословного, как в Америке и Европе), а привилегией правящей группировки, корпоративной привилегией номенклатуры. Языком общего не могла выступать и культура (в европейском смысле слова, как культивирование самостоятельности и многообразия), в советских условиях эквивалентом общей культуры выступала государственная классика, единая школьная программа с дополнениями к ней в виде современных авторов-орденоносцев.

В периоды относительных послаблений власти, в ходе постепенного разложения закрытого режима речь могла идти лишь о несколько большей профессиональной квалифицированности интеллигенции, советских «спецов» (с конца 1950-х гг.) и о некотором проникновении символов профессионализма в собственно номенклатуру — таковы были надежды одной из фракций власти и образованного сословия на «технарей», что тут же вызвало со стороны других фракций дискуссию о «физиках и лириках», так или иначе направленную против «специалистов». В любом случае, социальная форма, единая матрица задавалась интеллигенции извне, сверху. И это второй характерный момент: при всех внутренних дискуссиях не происходило ни функциональной (институциональной) дифференциации интеллигенции по горизонтальной, невластной оси, ни выделения по вертикали самостоятельного слоя носителей профессионального авторитета и влияния (наподобие академической профессуры в США, в которую сегодня входят до трех пятых американских интеллектуалов) либо слоя привилегированных по признакам образованности, культуры (вроде «буржуазии образования» в Германии), ни формирования надпрофессионального «критического сообщества» в публичной сфере (за неимением, собственно, и самой публичной сферы). Привилегированные круги интеллигенции возникали в советских условиях только как отобранные и отмеченные знаками одобрения со стороны правящей власти — заслуженные и народные артисты, академики, премированные писатели и тому подобные выдвиненцы, «стахановцы», «сталинские соколы», по разнарядке допу-

щенные в таких случаях, на этом основании и в структуры власти (Верховный Совет Союза, республиканские Советы, местные органы). Начатки критической функции проявлялись в интеллигентском слое опять-таки лишь при ослаблении централизованного контроля или в ситуациях его локального, ситуативного «пробоя». Они имели место в «толстых» центральных журналах некоторых лет («Новый мир» или оппозиционный ему «Наш современник») либо в отдельных случаях на «периферии» социума (скажем, разовые публикации в журналах «Байкал», «Север» или «Аврора», вызывавшие экстренную реакцию и властей, и читателей). В целом же «критическая» функция была вытеснена в сам- и тамиздат или приравненные к ним явления театра и кино, изобразительного искусства: они не имели ни широкого хождения, ни значительных социальных последствий. Коллективная позиция интеллигенции была и во многом остается по сей день адаптивно-реактивной по отношению к номенклатурной власти. В этом плане она не так уж отличается от доминирующих сегодня установок населения России в целом, включая его наименее обеспеченные, наименее квалифицированные, государственно-зависимые слои — зрителей государственных каналов ТВ и просителей в государственных учреждениях и организациях.

Можно сказать больше: функциональная дифференциация внутри слоя интеллигенции не просто «не происходила», пассивно «отсутствовала» или «осталась в зародыше». Сама смысловая категория интеллигенции, как и условия формирования, механизмы интеграции и поддержания называемого этим именем слоя, представляли собой результат вполне активных процессов подавления начал институциональной автономии как извне, так и изнутри, собственного, признанного, публичного отказа от самостоятельности, «жертвы интеллекта». В этом смысле бесконечные интеллигентские споры о самоназвании, как и параллельные им дискуссии об «особом пути России», выражают именно этот момент отказа от автономии — момент, который остается постоянно проблематическим и никогда не разрешимым. Мы имеем здесь дело с символической проекцией социального самоустранения, акта своеобразного суицида при невозможности, соответственно, помыслить собственную смерть. Таким образом, по положению и самоопределению интеллигенции, она — вне индивидуальных желаний и волеизъявлений отдельных лиц — выступает социальным слоем, воплощающим в своем реальном поведении отказ от модерности и модернизации, кроме как в формах и на условиях лояльного участия в государственно-централизованном управлении процессами массовой мобилизации, построения и поддержания тоталитарного целого партии-государства.

Определение интеллигенции возникает как проблема только в определенном идеологическом «поле» и связано со всей его конструкцией. Поэтому и интерпретация этой категории должна быть дана в связи с центральной ка-

тегорией «власти», а далее — представлением о «массе» (народа) и «Западе». В этом поле поливалентное обозначение «интеллигенция» получает пучок функциональных значений (смысловых проекций), таких как «номенклатура», «прорабы перестройки», «обслуга», «полусвет» и т.д. В любом случае определяющей выступает связь «интеллигенции» с властью.

Элита и репродуктивные институты общества

Среди принципиальных характеристик элиты в российских условиях крайне редко обращается внимание на один конститутивный момент. Нельзя говорить об «элите», если описываемая этим понятием группа не обладает способностью воспроизводиться от поколения к поколению, сохранять и усложнять свою внутреннюю структуру, рафинировать композицию определяющих для нее или для какой-то ее функциональной подгруппы значений и идей, а как результат этого — удерживать и даже повышать свое положение в социальной системе, невзирая на смену тех или иных конкретных людей, их поколенческих «волн»¹⁸. Соответственно, элита владеет механизмами влияния на общество (или имеет к ним гарантированный, легитимный доступ) и способна через них транслировать свои образцы, оценки, способы действия, тем самым подерживая, воспроизводя и развивая *всю социальную систему* в ее основных, «узловых» точках, определяющих структуру целого. Общество, большинство его групп, со своей стороны «отвечают» элите признанием ее авторитета, кредитом доверия, различными формами символического вознаграждения.

Показательное невнимание большинства отечественных исследователей элиты к проблематике репродукции, задачам и механизмам обеспечения преемственности, длительности существования элитарных образцов скорее всего можно объяснить одним обстоятельством, которое мы считаем ключевым, потому снова и снова возвращаемся к нему. Российская элита настолько срещена со структурами, видами и стратегиями власти («избыточная консолидированность элитарных и властных структур»¹⁹), что каждый разрыв в механике передачи властных полномочий — а история страны в XX в. складывалась именно как последовательность таких разрывов с полным отрицанием смысловых определений и достижений предыдущей властной группировки, включая социальную дисквалификацию ее членов, — влечет за собой и разрывы в составе и поведении околотовластных элитарных групп. По старому анекдоту

¹⁸ «В строгом смысле слова те группы активистов, которые задают тон в структурах бизнеса и политики могут быть лишь уподоблены элите, поскольку отсутствуют необходимые традиции и механизмы их социального воспроизводства. Их пока невозможно отличить от клик, кланов, организованных групп...» (Левада Ю.А. Элита и массы — проблема социальной элиты. С. 207).

¹⁹ Левада Ю.А. Власть, элита и масса // Вестник общественного мнения. 2006. № 1 (81). С. 9.

советских времен, страна топчется на месте, поскольку каждый съезд — это новый поворотный пункт. Можно сказать, приход каждого нового правителя производит самые серьезные изменения в элите — ее персональном составе, но, что еще важнее, в ее самоопределении, положении среди других групп и формах коммуникации с этими другими группами.

Собственно говоря, идеологема «интеллигенция» и должна была, как предполагалось в 1950–1960-х гг., когда она формировалась, дать более устойчивую основу для самоопределения образованных и квалифицированных, но вместе с тем не претендующих на самостоятельные политические позиции групп, не собирающихся бороться за власть (в отличие от «номенклатуры», «бюрократов», «чиновников» и их чиновно-державной версии старой и новой истории России, если следовать идеологизированному словоупотреблению данного слоя, — о принципиальной связи интеллигенции и номенклатуры см. выше²⁰). Первая половина 1990-х гг. стала временем краха всей композиции самоопределения образованных слоев и интеллектуальных групп в ее опорных точках. Трансформационные процессы в высшей политической власти страны, падение «железного занавеса», попытки экономических реформ, начало относительной, частичной деэлитизации политической и культурной жизни привели к тому, что сегодня приходится говорить о глубоком кризисе всей системы воспроизводства российского социума, в том числе институтов репродукции элит, их ценностей и образцов²¹.

Среди институциональных показателей устойчивого и вместе с тем динамичного воспроизводства групп элиты выделим в данном случае два: характер и качество специального образования элиты (состояние высшей школы) и возможность универсального обеспечения необходимого уровня этого образования, а также всего наличного состава выработанных элитой образцов (состояние крупнейших универсальных библиотек — от университетских до национальных). И, кстати, напомним, что в Европе вопрос о высшей школе в системе общества, о социальном институте библиотеки и роли библиотекаря всякий раз возникал в рамках движения европейских обществ к новому, более динамичному и открытому, более демократическому социальному состоя-

20 Государственно-бюрократическому человеку в легенде и идеологии интеллигенции противостоит в этот период человек частный и как вариант последнего — «маленький» и «простой» человек. Впрочем, эта традиция берет свое начало во времена еще до рождения понятия «интеллигенция» (пушкинский «Медный всадник» и «Петербургские повести» Гоголя) и через А. Платонова, М. Булгакова и других доходит до шестидесятников — это не только «Бедный Авросимов» Окуджавы, но и самоопределение правозащитников как неполитических, частных людей (точка зрения, особенно подчеркиваемая А. Даниэлем).

21 Более подробно см.: *Гудков Л.Д.* Кризис высшего образования в России: конец советской модели // *Негативная идентичность*. М.: НЛО, 2004. С. 687–736; *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Разложение институтов позднесоветской и постсоветской культуры // *Куда пришла Россия?..* М.: МШВСЭН, 2003. С. 174–186; *Они же*. Образование в России: привлекательность, доступность, функции // *Вестник общественного мнения*. 2004. № 1 (69). С. 35–55; *Они же*. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов // *Новое литературное обозрение*. 2005. № 4 (74). С. 166–202.

нию. Так было на переломе — переходе к массовому обществу после Первой мировой войны, при денацификации Германии, дефашизации Италии после краха гитлеризма (и даже еще раньше — в годы Второй мировой войны), на переходе Европы и Америки к постмодерну в 1960-х гг. Всякий раз при этом возникали новые, конкурировавшие между собой и широко обсуждавшиеся концепции — об университете как центральном институте воспроизводства научного сообщества, о роли научной и национальной библиотеки, причем в разработку таких концепций считали нужным включиться ведущие интеллектуальные силы общества (видные философы, историки, исследователи культуры, крупные писатели и т.п.). Напомним хотя бы работы о миссии университета и библиотекаря Х. Ортеги-и-Гассета, относящиеся к первой четверти XX в., «Образование и университет» Ф. Ливиса (1943) и «Идею университета» К. Ясперса (1946), эссе об университетах, универсальности и культуре 1940-х гг. Т.С. Элиота, образцовое по сей день «Исследование по социологии библиотеки» П. Каршtedта (1954) и др. Важность данных проблем на указанных этапах европейской истории понятна: в эти ключевые периоды снова вставал вопрос о составе, ориентирах, принципах формирования элит, способных задать смысл и ход решающих перемен, воплотить их в своей практической деятельности.

Обратимся в этом плане к отечественной ситуации последнего пятнадцатилетия. Для нее характерна нарастающая деградация науки как института, вырождение академии и ее роли в научном сообществе, серьезное и продолжающееся ухудшение работы крупнейших библиотек. Изменение отношений власти и науки в 1990-е гг., резкое сокращение финансирования академических институтов и университетов, а точнее, фактический отказ государства от серьезной поддержки науки и образования в целом поставили отечественную науку на грань выживания. Общее финансирование науки за первые 6 лет после начала экономических реформ уменьшилось в 3,5 раза (в сопоставимых ценах). Причем прежние параметры бюджетных расходов на науку не восстановились и по настоящее время, хотя сам по себе разрыв несколько сократился (в 2003 г. по сравнению с 1991-м отмечается уменьшение ассигнований в 1,9 раза²²).

В общественных науках процессы деградации в сравнении с тем, что происходит в других областях, шли гораздо более интенсивно²³. Если общая численность научных кадров, включая преподавателей вузов, инженерно-технический персонал и т.п., за 11 лет (1992–2003 гг.) сократилась в среднем на 44%, то число «исследователей» во всех отраслях уменьшилось вдвое, вспомо-

²² См.: Российский статистический ежегодник. М., 2004. С. 546.

²³ См.: Гудков Л.Д. О положении социальных наук в России // Новое литературное обозрение. 2006. № 1 (77). С. 314–339.

гательного и обслуживающего персонала — на 60% (технические работники уходили гораздо быстрее, нежели собственно ученые, которых сдерживали и ценностные привязанности к профессии, и слишком узкая сфера приложения их квалификации). Отток специалистов из разных областей науки проходил крайне неравномерно. Показательно, что более стабильным был состав ученых, занятых преимущественно преподавательской работой, менее стабильным — исследовательской. В наибольшей степени сокращение захватывало именно категорию «исследователи», и прежде всего в социальных науках. В этих последних за 1994–2003 гг. произошло сокращение более чем 30%, в естественных науках аналогичный показатель составил 12%, в технических — 26% (в гуманитарных дисциплинах наблюдался даже незначительный рост на 2%). Если отток в технических, естественных и близких к ним науках мог означать еще и усиленный выезд соответствующих специалистов на Запад, то этого никак нельзя сказать о российских обществоведах, никому не нужных за пределами страны.

Из науки уходили главным образом две категории: самые консервативные и самые продуктивные группы, кандидаты наук, уже накопившие достаточный опыт и квалификацию, но не видевшие для себя перспективы в науке. При общем сокращении исследователей с учеными степенями на 16%, отток кандидатов наук составил 26%, главным образом за счет сокращения массы «технарей», в силу особенностей советской военно-индустриальной модернизации численно превосходивших любые другие специальности. Среди кандидатов технических наук убыль составила 29%, в общественных науках число исследователей с кандидатской степенью сократилось на 24%. Но при этом докторов наук в целом в академической среде стало больше на 27%, в сфере социально-политических наук — почти на 26%²⁴. Причем прирост приходится на самые последние годы, когда усилился административный спрос на дипломированных пиарщиков, политтехнологов и политологов, а университеты не замедлили отреагировать на него, открыв у себя соответствующие кафедры и отделения.

В целом эти сокращения сигнализировали о том, что изменился общественный спрос на разного рода знания, ни идеологическая схоластика, ни техника людской дрессировки (а педагоги — второй крупнейший отряд советской интеллигенции) стали не нужны. Наука, если брать ее как целое, начала резко стареть, закреплялось и воспроизводилось старое знание, приток нового — отчасти в силу ухода исследователей среднего возраста, кандидатов наук — заметно приостановился. Применительно к социальным наукам, концептуальным и исследовательским разработкам в них это проявилось в первую очередь в том, что оказались ограничены дисциплинарные возможности ре-

²⁴ См. Гудков Л.Д. О положении социальных наук в России. С. 539.

цепции западных социальных наук, точнее, глубокого освоения западного опыта. Напротив, эпигонское освоение околонульного поверхностного или вторичного знания шло достаточно быстро, о чем, собственно, и свидетельствует бурное размножение молодых докторов наук среди политологов, маркетологов и т.п.

Возникло довольно интересное явление: для реально работающих исследователей в новых центрах сам по себе диплом кандидата или доктора наук ничего не дает, поскольку установившаяся здесь практика вознаграждения не предполагает бюрократической сертификации персоны, соответствующей занимаемому статусу в служебной иерархии, не нуждается в удостоверении внешних или чужих авторитетных инстанций: вполне достаточно той известности, которую исследователь получил благодаря своим публикациям, реальному качеству работы. Но для тех, кто ориентируется на работу с начальством, властями, администрацией разного рода, «корочки» выступают формальными, *государственными* знаками авторитетного признания достоинств и квалификации их обладателя. Так или иначе, наблюдаемые тенденции динамики научных кадров свидетельствуют о консервации косного ядра в академической системе социальных наук, непродуктивного и по-советски идеологизированного персонала, не находящего особенно большого спроса для своей продукции за рамками чрезвычайно рутинного и инерционного преподавания. Не случайно, что именно ведущие когда-то факультеты столичных университетов (например, философский или исторический МГУ), академические институты наподобие Института философии сегодня постепенно превращаются в прибежище антисциентизма, имперской геополитики, религиозного национализма и тому подобных разновидностей суррогатного фундаментализма.

Еще одна особенность — провинциализация российской науки. С 1989 г., после легализации социологии число студентов, изучающих эту дисциплину («проходящих курс социологии») в вузах различного типа увеличилось с 150 человек до 12 тысяч, число социологических кафедр и отделений за это же время выросло с 6 до 105 (2003 г.)²⁵. Если посмотреть на динамику численности аспирантов, то за последние годы наблюдается громадный скачок в увеличении приема в аспирантуру по всем наукам, но в особенности по социальным и экономическим. Однако этот рост отмечается не в крупных научных или университетских центрах, а в областных и периферийных вузах²⁶. В 9–10 и более раз количество аспирантов увеличилось в Астрахани, Тамбове, Новгороде, Архангельске, Белгороде, Оренбурге, Ульяновске и Кабардино-Балкарии (список ре-

²⁵ См.: *Осипов Г.В.* Российская социология в XXI веке // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 4.

²⁶ При этом число аспирантов в научно-исследовательских институтах, т.е. людей, максимально приближенных к практике исследовательской научной работы, уменьшилось на 4%, а количество аспирантов в вузах и университетах выросло в 3,3 раза (Российский статистический ежегодник. Цит. изд. С. 542).

гионов, где рост составляет 5–7-кратные величины, был бы слишком длинным). На Камчатке, в Орле и Карачаево-Черкесской Республике — вообще запредельный рост, более чем 30-кратный. При этом в вузах Москвы количество принимаемых в аспирантуру увеличилось в 1,7 раза, в Санкт-Петербурге и Новосибирске — в 2 раза. Число аспирантов по социологии в целом по стране с 1992 г. выросло в 4 раза, по психологии — в 4,4 раза, по политическим наукам — в 6,6 (по истории — лишь в 2, а по физико-математическим дисциплинам — в 1,5). И весь этот подъем — при полном отсутствии соответствующей иностранной литературы в университетских и областных библиотеках, дефиците переводной литературы, пусть даже плохой, нехватке преподавателей и пр. (подробнее об этом ниже). Угрозу, исходящую от такой массы будущих плохо обученных специалистов и преподавателей, трудно даже оценить.

И еще одна особенность советской и постсоветской науки — разрыв между исследованием и преподаванием (выше мы говорили о большей устойчивости педагогических кадров по сравнению с исследовательскими). Научные исследования в советских и нынешних российских университетах и вузах традиционно занимают незначительное место. Удельный вес вузовских исследовательских коллективов среди всех исследовательских организаций в стране за 12 лет практически не изменился и составляет 10%²⁷. А это значит, что новейшие исследования и исследовательские практики, способы понимания, даже ценностная основа и мотивация познания, этика ученого, личные позиции исследователей практически оторваны от институтов и форм социализации следующего поколения. В подобных условиях образовательные учреждения по большей части выступают не генератором инновационных процессов, а системой консервации старого знания и идеологических предрассудков, средством блокировки процессов модернизации.

Подобный разрыв между наукой и преподаванием парализует формирование наиболее значимых системных элементов «модерности», без которых не возникает собственно «общества» — сферы публичности, о которой писал Ю. Хабермас еще в самом начале 1960-х гг.²⁸ Публичная сфера — та рефлексивная и критическая инстанция, от которой зависят в значительной степени понимание и интерпретация социального происходящего, она вбирает в себя и социальный, моральный или антропологический опыт повседневной жизни общества, и интеллектуальные ответы на повседневные проблемы, соединяя пространство науки с пространством повседневной жизни.

При этом крах советской власти мало что изменил в системе образования как социальном целом. По-прежнему функционируют разные типы советских

²⁷ См.: Российский статистический ежегодник. Цит. изд. С. 537.

²⁸ См.: *Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit*. Neuwied; Berlin: Luchterhand, 1962.

вузов, безусловно, различающиеся по качеству преподавания и диапазону обучения и тем не менее сохраняющие унаследованные от советской модели принципиальные структуру и особенности процесса обучения: полную зависимость студентов от жесткой программы обучения, несменяемость профессуры, представители которой являются по своему положению государственными чиновниками, авторитарный характер обучения и т.п. Появление негосударственных вузов и университетов принципиально картины не меняет. Во-первых, потому, что не изменилась ни модель образовательного учреждения, ни сам состав преподавателей — основная масса преподавателей являются совместителями, сочетающими работу здесь с преподаванием в государственных вузах. Изменились структура и источники финансирования, но не сам образовательный процесс. А во-вторых, удельный вес негосударственных университетов, несмотря на их стремительный рост, все еще очень мал в сравнении с основной массой государственных вузов и университетов (даже в 2003 г. доля учащихся в них составляла всего 14% от всех студентов, причем 64% из них, если судить по последним данным²⁹, были заочниками, вечерниками или оканчивали учебный курс экстерном, что никак не может служить показателем высокого уровня полученного образования). Процесс же формирования «корпоративных университетов», готовящих специалистов данного узкого профиля на мировом уровне, с учетом тенденций на глобальном рынке, и вовсе находится в России только в самом начале.

Описанные тенденции проявились в 1990-х — начале 2000-х гг. Но сложились они значительно раньше, вместе с разворачиванием советской модели государственно-централизованной, военно-индустриальной модернизации, требовавшей — после изгнания и уничтожения в СССР квалифицированных кадров, подготовленных российскими и европейскими университетами дореволюционной эпохи, — скоростной подготовки слоя «собственных» специалистов-исполнителей, лояльных по отношению к тоталитарной власти. Основная задача советской интеллигенции «первого призыва»³⁰ заключалась в легитимации системы и обеспечении массовой поддержки режима, что предполагало достижение минимального уровня массового просвещения, необхо-

²⁹ См.: Российский статистический ежегодник. Цит. изд. С. 537.

³⁰ В 1950–1960-х гг., в результате урбанизации страны, изменения образовательного уровня населения, с началом распространения массовых коммуникаций состав этого слоя, его объем и место в структуре советского общества изменились. Это повлекло за собой рождение идеологии или даже легенды интеллигенции — как, впрочем, и новой, антиофициальной легенды революции («комиссары в пыльных шлемах»), новой, антиофициальной легенды войны («лейтенантская проза»), новой, антиофициальной же легенды деревни («деревенская проза» и кино на ее основе), короче говоря, антиофициальной легенды всего советского прошлого, что, собственно, и выступало для интеллигенции функциональным аналогом или заменой «культуры». Однако этим процессам и явлениям оказались заданы жесткие временные и социальные рамки: возвращение (частичное, имитативное) к номенклатурно-державной версии модернизации в брежневский период положило им конец, оборвав еще на несколько десятилетий.

димого для функционирования системы и реализации задач форсированной, милитаризированной индустриализации, социального и информационного контроля. Советская или российская «интеллигенция» (та часть образованного слоя российского общества, которая связана с интеллектуальной деятельностью, с воспроизводством культурных образцов и ценностей) начала воспроизводиться в расширенном виде только к середине 1950-х гг. Возникнув как система лишь в середине 1930-х гг., она оказалась очень скоро в драматических условиях большого террора и, главное, войны, когда погибла значительная часть выпускников первых наборов. Поэтому потребовалось некоторое время для обучения тех, кто будет в дальнейшем обучать других, и лишь затем начался рост слоя советских образованных специалистов. В начале 1950-х гг. пошел выпуск специалистов, подготовленных этими новыми институтами, резко увеличившийся после принятия руководством страны программы форсированных разработок ядерно-ракетного вооружения и создания сопутствующих технологических производств. Динамика удельного веса, доли лиц с высшим образованием в занятом населении на протяжении XX в. в России составляла: в 1912 г. — 0,15–0,2%, в 1928 г. — 0,2%, в 1939 г. — 0,6%, в 1951 г. — 1%, в 1959 г. — 2%, в 1969 г. — 3%, в 1979 г. — 8%, в 1989 г. — 13%, в 1996–1997 гг. — 19%, в 2003–2004 гг. — 23–22% (последняя цифра вдвое меньше, чем в США).

В сравнении с тем, что было в системе российского дореволюционного или европейского университетского образования, советская высшая школа кардинально изменила состав высокообразованных групп: значительно уменьшился удельный вес людей, получивших «общеуниверситетское» образование (историков, словесников, юристов, экономистов), преподавателей высшей школы и научных работников и, напротив, увеличилась доля людей с техническим образованием и школьных учителей. Эти две категории составляют с конца 1940-х гг. примерно 70% людей с высшим образованием (в разные годы пропорции несколько менялись, но в среднем инженеры составляли примерно 42%, учителя — 28%). За 30 лет, то есть за жизнь одного поколения — с середины 1950-х гг. до конца брежневской эпохи — этот слой вырос примерно в 10 раз. Отсюда рыхлость его состава (лишь треть обладателей дипломов об окончании вуза имели родителей с таким же уровнем образования), ограниченность культурных и информационных горизонтов (нет наследуемых культурных ресурсов, нет внутренних механизмов консолидации, этики) и чрезвычайная зависимость от государства, принципиально отличающая этот бюрократический слой от западных интеллектуалов, специалистов, от высшего (с университетским образованием) среднего слоя.

Качество советского образования в целом было невысоким, если не считать небольшого числа «закрытых» элитарных вузов. Образовательные учреждения плановой «социалистической» системы готовили специалистов, кото-

рые могли бы обеспечить функционирование «гражданской» инфраструктуры общества (в первую очередь юристов, экономистов, менеджеров, социальных и культурных работников) в крайне ограниченных объемах, ориентируя их главным образом на защиту самой системы, то есть на удовлетворение государственно-бюрократических нужд, а не интересов гражданского общества. Удельный вес юристов, экономистов, управленцев на протяжении 40 лет (1950–1990 гг.) составлял в целом всего 8–9% (в странах Запада — 38–50% и выше).

Советская система высшего образования — продукт советской тоталитарной системы, один из важнейших ее институтов. Вуз — это государственное, бюрократическое по типу организации и функционирования учреждение, отличающееся строгой иерархической организацией и репрессивностью общего распорядка, авторитаризмом преподавания, жестким социальным контролем как преподавательского состава, так и студентов, ограниченным и директивно предписываемым набором предметов изучения, очень большим удельным весом идеологических предметов в вузах любого профиля (в прошлые годы на них приходилось до 1/3 всех часов обучения), милитаризованностью (наличие военных кафедр и обязательной военной подготовки). Функции трансляции знания и исследования вне очерченных задач до недавнего времени были предопределены лишь тем минимумом, который необходим для воспроизводства самих педагогических кадров. Такая система подавляла возможности артикуляции групповых, негосударственных интересов, а значит формирование и развитие институтов гражданского общества — права, экономики (в системе распределительной экономики это главным образом специалисты учета и делопроизводства — бухгалтеры и товароведы, а не собственно экономисты и управляющие, юрисконсульты на производстве и в госарбитраже, а не адвокаты и не нотариусы), социальных наук как таковых в самом широком диапазоне (от социологии и социальной работы до индивидуальной психологии), а значит и соответствующих специалистов, готовых решать проблемы сложного и развитого общества.

Модельный образец советского представителя образованного слоя, «интеллигенции» — исполнитель, дешевый инженер (как правило, это женщины в конторах и управлениях, ставшие костяком советской бюрократии и, соответственно, распределительной экономики). Их растущее число должно было восполнить падающую эффективность системы управления. Этот тип отличается поверхностным техническим рационализмом и детерминизмом, очень слабым культурным пластом и ограниченностью информационных горизонтов, пассивностью, конформизмом, слабостью aspirations и карьерных интересов, консерватизмом, короче, всем тем, что характеризует эпоху застоя и дефицита. Именно с «инженеризацией» массового управления, применением к решению социальных вопросов примитивно-рациональных, технологических методов

начался процесс быстрой склеротизации советской бюрократии, закончившийся утратой способности системы к инновации и адаптации. Гипертрофия инженеров в российском обществе — это признак подавленности рынка как системы универсальных обменов и коммуникаций. Подобная структура образования свидетельствует о том, что мы все еще имеем дело с консервацией начальной фазы примитивной политики индустриализации. Но, строго говоря, этот тип образования и мышления воспроизводится и на «управляющих» уровнях системы, причем и в последние десятилетия советской власти, и сейчас, поскольку постсоветская элита даже в своем персональном составе изменилась очень незначительно (речь идет не о перемещениях внутри одного эшелона, а именно о притоке новых людей — центральный аппарат власти омолодился лишь на несколько процентов от своей численности).

Анализ базового образования советской (предперестроечной) номенклатуры и постсоветской элиты свидетельствует примерно о той же тенденции — преобладании в высшем руководстве страны людей, получивших прежде всего инженерно-техническое образование: закончили технический вуз — 28%, экономический вуз или факультет — 18%, прошли естественнонаучное обучение — 9%, имеют гуманитарные специальности — 12%, партийные (марксизм-ленинизм) — 9% (правда, в самой высшей номенклатурной категории этот показатель поднимается до 21%). У прочих главным образом военное, дипломатическое, редко юридическое образование. Иначе говоря, людей с широким культурным кругозором или ученых здесь практически не было.

Образовательные характеристики постсоветской элиты не изменились. Еще более выражены эти особенности в центральном аппарате исполнительной власти в России: 47% чиновников имеют высшее техническое образование, 27% — специализировались в области экономики, бухгалтерии, «государственного и хозяйственного строительства» (советский аналог менеджмента), по 4–5% составляют группы юристов, педагогов, специалистов по сельскому хозяйству, математиков и программистов, а также тех, кто в вузах изучал естественные науки и т.п.

Подорванной оказалась сама человеческая основа социокультурной динамики, инновационный потенциал. Структуры образования и обучения, не допуская формирования элит и их ценностей, не только не стимулировали инновационное развитие, а, напротив, всячески подавляли его, сглаживали под усредненный и весьма невысокий шаблон. Система образования в России была и остается ориентированной на воспроизводство только самых устоявшихся и общепринятых сведений и знаний. В свое время это обеспечило СССР рынок быстрой догоняющей индустриализации, но невозможность изменить эту структуру привела к ее усиливающейся изоляции и провинциализации. Даже в науке, отмеченной общепризнанными достижениями (космос и т.п.), ситуация была далеко не радужная. Во-первых, огромное число занятых в научной

сфере не означало пропорциональной продуктивности. Причина — отсутствие связи науки с гражданской сферой, с проблемами общества: более 2/3 научных сотрудников в СССР, а в России уже свыше 4/5 — 83% работали в ведомственно-отраслевых НИИ, обслуживающих главным образом ВПК и смежные производства, а не в вузовской или академической системе. Доля социальных, экономических и гуманитарных исследований в общей структуре научных разработок в 1980-х гг. составляла всего 3% (с учетом научно-преподавательской деятельности — 6,5%). Отсюда глубочайшая депрофессионализация образованного слоя. Так, к книгам по специальности сегодня обращается не более трети людей с высшим образованием, владельцев даже самых крупных домашних библиотек в более чем 500 книг (при этом доля таких книговладельцев в структуре российского социума за 10 лет, с 1995 по 2005 г., сократилась в 2,5 раза — с 10 до 4% населения).

Если говорить о роли печати и книги в формировании интеллектуальных элит общества, то стоит напомнить, что европейские университеты нового, современного типа (не схоластические средневековые) формировались вокруг больших библиотек, а очень часто и на их основе. Княжеская или королевская библиотека, например, в Геттингене или Гейдельберге, становилась университетской или даже национальной, как в Скандинавских странах и Восточной Европе. Крупные библиотеки в структуре своих фондов, в формах комплектования книг и периодики реализовывали специфический проект, воплощали в себе специфический дух коллективного целого (нации, научного сообщества, корпоративной идеи). Этот важнейший момент обеспечивал надличностный характер культурного и социального воспроизводства общества и вместе с тем служил гарантией того, что обучение каждого может идти индивидуально-избирательным путем. В отличие от этого, бюрократический советский вуз опирался на унифицированное и широкое образование для всех, которое мог обеспечить столь же типовой преподаватель. Хотя бы какую-то независимость, индивидуальность, соответствие собственным интересам учащихся могло дать только самостоятельное чтение в крупных библиотеках, постоянно комплектуемых новейшей и иностранной литературой. Многие нынешние университеты не в состоянии отвечать подобным требованиям. Даже крупнейшие национальные библиотеки и приравненные к ним книжные собрания в столицах (ИНИОН, ГБЛ, «Салтыковка», ВГБИЛ) почти не приобретают новейшую иностранную книгу, резко сократили приобретение зарубежной периодики. Если для точных и естественных наук временная глубина комплектования не так важна, здесь более существен синхронный тематический диапазон информации, то для университетской библиотеки значим и диахронический разрез, последовательность накопления информации без разрывов и лагун.

Результат подобного комплектования крупнейших библиотек России — невозможность обеспечить самые квалифицированные и творческие группы наи-

более сложными и информативными каналами и формами культуры, а значит невозможность для продвинутых групп общества воспроизводить и наращивать качественный уровень — жизни, мышления, творчества, обсуждения сделанного. В этом смысле ситуация в стране сегодня, пожалуй, даже хуже, чем при советской власти. Уменьшилось общее число библиотек и количество записанных в них читателей. Совокупный библиотечный фонд страны сократился и продолжает сокращаться. Показатели получения научной иностранной литературы резко упали. Подчеркнем: речь идет о тех каналах, ответственность за обеспечение и поддержание, развитие которых брало на себя государство, в первую очередь о крупнейших национальных и универсальных библиотеках, затем о региональных универсальных библиотеках, выступающих для области или республики главным каналом информации о мировых процессах в сфере науки и культуры. Это как раз те институты, которые обеспечивают воспроизводство национальной культуры как таковой и существование самых сложных и рафинированных форм знания, науки, коммуникаций. Фактически они («Ленинка», ИНИОН, «Иностранка», ГПНТБ) либо мертвы, либо парализованы.

Резко сокращены закупки актуальной литературы и периодики, особенно иностранной, чего не было в советское время. Тогда можно было говорить о системе ограничений доступа к книгам и информации, глубоко эшелонированной обороне цензуры и идеологического контроля, но, в принципе, для специалиста было вполне возможным преодолеть барьеры спецхрана и в какой-то степени цензуры (последнее — сложнее). Сегодня же можно сказать, что из каждых 10 запросов на иностранную литературу в национальных библиотеках выполняются лишь 1–2. С научной периодикой дело обстоит еще хуже, поскольку в мире она год от года становится все более дифференцированной и специализированной. Россия и в интеллектуальном плане становится островом.

Атрофия наиболее сложных форм репродукции культуры грозит самыми катастрофическими последствиями для будущего страны, ее интеллектуального потенциала. Объем комплектования библиотек книгами снизился в среднем на 43,5%, или с 18,6 тыс. новоприобретений на одну библиотеку этого ранга (1993 г.) до 10,5 тыс. (2000 г.), а экзemplярность (характеризующая доступность наиболее спрашиваемых тематических разделов и книг для читателей) — с 2,8 экз. (цифра близкая к той, что определена законом об обязательном книжном экземпляре для издательств) до 1,9 экз. Представленность национального книгоиздательского репертуара в центральных универсальных библиотеках уменьшилась за 1993–2000 гг. втрое — с 22,6 до 7–8% (2001 г.). Примерно половина универсальных научных библиотек в областных городах вообще не получает иностранной литературы, никакой — ни гуманитарной, ни технической, ни медицинской. Показатели реальной обращаемости книг резко упали. При этом налицо громадные фонды неиспользуемой литературы, изданной в предшествующие годы, — читатели почти никогда ее не спрашивают.

Характерна в этом плане структура и динамика переводов с различных языков мира. Заимствования идут главным образом через каналы *массовой культуры* — через развлекательную беллетристику, детскую литературу, эзотерику: удельный вес переводов в книгах по этим разделам велик и даже, как в случае с беллетристикой, еще растет. Массовая словесность составляет основной поток переводов, хотя не так мало переводится теперь и книг, которые входят или входили в круг актуального чтения западной околуниверситетской публики. Но чем ближе мы к тому, что считается собственно «национальными» темами и проблемами (филология, политика, в еще большей мере образование, культура, система коммуникаций, но особенно государство и право), тем меньше удельный вес переводов и тем более закрытыми для внешнего взгляда и оценки оказываются эти области смысловой работы. А это самым серьезным образом сужает возможности внутрироссийской рефлексии над данными темами, обедняет способности образованных слоев, продвинутых интеллектуальных групп понимать сегодняшние проблемы и завтрашние перспективы страны. Отечественная элита оказывается перед этими проблемами разоруженной, исключительно пассивной либо занимает выжидательную позицию, колеблясь «вместе с генеральной линией» (об искреннем, душевном сервиллизме сейчас не говорим). А это значит, что ближайшие фракции и поколения «заместителей элиты» — референтов и консультантов власти, манипуляторов общественным мнением, «производителей смыслов» и т.п. — будут все менее квалифицированными и ответственными, как все менее эффективным будет их интеллектуальное производство и основывающаяся на нем символическая политика власти.

Российские заменители «элиты»

В определяющем для нас исторически-конкретном смысле обращение к понятию «элита» связано, как мы уже указывали и хотим еще раз подчеркнуть, с вполне определенным социально-политическим моментом новейшей истории России, с максимальной четкостью проявившимся при подготовке, в ходе и результате избирательной кампании 1995–1996 гг. (хотя он начал назревать, по меньшей мере, с 1993 г.)³¹. Речь идет о глубоком кризисе легитим-

³¹ Первые исследования и обобщения, относящиеся к условному «началу» реабилитации понятия «элита» в России и попыткам осмыслить его потенциал в новых социально-политических и экономических условиях см.: *Левада Ю.А.* Элита и «масса» в общественном мнении: проблема социальной элиты // *Экономические и социальные перемены.* 1994. № 6. С. 7–11; *Ершова Н.С.* Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // *Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития.* Т. I. М.: Интерпракс, 1994. С. 151–155; *Головачев Б.В., Косова Л.Б., Хахулина Л.А.* Формирование правящей элиты в России // *Экономические и социальные перемены.* 1995. № 6. С. 19–24; 1996. № 1. С. 32–38; *Лейн Д.* Перемены в России: роль политической элиты // *Социологические исследования.* 1996. № 4. С. 30–40, а также книгу Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина «Интеллигенция», указанную выше.

ности высшей власти, который был в некоторой степени осознан и культурно признан на тот момент потерявшим популярность президентом и его ближайшим, все более закрытым окружением. В ситуации дефицита времени начались суетливые поиски «новых» оснований этой легитимности, уже не связанные с идеями перестройки и демократии, с фигурами, их вносившими во власть и воплощавшими в массмедиа, со всем слоем интеллигенции, который — со своей стороны, но в несомненной связи с описываемым кризисом власти — пережил к этому времени глубочайший внутренний распад, потерю социального места и культурного авторитета. Эти поиски выливались то в скоропалительный правительственный заказ того периода на «национальную идею», то в попытки реанимировать «евразийскую парадигму», то в инициативное разворачивание молодыми менеджерами ностальгических массмедиа-проектов наподобие «Старых песен о главном», «Российской империи» и др. (подробнее о них см. ниже). Именно в этом контексте последние остатки прореформаторских сил в окружении президента, все более становившегося — неважно, по личной воле или в результате маневров окружения, — единоличным центром символической репрезентации власти, были заменены группировкой прагматичных политических консультантов и политтехнологов, которые, при поддержке силовиков и спецслужб, с опорой на все больше оговариваемые СМИ, обеспечили победу Ельцину и постарались закрепить ее плоды.

Сложившаяся конфигурация власти — и своей концентрацией на фигуре первого лица, и фактически слабым, имитативным характером этой власти — уже предвещала перемены политического режима на рубеже 1990–2000-х гг. Характерно, что вызванная на политическую сцену данными обстоятельствами «элита» все чаще активизировала в своих публичных выступлениях символы и ресурсы державности и особого пути, все реже упоминая о модернизации и реформах. Еще резче подобные акценты были расставлены с приходом Путина к власти, после коротких колебаний в начале его первого президентского срока (очередное, но уже гораздо более слабое, чем при Ельцине, оживление надежд как среди населения, так и кругах интеллигенции на то, что новый президент будет претендовать на роль государственного реформатора «сверху» и вместе с тем «отца нации», озабоченного нуждами населения). А после выборов 2003–2004 гг. эта номенклатурно-государственническая, великодержавная тенденция в самоопределении власти и околоставных кругов, самоназавшихся элитой, и вовсе стала — в том числе как реакция на «цветные революции» в странах СНГ — определяющей. Ей постарались придать черты основополагающей «национальной традиции», а президенту — символический статус ее единственного, безальтернативного воплощения.

Тем самым понятие «элита» по своим функциям оказалось заместителем прежнего представления об интеллигенции, равно как и самого слова, к сере-

дине 1990-х гг. дискредитированного и ушедшего в периферийные, безнадежно отсталые слои репродуктивной бюрократии. С «элитой» вернулось удобное представление о новой группе избранных (со старыми функциями, но в изменившихся обстоятельствах) — слое обслуживающих авторитарное руководство специалистов по пиару, обеспечению массовой поддержки. Как и «интеллигенция» (понятийное образование, возникшее на той фазе конца 1950–1960-х гг., когда миссионерская идеология уходила от героической партии к репродуктивным бюрократам — учителям, воспитателям, редакторам, журналистам, даже инженерам — технологическим исполнителям уже завершенного идеологического проекта и государственного задания), «элита» не предполагает реализации значительных, социетальных идеологических проектов, она не связана с какими-либо «большими скачками», революционными трансформациями. Дело «элиты» в этом контексте — медленное, эволюционное развитие, постоянное внесение некардинальных изменений и новаций, оптимизирующее управление обществом и положение власть предержащих. Последние (держатели власти) уже не озабочены проблемами модернизации страны, постановкой каких-то стратегических целей национального развития, не ищут «национальной идеи», они — временщики, а потому нуждаются лишь в инструментальном обеспечении своих позиций, имитации национальной политики, модернизации, защиты национальных интересов и тому подобных форм признания своего авторитета.

Главное отличие того социального множества, которое мыслится в качестве российской «элиты», тех, кто «назначен» властью быть «элитой», от того, что принято в модернизированных, правовых и открытых государственных системах западного или европейского типа, заключается прежде всего в том, что в комплектовании или формировании «элиты» участвуют только государственные органы (в советское время — партийно-государственные органы). Советская и постсоветская «элита» представляет собой государственную бюрократию или ее позднейшие фракции, образующиеся в результате разложения тоталитарных режимов, их радикалы, автономизирующиеся, отделяющиеся от прежних структур, но никогда не теряющие связи с органами власти и массового управления, ведомствами, занимающимися репродукцией режима (система образования и т.п.), социальным контролем, так называемыми «правоохранительными органами», то есть судом, прокуратурой, полицией и спецслужбами. Главные функции этой «элиты» — отраслевое директивное управление, кадровый контроль, легитимация режима, осуществляемая путем информационного ограничения, пропаганды, пиара, убеждения, но никак не целеполагание, обсуждение или критика политики. Отсюда — тенденция к закрытости и изоляции власти от общества.

Во всех других странах, для которых значимы модели демократии и свободного рынка, формы и механизмы образования элиты принципиально иные и более разнообразные. Не так важно, откуда происходят те или иные лица, призна-

ваемые в качестве авторитетных или представительных фигур в обществе (это может быть бизнес, университеты, профсоюзы, социальные движения и политические партии, массмедиа, армия, судебные или правоохранительные органы, адвокатура и т.п.). Принципиально важным является их связь со сферой публичности, то есть институционализированной сферой общественной и открытой рефлексии, презентации, обсуждения, посредством которой идет открытая рационализация социально значимых аспектов жизни общества и его управления, акцентирование ценностей и норм политики, морали и установление соответствия кандидатов общезначимым представлениям. Циркуляция представителей старых и новых элит, постоянный обмен между разными секторами, в том числе государственными службами, — главная особенность элитной селекции. Никакого особого преимущества чиновничество в этом процессе не имеет. Скорее наоборот: чисто бюрократические фигуры, не обладающие собственным политическим или общественным весом, крайне редко включаются в собственно элиту.

Напротив, медленный (и неясный для самих участников, поскольку он задан извне, властью или ее заместителями) процесс «назначения» элитой в России обусловлен столь же постепенным процессом роста авторитаризма, повторным подчинением властью слабого и едва начавшего определяться «общества», а значит подавлением общественного представительства, ослаблением общественных движений, партий, свободы прессы, усилением государственного вмешательства в экономику, влиянием спецслужб и армии. Разговоры об элите возникают к середине и ближе к концу 1990-х гг.³², когда идеологические различия партий практически исчезают³³. Начинается эпоха подмены политики (сужения сферы открытой конкуренции идей и программ) электоральными технологиями, манипуляцией общественным мнением (насаждением разного рода страхов, угроз, подступающих бедствий и тому подобных составляющих катастрофического сознания). В ход идут не только грязные технологии, теневые интриги и расправы (в том числе с помощью коржаковской охраны президента или других спецслужб), но и — чуть позже, скорее уже при Путине — прямые судебные угрозы, давление на политиков (как это было с Лужковым в 1999 г., Юшенковым, Щекочихиным, другими политиками и журналистами). Тем самым функция целеполагания остается как бы лишь за высшей властью³⁴, а это означает,

32 Именно в это время начинают составляться списки элиты, принимающей, как правило, облик VIP, публиковаться разного рода топ-рейтинги наиболее влиятельных политиков и общественных деятелей, газеты ищут опросные службы, которые путем перекрестного опроса и названия общих имен составляют «элиты» и т.п. Толчок задан службой «Vox populi» Б. Грушина, его публикацией «100 самых влиятельных фигур» в «Независимой газете». Сейчас такие рейтинги ежегодно публикует компания «ИНТЕПРОС».

33 См.: Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Российские выборы: время «серых» // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 2. С. 17–29.

34 Но и там — тоже нет, как можно было видеть после 1996 г., когда во властных структурах временами обозначались несколько фокусов влияния, группировок, пытавшихся проводить собственную политику, что вызывало паралич государственного курса.

что поле определения политических задач, приоритетов национального развития резко сужается. У действующих лиц нет ни навыков или опыта отстаивать, аргументировать и защищать свои взгляды, ни средств проведения своих интересов каким-то другим образом (строго говоря, этого не было и в первые годы прихода реформаторов к власти — именно такова природа молчания Гайдара в то время). Но у этого множества, которое политтехнологи пытаются выдать за элиту, нет задачи и ценностного представительства. Относимые к «элите» фигуры не обладают никаким собственным авторитетом, поскольку их «достижения», носящие характер чистейшего блефа, никем не признаны, их просто некому признавать. Поэтому власть вынуждена обращаться к уже отработанным символическим ресурсам — традиционалистским комплексам великой державы, героического прошлого, победы в войне, национализму. В это время инновации, новые ценностные образцы и представления (хотя и совершенно неоригинальные, более того — являющиеся продуктом банализации западной культуры) исходят не от власти, а от других структур — массовой и потребительской культуры, СМИ, бизнеса, моды.

Кого же подразумевают под «элитой», кто включается в этот воображаемый театр власти, кто допускается к участию в ее спектакле или в зрительный зал, кто составляет этот условный корпус «отобранных»? Поскольку это не настоящая элита, а «театр теней», своего рода реконструкция, очень сложная и громоздкая, источников различного влияния на власть ее приближенными или причисляемыми в качестве таковых, то формула ее состава всегда будет очень расплывчатой и смещенной в сторону самих политтехнологов и чиновников. Сюда входят предполагаемые теневые игроки (администрация президента и ее «советники») плюс исполнители важных ролей («говорящие головы» власти), заместители авторитетов плюс публичная клака (СМИ, эксперты, аналитики) плюс тусовка, изображающая публику (попзвезды, «интеллигенты — совесть народа», ученые — директора академических институтов или университетские ректоры, лауреаты госпремий, писатели), плюс ассоциированные с властью предприниматели. Примерную структуру подобных списков (персональный состав «элиты») можно описать следующим образом (такие списки можно найти на разного рода сайтах околоскремлевских экспертов):

- госчиновники (руководители департаментов или управлений ведомств) высшего и среднего уровня;
- директорат, менеджмент госпредприятий или крупных акционированных концернов, контролируемых государством;
- крупные предприниматели (из бывших ИТР, руководства среднего уровня) — собственники и управляющие акционерными обществами и корпорациями;
- чекисты, вошедшие в бизнес в качестве обеспечения служб безопасности

и информации, использующие свои ресурсы связей для инсайдерской информации в бизнесе;

- государственные чиновники высокого уровня, переходящие в частный бизнес (крупные корпорации) и сохраняющие связи с госаппаратом;
- руководители влиятельных СМИ, ведущие журналисты;
- лоббисты корпораций;
- звезды попкультуры;
- политические аналитики и политтехнологи, политические обозреватели;
- депутаты (предприниматели, отставные чиновники и руководители высокого ранга, силовики — армейские или гэбистские генералы, старая номенклатура среднего и высокого уровня);
- лидеры партий (вступающие в закулисные соглашения с кремлевской или региональной администрацией);
- функционеры общественных организаций, фондов, руководители НКО;
- руководители государственных научных академических или отраслевых институтов, играющие роль публичных или государственных экспертов, иногда — профессура вузов;
- ньюсмейкеры — модные фигуры (писатели, артисты, журналисты, телеведущие и пр.).

Еще раз подчеркнем, это не функциональная элита, а «названные» элитой или причисленные к «российской элите» фигуры, считающиеся авторитетными в узких кругах околоскромлевских консультантов. Отметим также такой важнейший момент, как сохранение финансовой зависимости «элиты» от власти — для ведущей и численно абсолютно преобладающей части относимых к «элите» деятелей или представительных фигур государственные структуры по-прежнему являются главным, постоянным или наиболее надежным, регулярным источником материального обеспечения. Это касается не только чиновничества (возможности получения коррупционных, теневых и полузаконных доходов здесь, вполне вероятно, превышают размер должностного оклада и зарплаты в целом, но само нахождение на этой службе является условием их получения), но и числящихся по разряду науки и научного обслуживания (аналитика, консультирование, политтехнологи, пиар), СМИ, ассоциированного с государственными ведомствами бизнеса и пр. Несмотря на то что в 1990-е гг. возникло множество независимых от государства источников поддержки интеллектуальной деятельности, общественной работы, партийно-политической работы, фондов, финансирующих научные разработки, независимых учебных заведений и институтов, частных издательств и т.п., все они не в состоянии обеспечить дифференциацию социальной сферы от госконтроля. Даже если прямая оплата из государственных источников невелика, то все же она, при неразвитости общества, оказывается достаточно значимой, чтобы держать членов «элиты» на «коротком поводке» — либо

из опасения выпасть из системы и «потерять всё», либо из чистосердечной сервильности.

В строгом смысле то, что пытаются сегодня назвать российской «элитой», элитой не является по всем социологическим или политологическим признакам. Правильнее было бы назвать это *социальное образование* окол властных кругами, аудиторией власти, «полусветом» полицейского режима, но не элитой, так как ни одной из важнейших функциональных ролей элиты это образование не выполняет.

Характерно, что в ходе опроса мы отмечали типовую негативную и эмоциональную реакцию респондентов на слово «элита», проявляющуюся вне зависимости от социального положения, вида деятельности, политических ориентаций, места жительства и т.п., — «Я не элита!», хотя составители соответствующих списков включали подобных деятелей в состав российской «элиты». Исключением были лишь представители академических кругов (профессура, политологи, эксперты в области социальных и политических дисциплин).

По существу, в том или ином варианте «российская элита» — не просто воображаемое сообщество, внутренне не имеющее общих символов и связей, полученное очень искусственным соединением различных радикалов окол властных связей и управленческой деятельности. Оно выглядит как очень рыхлое и слабо связанное между собой социальное множество, конгломерат имен и позиций. Его нельзя назвать «слоем», тем более «правлящим» (ибо реальной власти у него мало, и она очень частична, локальна и узкофункциональна). Нельзя назвать и «политическим классом» по Михельсу или Моске, то есть «классом», контролирующим назначение на высшие государственные должности и позиции: это множество не контролирует данные позиции и даже не является основным кадровым ресурсом власти, тем более питомником общественных или партийных лидеров³⁵. Оно не играет и символически представительскую роль (репрезентации общих или коллективных, корпоративных ценностей, как это делает фюрер или аристократия), так как большая часть членов этой аморфной группы тщательнейшим образом избегает всякой публичности как в непосредственной профессиональной деятельности, так и в образе жизни, потреблении и пр. Но главное препятствие при консолидации этого множества и превращении его в самодостаточную группу со своим специфическим групповым сознанием (в «класс для себя», если воспользоваться моделью А. Грамши) заключается в неартикулируемом диффузном «единомыслии» этого множества, обусловленном зависимым отношением этих деяте-

³⁵ «Реальная политика» при Путине делается «под ковром», в кабинетах его администрации, в коридорах власти, складываясь в виде постоянного компромисса между интересами немногих олигархических кланов, приближенных к власти.

лей к власти. «Власть» (отношение к власти и тем самым зависимость от нее) оказывается условием их идентификации. А это означает, что собственно функциональная специфика группы — функции социальной репрезентации и посредничества, рефлексии и рационализации, интерпретации происходящего в перспективах различных акторов и их интересов («общество» как таковое) не может быть выражена или определена.

Смутность осознания «элитой» своей роли или места связана с тем, что ее представители мыслят себя по-прежнему в качестве группы, роль которой заключается прежде всего в идеологическом воздействии на власть (и на общество в смысле «население»), тогда как фактически они являются чиновниками, «спецами», обслуживающими задачи власти, и никак иначе себя не представляют и не мыслят. Власть остается в их глазах центральным игроком на политическом или общественном поле, всемогущим фактором социального воздействия, источником силы и финансовых потоков. Идея «пропаганды либерализма» (в представлении политиков правого толка) как путь модернизации, внесения ценностей современного общества в косную среду постсоветской России при осуществлении на практике не дает ожидаемых результатов и должна быть признана неадекватной или неглавной. Она еще имела какой-то смысл в начале 1990-х гг. (как условие прояснения массам сути политики реформаторов), но после 1996 г. оказывается допотопной и безусловно архаичной. Основной порок этой позиции чисто интеллигентский и номенклатурный: общество при этом видится как нечто пассивное и инертное, гомогенное, как объект воздействия элиты (в значении «власти», активного начала), в то время как единственно адекватная для задачи модернизации посылка заключается в рассмотрении общества как взаимодействия различных участников, мотивированных своими интересами и представлениями. Иначе говоря, не консолидация единомышленников, а дифференциация социальных отношений, их институционализация как системы взаимосвязей — вот точка понимания процессов модернизации и социального изменения.

Операционализация исследовательских задач

Цель нашего исследования состояла в том, чтобы выявить представления российской элиты о предпочтительных и возможных вариантах развития страны, о политике нынешнего президента, характере его режима, механизмах и источниках поддержки, о стабильности власти и общества, перспективах передачи президентских полномочий в 2008 г. За «элитой» мы, исключительно в рабочем порядке, приняли совокупность авторитетных и влиятельных лиц, занимающих ответственные позиции в органах исполнительной и законодательной власти (руководители департаментов, депутаты Госдумы и региональ-

ных законодательных собраний, члены СФ), готовящих политические решения, обеспечивающих или оказывающих влияние на их принятие, а также представителей крупного и среднего бизнеса, руководителей СМИ, известных по публичным выступлениям представителей интеллектуальной элиты и культурной «интеллигенции», лидеров политических партий или ведущих политиков, руководителей общественных организаций, аналитиков, военных, правоведов, руководителей правоохранительных органов и т.п. О теоретических аспектах проблемы определения «элиты» было сказано выше, уточнения же к принятому здесь операциональному определению будут даны при дальнейшей интерпретации материала.

Исследование состояло из трех этапов.

1. *Опрос представителей элиты в Москве в форме нестандартизированного глубокого интервью по разработанной проблемно-тематической схеме, проводившегося непосредственно ведущими сотрудниками Левада-Центра*³⁶. Смысл этих интервью — предварительно определить круг социальных, экономических, политических проблем, значимых для представителей элиты, выявить основные точки зрения последних на ключевые проблемы нынешнего режима Путина, перспективы модернизации России и оценки результативности путинской политики, представить характер основных, типических аргументов и ходов мысли для последующей разработки формализованного опросного листа, с помощью которого можно проводить опрос соответствующих категорий элиты в регионах. Всего с марта по май 2005 г. было проведено 59 таких интервью, протяженностью от 45 минут до полутора часов (см. приложение):

Менеджеры высшего звена, крупные предприниматели	10
Ученые экономисты, политологи, юристы	10
Бывшие или действующие высокопоставленные офицеры МО и КГБ	7
Правозащитники	4
Высокопоставленные чиновники	5
Депутаты Государственной Думы	6
Члены Совета Федерации РФ (сенаторы)	2
Депутаты Московской городской думы	3
Руководители партий (вне Думы)	5
Журналисты, писатели	7

³⁶ Основная часть интервью были проведены Н. Зоркой, Л. Гудковым, Б. Дубиним. В интервьюировании участвовали также М. Красильникова, А. Левинсон, А. Леонова, С. Королева, Э. Азарх. Выборочно материалы этих бесед представлены в третьей части книги, подготовленной Н.А. Зоркой.

2. *Опрос представителей российской элиты в регионах страны.* Были охвачены 44 региона, в каждом опрашивалось в среднем по 10–13 человек. Если при этом захватывались и сопредельные области, то в ряде случаев планировалось увеличение числа интервью в одном региональном отделении до 17–19. Опрос представлял собой стандартизированное интервью. В качестве интервьюеров выступали, как правило, руководители региональных отделений Левада-Центра, то есть наиболее опытные и квалифицированные люди нашей производственной сети. Критерии отбора интервьюируемых подразумевали включение в их число в обязательном порядке заместителя губернатора, руководящего одним из основных направлений работы в регионе; ответственных представителей исполнительной власти (руководителей департаментов); ответственных сотрудников аппарата представителя президента в федеральном округе; депутатов законодательных собраний; влиятельных и наиболее известных представителей крупного и среднего частного бизнеса в регионе, представителей региональных отделений организаций предпринимателей; руководителей крупных государственных предприятий в регионе; работников суда, прокуратуры и правоохранительных органов, высших офицеров воинских частей, дислоцируемых в регионе; руководителей региональных СМИ. В конечном счете состав основной группы опрошенных оказался следующим:

Заместители губернаторов по важнейшим направлениям	77
Высокопоставленные представители исполнительной власти	74
Высокопоставленные чиновники в руководстве федеральных округов	29
Депутаты законодательной власти (преимущественно региональных законодательных собраний)	49
Руководители крупного и среднего частного бизнеса	49
Руководители и представители руководства предпринимательских организаций	45
Руководители крупных государственных предприятий	42
Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	48
Высокопоставленные представители армии и МВД	53
Влиятельные представители региональных СМИ (главные редакторы и их заместители, главные режиссеры, ведущие обозреватели)	49
Всего	515

Всего было проведено, таким образом, 515 интервью. Начало опроса — 5 июля 2005 г., окончание — 30 сентября 2005 г. Длительность опроса в среднем — 60–80 минут.

3. *Опрос московской интеллектуальной элиты и культурной «интеллигенции», лидеров общественного мнения, ньюсмейкеров.* Данный опрос проходил по другой технологической схеме (самозаполнение формализованной анкеты) и по времени разворачивался на полгода позже основного этапа сбора материала. По замыслу опрошенные (всего заполнено 57 анкет) должны были представлять собой «контрольную группу» столичных интеллектуалов, «критически мыслящих», обладающих гораздо более широкими информационными горизонтами, в том числе источниками неформальных сведений. Смысл формирования этой группы — указать пределы нынешнего российского «свободомыслия», границу процессов рационализации происходящего. Предполагалось также, что эта публика, возможно, будет настроена гораздо более негативно по отношению к путинскому режиму или, по меньшей мере, будет дистанцироваться от нынешней власти. В данную подгруппу вошли независимые аналитики и эксперты — социологи, политологи, экономисты; известные журналисты, выступающие как в печатных, так и в аудиовизуальных медиа; писатели, литературные критики, режиссеры и актеры театра и кино, представители других видов искусства; продюсеры, менеджеры массовых коммуникаций; выходцы из академической среды (историки, культурологи, социологи); «публичные интеллектуалы» (ведущие авторских колонок в печатных и сетевых изданиях, передач по радио и на ТВ); правозащитники; политики, представители различных партий; деятели Русской православной церкви; адвокаты.

Основные линейные и табличные распределения данных приведены в Приложении.

Ход работы

За все время существования нашего Центра (то есть с лета 1988 г., с момента образования ВЦИОМ и начала эмпирических социологических исследований, до вынужденного переименования его в 2004 г. в Левада-Центр) у нас не было более трудоемкой и проблематичной работы. Дело не только в концептуальной неразработанности темы применительно к отечественной действительности или в общественной нравственно-психологической обстановке в стране — распространенных настроениях подавленности, апатии, цинизма или нытья, характерных для второго срока президентства Путина³⁷, но и в чисто технических трудностях сбора информа-

³⁷ См.: Левада Ю.А. Общественное мнение в политическом зеркале // Вестник общественного мнения. 2006. № 2. С. 8–18; Гудков Л.Д. Цинизм «непереходного» общества // Там же. 2005. № 2 (76). С. 43–62; Гудков Л.Д. Деньги и власть в общественном мнении россиян // Там же. 2006. № 3. С. 47–58; № 4. С. 23–43.

ции — процедурах интервьюирования, представляющих уже вполне содержательный интерес.

То, что высокопоставленные и высокостатусные люди труднодоступны для социолога — вещь хорошо известная не только в нашей стране, но и на Западе. Авторы и организаторы этого проекта, что называется, догадывались об этом. Но никто из нас не мог предполагать такой степени социальной закрытости данного слоя. На первом этапе, при проведении серии неформальных глубинных интервью в Москве, доступным для встречи (согласившимся на интервью) оказывался в среднем лишь один из 35–40 кандидатов. На втором этапе, при анкетировании в регионах (разумеется, после получения письменной просьбы об участии от руководства Центра с объяснением целей исследования и характера использования материала), согласие на встречу давал один из 13–15 кандидатов³⁸. Чтобы получить согласие на встречу, требовалось в среднем примерно от 18 до 25 контактов (звонки по телефону, высылка примерного списка вопросов и тем, предоставление соответствующих рекомендаций от коллег интервьюируемого, описание характера исследования и т.п.)³⁹. Причем даже после получения предварительного согласия на встречу и беседу необходимо было сделать множество дополнительных разъяснений о характере исследования и заверений в том, что этот разговор никак не может повредить интервьюируемому. Наиболее распространенная среди высокого чиновничества и политиков (вне зависимости от партийной принадлежности) реакция — простое бюрократическое заматывание и блокировка контактов референтами и секретарями ответственного товарища («Иван Иванович на совещании... Позвоните через неделю»; «Да, он в курсе, он думает»). Реже это был откровенный отказ без обоснования или с обоснованием причин («Прежде всего я должна понять, зачем мне это, собственно, нужно...» или «Зачем мне какие-то неприятности на мою голову? Я что-то скажу, а потом "мой" [начальник, губернатор, министр и т.п.] узнает, что у меня есть какое-то "мнение" насчет чего-то... Зачем мне это все надо?»). В самых редких случаях мы получали официальный письменный отказ, мотивированный запретом вышестоящих инстанций для официальных или высокопоставленных лиц на их встречи с представителями общественности или несанкционированные контакты с прессой. Иногда ссылались на «сверхзанятость» в данный момент или в обо-

³⁸ В провинции число отказов было заметно меньше прежде всего потому, что сам выбор кандидатуры для подобного анкетирования был гораздо уже, что делало процедуру отбора более жесткой.

³⁹ Опрос на первом этапе проводился сочетанием двух методических приемов: после интервью с выбранным из предварительно составленных списков «элиты» человеком, согласившимся на беседу, мы просили его порекомендовать нам еще двух–трех авторитетных и «интересных» людей из того круга, к которому принадлежал респондент. Они должны были быть, по его оценке, представительными для описываемой нами группы, влиятельными, самостоятельно думающими людьми, к чьему мнению прислушиваются другие, как коллеги, так и вышестоящие инстанции или более широкая аудитория (если речь идет о журналистах или писателях).

зримый период⁴⁰ и совсем редко — на «невозможность», уже после согласия на контакты и получение анкеты, ответить на вопросы в силу принципиально иного представления о происходящем (реакция «сверхкомпетентных»).

Методически строгого учета отказа от интервью или анкетирования мы не вели (о чем задним числом пожалели), поскольку никто не предполагал такого масштаба отказов или уклонений, не имеющего ничего общего с практикой обычных массовых опросов⁴¹. Но некоторые, пусть не строгие, основания говорить о том, кто чаще уклонялся от контактов, у нас есть. Прежде всего, это три категории: 1) судебские, прокуратура (не говоря об ФСБ — здесь шли на контакт только «отставные» чекисты в высоких чинах); 2) руководство МВД, армии, все равно, в округах или в Москве; 3) высшие чиновники из органов исполнительной власти, как правило, связанные со СМИ, печатью, идеологией.

Мотивы отказа не сводятся только к страху перед возможными служебными неприятностями. Гораздо более существенное значение имеет спесь чиновничества, воспринимающего себя кастой «допущенных» к начальству, и как следствие — искреннее недоумение по поводу того, что кто-то «со стороны», для них совершенно не значимый, вообще может обращаться к ним с подобными глупостями. Дело даже не в бюрократическом хамстве — просто представители данного слоя полагают, что они не перед кем, кроме начальства, не ответственные, в буквальном смысле — не должны кому-то отвечать. Другими словами, мы имеем дело с закрытой средой или группой назначенных сверху в качестве «высокопоставленных», не имеющих никакого представления об ответственности перед обществом, не понимающих, что такое «публичность» власти или публичность «элиты», ее открытый и репрезентативный характер.

⁴⁰ Приведем в качестве примера письмо заместителя командующего войсками одного из округов, генерал-майора, директору нашего Центра: «Глубокоуважаемый Юрий Александрович! Командующий войсками N округа генерал-полковник NN выражает Вам огромную благодарность за то, что Вы сочли нужным обратиться к нему в связи с проводимым экспертным опросом наиболее влиятельных и информированных представителей политической, экономической, военной и культурной элиты России. К большому сожалению, в силу огромной служебной загруженности у командующего войсками округа нет времени и возможности принять Вашего представителя для ответов на Ваши вопросы. По поручению командующего войсками N округа генерал-полковника NN сообщая: ввиду того, что армия является инструментом государственной власти и находится вне политики, мы поддерживаем курс Президента Российской Федерации. Наша обязанность — неукоснительное выполнение задач, поставленных Президентом Российской Федерации как Верховным Главнокомандующим. С уважением...».

⁴¹ Во время опроса, который проводили Институт стратегической безопасности и «Политический журнал», были отмечены сходные показатели согласия на интервью высокопоставленных «представителей исполнительной, законодательной, судебной власти РФ федерального и регионального уровней, сотрудников администрации президента, деятелей науки или культуры». Общее число опрошенных депутатов Госдумы составило 216 человек. Из них 74 отказались без объяснения причин, 72 — попросили отсрочки (и не ответили), 13 — сказали, что задаваемые им вопросы вне их компетенции, 18 — сослались на большую занятость, 9 — заявили, что они не занимают политикой, 12 — пытались узнать, согласована ли эта инициатива с властью. Иначе говоря, 198 человек (92%) фактически уклонились от интервью социологов. См.: Политический журнал. 2005. № 37 (88). С. 66–67.

Еще раз подчеркнем, что полное непонимание своей публичной роли отличает не только чиновников из разных ведомств, но и тех, кто, по идее, считает себя «избранными», лучшими, «элитой», — политиков, менеджеров культуры, писателей, артистов. В минимальной степени это характерно для представителей академического мира, журналистов и частного бизнеса, сравнительно легко идущих на контакты. Иное профессиональное сознание, социально-групповая идентичность, предполагающие открытую установку на социальное взаимодействие с другими акторами, не блокируют возможностей взаимодействия с интервьюерами, так как смысл и значение этих исследований — обобщенное, абстрактное понимание своей роли и ответственности — им вняты. Структура социального мира в латентной форме присутствует у них в нормах взаимоотношений с другими партнерами, в самих социальных способностях к коммуникации, навыках рационализации текущих политических процессов в России. Уход от контактов с социологами представителей окол властной российской «элиты» может объясняться также внутренними комплексами политического «косноязычия», отсутствием собственных мнений или неспособностью к их артикуляции.

При анализе мнений, которые высказывали опрошенные, мы старались учесть несколько методологически важных обстоятельств. Экспертные суждения представителей различных групп российской элиты, спровоцированные социологами в данном опросе, носят во многом оценочный характер. Они по определению находятся в другой смысловой плоскости, чем собственно технология управления, практика принятия и проведения управленческих решений, которыми наши опрошенные заняты (или были заняты, если совсем недавно ушли в отставку) в своей повседневной деятельности. Подчеркнем: прямое перенесение их мнений на сегодняшнюю политическую ситуацию, трактовка их как реальности — невозможны. Данная ситуация складывается во взаимодействии и конкуренции данных групп, в противоборстве и относительном сближении их позиций, так что для понимания смысла сказанного респондентами нужна *социологическая интерпретация*.

Такая интерпретация предполагает выявление в мнениях респондентов *общего фонда* имеющихся на нынешний день стереотипов, транслируемых общедоступными медиа, в публичных выступлениях политиков, программных текстах и пр. (достаточно указать, что главным источником информации о положении дел в стране для более чем 90% опрошенных являются именно отечественные СМИ; для трех четвертей — собственные впечатления; для 62% — социологические и статистические материалы). Одной из исследовательских процедур в этом плане было сопоставление экспертных точек зрения с массовыми оценками, данные о которых систематически собираются и анализируются Левада-Центром. В то же время важно всякий раз учитывать, во-первых, *связь высказываемых мнений* с коллективным горизонтом и опытом респон-

дента, его принадлежностью к той или иной ветви власти, руководящей подгруппе с их разной на нынешний день силой, далеко не равными возможностями, формами влияния и, во-вторых, *воображаемую адресацию* его высказываний — с кем он в данном случае соглашается, а от кого дистанцируется или кому противостоит.

Таким образом, взаимные оценки этими подгруппами друг друга выражают степень самостоятельности и влиятельности данных элитных фракций, их ориентированность на консервацию положения или на тот либо иной вариант его реформирования, а баланс этих оценок подытоживает стоящие за ними претензии, удовлетворенность или неудовлетворенность сложившейся на сей день композицией власти и влияния.

Особое значение приобретают в этой связи противоречия и умолчания в высказанных суждениях, рассогласованность в оценках себя и других, что указывает на сложную ориентацию респондентов, на их попытки учесть иные точки зрения, неоднозначность и возможную динамику ситуации. Не включив эти социологически значимые обстоятельства в анализ, мы рисковали бы остаться при одномерных и тривиальных высказываниях, а это, конечно, значительно обеднило и грубо исказило бы полученную информацию, закрыло перспективы ее более адекватного, многомерного понимания.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВЛАСТЬ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК, МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Характер и направленность изменений в стране: оценки населения

Тезис о модернизационном потенциале элиты, или элите как агенте модернизации российского общества, сегодня чрезвычайно распространен среди политиков самого разного толка. Это — аксиома, одна из важнейших посылок восприятия себя и своей роли политическим и интеллектуальным бомондом. Уверенность предопределяется и использованием терминологии западной транзитологии, и параллелями с характером развития стран Восточной Европы, безапелляционностью геополитических рассуждений политтехнологов и журналистов. Крайне редко это положение ставится под сомнение, кажется, практически никто из аналитиков не задавался вопросом, в какой мере оно соответствует действительности⁴².

Для того чтобы фальсифицировать это утверждение, достаточно изменить точку зрения на элиту и ее результативность в качестве фактора модернизации. Если «элита» действительно является агентом модернизации, то мы можем проследить результаты ее деятельности, если не сами институциональные изменения, то по крайней мере силу ее способности к рационализации происходящих процессов, выдвиганию новых образцов, воспринимаемых социальной средой в качестве картины реальности или как минимум ориентиров действия. Идеологическое и просветительское воздействие на общество — основной принцип партий демократической направленности в России, стержень мотивации многих фондов и общественных организаций. Посмотрим с этой точки зрения на результаты работы элиты в посткоммунистической России.

Отношение основной массы наших граждан к необходимости перемен в обществе не сильно поменялось со времени перестройки. У населения, уставшего от хронического дефицита, нищенского существования, очередей, преобладали государственно-патерналистские установки. Была надежда, что к власти придут новые и честные лидеры, «истинные представители народа», которые будут забо-

⁴² Одним из немногих аналитиков, критически относившихся к этому постулату и проверивших его значимость в ходе собственных исследований элиты (правда, только региональной), является В.П. Мохов. Его вывод: «...в России в настоящее время невозможен ни полный возврат назад, ни создание либерального общества по западному образцу. Страна не может выйти за рамки тех обстоятельств, которые были созданы в предшествующую эпоху. Те социальные силы, которые окрепли в недрах советского строя, стремятся к сохранению своего господства в открытой форме. Означает ли это, что они смогут обеспечить новый виток модернизации России? В нынешнем виде — нет, поскольку отсутствует реальная мотивация модернизационных усилий как у государства, так и у складывающегося слоя собственников. Главное же заключается в том, что не сформированы условия для того, чтобы новые участники социальной и политической жизни, в том числе — региональные элиты, получили стимул для развития производства» (*Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990 гг.)* : Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. С. 49. Более подробно см. в его книге, вышедшей под тем же названием (Пермь: ПГТУ, 1998).

тяться о простых людях, стремиться к установлению большей социальной справедливости в распределении доходов, упразднению социальных привилегий партийной номенклатуры. В конце 1980-х «среди опрошенных в большей степени распространены ожидания твердых гарантий со стороны государства, чем расширение возможностей выбора деятельности, форм экономического поведения. Ценности, связанные с экономической и гражданской свободой, имеют пока значительно меньшее число приверженцев. <...> Всего 10–15% опрошенных реальные положительные сдвиги связывают с расширением свободы деятельности»⁴³.

Идеи, например, глубокой социально-политической и экономической реформы, перехода к рыночной экономике, институционализации частной собственности, привлечения иностранных капиталов разделяла очень незначительная часть советского общества. Даже среди наиболее образованных слоев (директора предприятий, ИТР, гуманитарная интеллигенция, служащие) подобные цели одобряло не более тех же 10–15%). Резко отрицательно относились к этим идеям военные, юристы, работники правоохранительных органов, чиновники, не говоря уже об основной массе населения, настаивавшей на том, что перемен к лучшему можно добиться в первую очередь за счет наведения в стране «твердого порядка» (50% в 1988 г., 55% в 1989 г.), «улучшения качества планирования» (34% — 1988 г., 22% — 1989 г.), «сокращения военных расходов» (26% — 1988 г., 18% — 1989 г.), а также предоставления колхозникам и рабочим совхозов права владеть землей и техникой (35% — 1988 г., 31% — 1989 г.; правда, среди самих земледельцев эта мнение было крайне непопулярным). Сторонников легализации частного предпринимательства и поощрения частной собственности («под должным контролем») было всего 13% в 1988 г. и 10% в 1989 г., привлечения иностранных инвестиций — 8% в 1988 г. и 11% в 1989 г.⁴⁴ В декабре 1989 г. в той или иной мере поддерживали политическую линию КПСС 57% (в том числе «полностью» — 30%), не поддерживали — лишь 14%.

Иначе говоря, на тот момент никаких соображений по поводу предстоящих реформ, в том числе их необходимости (и неизбежности в связи с приближающимся банкротством советской власти) не было ни у власти, ни у «народа», ни у более образованной и квалифицированной части общества. Представления о будущем не выходили за границы робких надежд на улучшение материального положения, расширение возможностей заработка без угрозы быть привлеченным к уголовной ответственности и возможностей местного и производственного са-

⁴³ Есть мнение! Итоги социологического опроса. М., 1990. С. 50. В другом опросе (ноябрь 1989 г.) процент опрошенных, считавших главной задачей, стоявшей перед страной, «снятие всех запретов и ограничений с предпринимательской деятельности», составлял всего 7%, «построение свободного демократического общества» — 19%. Для сравнения: «обеспечение народу материального благополучия» — 38%, «возрождение деревни» — 24%, «строительство подлинного социализма» — 9%. (См.: Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993. С. 280).

⁴⁴ Есть мнение! С. 70, 282.

моуправления, ограничение привилегий начальства, а главное — на приход доброго «царя»⁴⁵. Оглядываясь назад из сегодняшнего дня, представляется, что ожидать чего-то другого от тоталитарного общества-государства, закрытого, милитаристского социума было нельзя. Но по той же причине едва ли следует удивляться тому, что и последующие, постперестроечные реформы воспринимались населением как «навязанные», «неестественные», причем эти представления с течением времени лишь укреплялись. Фактически это стало доминирующим мнением если и не абсолютного большинства, то все же той же значительной части населения, которая как-то отзывается на происходящее, то есть выходит за рамки своего круга повседневности (особенно если учитывать тех, кто уходит от ответа, что по-своему отражает неприятие закономерности изменений в стране).

Таблица 1. Как вы считаете, то, что происходит в стране начиная с 1985 года?..

(N = 1600)

Вариант ответа	1994, июль	2004, январь
Это естественный и неизбежный процесс	40	37
Нынешний путь развития искусственно навязан стране	42	49
Затруднились ответить	18	14

Таблица 2. Вы согласны с тем, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось таким, как было до начала перестройки?

(N = 1600)

Вариант ответа	1995, октябрь	1996, февраль	1997, февраль	1998, февраль	2000, март	2001, март	2003, март	2004, март
Совершенно согласен	31	27	34	29	25	29	35	22
Скорее согласен	22	22	18	22	25	25	21	24
<i>Сумма согласных</i>	<i>53</i>	<i>49</i>	<i>52</i>	<i>51</i>	<i>50</i>	<i>54</i>	<i>56</i>	<i>46</i>
Скорее не согласен	20	22	23	22	27	23	23	24
Совершенно не согласен	15	18	18	17	13	16	15	19
<i>Сумма несогласных</i>	<i>35</i>	<i>40</i>	<i>41</i>	<i>39</i>	<i>40</i>	<i>39</i>	<i>38</i>	<i>43</i>
Затруднились ответить	12	11	7	10	10	7	6	11
Отношение согласных к несогласным	1,5	1,2	1,3	1,3	1,2	1,4	1,5	1,1

⁴⁵ Характерно, что после начала реформ авторитарные установки населения заметно усилились. На вопрос «бывают ли такие ситуации в жизни страны, когда нашему народу нужен сильный и властный руководитель, "сильная рука"?» удельный вес ответов «нашему народу постоянно нужна сильная рука» увеличился с 15% в 1989 г. до 35% в 1994 г. и продолжает расти, хотя и медленнее, вплоть до нашего времени (42% в 2005 г.). Одновременно доля ответов «ни в коем случае нельзя допускать, чтобы власть сосредоточивалась в руках одного человека» уменьшилась с 44 до 18% (1996 г.) и остается с тех пор примерно на этом уровне.

Таблица 3. С какими из следующих мнений по поводу реформ, начатых в 1992 г. правительством Гайдара, вы бы скорее согласились?

(N = 1600)

Вариант ответа	1997, март	2000, март	2002, март	2004, март
1. Они оказали безусловно положительное влияние на экономику России	3	1	2	4
2. Они были болезненны, но необходимы	19	19	14	21
3. В них не было никакой необходимости	15	22	17	19
4. Они оказали разрушительное действие на экономику России	41	44	51	36
Затруднились ответить	22	14	16	20
Сумма чисто негативных оценок реформ (п. 3 + п. 4)	56	58	67	56

Ближайшие результаты реформ оказались совсем не такими, какими их представляло себе большинство населения (а отдаленные последствия, включая повышение жизненного уровня, позже приписало себе путинское руководство). Деориентированная масса, утратив понимание происходящего, была вынуждена цепляться за прошлое как за нечто будто бы стабильное, определенное, в отличие от других, неясных и аморфных, социально-политических и экономических моделей. В 2004 г. «социализм» (в разных вариантах) считали предпочтительным общественным строем для России 50% опрошенных, «капитализм» (как в Европе или США) — 12%, смешанные формы посчитали желательными 22%. Соотношение мнений о том, какая «политическая система лучше — та, что была в советские времена», или «демократия по западным образцам», на протяжении последних 8–9 лет составляло 1,6–1,7. То же самое приходится сказать и по поводу государственной плановой экономики и экономики рыночной: в 1997 г. (перед кризисом) соотношение «за» и «против» было 1,1; в 1998 г. — 1,5; в 1999 г. — 1,4; в 2000 г. — 1,6; в 2001 г. — 1,9; в 2003 г. — 1,6; в 2004 г. — 1,6⁴⁶.

Таблица 4. Какой общественный строй вы считаете наиболее подходящим для нашей страны?

(Ответы ранжированы, июнь 2004 г., N = 1600)

Социализм советского типа (как был в СССР)	26
Строй, в котором сочетались бы черты социализма и капитализма	22
Гуманный социализм «с человеческим лицом»	17
Капитализм (как в Западной Европе, США)	12
Жесткий социалистический режим с рынком и частной собственностью (как в Китае)	7
«Соборный», на основе православных традиций	4
Затруднились ответить	12

⁴⁶ См.: Общественное мнение. 2004 : Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2004. С. 12–13.

Однако вероятность возвращения к брежневским временам абсолютное большинство опрошенных — 86% — считает нереальной (значительной — лишь 5%). Да и не все хотели бы туда вернуться: положительно отнеслись к подобной перспективе 39%, отрицательно — 48% (март 2004 г., N=1600).

Подобная неопределенность массового сознания в отношении важнейших коллективных представлений и целей национального развития можно было бы считать свойством самого общественного мнения, неспособности толпы к рациональному пониманию происходящего и четкому выражению того, что она считает значимым и важным. Но такой вывод не совсем верен, так как обо всем, что массовое сознание считает для себя действительно существенным (рост цен, социальная политика, война в Чечне, служба в армии, коррупция власти и пр.), оно высказывается вполне определенно, рационально и недвусмысленно. Скорее мы имеем здесь дело с отсутствием фигур, групп, инстанций, авторитетных для массы, то есть с неспособностью «элиты» выдвинуть приемлемые для широких слоев мнения о текущих событиях, с неясностью позиций и взглядов, обнаруживающихся среди самого образованного и политически ангажированного меньшинства, или же — что не менее, если не более вероятно — с неавторитетностью представлений элиты для основной массы населения, подозрительностью общества в отношении элиты, ее дискредитированностью в массовом сознании. Многочисленные исследования, проводимые нашим Центром, свидетельствуют о слабой дифференциации мнений в обществе: представители образованных и статусно более высоких групп в этом отношении лишь незначительно отличаются от бедных и необразованных жителей периферии⁴⁷. Политическая верхушка, в очень сильной мере зависимая от массовой поддержки в период выборов, ориентируется на популистские образцы мнений и коллективных представлений, с легкостью принимая взгляды толпы за норму. Так происходит с разного рода вопросами, касающимися национальных отношений, антизападничества, рессантимента в отношении «олигархов». Короче говоря, эффективными, значимыми, принятыми большинством оказываются представления «элиты» обо всем, что касается «низкой природы» человека и общества — фобий, цинических оценок, разного рода страхов и угроз. Однако рос-

⁴⁷ По мнению Ю. Левады, «элита лишь на шаг отличается по образу мыслей, мышлению, установкам от массовых показателей» (Левада Ю.А. Еще раз о проблеме социальной элиты. С. 275). К тем же заключениям, но применительно к показателям ксенофобии у массы и социальной элиты (у людей с высшим образованием, занимающих высокие социальные позиции) приходят и другие исследователи. См., например: Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М.: НЛЮ, 2004. С. 243; Леонова А.С. Настроения ксенофобии и электоральные настроения в России, 1994–2003 г. // Вестник общественного мнения. 2004. № 4. С. 83–91.

сийская элита показывает себя малосостоятельной в позитивной работе — внесении новых образцов, идеалов, целей, воодушевляющих массы на нечто позитивное и обнадеживающее. Это не какая-то случайность или странная девиация, а проявление остаточных механизмов закрытого общества, оборонного сознания, репрессивных институтов тоталитарной системы с ее поисками скрытых врагов, призраками вредительства, тягой к запретительству и пр.

Сравнивая два замера общественного мнения (в самом начале путинского правления, то есть в период ретроспективных оценок ельцинского периода, и через четыре года, к концу первого срока президентства Путина), можно отметить устойчивость принципиальной структуры оценок. Изменения в массовых мнениях касались лишь некоторого смягчения по двум жестко выраженным позициям — «отсутствие продуманной программы реформ» и «неверность курса реформ», все другие изменения едва превышают допустимые в подобных исследованиях стандартные отклонения в точности измерения — $\pm 3,5\%$. Первые четыре позиции (см. табл. 5) непосредственно характеризуют саму элиту и ее способность влиять на общество (авторитетность), что имеет прямое отношение к пониманию «модернизационного потенциала» российской элиты и ее роли в обществе.

Таблица 5. В связи с чем прежде всего возникают проблемы в проведении демократических и рыночных реформ в России?

(Ответы ранжированы по первому замеру, $N = 1600$)

Варианты ответа	2000, март	2004, март	Различия
Коррупционность правящей элиты	47	42	– 5
Отсутствие продуманной программы проведения реформ	45	30	– 15
Неверность самого курса реформ	25	16	– 9
Нехватка в правительстве компетентных, профессионально работающих специалистов	24	24	0
Несовместимость рыночных отношений с российским укладом жизни	22	21	– 1
Неумение населения жить в условиях рынка и демократии, отсутствие инициативы и желания работать	18	17	– 1
Слишком высокий темп, резкие перемены в жизни людей	17	12	– 5
Медленные темпы, непоследовательность в проведении реформ	12	13	+ 1
Сопrotивление, саботаж чиновников	10	12	+ 2
Затруднились ответить	9	12	+ 3

Такой вывод подтверждается результатами и других исследований, в частности о том, куда движется страна под руководством президента, признанного подавляющим большинством населения (табл. 6 и 7).

Таблица 6. Есть ли у Вас представление о том, в каком направлении движется наша страна, какие цели поставлены перед ней ее нынешним руководством?

(N = 1600)

Варианты ответа	2004, март	2005, август	2006, август
Довольно ясное представление	18	14	22
Довольно смутное представление	43	41	36
Нет никакого представления	23	22	23
Ясно, что дела в стране пущены на самотек	14	18	13
Затруднились ответить	4	5	5

Таблица 7. В каком направлении развивается сейчас политическая жизнь России?

(Октябрь 2005 г., N = 1600)

Развитие демократии	32
Восстановление прежних советских порядков	7
Становление авторитаризма, диктатуры	12
Нарастание хаоса, анархии, угрозы государственного переворота	30
Затруднились ответить	18

Итак, около 80% россиян не имели и не имеют ясного представления о векторе государственной политики (в 2004 г. таких было 82%, в 2005 г. — 86%, в 2006 г. — 78%). Мнение, что дела в России «идут в правильном направлении», разделяет устойчивое, хотя в последние годы заметно «подросшее» меньшинство: в 1996–1997 гг. это были лишь 15–20% опрошенных, в момент кризиса 1998 г. — 5–6%, в 2001 г. этот показатель достиг 35–40% и на этом остановился (если не считать однократного всплеска политической удовлетворенности в марте 2004 г. — тогда был достигнут уровень почти в 50%, но затем показатель опять опустился до 30%). Мнение же, что «события ведут нас в тупик», разделяли от 60% (ноябрь 1996 г.) до 40–45% (в среднем за 2000–2005 гг.). Подчеркнем, что тренд позитивной определенности («все правильно») точно укладывается в точки траектории роста путинского авторитаризма и «усиления вертикали власти». Пик приходится на предбесланский период, время охоты на «олигархов», ликвидации свободных СМИ, деградации парламента и судебной власти. Парадокс массовых представлений заключается в следующем: несмотря на то что сегодня 77% населения не имеют представления о том, в каком направлении движется страна, каковы политические цели ее руководства, те же 76% «доверяют» Путину и 78% «одобряют его деятельность». Но на вопрос «Оправдались ли ваши надежды, связанные с Путиным?» только 46% ответили «да», 32% — «нет», 15% заявили, что «никаких

надежд на него не было и нет», и 7% затруднились ответить на этот вопрос (август 2006 г., N = 1600).

Другими словами, оценить прямой эффект идеологических модернизационных усилий российской «элиты» оказывается крайне проблематично, если вообще о таком эффекте возможно говорить. Правильнее было бы говорить о том, что общество пассивно адаптируется к происходящим институциональным изменениям (вне зависимости от того, какими соображениями или причинами они вызваны), плохо понимая общую стратегию, смысл изменений или не видя такового, не воспринимая сами перемены как часть общей программы реформ по модернизации страны⁴⁸. Но если это так, то нет никаких оснований видеть в российской «элите» нечто определенное и целостное, социальную группу или образование, обладающее каким-то потенциалом социальных реформационных идей, планов и проектов модернизации. Если за 15 лет мы не можем найти в общественном сознании следов идеологической работы элиты, партий, интеллектуального, научного или экспертного сообщества, то тем самым подрывается основной тезис интеллигенции, ее устойчивая убежденность в собственной миссии — просвещения, идеологического внесения новых ценностей в массы.

Тем не менее тезис о необходимости модернизации страны стал лозунгом, объединяющим сегодня политиков самого разного толка. За прошедшие 15 лет после краха коммунистической системы это слово уверенно вошло в лексикон практически всех выступающих и пишущих на темы реформ и перспектив развития России. Его популярность стала особенно заметной после ухода из правительства прореформаторской группировки во главе с Гайдаром и массивной их критики, следствием которой стала распространенная убежденность в том, что это были «неправильные» реформы, нанесшие стране много вреда. Удельный вес таких негативных оценок колебался от 56% в 1997 и 2004 гг. до 67% в 2002 г. (см. выше *табл. 3*), но в любом случае это было мнением абсолютного большинства населения⁴⁹.

Что же понимается в данном случае под модернизацией? Как и другие слова, заимствованные из лексикона западных социологических и политических наук, этот термин появился в середине 1960-х — начале 1970-х гг. и толковался несколько произвольно, поскольку был взят из научной литературы уже довольно позднего времени, в основном обсуждавшей проблемы вторичной, догоняющей или запаздывающей «модернизации» в «третьем мире», в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии и других регионах. Он относился главным обра-

⁴⁸ См.: *Бондаренко Н.* Типология личного потребления населения России // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 1. С. 34–44; № 4. С. 40–49; *Левада Ю.А.* Варианты адаптивного поведения // Там же. № 1. С. 7–13.

⁴⁹ Принципиальных различий в знаке оценки этих реформ основной массой населения и высокообразованными группами нет — есть, разумеется, расхождения в степени выражения подобных мнений разными группами, но сути дела они не меняют.

зом к процессам формирования западных правовых, государственных, образовательных, экономических институтов в странах и обществах, переживавших серьезный кризис и ломку традиционных отношений. Проблемы ранней модернизации (соответственно, условий возникновения тех институциональных структур и культурных представлений, которые и стали осознаться в качестве «современности», европейской культуры), как правило, в отечественной науке того времени не рассматривались и даже плохо понимались по самым разным причинам, в том числе по соображениям самосохранения, нежелания затрагивать идеологически опасные темы, которые были табуированы истматовским официозом. Поэтому с самого начала имел место неконтролируемый сдвиг внимания и интереса обществоведов в проблематике модернизации — с ценностных, антропологических и институциональных условий модерности на факторы ускоренного развития, не «вестернизации», а «политики модернизации», то есть проведения такого государственного курса, который позволял руководителям развивающихся стран обеспечивать высокие темпы экономического роста, инвестиций в новые технологии, в образование, в развитие инфраструктуры и пр.

При этом в стороне оказывались проблемы демократии, правового, гражданского общества, защиты прав человека, что, собственно, и обеспечило в свое время стремительное развитие европейской цивилизации. Как известно, лидерами подобных процессов в 1970–1980-е гг. были разного рода азиатские «тигры» и «драконы», общества отнюдь не демократического толка, военные, однопартийные, авторитарные режимы (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Малайзия). Для эпохи застоя (времени окончательной деградации коммунистической идеологии, полного исчерпания ее мобилизующего, воодушевляющего потенциала) опыт авторитарной политики интенсивного экономического развития был весьма важен, хотя, конечно, осваивался он в первую очередь академическими кругами, представители которых выступали в качестве экспертов для партийного руководства. Других источников интеллектуального стимулирования и «освежения» тогда не было. Для более широкой среды, мало знакомой с западной литературой, ничего иного не оставалось, как традиционно обсуждать проблемы модернизации на материале российской истории (протомодернизация Петра и форсированная военно-промышленная модернизация Сталина, немыслимая без тоталитарных институтов и массового террора).

По сути дела, дискуссии того и более позднего, уже перестроечного, времени затрагивали не столько политологические или социологические аспекты названных процессов, сколько ценностные: оправдывала ли политика строительства супердержавы такие человеческие жертвы, не слишком ли большой была цена за выход СССР в мировые державы? Будучи примитивными и поверхностными, подобные дискуссии быстро затухли, не избавив массовое сознание от несовместимых в идеологическом плане представлений и комплексов: с одной стороны — готовность поддержать политику великодержавной иден-

тичности, которую проводят лидеры страны, с другой — глубоко упрямый страх перед репрессиями и нежелание чем-либо поступаться ради государственных амбиций. Иначе говоря, мы имеем дело с полуразрушенными тоталитарными структурами массового сознания, комплексами закрытого, мобилизационного общества и одновременно с установками и аппетитами быстро формирующегося потребительского общества. Но и в том и в другом случае о следах какого-то воздействия (морального, социального, идеологического, рационализирующего) предполагаемой элиты говорить нельзя. Речь скорее должна идти о пассивной адаптации населения, его сложной приспособительной реакции на масштабные и многоплановые социальные перемены, природа и направленность которых недоступна пониманию «массового» человека без длительной и специальной работы элит, публичной сферы, массмедиа и пр.

Крах СССР и первые попытки трансформации советской системы заставили забыть о модернизации как системной политике. Необходимость в пожарном порядке провести срочные решения, которые могли бы спасти страну от голода и гражданской войны, заставили отложить дискуссии на тему модернизации. Но по мере ослабления угрозы полного развала и появления первых признаков «нормализации» вопрос о направлениях и характере реформ вновь приобрел актуальность. Середина 1990-х гг. не только стала временем сворачивания политики реформ, но и, как мы уже указывали, была отмечена поиском обслуживающими власть интеллектуалами (аналитиками, экспертами, «идеологами») оснований для легитимации режима Ельцина, теряющего популярность. Именно когда власть, побоявшись опереться на слабое гражданское общество, стала все больше и больше нуждаться в силовых структурах, зависеть от спецслужб как собственной опоры и гаранта, тогда и пошли разговоры о национальной философии, поиски «национальной идеи», разработки «российской геополитики», напоминания о «евразийском проекте». Началась реставрация традиционалистской великодержавной риторики, смена курса с построения демократического и правового государства на строительство «великой демократической России», новой великой державы, стало заметным обращение к националистической риторике самого разного плана — от внезапно появившихся множественных мелких националистических партий, движений и организаций (от ФНС до РНЕ) до попыток соединить либерализм и западничество с национализмом, дабы не упустить массового избирателя (поздняя идея «либеральной империи»).

Все эти признаки изменения моральной и идеологической атмосферы означали только одно: конец эпохи демократизации, восстановление авторитарных структур, начало консервативной реакции, нового цикла изоляционизма и антизападничества, возобновление войны в Чечне и постепенную подготовку прихода нового вождя, постепенно отыскиваемого среди спецслужб и сотрудников КГБ. Как раз с этого момента (примерно со второй половины 1990-х гг.) риторика модернизации становится особенно удобной для сменившей ельцинское

окружение первых лет obsługi, состоявшей из второго и третьего эшелонов провинциальной номенклатуры, силовиков, аппаратчиков, позволяя беззащитно соединять самые разные вещи, значимые для самых разных групп элиты, ориентирующейся на разные политические цели. Одни (демократы и либералы) в «модернизации» видели некую идею институциональных реформ, проведение которых позволило бы России сблизиться по своему устройству, духу, гражданской культуре с западным миром (ЕС, США и т.п.), войти в «семью цивилизованных стран», другие же под модернизацией подразумевали форсированный выход из затяжного кризиса плановой экономики, восстановление сильного «государства» (под которым понималась централизованная государственная экономика), развитой промышленности, обеспечивающей военный потенциал и державную мощь, а значит и соответствующее отношение к России других стран.

Иными словами, второй, аппаратный, вариант «модернизации» соотносился с геополитической озабоченностью и соответствующими выкладками новой номенклатуры, изживанием комплекса ущербности, поражения, развала «великой державы», проигранной войны в Чечне. Этот вариант требовал принудительной консолидации вокруг единого лидера, централизации власти, подчинения других авторитетов главе государства, усиления контроля над обществом, короче, восстановления практики административного произвола. Разумеется, эти меры были нужны для отражения опасности со стороны «международного терроризма» на Северном Кавказе, который пришлось предварительно длительное время выращивать в ходе развязанной войны в Чечне и Ингушетии, для укрепления законности и пресечения подрывного влияния со стороны западных фондов и их агентов внутри НКО, средств массовой информации, проводивших чуждую нашему обществу политику разложения государства, финансируемую олигархами, и пр.

Во всяком случае, этот вариант «модернизации» не имел ничего общего с европейскими ценностями «современности», эмансипацией общества от государства, введением произвола государственной бюрократии в какие-то рамки законности, утверждением независимости частной собственности, свобод и прав человека, то есть с процессами последовательной структурно-функциональной дифференциации. Путинская «модернизация» — это не более чем прикрытие реставрации старых репрессивных структур и легитимация авторитаризма, использование крайне рутинного, давно отработанного (сохраняющегося еще с довоенных советских лет и затем неоднократно всплывающего в самом разном виде — от хрущевских «догнать и перегнать» до раннегорбачевского «ускорения») арсенала идеологии форсированного развития. Дело не столько в практических программах инвестирования в те или иные сферы производства, сколько в потребности усилить легитимацию неустойчивой или слабой власти проектами будущих достижений страны: «будет вам счастье», а если не счастье, то укрепление государства, резко повышающее коллективное самоудовлетворение. К такому выводу подталкивает и наш анализ мнений опрошенных представителей элиты.

Первое, что обращает на себя внимание при анализе взглядов представителей элиты: у основной массы опрошенных нет ощущения того, что страна нуждается в кардинальных реформах, без проведения которых России бы грозила быстрая деградация или распад, что необходимы какие-то принципиальные изменения того стратегического курса, которым она сегодня движется (табл. 8).

Таблица 8. Может ли, по вашему мнению, Россия при сохранении нынешнего порядка вещей превратиться в периферийную страну, находящуюся в изоляции от мирового сообщества?

Категории опрошенных	Варианты ответа		
	«Очень вероятно» + «достаточно вероятно»	«Маловероятно» + «исключено»	Отношение «вероятно» / «невероятно»
Элитный опрос (в среднем)	39	61	0,6
Население в целом*	23	62	0,4
Заместители губернаторов	34	65	0,5
Высокопоставленные представители исполнительной власти	28	72	0,4
Руководство федеральных округов	10	90	0,1
Депутаты Государственной Думы и региональных законодательных собраний	53	47	1,1
Крупный и средний частный бизнес	45	53	0,8
Руководители организаций и союзов предпринимателей	49	51	1,0
Директорат крупных госпредприятий	43	57	0,8
Высокопоставленные сотрудники судов и прокуратуры	21	79	0,3
Высокопоставленные офицеры армии и МВД	26	72	0,4
Руководители региональных СМИ и профессура местных университетов	41	57	0,7
Московские интеллектуалы	72	28	2,6

* В % к числу опрошенных, август 2006 г., N = 1600, за исключением затруднившихся с ответом.

Перспективу деградации великой державы и ухода с мировой сцены считают маловероятной 61% опрошенных представителей «элиты» (без резко контрастирующих с ними московских экспертов и интеллектуалов), вероятной — 39%. Это предельно близко к распределению массовых мнений и еще раз указывает на то, что наша «элита» по своему характеру «массовидна», то есть ее мнения мало чем отличаются от мнений всего населения. Причем ближе к массовым позиции именно тех подгрупп «элиты», которые представляют собой опору путинского режима, — силовиков, сотрудников репрессивных органов, аппаратов федеральных округов и чиновников из структур исполнительной власти. Или, другими словами, эти наблюдения говорят о том, что порядок конституции, отбора, формирования

российской «элиты» не имеет ничего общего с механизмами собственно элитарной (ценностной, конкурентно-достижительской) селекции.

Доля тех, кто считает перспективу ухода страны на периферию мировых процессов очень вероятной, составляет 9%. Причем у многих опрошенных подгрупп элиты этот показатель еще ниже, а значительно выше среднего озабочены таким вариантом развития событий лишь три контингента — представители частного бизнеса (18%), депутаты местных собраний (20%) и, в наибольшей степени, московские эксперты (26%), однако и здесь такого рода озабоченность не становится ведущей позицией.

Инерция тоталитарной власти проявляется прежде всего в тенденции к систематическому снижению функционального разнообразия, в том числе к примитивизации политики и управления, а значит и к устойчивому обеднению символического и целевого характера окружения власти. Само по себе это обеднение может выражаться по-разному: в ритуализации и традиционализации господства и всей общественной жизни, оглушении публичной сферы, выборе наиболее простых и жестких («солдатских») вариантов политического поведения, склонности к популизму, выведении массовых представлений на уровень высшей политики (что влечет за собой повышение удельного веса ксенофобии, агрессии, репрессивных мероприятий), снижении эффективности управления, отрыве власти от общества и т.п.

Подобные убеждения окол властных кругов в 2006 г. резко контрастируют с умонастроениями, которые преобладали в конце 1980-х — начале 1990-х гг. и даже еще раньше: для представителей образованного слоя советского общества, директората, чиновничества, интеллигенции, да и более широких слоев, было характерно предощущение перемен, сознание необходимости кардинальных изменений в стране. Не знали, куда и как двигаться, что делать, но понимали, что конец эпохи близок.

Сегодняшняя ситуация — принципиально иная. После череды социально-политических кризисов, экономических провалов, ломки государственных отношений, общей неопределенности, дезориентированности населения возникла массовая потребность в устойчивости, предсказуемости социального порядка и хозяйственно-экономических отношений, связанная с необходимостью адаптации к новым условиям существования. Эти настроения характерны для подавляющей части населения, но и в самой структуре власти произошли существенные изменения, также отвечавшие потребности в стабильности. В высших властных эшелонах были оттеснены на задний план представители первой команды реформаторов, на которых те, кто пришел им на смену, повесили ответственность за все беды, связанные с приватизацией, обесцениванием сбережений населения, ростом безработицы и общей неуверенностью в завтрашнем дне. Пришедшие во власть новые группировки — выходцы из провинциальной номенклатуры или из силовых структур — были более прагматично настроены,

более коррумпированы, а потому ставили перед собой (и перед страной) совершенно иные цели. Принципиальный передел собственности закончился, открылись иные перспективы, партийно-советская карьера перестала быть единственным лифтом наверх или к источникам благополучия. Возник спрос на консервацию произошедших изменений, страх перед переменами, кризисами и неопределенностью, способными выбить тех, кто у власти, с их позиций.

Именно в этой атмосфере становится популярной новая, модельная для национального сознания стоящих у власти фигура — силовой администратор. Это, условно говоря, не Л. Бальцеревич или В. Гавел, а А. Столыпин — царский губернатор с его лозунгом реакции «Вам нужны великие потрясения, а нам — великая Россия», решительный и волевой премьер-министр («диктатор»), подавляющий мятежи и массовые беспорядки. Разумеется, Путин во всех отношениях не «генерал», но в данном случае важны вектор ориентаций, *образец* государственного деятеля, пример политики рутинизации изменений и идеологическое оформление такой политики. Либерализации и правовому, открытому и нерепрессивному обществу противопоставляется государственное величие, Империя, великая держава, сильная административная и централизованная власть, безальтернативная и в социальном, и в символическом плане, а потому неизбежно единоличная и принимающая персонифицированный характер.

Если в начале прошлого века непонимание внутренних проблем, стоящих перед Россией, крайне срочных задач реформирования власти и государственных институтов, больше того — *нежелание их понимать* компенсировалось напыщенной великодержавной и геополитической риторикой, то ровно то же самое воспроизводится и в конце 1990-х гг. Смена состава элит требует психологической компенсации, защиты от фрустрирующих комплексов поражения, ущемленности и национальной или социальной неполноценности, так и не переработанных в нечто позитивное, в определенные результаты реформ, не рационализированные за время кризисов и развала. Напротив, у пришедших на смену «серых» и послушных исполнителей усиливаются совершенно другие настроения: Россия — великая страна, и нет ничего, что свидетельствовало бы о том, что такое положение может когда-либо измениться. Поэтому нет и особой необходимости еще что-то ломать, менять и реформировать.

Угрозы хаоса, распада, коллапса страны, требовавших срочно принимать меры, проводить *необходимые изменения* для самосохранения системы, к концу 1990-х — началу 2000-х гг. уже не было. Рост цен на нефть и превращение России в важнейшего игрока на мировом рынке энергоресурсов как будто бы сняло остроту вопроса о реформах и модернизации⁵⁰. В этом смысле у большинства

⁵⁰ Ограниченность подобных ресурсов, а главное, социальные последствия их завышенной оценки нынешней российской властью и ее пиар-обеспечением стали предметом многостороннего анализа в спецвыпуске «Сила нефти и газа» журнала «Pro et Contra» (2006. Т. 10. № 2–3).

опрощенных в отношении перспектив развития страны преобладает сравнительно новый — его не было даже в 1997–1999 гг. — тон благодушной уверенности примерно в таком духе: всё наконец идет как надо, мы движемся в правильном направлении и постепенно, автоматически, как бы само собой, в более или менее отдаленной перспективе сблизимся с другими развитыми странами.

В этой связи стали подчеркиваться два момента: во-первых, следует учитывать «национальные особенности» России и особые пути ее развития (на более актуальном политическом жаргоне это, после некоторых колебаний и поисков, стало называться «суверенной демократией»), а во-вторых, с реформами не нужно торопиться, ведь и наиболее развитые страны достигли своего нынешнего положения не за один век. За всеми этими соображениями о «постепенности» и «откладывании», которым стал придаваться благопристойный вид неких идей, концептуальных постулатов, идеологических приверженностей, стоит непровозглашенный, но вполне явный отказ верхов российской власти и близких к ним групп обслуживания (финансового, силового или интеллектуального) от какой бы то ни было либеральной составляющей модернизационного проекта, вообще от либерального государства и либеральной экономической системы.

В подобных условиях социальный порядок, как предполагается, может обеспечить только вполне конкретная структура нынешней централизованно-иерархизированной власти и композиция составляющих ее группировок. В целом они не заинтересованы ни в каких изменениях — ни в новых политических партнерах (значимых «других») и новых отношениях с ними, ни в конструктивном диалоге, ни в разделении власти и ответственности. Это главное в нынешней ситуации. Отказ от значимого «другого», от того, чтобы самому стать другим, страх перемен — тяжелейшие симптомы тоталитарного наследия. В форме рассуждений об отсрочке коренных перемен и особенностях страны, ее «традиций» и «менталитета» властные группы и группировки утверждают, поддерживают, проектируют на воображаемое будущее неизменный характер собственной власти, не терпящей ни конкурентов, ни альтернатив, ни обсуждения и выбора вариантов. Изоляция России и замораживание реформ — безальтернативная стратегия и тактика нынешних правящих групп, технология их властеосуществления. Номенклатурная риторика некоего «нового», «здорового» патриотизма, как и задетых «национальных интересов», вообще весь симулятивный национализм и великодержавничество основных политических фигурантов и огосударственных массмедиа сегодня — лишь акция прикрытия для данной спецоперации по удержанию власти (в известной мере эта акция, понятно, учитывает раздражение и обиды российского населения в 1990-е гг., как и низовые массовые стереотипы в отношении оставшейся в прошлом «великой державы» и ее будто бы «особого пути»).

В плане сравнительно-исторической социологии, вероятно, стоило бы говорить о двух версиях или двух моделях социального развития России (и соот-

ветствующем их смысловом, символическом, риторическом ресурсе) — номенклатурно-державной (ее среда и опора — аппарат) и интеллигентски-просвещенческой (в российских условиях она заменяет «культуру», европейскую антропологическую программу культуры, неотъемлемую от всего неписаного проекта модерна). Отмеченной, основной выступает первая модель, именно она институционализована в структурах базовых, прежде всего властных, институтов российского социума, воспринимается как норма в массовом сознании, в представлениях большинства элитарных групп. Вторая — реактивная, авральная, страховочная, но в любом случае дополнительная по отношению к первой. Она выявляет и подчеркивает ее дефициты, иногда возбуждает вопрос о социальной цене государственной политики — как принудительной мобилизации, так и тотального отчуждения масс от власти (в обоих случаях цена непомерна).

Важно, что обе эти модели оперируют риторикой социального целого, либо воплощенного в «народе», либо персонализированного в «первом лице» (а чаще в кентаврической смеси того и другого). В этом смысле их приходится аналитически квалифицировать как пережиточные по отношению к предшествующим и достаточно давним фазам становления государства и общества на Западе — в той мере, в какой обе эти модели так или иначе связывают Россию с Западом, почему все-таки и выступают моделями модернизации или по крайней мере ее риторическими стратегиями. Больше того, с этим связана их роль ингибиторов в зачаточных процессах социальной дифференциации, интеллектуального усложнения, наращивания культурного многообразия и возможностей выбора. Обобщенно можно сказать, что это *модели модернизации со встроенными в них контрмодернизационными, самоотрицающими, самоуничтожающими элементами*. С этим фундаментальным обстоятельством конечно же связано то, что проблема кристаллизации, артикуляции, представительства идей, ценностей, интересов самостоятельных групп никогда не становится в России ключевой проблемой политики, политических движений, партий, печатных или аудиовизуальных коммуникаций и т.д. Поэтому, кстати, и другие модели развития — либерально-демократические, национальные, христианско-демократические, с упором на местные силы, коммунальные связи, поведение, установки, права частного человека и пр. — не получают или почти не получают в российских условиях сколько-нибудь внятного политического и интеллектуального оформления, поддержки, не обсуждаются и не разворачиваются.

В нынешней же ситуации, второй половины 1990-х — первой половины 2000-х гг., в России все публичные и даже «кухонные» споры о модернизации страны и вовсе отошли в прошлое. Слова о реформах выветрены из политического обихода и повседневного словаря. В частности, та мнимая несомненность данного процесса (государственной модернизации, «суверенного» раз-

вития) в мнении большинства опрошенных экспертов, о чем говорилось выше, как будто бы снимает для них множество «ненужных», «частных», тактических или даже технических вопросов о том, что требуется для этого делать или каковы стратегические различия моделей этого движения. (Этим полученные во время формализованного опроса ответы представителей провинциальной элиты, которая в принципе дальше от обсуждения выбора стратегических направлений, заметно отличаются от мнений представителей московской элиты, полученных в ходе свободного интервьюирования, — среди последних гораздо более отчетливо проступают тревожные или даже пессимистичные настроения, в еще большей мере они характерны для дополнительно опрошенных в 2006 г. московских экспертов контрольной группы⁵¹.)

Разберем, на что ориентируется, какую политику государства считает оптимальной российская элита.

Предпочтительные модели развития: мнения элит

Начнем с самых общих характеристик — декларируемых современной российской элитой принципиальных ориентаций на различные варианты развития страны.

То, что страна должна и, главное, может развиваться, у опрошенных сомнений нет. Вопрос в том, кто задает цели политики развития и как они определяются. Абсолютное большинство опрошенных (86%)⁵² без тени сомнения полагают, что такой фигурой является исключительно *президент Путин* (не какая-то партия, общественная группа или институт, а именно Путин), причем это всеобщая уверенность распространяется и на московских интеллектуалов (68%), мнения которых во многом заметно, часто радикально отличаются от точек зрения прочих групп респондентов. Интересно, что массовое мнение далеко не так однозначно в понимании того, кто должен определять стратегические политические задачи страны. На вопрос «кто должен определять, в чем состоят государственные интересы России?» самая большая доля ответов была «весь народ на референдумах» (47%) и лишь затем «президент России и его окружение» (37%). В политическую дееспособность российского парламента мало кто верит сегодня — вариант ответа «Госдума России» выбрали всего 11%. Возможно, такая сдержанность в отношении Путина обусловлена до-

⁵¹ Среди представителей московской интеллектуальной элиты преобладают те, кто допускает вариант «болливизации» России, по выражению Г. Ревзина (см. сборник его статей «На пути в Боливию». М.: ОГИ, 2006). 72% в сумме считают его «вероятным» (в том числе 26% — «очень вероятным»), 28% — «маловероятным».

⁵² А среди руководителей федеральных округов и сотрудников правоохранительных органов — практически все (96–97%).

вольно сдержанной или даже скептической оценкой фактических результатов его политической деятельности:

Таблица 9. Какие реальные результаты принесли реформы, объявленные Путиным после прихода к власти?

(Таблица ранжирована по первому столбцу – «положительным результатам», в % к числу всех опрошенных, 100% по строке, N = 1600, август 2006 г.)

Реформа	Реальные положительные результаты	Негативные результаты	По-настоящему еще и не проводилась	Отношение положительных оценок к негативным	Нет ответа
Назначение губернаторов	33	28	31	1,2	8
Военная	28	20	45	1,4	7
Пенсионная	28	40	27	0,7	–
Монетизации льгот	27	51	18	0,4	5
Образования	24	39	32	0,6	5
Административная	22	22	49	1,0	7
Здравоохранения	22	43	31	0,5	4
Налоговая	18	28	43	0,6	11
Организации партий	15	26	47	0,6	12
Судебная	13	21	55	0,6	11
ЖКХ	8	59	30	0,1	3

Сравним распределение этих мнений населения с оценками результатов реформ представителями элиты.

Таблица 10. Какие реальные результаты принесли реформы, объявленные Путиным после прихода к власти?

Реформа	Позитивные результаты		Негативные результаты		По-настоящему еще и не проводилась	
	Элита	Масса	Элита	Масса	Элита	Масса
Назначение губернаторов	33	57	28	31	31	12
Военная	28	22	20	20	45	59
Пенсионная	28	26	40	31	27	43
Монетизации льгот	27	31	51	59	18	10
Образования	24	10	39	42	32	48
Административная	22	30	22	23	49	47
Здравоохранения	22	10	43	39	31	51
Налоговая	18	47	28	21	43	33
Организации партий	15	32	26	37	47	31
Судебная	13	29	21	19	55	51
ЖКХ	8	8	59	33	30	59

Оценки элиты и массы различаются не очень существенно. Расхождения обусловлены главным образом значимостью реформ для разных социальных категорий. Практически совпадают оценки военной, пенсионной и административной реформ, хотя население, опираясь на свой опыт, несколько чаще говорит о том, что реформы еще и не начинались. Небольшие расхождения наблюдаются в оценке изменений в системе образования и здравоохранения — элита чуть выше оценивает эти достижения (видимо, исходя не из реальных социальных результатов, а из самой идеологии этих планов). Но наибольшие различия проявляются в представлениях об изменениях в выборах губернаторов, положении политических партий, налоговой политики, суда, ЖКХ. Отмену выборов губернаторов население положительно воспринимает потому, что, следуя общей тенденции высокого доверия президенту, распространяет это доверие и на его назначенцев, полагая, что предложенные меры уменьшают своеволие и коррупцию в верхах региональной власти. Элиты же справедливо расценивают эти изменения как покушение на свои права и возможности. Отношение к реформам ЖКХ — преимущественно негативное и у тех и у других, но элита боится социальных последствий этих перемен гораздо сильнее, чем население, которое пока не ощутило в этой области никаких принципиальных изменений. Реформы в области судебной власти, налогов, партийной системы — реально не слишком затрагивают основную массу, поэтому она полагается в данном случае на СМИ и официальную пропаганду, трубящую об успехах в борьбе с коррупцией, олигархами и т.п.

На фоне всеобщего единомыслия российской «элиты» относительно роли и значения Путина, характера его политических намерений кажутся парадоксальными резкие противоречия в мнениях разных элитарных групп о ближайшем окружении президента, наличии у него команды сотрудников (соратников, исполнителей), необходимой для решения задач модернизации. Почти две трети представителей «элиты» (62–64%) считают, что такой команды у президента нет; еще более категоричны в этом отношении московские аналитики и бизнесмены — соответственно 83 и 71% опрошенных. С подобным мнением большинства в наибольшей степени расходятся ответы тех, кто, собственно, и составляет опору путинского режима, — сотрудников аппарата федеральных округов, кадровый состав которых, если верить О. Крыштановской, в основном укомплектован бывшими сотрудниками спецслужб. В этой подгруппе тоже две трети (64%), напротив, решительно утверждают, что такая команда есть. К ним приближаются чиновники из ведомств исполнительной власти, силовики из армии и МВД, а также прокуратура и судейские (соответственно 47, 45 и 44%, что практически одно и то же, учитывая статистическое наполнение этих категорий).

Получается довольно странная картина: на фоне общей убежденности опрошенных в благих намерениях президента четко вырисовываются две полярные позиции относительно его команды, то есть собственно инструментов реализации намеченной им политики. Одна позиция сводится к тому, что путинские благие намерения оказываются лишь общим пожеланием, они декларативны, так как поставленные цели не могут быть реализованы из-за отсутствия квалифицированных исполнителей. Вторая выражает (хотя и не так категорично) уверенность в том, что необходимая команда исполнителей у Путина есть. Правда, в основном эту точку зрения высказывают именно назначенные «исполнять» верховные решения, те, кому большинство представителей российской «элиты» отказывает в доверии и компетенцию которых не признает.

Опыт последних лет свидетельствует о том, что именно «путинский набор»: чекисты, прокуроры, новые кадры в органах исполнительной власти, генералитет, силовики из разных ведомств и т.п. — менее всего склонны к соблюдению правовых норм, их трудно назвать сторонниками демократии и правового государства, защитниками частной собственности и других «неотчуждаемых прав и свобод человека». Именно с их помощью проведены все контрреформы последних лет, позволившие говорить об установлении полицейского государства в России: упразднено региональное и местное самоуправление, ликвидирована самостоятельность парламента, установлена зависимость крупного бизнеса от государства. Как правило, эти назначенцы занимают самую консервативную и жесткую позицию по всем вопросам, затрагивающим те или иные аспекты советского прошлого, роль репрессивных органов. Они в максимальной степени отличаются антизападной риторикой, ностальгией по прошлому, ксенофобией и нетерпимостью, склонностью к изоляции страны и ограничению свободы граждан, усилению государственного контроля в экономике и частной жизни. Именно они представляют собой наименее реформированные тоталитарные институты, сохранившиеся практически без изменений с советских времен.

Другое столь же характерное расхождение в мнениях опрошенных заключается в том, что большая часть (от 55 до 65%, а среди московской элиты даже 70%) тех, кто критически или негативно оценивает президентскую администрацию и высшую федеральную власть, столь заботливо выстроенную Путиным по вертикали, полагают, что этими людьми движет главным образом стремление любой ценой удержать власть, защитить достигнутое положение, в то время как «путинские исполнители», перечисленные выше, заявляют, хотя и не столь уверенно, о стремлении данного аппаратного контингента превратить Россию в современную, экономически развитую и социально благополучную страну (от 42 до 33%, см. табл. 11).

Такая структура мнений — Путин хочет быть модернизатором, но у него нет ни средств, ни людей для проведения подобной политики, и, напротив,

он окружен карьеристами и временщиками, цепляющимися за власть как таковую, — прослеживается во всех аспектах нашего исследования. В какой-то степени она воспроизводит массовую матрицу восприятия власти (добрый царь и злые бояре), а в какой-то — интересы групп, выступающих потенциальными конкурентами тех, кто сегодня «наверху», оттесненных от власти или еще не допущенных к ней.

Рассмотрим эти обстоятельства подробнее. Основная масса опрошенных не сомневается в том, что Россия так или иначе движется или будет двигаться в сторону рынка и демократии. Однако мнения об оптимальном характере этого движения у разных подгрупп элиты расходятся. 35% считают, что более предпочтительной была бы модель европейской модернизации — быстрое и последовательное движение к рынку и демократии, к правовому государству. Почти столько же (31%) склоняются к медленному, эволюционному развитию страны в сторону рыночной экономики, направляемой сильным централизованным государством, которое будет базироваться на традиционных национальных ценностях и особенностях⁵³. 18% считают желательным не копирование чужого опыта, а следование особому российскому пути, который не похож ни на один из названных выше, то есть опять-таки ссылаются на национальные особенности. Исходя из этого, можно сказать, что само по себе поле представлений о предстоящем развитии страны крайне расплывчато и неопределенно, слабо проработано и в отношении будущего у элиты нет согласия.

Точнее, согласие отмечается лишь в качестве самой общей идеологемы: в идее власти в России непременно присутствует в качестве ее легитимационной составляющей идея модернизации, которая представляет собой остаток советских представлений о «строительстве нового общества», сохраняющихся теперь в форме смутных желаний, чтобы когда-то в будущем Россия стала страной рыночной экономики и демократии. По отношению к этому довольно туманному комплексу представлений (лишь относительно всех прочих взглядов лучше структурированному, см. *табл. 11*) выстраиваются прочие идеологемы и представления о желательном пути развития, в которых, подчеркнем, гораздо большее значение придается традиционным ценностям, в первую очередь сильному патерналистскому государству. Рынок здесь оказывается лишь одним из средств достижения настоящих целей — возрождения великой державы, восстановления сильного государства, как и в советское время, контролирующего все области общественной жизни.

⁵³ Из других наших опросов элиты — ведущих журналистов, депутатов Государственной Думы — во второй половине 1990-х гг. известно, что среди подобных «национальных особенностей» лидируют геополитическое положение и общинный строй жизни, плюс та же сверхцентрализация власти и дирижизм в экономике.

Таблица 11. Какой из вариантов развития России лично вам представляется предпочтительным?

А — европейский вариант модернизации (последовательное движение к рынку, демократии и правовому государству); **Б** — советский вариант (плановая экономика, государственная идеология, восстановление великой державы); **В** — чилийский вариант (движение к рынку и демократии через авторитаризм); **Г** — медленное, эволюционное развитие страны в сторону рыночной экономики при сильном государстве с учетом национальных интересов; **Д** — особый российский путь, не похожий ни на один из перечисленных выше

(*В % к числу опрошенных соответствующей категории «элиты», без затруднившихся с ответом и вариантами «другое» (= 4%)*)

Категории опрошенных	А	Б	В	Г	Д
В среднем*	35	7	4	31	18
Заместители губернаторов	42	5	3	29	18
Высокопоставленные представители исполнительной власти	35	5	5	31	16
Руководство федеральных округов	41	7	3	28	17
Депутаты Государственной Думы и региональных законодательных собраний	29	8	2	37	18
Крупный и средний частный бизнес	39	2	4	25	25
Руководители организаций и союзов предпринимателей	42	4	7	31	13
Директорат крупных госпредприятий	24	9	2	43	17
Высокопоставленные сотрудники судов и прокуратуры	31	6	6	35	17
Высокопоставленные офицеры армии и МВД	15	19	2	36	26
Руководители региональных СМИ и профессура местных университетов	55	—	4	16	16
Московские интеллектуалы	70	—	2	9	13

* Без подвыборки московских интеллектуалов.

Оставим в этой таблице лишь те варианты, которые статистически значимы и превышают средние показатели. Тем самым зафиксируем мнения, характерные именно для соответствующих категорий опрошенных. Если мнения совпадают со средними, то это означает, что у данных подгрупп элиты нет собственного лица или их собственно групповые мнения не выражены.

Таблица 12. Какой из вариантов развития России лично вам представляется предпочтительным?

Категории опрошенных	Европейский вариант модернизации	Медленное, эволюционное развитие страны	Особый российский путь
1	2	3	4
В среднем*	35	31	18
Заместители губернаторов	42		
Высокопоставленные представители исполнительной власти			

Таблица 12. Продолжение.

1	2	3	4
Руководство федеральных округов	41		
Депутаты Государственной Думы и региональных законодательных собраний		37	
Крупный и средний частный бизнес	39		25
Руководители организаций и союзов предпринимателей	42		
Директорат крупных госпредприятий		43	
Высокопоставленные сотрудники судов и прокуратуры		35	
Высокопоставленные офицеры армии и МВД		36	26
Руководители региональных СМИ, профессура местных университетов	55		
Московские интеллектуалы	70		

* Без подвыборки московских интеллектуалов.

Таким образом, мы получаем две основные идеи, или два варианта, модернизации: *быстрая* модернизация (это примерно тот вариант, на который ориентировались элиты стран Восточной и Центральной Европы в процессе ухода их от коммунизма) и *медленная*, или *отложенная*. При выборе «особого пути», на котором настаивает каждый пятый из опрошенных, и в первую очередь «люди в погонах», а также, странным образом, бизнес, не предлагаются какие-либо специфические признаки или цели политики. Но это не просто отсутствие содержательных представлений, а скорее дистанцирование от любых заявленных моделей развития или декларация о консервативных предпочтениях, изоляционистском отказе от нового. «Особый путь» заключается в отсрочке, откладывании движения. Можно также назвать это отсутствием каких-либо идей, состоянием идеологической дезориентированности. Интересно отметить и отсутствие собственных идей у государственного чиновничества (органов исполнительной власти), повторяющего в точной пропорции общие места и мнения, циркулирующие в окол властной среде.

Итак, перед нами сравнительно консолидированное мнение о предпочтительности эволюционного пути, с одной стороны, и внутренне противоречивое, напряженное мнение о желательности европейского варианта модернизации. Его противоречивость неочевидна и проступает лишь при анализе соответствующих распределений ответов опрошенных. Кросс-табличный анализ показывает: существующие в окол властной среде мнения о том, что руководство страны ориентировано на модернизацию, на развитие и превращение страны в современное и благополучное общество, отражают не столько конкретные политические цели и задачи, сколько желание заранее признать Рос-

сию такой же мировой державой, что и другие «развитые страны». Сегодня «развитость» в языке российских политиков — это эквивалент или синоним «современности», характеристика государств, допущенных в привилегированный клуб ведущих стран, неременный атрибут державы, считающей себя «великой» или достаточно влиятельной, чтобы претендовать на такое место в мировом сообществе. Поэтому «модернизация», как ее понимает российский политический класс (и реже светский или «культурный» бомонд⁵⁴), это не условие проведения политики вестернизации и выхода из исторического тупика, в котором оказалась страна из-за парализующего общества «самодержавия» и централизма власти, а самая общая характеристика желательного статуса России в ряду других стран. Это первый момент, который должен быть отмечен в связи с обсуждением проблем выбора стратегии национального развития.

Второй момент, столь же слабо развернутый и практически не обсуждаемый российской «элитой», определяется тезисом, самоочевидным для постсоветской номенклатуры. «Модернизация» здесь сводится исключительно к экономической сфере, к мерам по интенсификации производства и направлена на усиление прежде всего ресурсов государства, но не на проведение социальной политики, развитие инфраструктуры, инвестиции в человеческий капитал (как это делали азиатские «тигры»). Данное подразумевающееся понимание составляет особенность российской элиты, ключевой момент ее самоопределения (поэтому его и не обсуждают), и модернизация в этой картине мира, в самоопределении элит нужна лишь для обеспечения политики «великой державы» — для повышения военной мощи, потенциала силовой геополитики, с тем чтобы более тесно привязать к себе соседние государства или отошедших в годы развала советской империи сателлитов. Иначе говоря, перспективы российской «модернизации» и властью, и элитой связываются с повышением *символической роли государства*, а не с эмансипацией общества от государственно-административного произвола, политикой последовательной деэлитизации, как это было в большинстве стран Европы в XIX и начале XX столетия. Поэтому источники и ресурсы этой «модернизации» нынешняя власть и ее обслуга видят в необходимости более жесткого обложения данью бизнеса (прежде всего тех его отраслей, которые дают немедленный валютно-бюджетный приток средств) и населения, в сворачивании политики государственной опеки, отказу от тех функций государства, которые раньше соответствовали идеологии государственного патернализма, а сегодня расцениваются как «пережитки социализма». Такому пониманию

⁵⁴ Реже только по одной причине — он просто не дозрел до понимания этих вопросов и не в состоянии связать проблематику (не слова, а именно проблематику) модернизации со своим собственным положением и интересами.

роли государства соответствуют и материальные интересы новой номенклатуры, приватизировавшей в свою пользу госсобственность и часть государственных функций.

Именно поэтому идея возврата к советской тоталитарной системе, плановой государственной и милитаризированной экономике, единой государственной идеологии, борьбе с подрывными элементами и чуждыми настроениями получает поддержку менее 7% опрошенных (среди сторонников этой модели выделяется, по понятным причинам, офицерский корпус армии, спецслужб и милиции). Еще менее привлекательной нашим респондентам кажется модель Пиночета — движение к рынку и демократии через авторитарную власть, через диктатуру. Это, как можно предположить, представляется слишком рискованным и опасным для благополучия представителей российской «элиты», поскольку угрожает видимым гарантиям их персонального существования (эту модель предпочитают в целом лишь 4% опрошенных).

Таблица 13. На какой из этих вариантов развития России, по вашему мнению, ориентируется сегодня федеральная власть, правящая элита?

А — европейский вариант модернизации (последовательное движение к рынку, демократии и правовому государству); **Б** — советский вариант (плановая экономика, государственная идеология, восстановление великой державы); **В** — чилийский вариант (движение к рынку и демократии через авторитаризм); **Г** — медленное, эволюционное развитие страны в сторону рыночной экономики при сильном государстве с учетом национальных интересов; **Д** — особый российский путь, не похожий ни на один из перечисленных выше; **Е** — смешение различных вариантов; **Ж** — нет такой программы

Категории опрошенных	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж
В среднем*	31	5	15	14	23	2	3
Заместители губернаторов	30	4	18	10	27	1	4
Высокопоставленные представители исполнительной власти	36	9	12	12	23	1	4
Руководство федеральных округов	52	7	7	7	24		3
Депутаты Государственной Думы и региональных законодательных собраний	35	—	12	25	6	4	2
Крупный и средний частный бизнес	26	2	20	20	18	—	8
Руководители организаций и союзов предпринимателей	22	2	27	20	22	7	—
Директорат крупных госпредприятий	26	2	7	19	29	5	7
Высокопоставленные сотрудники судов и прокуратуры	29	8	12	15	21	2	6
Высокопоставленные офицеры армии и МВД	51	6	4	7	19	4	6
Руководители региональных СМИ и профессура местных университетов	10	6	20	14	22	8	6
Московские интеллектуалы	2	11	15	30	11	9	6

* Без подвыборки московских интеллектуалов.

Повторим ту же операцию, что и в прошлом случае, чтобы получить более четкую картину групповых стереотипов.

Таблица 14. На какой из этих вариантов развития России, по вашему мнению, ориентируется сегодня федеральная власть, правящая элита?

Категории опрошенных	А	В	Г	Д
В среднем*	31	15	14	23
Заместители губернаторов		18		27
Высокопоставленные представители исполнительной власти	36			
Руководство федеральных округов	52			
Депутаты Государственной Думы и региональных законодательных собраний	35		25	
Крупный и средний частный бизнес		20	20	
Руководители организаций и союзов предпринимателей		27	20	
Директорат крупных госпредприятий			19	29
Высокопоставленные сотрудники судов и прокуратуры				
Высокопоставленные офицеры армии и МВД	51			
Руководители региональных СМИ и профессура местных университетов		20		
Московские интеллектуалы			30	

* Без подвыборки московских интеллектуалов.

Получается, что мнение «федеральная власть, правящая группировка выбирает вариант "быстрой модернизации"» чаще всего разделяют «люди в погонах» (51–52%). У всех остальных мнения о целях власти не слишком ясные: директора госпредприятий и заместители губернаторов считают, что власть склонна к какой-то своей изоляционистской и традиционалистской политике, принципиально отличающейся от успешных транзитологических моделей, от того, что происходило в Центральной и Восточной Европе. У представителей крупного частного бизнеса и руководителей его союзов и организаций, директоров госпредприятий, региональных журналистов и менеджеров СМИ, депутатов вообще нет выраженных представлений о главном политическом курсе страны, хотя они несколько чаще полагают, что власть реализует вариант авторитарной модернизации или медленной эволюции.

Таким образом, в данном важнейшем экспертном вопросе о политике развития страны мы имеем дело, во-первых, с групповой абберацией понятий, с жесткой идеологической проекцией (то, что понимают под «модернизацией» силовики и чекисты во власти, не имеет ничего общего с тем пониманием модернизации, которое принято в политическом дискурсе западных стран и в мировой политической науке), а во-вторых, с высокой степенью неяснос-

ти и неопределенности представлений о целях власти во всех других группах российской «элиты».

Чтобы проверить устойчивость данных распределений, рассмотрим ответы на очень близкий, но все же иначе сформулированный вопрос.

Таблица 15. Вокруг каких из следующих идей могла бы быть реально достигнута консолидация элиты (ведущих групп в обществе)?

1 — восстановление величия российской державы, укрепление ее лидерской роли в мировой политике; **2** — идея социального государства и социальной справедливости; **3** — развитие рыночной экономики и демократических институтов

Категории опрошенных	1	2	3
В среднем*	37	32	20
Заместители губернаторов	35	29	26
Высокопоставленные представители исполнительной власти	39	31	19
Руководство федеральных округов	45	38	14
Депутаты Государственной Думы и региональных законодательных собраний	41	41	14
Крупный и средний частный бизнес	35	27	26
Руководители организаций и союзов предпринимателей	38	33	20
Директорат крупных госпредприятий	33	41	19
Высокопоставленные сотрудники судов и прокуратуры	35	29	23
Высокопоставленные офицеры армии и МВД	60	21	13
Руководители региональных СМИ	37	35	20
Московские интеллектуалы	17	32	9

* Приведены варианты ответов, данных большинством опрошенных (89%), прочие варианты (6 из 9) указали от 3 до 1% опрошенных.

Здесь вырисовывается более определенная картина (что понятно, поскольку варианты ответов — модели развития — в данном вопросе существенно упрощены). «Люди в погонах» (в первую очередь), путинские назначенцы из федеральных округов, высшие чиновники из органов исполнительной власти, а также значительная часть депутатского корпуса отдают предпочтение комплексу идей о реставрации супердержавы («модернизация», как мы уже указывали, лишь путь к этой цели). Второй «набор» идей касается социального государства и социальной справедливости, что в российском контексте означает систему госпатернализма, образец перераспределительного государства, и характерно, что за данный вариант выступает прежде всего директорат крупнейших государственных предприятий, депутаты законодатель-

ных органов власти и руководители федеральных округов, молодые путинские назначенцы.

На этом фоне ответы респондентов, которые выступают за реальную модернизацию, то есть проведение целостной программы деэтизации тоталитарных институтов и создание условий для представительной системы власти, свободной рыночной экономики, непосредственно не связаны с тем или иным статусом отвечающего в государственной системе, с должностью или принадлежностью к социальной группе. Это консолидация по убеждениям (которая, вообще говоря, и отличает элиту от номенклатуры).

Таблица 16. Какая из этих идей вам лично ближе?

(В % к группам по вертикали, без затруднившихся с ответом)

		Базовые идеи, на которых может консолидироваться элита			Средние значения, в % к числу всех опрошенных
		Социальная справедливость	Восстановление величия державы	Развитие рыночной экономики и демократических институтов	
Какой путь развития России лично вам представляется предпочтительным?	Последовательное движение к рынку и демократии (западный вариант модернизации)	24	19	62	35
	Планировая экономика, гос. идеология, восстановление великой державы (советский вариант)	7	13	2	7
	Медленное эволюционное развитие страны в сторону рыночной экономики	42	32	18	31
	Особый путь	21	27	10	18
	Чилийский вариант	1	5	4	4
	Средние значения, в % к числу всех опрошенных	31	38	20	

Заявившие себя сторонниками модернизации по западному образцу не видят особых альтернатив подобной стратегии развития: почти две трети из этой подгруппы считают такой вариант самым предпочтительным и почти вчетверо меньше — за медленное эволюционное движение. Представления их оппонентов об образцах желательного социального устройства гораздо более размыты, однако при этом явно проступает их желание избегать «резких движений». Революция сегодня не в чести, а потому и среди декларирующих приоритет социальной справедливости, и среди сторонников возврата к советской системе преобладают «эволюционисты»-рыночники, «постепеновцы» (42 и 32% соответственно). Отметим также довольно большой удельный вес тех, кто выбирал другие варианты

тактического достижения выдвигаемых ими целей — «особый путь» (как мы уже говорили, это синоним отказа от реальной модернизации или по крайней мере ее откладывания надолго, за пределы достижимости для нынешних поколений) и «плановая экономика». Можно предположить, что и обозначенный в приведенных выше ответах выбор «эволюционного» варианта, по существу, означает не столько установку на реализм и политический прагматизм, сколько отодвигание реальных рыночных реформ в неопределенное будущее, конформистское согласие на принятие настоящего положения вещей, которое установила путинская администрация. Дескать, рынок и демократия — это, конечно, хорошо, но пока что, видимо, это нереалистичные цели для политиков.

Однако и с приверженцами, казалось бы, прозападных ориентиров развития, которыми провозглашают себя относительное большинство опрошенных, не все так просто. Сразу же отметим важнейшее обстоятельство. У тех, кто высказывает подобные предпочтения, *нет уверенности, что их мнение разделяют другие*. Скорее, наоборот, преобладает убеждение в том, что номенклатура в своей основной массе придерживается гораздо более консервативных взглядов, является сторонником традиционной имперской или великодержавной политики. Лишь около трети «рыночников» и «демократов» полагают, что их идеи разделяют другие, в то время как идея «великой державы» собирает большинство и среди сторонников возврата к советской модели, и среди предпочитающих модель авторитарной модернизации по чилийскому варианту, и среди тех, кто упорно настаивает на «особом пути» (таких большинство — от 65 до 50%). Относительно много их и среди «эволюционистов», которые, вообще-то говоря, скрытые антирыночники — для них лично гораздо ближе идеи великой державы (38%) или социалистического распределительного государства (39%), чем собственно демократия и рынок; рыночников здесь незначительное меньшинство — 13% (табл. 17).

Таблица 17. Какой из следующих вариантов развития России вам лично представляется предпочтительным?

(В % к группам по вертикали)

Идейная база для консолидации ведущих групп в обществе	Варианты развития				
	Западный вариант	Советский вариант	Чилийский вариант	Медленная эволюция к рыночной экономике	Особый путь
Идея социальной справедливости	30	26	15	39	27
Восстановление великой державы	28	65	50	38	52
Развитие рыночной экономики и демократических институтов	32	6	25	13	16

Итак, личные предпочтения рынка и демократии сталкиваются с мнением тех же людей о том, что их идеи и предложения не будут поддержаны другими группами в обществе и что основная масса активного населения России ориентируется на другие символы и цели развития (социальную справедливость и реставрацию сверхдержавы). В этом плане гораздо более уверены в поддержке, более консолидированы в своих убеждениях сторонники восстановления великой державы, государственного регулирования, плановой экономики. Расхождения (а они есть, хотя и не носят принципиального характера) заключаются лишь в тактиках, сроках и средствах реализации подобной программы: ускоренная авторитарная модернизация, опирающаяся на государство и плановую экономику, или же выбор более мягкого «эволюционного», а по сути самого неопределенного и неартикулированного варианта политического движения, который, как уже говорилось, совпадает с тем, что имеется сейчас.

Таким образом, идея о необходимости быстрого перехода к рыночной экономике и демократии блокируется даже и в более продемократически, западно ориентированных, группах опрошенных широко распространенным среди элит убеждением, что нынешняя федеральная власть и правящая верхушка озабочены совершенно другими целями национальной политики, а именно: а) восстановлением статуса супердержавы, утверждением ее лидерства (так думают 38% всех опрошенных, по существу, это доминанта мнений элиты); б) формированием социального государства, основанного на принципах социальной справедливости» (32%). В сумме подобные убеждения характерны для 70% элиты. Это значит, что лишь один из пяти опрошенных представителей российской элиты сохраняет сегодня иллюзии относительно того, что нынешняя верховная власть по-прежнему проводит политику перехода к рынку и демократии.

Таблица 18. На какой из вариантов развития России, по вашему мнению, ориентируется сегодня федеральная власть и правящая элита?

(В % к группам по вертикали)

Идейная база для консолидации ведущих групп в обществе	Варианты развития				
	Западный вариант	Советский вариант	Чилийский вариант	Медленная эволюция к рыночной экономике	Особый путь
Идея социальной справедливости	32	20	40	24	31
Восстановление великой державы	43	36	25	40	39
Развитие рыночной экономики и демократических институтов	19	32	23	24	23

Наиболее значимо и характерно для всех опрошенных то, что они считают главной стратегической целью, которую ставит перед собой российская власть, «восстановление великой державы». Различаются лишь средства или пути достижения данной цели. Для одних это скорее рынок и демократия, для других — эволюционное движение или невнятный «особый путь», в меньшей степени — «плановая экономика», в значительной степени дискредитировавшая себя в глазах российской элиты.

Иначе говоря, в элитарных группах преобладает убеждение в том, что демократия и рынок не воспринимаются властью как самодостаточные программы национального развития, как политические стратегии, как базовые ценности политики. В сознании руководства страны, по оценке элит, по-прежнему доминируют идеологическая или умственная рутинa, традиционно имперские или великодержавные предпочтения.

Таблица 19. Представление о предпочтительности различных вариантов развития в зависимости от партийных ориентаций опрошенных
(В % к числу голосовавших за ту или иную партию)

Варианты развития	Голосовали в 2003 г. за:						
	АПР	«Единую Россию»	КПРФ	«Родину»	СПС	«Яблоко»	ЛДПР*
<i>Кажутся предпочтительными самому опрошенному</i>							
Европейская модернизация	22	31	9	33	77	69	33
Советский вариант	33	7	24	4	—	4	—
Чилийский вариант	—	5	—	—	6	4	—
Медленная эволюция к рынку	11	31	41	40	10	15	33
Особый путь	22	22	16	15	8	8	33
<i>Кажутся предпочтительными федеральной власти</i>							
Европейская модернизация	22	38	41	52	8	12	33
Советский вариант	—	4	3	—	8	4	—
Чилийский вариант	22	14	18	7	19	27	—
Медленная эволюция к рынку	11	12	12	11	27	15	—
Особый путь	33	24	18	15	23	31	67

* Данные по ЛДПР статистически недостоверны из-за малого числа опрошенных, заявивших о своих симпатиях к этой партии.

Учитывая характерную для российской элиты сервильность, ее подобострастие по отношению к президенту и его администрации, речь о которых пойдет ниже, следует делать серьезные поправки на значимость рыночных и демократических представлений для элитарных групп, и это относится даже к «рыночникам» и «демократам», принадлежащим к элите. Кроме того, и само понимание «развития рыночной экономики и демократических институтов» в очень значительной степени зиждется на чисто российских толкованиях

«рынка» и «демократии», то есть ориентировано не на более или менее общие западные модели, а на собственно российские формы, сложившиеся в середине 1990-х гг. или позднее, уже в 2000-х гг., при путинском режиме.

Таблица 20. Представления о предпочтительности идей национального развития
(В % к соответствующим статусным группам опрошенных)

Категории опрошенных	Идеи потенциальной консолидации элиты		
	Социальная справедливость	Восстановление величия державы	Развитие рыночной экономики и демократических институтов
Заместители губернаторов	18	25	51
Чиновники из органов исполнительной власти	36	31	26
Чиновники из аппарата федеральных округов	28	45	21
Депутаты законодательных органов власти	41	33	24
Представители частного бизнеса (крупного и среднего)	14	20	53
Представители союзов предпринимателей	33	22	42
Руководители крупных госпредприятий	36	29	31
Суд, прокуратура	31	27	33
Армия, МВД	23	62	11
Руководители СМИ	16	24	53

Подведем первый предварительный итог. Наиболее заинтересованными в модернизации России по западному образцу, выбирающими развитие демократических институтов и рыночной экономики, являются сегодня крупные предприниматели, журналистская элита и часть региональной политической верхушки (в первую очередь, депутаты местных законодательных собраний, среди которых в последнее время все более значительную долю составляют местные бизнесмены). Их противники в данном вопросе прежде всего силовики, как в армии, МВД и других военизированных органах власти, так и во вновь образованных при Путине структурах (например, тот же аппарат руководства федеральными округами, в основе своей состоящий из «людей в погонах»). Близки к силовикам и сторонники «политики социальной справедливости», социального государства — эта идея в наших условиях выступает, по существу, парафразом государственного патернализма и не несет в себе ничего более содержательного, чем ностальгия по советским временам и популистская риторика социального обеспечения (которое было обещано государством при социализме и никогда не было в полной мере осуществлено на деле). В данной подгруппе относительно больше директоров крупных госпредприятий, чиновников из структур исполнительной власти федерального, регионального или местного уровня, для которых подобная демагогия являет-

ся основой корпоративной самоидентичности и самопонимания (мы говорим «демагогия» еще и потому, что на протяжении последних лет государство проводит политику систематического «сброса» социальной сферы и отказа от социальных обязательств).

Заметим, что именно группы элиты, выделенные выше как более продемократические (избранная законодательная власть на местах, ключевые фигуры бизнеса, главы медиакомпаний, в некоторых случаях и по ряду пунктов сближающиеся с ними руководители крупных государственных предприятий), значительно чаще других опасаются генеральной негативной перспективы для страны — того, что «Россия при нынешнем порядке вещей превратится в третьестепенную периферийную территорию, изолированную от большого мира». Чисто количественно эта последняя точка зрения преобладает, правда, лишь среди избранных представителей местной законодательной власти, где ее поддерживают свыше половины опрошенных, но относительно близки к ним в этом региональные руководители бизнеса, главы крупных госпредприятий, руководство локальных СМИ.

Таблица 21. Насколько вероятно, что при сохранении нынешнего порядка вещей Россия превратится в периферийную страну, находящуюся в изоляции от мирового общества?

(В % к соответствующим профессионально-статусным группам опрошенных)

Категории опрошенных	Очень и достаточно вероятно	Маловероятно и исключено
В среднем по выборке	35	64
Заместители губернаторов	34	65
Представители исполнительной власти	28	72
Руководство федерального округа	10	89
Представители законодательной власти	53	47
Руководители частного бизнеса	45	53
Руководители союзов предпринимателей	49	51
Руководители крупных госпредприятий	43	57
Суд и прокуратура	21	79
Армия и МВД	26	72
Руководители СМИ	41	57
Московские интеллектуалы	72	28

Чаще о подобной угрозе для России говорят, понятно, оппозиционные партии — «яблочники» (54%), СПС и коммунисты (по 50%).

Отчасти указанное распределение оценок проясняется, если сравнить, каким вариантам развития страны отдают предпочтение *сами опрошенные*, а какие, по их мнению, поддерживает *федеральная власть* (мы уже упоминали об этом). Представители, условно говоря, «продемократических» групп (тех,

кто чаще заявляет о необходимости для страны европейской модели модернизации) последовательнее демонстрируют по этим вопросам дистанцирование, отчуждение от позиций властного центра. Они вообще более критичны по отношению к нынешней власти и ее политической практике (поэтому в дальнейшем мы будем условно называть эти группы опрошенных «критичными», а приверженцев противоположных оценок власти — «лояльными», отчетливо понимая, впрочем, относительность различий между данными фракциями позиционной элиты).

Таблица 22. Какой из следующих вариантов развития России лично вам представляется предпочтительным? А на какой из них, по вашему мнению, ориентируется сегодня федеральная власть?

(В % к соответствующим профессионально-статусным группам опрошенных, по горизонтали)

Категории опрошенных	Объект оценки	Варианты развития				
		Европейский	Советский	Чилийский	Эволюция с учетом национальных особенностей	Особый российский путь
В среднем по выборке	Сами респонденты	35	7	4	31	18
	Федеральная власть	32	5	15	14	23
Заместители губернаторов	Сами респонденты	42	5	3	27	18
	Федеральная власть	30	4	18	10	27
Представители исполнительной власти	Сами респонденты	35	5	5	31	16
	Федеральная власть	36	9	12	12	23
Руководство федерального округа	Сами респонденты	41	7	3	28	17
	Федеральная власть	52	7	7	7	24
Представители законодательной власти	Сами респонденты	29	8	2	37	18
	Федеральная власть	35	0	14	12	24
Руководители частного бизнеса	Сами респонденты	39	2	4	24	24
	Федеральная власть	27	2	20	20	18
Руководители организаций предпринимателей	Сами респонденты	42	4	7	31	13
	Федеральная власть	22	2	27	20	22
Руководители крупных госпредприятий	Сами респонденты	24	10	2	43	17
	Федеральная власть	26	2	7	19	29
Суд и прокуратура	Сами респонденты	31	6	6	35	17
	Федеральная власть	29	8	13	15	21
Армия и МВД	Сами респонденты	15	19	2	36	26
	Федеральная власть	51	6	4	8	19
Руководство СМИ	Сами респонденты	55	0	4	16	16
	Федеральная власть	10	6	20	14	22

Как видим, для самих заместителей губернаторов, руководства федерального округа, представителей бизнеса, руководства СМИ как будто бы предпочтителен, по их словам, западный вариант модернизации. Для представителей законодательной власти, руководителей крупных госпредприятий, высших лиц в прокуратуре и суде, армии и МВД — медленное эволюционное развитие с учетом национальных особенностей (централизация и персонализация власти, государственный дирижизм в экономике и т.д.). Значительная доля глав частного бизнеса, руководства армии и МВД считает, кроме того, перспективным «особый российский путь», то есть те же «национальные особенности» плюс евразийское положение страны. Почти пятая часть высших должностных лиц в армии и МВД (силовиков) наряду с этим испытывает определенное тяготение к советской модели плановой экономики и идеологии великой державы.

Совсем иную картину предпочтений демонстрирует, по оценкам опрошенных, власть в центре. Для руководителей федеральных округов и руководства силовых структур, в высшей степени лояльных к центральной власти и вместе с тем настаивающих на медленном, эволюционном пути к модернизации, на национальных особенностях развития России, именно центральная власть сегодня представляется главным рыночником и демократом. Напротив, значительная доля представителей прорыночных и прозападных, а вместе с тем и более «критичных» по отношению к центральной власти групп частного бизнеса и союзов предпринимателей, руководства крупных госпредприятий и СМИ (в сумме составляющая более половины данного массива оценок) связывает с нынешней федеральной властью чилийский план авторитарного развития страны и установки на постепенную эволюцию с упором на национальные особенности (иными словами, «переход по нашим правилам, но не при нашей жизни»). Соответственно, они, как можно предполагать, видят в федеральной власти, ее административно-чиновничьем аппарате главное противодействие своим прозападным и продемократическим установкам, почему, в частности, и воспринимают нынешнюю политическую ситуацию более критично — но и более отстраненно.

Если рассматривать не удельные веса или доли различных ответов на этот вопрос, а отношение собственных предпочтений опрошенного к тому, что для респондента представляется коллективной нормой (общим мнением), на которую он вынужден ориентироваться в своем конформизме, с которой принужден считаться, чтобы удержаться на своем месте, — главное правило номенклатурной или советской еще корпоративной лояльности, то мы получим очень любопытную картину внутренних референций, которую можно выразить словами старого анекдота о Брежневе: мне-то нравится, я-то все понимаю, но они... (табл. 23).

Таблица 23. Представления о предпочтительности вариантов развития (отношение личных предпочтений респондента к тому, что он считает предпочтительным у федеральной власти)

Категории опрошенных	Европейский вариант модернизации	Медленная эволюция с национальными чертами	Особый путь
В среднем по выборке	1,1	2,2	0,8
Заместители губернаторов	1,4	2,7	0,7
Представители исполнительной власти	1,0	2,6	0,7
Руководство федерального округа	0,8	4,0	0,7
Представители законодательной власти	0,8	3,1	0,7
Руководители частного бизнеса	1,4	1,2	1,3
Руководители союзов предпринимателей	1,9	1,6	0,6
Руководители крупных госпредприятий	0,9	2,3	0,6
Суд и прокуратура	1,1	2,3	0,8
Армия и МВД	0,3	4,5	1,4
Руководители СМИ	5,5	1,1	0,7
Московские интеллектуалы	35,0	0,3	0,9

Примечание. Показатель меньше 1 означает, что групповое мнение доминирует над частным; больше 1 — указывает на то, что для респондента собственное мнение важнее мнения начальства, которое он считает общепринятым.

В табл. 23 приведены только основные варианты ответов, те, которые дали не менее 10% опрошенных.

Как видим, «европейский путь» явно предпочитают лишь московские интеллектуалы, представители СМИ и бизнеса. Во всех остальных случаях собственные предпочтения либо незначительно преобладают над коллективными, либо пасуют перед мнением вышестоящих инстанций. Наиболее явным образом проявляется мнение о демократизме нынешних властей и их «западничестве» среди военных чинов высокого ранга (0,3) и представителей руководства федеральных округов, среди которых особенно много «погонников» и чекистов. Напротив, выдавая свои подспудные установки, треть респондентов (31%) полагают, что лучше было бы с модернизацией «погодить», страна еще не созрела, в России демократии никогда не было и т.п. Это и есть национальные традиции, которые следует учитывать при выборе и реализации стратегического курса развития страны, дескать, мы не отказываемся от демократических свобод и рынка, но не надо гнать лошадей, у нас свои особенности, мы туда придем, но без потрясений и т.д. Больше всего к этому варианту склоняются силовики и руководство федеральных округов (4,5 и 4) и депутаты законодательных собраний (3,1). Такой путь был бы желателен, но власть, по мнению значительной части опрошенных (23%), будет темнить с замораживанием реформ, как это обстоит дело, например, с военной ре-

формой, и предпочтет говорить об особом русском пути, не похожим на модели развития других стран.

Хотим подчеркнуть, что «критическое отношение» в этом смысле не связано с продумыванием, формулировкой и продвижением во власть, в центр альтернативных программ со стороны данных фракций элиты, которые выражают интересы, желания, запросы каких-то значительных и важных групп населения (мы уже говорили о том, что прозападные и продемократические группы экспертов как раз наименее уверены в массовой поддержке своих взглядов). Оно скорее свидетельствует об изолированности и от власти, и от массы, о желании отделить себя от правящей верхушки — да, где-то можно договариваться с властью об общих шагах, где-то решаться на частичные тактические компромиссы, а где-то и вынуждать власть идти на уступки, но все-таки не взаимодействовать с ней, как бы умыть руки, «не стоять во всем этом», по выражению М. Жванецкого. Понятно, что такую установку части элит на самокапсуляцию, которая напоминает настроения интеллигенции периода брежневского застоя, в значительной мере формирует или по крайней мере подкрепляет сегодня сама практика сверхцентрализации власти, «укрепления административной вертикали» и вырождения, упрощения социальных связей в обществе (за исключением вертикальных отношений приказа-исполнения и закулисных интриг, телефонного права, подкованной склоки и пр.).

А теперь посмотрим, как характеризуют путинскую команду сторонники разных политических партий. Мы обнаружим ту же самую тенденцию. «Демократами-западниками» новых управленцев считают прежде всего сторонники КПРФ, голосовавшие за коммунистов на выборах в Госдуму в 1999 г., — 58%, 60% сторонников ОВР, 50% сторонников НДР, 44% — «Единства». Напротив, собственно демократы в минимальной степени склоны таким образом определять путинских назначенцев: так считали лишь 33% представителей элиты, голосовавших за СПС, 39% — за «Яблоко». Большинство и тех и других предпочитали называть их «центристами», то есть лишенными какой-либо идеологическо-политической определенности.

В контексте сказанного понятно, что наиболее чувствительными точками расхождения с центральной властью (по крайней мере, на словах) и причинами дезидентификации с ней выступают для «критичных» подгрупп, с одной стороны, коррупция и интриганство в верхах, нарастающая монополизация и бюрократизация власти, а с другой — перспектива ухудшения образа России в глазах Запада (что весьма чувствительно, например, для подгрупп массмедиа, бизнеса, в целом демонстрирующих, как уже говорилось, прозападные ориентации и во многом связанных с «большим» миром по роду своей профессиональной деятельности). В их глазах власть предстает жестко-авторитарной внутри и изоляционистской по отношению к внеш-

ней среде. Прежде всего эти подгруппы депутатов местных законодательных собраний, представителей бизнеса, медиасообщества дистанцируются, конечно, от силовиков, но вместе с тем и от пытающихся влиять на власть в собственных частных интересах крупнейших «олигархов», а также от слишком самостоятельной, по их оценкам, местной власти, под которой понимаются многие избранные губернаторы, пытающиеся монополизировать управление в регионах.

Существуют ли между разными группами, фракциями элиты идеологические расхождения, как и в какой мере они связаны с оценками верховной власти и выбором стратегий развития страны?

Таблица 24. Вокруг каких идей можно было бы достичь консолидации ведущих групп в российском обществе?

(В % к группам по вертикали)

Какие варианты развития вам кажутся предпочтительными?	Социальное государство	Великая держава	Рыночная экономика и демократические институты
Последовательное движение к рыночной экономике	33	26	56
Возврат к плановой экономике и государственной идеологии	6	11	2
Чилийский вариант	2	5	5
Медленное эволюционное движение к рынку и демократии	38	30	20
Особый путь	16	25	14

Все три выделенных комплекса представлений и установок (социальное государство и пр.) следует рассматривать как достаточно автономные и независимые друг от друга ценностные программы, хотя состав тех, кого привлекают лозунги «социальное государство» и «восстановление великой державы» и возвращение России роли мирового лидера» оказывается менее определенным, несколько более аморфным и эклектичным, чем тех, для кого значимы собственно вестернизационные варианты развития (формирование демократических институтов и рыночной экономики). Среди тех, кто разделяет эти идеи прозападного политического развития России, минимум опрошенных, всего 9%, готовы соединять этот вариант модернизации страны с добавками в виде остатков социалистической риторики — идеей «социального государства» (в качестве политической программы, малореалистичной в современных условиях и играющей роль скорее популистской «присадки» к другим целям) или консервативными иллюзиями «реставрации великой державы», остающейся значимой для такого же небольшого числа сторонников вестернизации (8%).

Таблица 25. Вокруг каких идей могли бы консолидироваться наиболее влиятельные в России группы?

(100% по столбцу)

А какие идеи вам лично ближе?	Социальное государство	Великая держава	Рыночная экономика и демократические институты
Социальное государство	64	12	9
Великая держава	9	67	8
Рыночная экономика и демократические институты	27	19	79

В. Путин и его окружение в перспективе модернизации страны: баланс сил и оси напряжений между элитарными группами

Как уже было показано, подавляющее большинство опрошенных готово оказать доверие и политическую поддержку Путину — это единственная внеконкурентная и безальтернативная фигура. Независимо от его собственных желаний или намерений ближайшего к нему окружения президент выступает для различных подгрупп опрошенных и представляемых ими фракций «элиты» воплощением независимости от различных влияний, своего рода арбитром возникающих конфликтов и споров или даже верховным надсмотрщиком над всеми частными интересами и властными претензиями.

Поэтому имеет смысл коротко охарактеризовать ту более общую воображаемую конструкцию взаимоотношений власти и массы, которая принимается большинством российского населения, но при этом в значительной мере служит рамкой для оценок и прогнозов со стороны опрошенных нами фракций элиты, так или иначе поддерживается ими (с определенными оговорками, относящимися к «критичным» подгруппам). Эта конструкция, или модель, во-первых, единственная, которую преобладающая часть российского населения знает и которая распространяется в обиходе через СМИ (более старшие к тому же испытали это «на себе»). Во-вторых, ее считают *нормальной*, причем не только привычной, но и *правильной*, даже, если угодно, более справедливой, чем иные возможные варианты, или более подходящей для России, «близкой ее традициям». А в-третьих, что очень важно, массовые респонденты характеризуют эту модель, как правило, «от противного» — на черном фоне и в форме отталкивания от власти нынешних времен, оцениваемой ими исключительно негативно.

Для преобладающей части россиян сегодняшняя российская власть (данные опроса Левада-Центра в 2005 г.) — «коррупцированная» (62%), «чужая, далекая от народа» (42%), «бюрократичная» (39%), далее идут эпитеты «не-

последовательная», «недалновидная», «слабая, беспомощная», с которыми согласились от 30 до 20% опрошенных⁵⁵. Отметим *уровень* негативных оценок — ведущие из них разделяют от двух до трех пятых населения и даже несколько выше. А теперь сравним: первая позитивная характеристика нынешней власти в сознании масс — «образованная», «интеллигентная» — собирает разве что 13% голосов, а «законная» и «компетентная» — и того меньше, по 9%. По контрасту с нынешней «чужой» и «плохой» властью в массовом сознании выстраивается образ власти «хорошей» и «своей» — ее воплощением для россиян выступает сегодня брежневская эпоха. Соответственно, власть конца 1970-х — начала 1980-х гг., по оценкам респондентов, которые мы тоже перечислим в порядке убывания значимости, выглядит как «близкая народу»; «сильная, прочная»; «законная»; «своя»; «авторитетная, уважаемая»; «справедливая». Но в позитивном залоге оценки, как видим, заметно ослаблены, и перечисленные характеристики вызывают куда меньшее согласие, чем чистый негатив, набирая от 20 до 34% голосов. В том же диапазоне величин оказываются две отрицательные черты тогдашней «нашей» власти (они тоже выражены слабее, чем в отталкивающем образе власти сегодняшней), которая все-таки была отчасти «бюрократической» (30%) и «недалновидной» (21%).

Таким образом, доминирующая в умах большинства конструкция власть-масса похожа на пирамиду. Максимум власти для всех находящихся внизу концентрируется в высшей точке, на вершине, которая увенчана фигурой единственного и безальтернативного «первого лица». Важно, что такой «царь горы» символически *олицетворяет* власть, но вовсе необязательно ее практически *осуществляет* — это значило бы контролировать ситуацию в стране, проводить определенный политический курс, решать назревшие внутренние и внешние проблемы и т.д. А по данным на конец 2005 г., более трех пятых россиян считают, что население уже устало ждать от президента каких бы то ни было положительных сдвигов в стране. Лишь 16% разделяют его взгляды и позиции (столько же полагают, что президент уже убедил страну в своей способности справляться с назревшими проблемами России). Абсолютное большинство — свыше половины опрошенных — убеждены, что Путин в своей политике выражает интересы исключительно спецслужб и других силовых ведомств. Однако 72–73% массовых респондентов при этом устойчиво одобряют деятельность Путина и доверяют ему, 68% под словом «власть» подразумевают именно президента и 57% уверены, что сосредоточение в руках данного лица фактически всей власти в стране «идет на пользу России».

⁵⁵ Более подробно см.: *Левада Ю.А.* Власть, элита и масса // Вестник общественного мнения. 2006. № 1. С. 8–13.

Как видим, образ «первого лица» во многом строится независимо от тех или иных ветвей действительной власти, от мотивов и поведения их конкретных представителей. В общественном мнении фигура «главного» последним явно противостоит и также строится на негативе. На черном фоне «людей, озабоченных только своим материальным и карьерным благополучием» (оценка тех, кто находится сейчас у власти, которую разделяли в 2005 г. 64% опрошенных россиян), мало что в реальности делающий президент выгодно смотрится как «весь в белом». Но такова лишь одна, внешняя, сторона социального спектакля власти. Важнее, что безальтернативная фигура единственного правителя — это точка, в которой представления атомизированной и пассивной массы *сходятся* с интересами самопоглощенной и бесконтрольной власти. В этом власть и народ гораздо более едины, чем каждый из них порознь думает. Но эта внешняя общность держится на разных основаниях.

Рядовые россияне исходят из образа *идеальной* власти, согласно которому власть и народ должны иметь общие цели и уважать друг друга (так полагают, по данным 2005 г., три четверти россиян, тогда как считают власть в идеале подчиненной народу и нуждающейся в его контроле лишь 19% опрошенных). А сами представители власти, чиновники, люди «в случае» исходят из вполне прагматичных, если не вовсе циничных соображений близости к уху руководящего лица и его неспособности знать ситуацию в деталях, управиться со всем и всеми. Население в большой мере осознает это обстоятельство и, затрудняясь в оценке мероприятий по укреплению властной вертикали, все-таки чаще считает, что эту вертикаль президентское окружение «укрепляет» в сугубо личных интересах (мнение 45% в мае 2005-го).

Как бы то ни было, доминантная конструкция российского социума выглядит для рядовых россиян так, словно фигура *сверхвластителя* контрастно отделена от образа *власти*, как и образ власти — от самочувствия и самоопределения *массы*. Между ними или рядом с ними в коллективном сознании будто бы нет никаких иных деятельных субъектов и начал, общественных сил, социальных форм — лидеров мнений, носителей образцов, авторитетных для общества фигур, самостоятельных движений, партий, союзов. Их не просто *фактически* нет (хотя сегодня это почти что так) — для них как бы нет положительной *функции*, нет никакой осмысленной роли. Можно даже сказать больше: в социуме, который так или иначе объединен подобной воображаемой конструкцией власти-массы, в строгом смысле слова вообще не бывает элит. Здесь есть принципиально по-иному, ведомственно-иерархически, организованная номенклатура, плюс аморфная в социальном плане интеллигенция. Последняя частично входит в номенклатуру, частично ее обслуживает, а в отдельные периоды ослабления господствующего режима до определенной степени и в определенной части от номенкла-

туры мысленно дистанцируется или, совсем уж редко, ей на практике противостоит.

Российский социум беден именно как социум. Если говорить о принципиальной конструкции, о схеме коллективного воображения, то она у типowego россиянина едва ли не исключительно сводится к описанному выше противостоянию «мы» (пассивное большинство «таких, как все») — «он» (руководитель) — «они» (чужаки, будь то ближние — люди у власти или дальние — этнически, политически, идеологически, цивилизационно чуждые). В устроенном так коллективном сознании отсутствуют либо пребывают в спорадическом, неразвернутом виде множественные образы «я» и столь же множественные образы «других» — воображаемых партнеров по тому или иному позитивному, заинтересованному взаимодействию. В современных обществах выражение и представление интересов, опыта, программ различных социальных сил и движений, выработка сложного «театра» самосоотнесений и взаимодействий разных групп — функция элит, а их у нас, как уже сказано, нет. Характерно, что зачатки такого рода хотя бы протоэлитных групп (политических, национальных, религиозных, культурных, в том числе литературных) возникают при каждом политическом «потеплении». Однако вскоре «нарушителей» ставят на место, подвергают репрессиям, оттесняют от сколько-нибудь значимых позиций, так что они ломаются, сдаются, частично переходят в андерграунд, уезжают за рубеж и т.п. Кстати говоря, точно так же дискриминируются, вытесняются из коллективного сознания и образы тех руководителей, которые отклоняются от доминантной модели власти. Таково, например, сегодняшнее равнодушие и впрямую негативное отношение и официальной власти, и абсолютного большинства массы к фигурам и роли Хрущева, Горбачева, Ельцина.

Подытоживая, можно сказать, что собственно социальное в сегодняшней России все жестче вытесняется политическим, политическое все больше сводится к властному, а властное — исключительно к номенклатурному. Коррупция, которую россияне считают сегодня главным злом и которой, по их преобладающей оценке, за путинские годы стало больше, выражение именно этого процесса устранения общества из публичного пространства, перевода любых заинтересованных связей и позитивных отношений в режим особых привилегий, доступа «с черного хода». Все описанное делает социально-политическую систему нынешней России крайне неустойчивой, хотя респонденты, казалось бы, ищут в доминантной конструкции, напротив, воплощение и залог стабильности, «порядка», как и официальная пропаганда со своей стороны всячески муссирует риторику «нормализации».

В этих рамках идеологическая граница, отделяющая противостоящие друг другу «критичные» и «лояльные» подгруппы, но граница, подчеркнем, достаточно зыбкая, проходит между воображаемыми «общими интересами»

(за которыми могут стоять для респондентов совершенно разные вещи — социалистические требования равенства, приоритет общенациональных интересов российской державы или даже как бы демократическая идея превращения России в современную развитую страну) и *отдельными, но всегда «корыстными», «сепаратистскими» или изоляционистскими интересами* — бюрократов, «олигархов», самоуправных губернаторов, силовиков и пр. (объект негативной идентификации/отчуждения тоже может меняться от группы к группе). Границы между требованием социальных программ от власти и упором на величие страны, ее престиж, между идеологией рынка и защитой от «чужих», как уже говорилось, очень подвижны. Эти элементы общей идеологической риторики комбинируются и рекомбинируются для каждой ситуации, в расчете на каждого отдельного партнера или противника во многом ad hoc.

При этом Путин и для региональных элит, и для московской экспертной подгруппы является воплощением именно «общего». Видимо, эту функцию воплощает сейчас только он (на него потому и «навешивают» воображаемые или возможные национальные цели, в том числе модернизации, что больше их связать просто не с чем и не с кем). В своих видах на него «социалисты» и «националисты», «державники» и «демократы» почти не расходятся, поскольку другого ориентира у них нет. Как мы уже говорили, для 85% опрошенных Путин воплощенный реформатор, озабоченный модернизацией экономики и подъемом благосостояния населения. Оценка реформаторских планов Путина представителями частного бизнеса и крупных государственных предприятий тоже весьма высока — этот его образ поддерживают до трех четвертей соответствующих подгрупп (73–74%). Самое удивительное, что и резко отрицательно относящиеся к Путину, оппозиционно настроенные московские интеллектуалы, опрошенные уже после сбора материала по основной части исследования, тоже считают Путина значимой фигурой национального лидера, ориентированного на модернизацию страны (68%). Это означает, что, несмотря на всю критичность московской элиты, конструкция реальности у них не сильно отличается от конструкции их идеологических оппонентов.

Данная символическая передача Путину всех полномочий на модернизацию страны, мандата на реформаторскую власть (своего рода групповая самокастрация или, скажем мягче, групповое символическое самопожертвование элиты, в реальности, однако, цепко держащейся за власть и вполне прагматичной в своих карьерных расчетах) связана еще и с тем фундаментальным обстоятельством, что у большинства опрошенных из разных подгрупп элиты, по их собственному признанию, нет оригинальных идей развития и способностей к выработке самостоятельных экономических, политических, социальных программ.

Таблица 24. Могут ли предложить долгосрочную стратегию развития страны?..

(Соотношение «да/нет» по горизонтали, к соответствующим профессионально-статусным группам опрошенных, дающих оценки различным фракциям элиты)

Категории опрошенных	Представители крупного бизнеса	Лидеры крупнейших партий	Организации гражданского общества	Экспертное сообщество	Армия, силовики	Деятели культуры, СМИ
В среднем по выборке	1,2	0,8	0,6	3,4	0,3	0,5
Заместители губернаторов	1,2	1,0	0,6	3,5	0,3	0,4
Представители исполнительной власти	1,4	0,9	0,6	3,1	0,3	0,5
Руководство федерального округа	1,4	1,2	1,2	5,9	0,3	0,6
Представители законодательной власти	0,8	0,8	0,6	2,2	0,3	0,3
Руководители частного бизнеса	1,7	0,5	0,5	3,0	0,2	0,8
Руководители организаций предпринимателей	1,9	0,4	0,5	3,9	0,1	0,4
Руководители крупных госпредприятий	1,1	0,5	0,5	2,8	0,1	0,2
Суд и прокуратура	1,2	1,3	0,6	1,4	0,9	1,3
Армия и МВД	0,8	1,3	0,6	4,0	0,5	0,6
Руководители СМИ	1,6	0,4	0,6	7,1	0,2	0,6
Московские интеллектуалы	0,5	0,06	1,3	3,7	0,02	0,3

Основные надежды на появление долгосрочной программы опрошенные (все без исключения) связывают с *экспертным сообществом*, причем делается это с полным доверием к нему — число скептиков в отношении экспертов в три с лишним раза меньше, чем число доверяющих им. Характерно, что особенно безудержное доверие высказывают полярные группы элиты — руководство федеральных округов, силовики и журналисты. Можно предположить, что в различных подгруппах опрошенных состав и роль аналитиков понимают по-разному: для номенклатуры это скорее всего приближенные к ней или напрямую обслуживающие ее консультанты (понятно, что реальной властью они не обладают и ее им никогда не доверят), тогда как для бизнес-сообщества, руководителей СМИ это независимые, но близкие к ним по взглядам и ориентациям группы специалистов. Но в обоих случаях такое признание стратегической роли и потенциала экспертов означает, что общество мыслится по-прежнему иерархически устроенным и управляемым, что инициатива

может исходить только от «просвещенного» элитой авторитаризма, что других источников саморазвития и движения у общества нет, даже на уровне идеи.

На втором месте в качестве потенциала стратегического развития страны фигурируют *представители крупного бизнеса* (ставку на бизнес делают прежде всего сами предприниматели и представители их организаций, а также журналисты). Трудно сказать, откуда берутся такого рода представления. Может быть, это отзвук расхожего марксизма с его верой в то, что экономика детерминирует политические и социальные процессы, или плоского российского либерализма, также слепо верящего в преобразующую силу рынка. Крупный бизнес в России, как показывает опыт последних лет, особенно «дело ЮКОСа», труслив, не имеет собственных политических амбиций, тесно связан с высшей властью, если не непосредственно включен ею в свои структуры. Но даже если отвлечься от отечественной истории, то приходится вспомнить, что крупные монополии или корпорации никогда не были особенно заинтересованы в демократии и общественном самоуправлении, в свободном рынке, конкуренции и правовом государстве. Может быть, поэтому так скептически к такой возможности относятся московские аналитики и интеллектуалы (недоверие жён военных и депутатов, видимо, связано с аллюзиями «либерализм = олигархи»).

Но, что принципиально важно, ни политические партии, ни культурная элита, ни гражданское общество в России, по мнению опрошенных, не в состоянии выдвинуть заслуживающих внимания программ и сформулировать цели развития страны. Особо следует подчеркнуть, что недоверие к политическим партиям характерно для всех подгрупп российской элиты, кроме тех, что являются опорой путинского режима — это руководство федеральных округов, судебных и правоохранительных органов, высшее офицерство, командование МВД. Их представители высоко оценивают продуктивный потенциал партий, подразумевая под этим, естественно, только «Единую Россию». Напротив, самое критичное отношение к политическим партиям (опять-таки прежде всего к партии власти, а также к перешедшей пятипроцентный барьер псевдооппозиции — ЛДПР, «Родине») отмечено у московских интеллектуалов, основная масса которых голосовала за СПС и «Яблоко».

Это значит, что в сознании российских влиятельных групп нет даже признака возможности изменения режима легальным образом — нет идеи институциональной дифференциации, обеспечивающей отделение государства от общества, систему контроля над государством, прежде всего над узурпирующими власть исполнительными и административными органами. Собственно, это и есть приговор, вынесенный элите ее же представителями.

Путинская политика уничтожения самих условий для деятельности политических партий и организаций гражданского общества, подавление свободы СМИ, деградация парламентаризма в России — все это не могло не сказаться на отношении к ведущим властным институтам, не привести к постепенному ослаблению активной поначалу их поддержки со стороны вполне лояльных власти сил

и организаций. То же самое, но менее выражено, происходит и в массовом сознании, отчасти отдающим отчет в характере выстраиваемых конструкций имитации послушной общественности. В июльском опросе 2006 г., посвященном выяснению мнений населения по поводу недавно созданной Общественной палаты РФ большинство ответов (40%) свелось к тому, что это декоративный орган, созданный властью, и он не будет иметь никакого реального влияния на происходящее в стране. С этими респондентами не согласны 22% (прочие либо ничего не знают об Общественной палате, либо не в состоянии сказать о ее деятельности ничего определенного — 21 и 17% соответственно). Скептическое отношение населения к такой потемкинской демократии выразилось в том, что 46% опрошенных считают: таких органов совершенно недостаточно, чтобы власти начали прислушиваться к гражданам и входить в их проблемы, для этого нужны другие меры (24%, напротив, находят, что подобных представительств вполне достаточно). Примерно то же распределение мнений мы обнаруживаем и в отношении населения к вопросам свободы политических партий и их доступе к СМИ и пропаганде своих политических взглядов и программных положений.

Таблица 27. Как вы полагаете, имеют ли оппозиционные партии и деятели в России реальные возможности представлять свои позиции?

(*B* % к числу опрошенных, июль 2006 г., *N* = 1600)

Характеристики респондентов	Есть*	Нет*	Затруднились ответить
В среднем	40	38	22
<i>Возраст</i>			
18–24 года	49	26	26
25–39 лет	45	36	19
40–54 года	38	43	18
55 лет и старше	32	40	28
<i>Образование</i>			
Низшее	37	31	32
Среднее	40	38	22
Среднее специальное	43	39	18
Неполное высшее	54	36	10
Высшее	41	46	13
<i>Какой из партий вы симпатизируете?</i>			
Коммунистам	32	46	22
Демократам	49	40	11
Патриотам	27	60	13
Партии власти	62	25	13
Ни одной из них	32	39	29
Затруднились ответить	38	28	34

* Сумма ответов: «есть все возможности» + «есть некоторые возможности» (в среднем 13 и 27%) и «нет больших возможностей» + «нет никаких возможностей» (26 и 12%).

«Достаточно свободы» в стране для тех, кто либо считает себя сторонником партии власти, либо не участвует в политической жизни, не ходит на выборы и не интересуется «политикой», как молодежь. С возрастом и по мере повышения уровня образования недовольство отсутствием политических прав и условий для деятельности партий заметно усиливается, как показывают данные, приведенные в *табл. 27* (обратная последовательность порядка ответов в столбцах «Есть», «Нет» и в графах «Возраст» и «Образование»).

Таблица 28. Как вы считаете, СМИ в России сейчас свободны от государственного контроля или находятся под контролем государства?

(В % к числу опрошенных, июль 2006 г., N = 1600)

Характеристики респондентов	Свободны*	Несвободны*	Затруднились ответить
В среднем	44	47	9
<i>Возраст</i>			
18–24 года	51	39	10
25–39 лет	46	47	7
40–54 года	42	52	6
55 лет и старше	39	48	13
<i>Образование</i>			
Низшее	41	43	16
Среднее	45	45	10
Среднее специальное	47	46	7
Неполное высшее	37	58	6
Высшее	44	54	2
<i>Какой из партий Вы симпатизируете?</i>			
Коммунистам	42	51	7
Демократам	54	41	5
Патриотам	36	61	3
Партии власти	57	37	5
Ни одной из них	41	47	12
Затруднились ответить	32	50	8

* Сумма ответов: «полностью свободны» + «по большей части свободны» (12 и 32%) и «по большей части под контролем» + «полностью под контролем» (35 и 12%).

Как видим, максимум уверенности в том, что в России есть все условия для открытой и свободной политической деятельности, веру в «демократичность» нынешнего строя демонстрируют именно те группы, которые, как известно, отличаются наибольшей аполитичностью и дистанцированностью от политики, в минимальной степени принимают участие в выборах разного рода, высказывают слабый интерес к политике и т.п. Это молодежь, в особенности учащаяся, а также люди со средним образованием (чаще женщины), замкнутые в кругу своих повседневных дел, апатичные и неангажированные, не имеющие особых ресурсов для понимания

и отслеживания событий общего плана, а потому, как правило, голосующие за партию власти, ту политическую силу, которая и подавляет возможности существования оппозиции. С молодежью, впрочем, несколько иной «поворот»: она в общем и целом разделяет некие продемократические лозунги и призывы, воспринимая их в маниловском духе, как пожелания «все хорошего», но ничего не предпринимает для реализации декларируемых ценностей — это, по ее мнению, должна делать власть. Напротив, те, кого не устраивает или кому не нравится политическая практика путинской администрации, чувствуют себя ущемленным, обделенными. Они недовольны этим режимом, зажимом прессы, оппозиции (то есть их партий), предпочли бы, чтобы люди, стоящие сегодня у власти, ушли, но практически они неспособны (как пожилые люди, сторонники коммунистов) что-либо предпринять для того, чтобы ускорить уход политиков, утративших доверие избирателей.

Столь низкая оценка демократического потенциала общества, его ведущих групп заставляет совершенно иначе воспринимать прокламируемую большинством опрошенных установку на «демократическое развитие», к чему мы еще вернемся.

Некоторыми возможностями здесь, по общей оценке, обладают представители прежде всего экспертного сообщества экономических и политических аналитиков и в определенной степени крупного бизнеса (представители армии, законодательной власти имеют насчет последних противоположное мнение и в большинстве своем не верят в их способность определять общегосударственные перспективы).

Показательно, что в стратегические способности руководителей крупнейших партий чаще верят сегодня представители государственной власти, суда, силовых структур, иными словами — номенклатура, а в наименьшей степени — московские интеллектуалы, лидеры бизнеса, главы крупных госпредприятий и массмедиа. Эти «скептики» все-таки более тесно связаны с разными общественными группами, им лучше знакомы интересы последних, они видят реальное расслоение общества и намечающуюся динамику. Но стоит отметить низкую оценку независимых общественных организаций и движений даже со стороны бизнес-сообщества и руководителей СМИ. В этом они, при всей их, казалось бы, критичности и более прозападных, продемократических ориентациях, ничем не отличаются от остальных подгрупп опрошенных (табл. 29).

В социологическом плане такое отношение опрошенных элитарных подгрупп к Путину означает, что представители «элиты» снимают с себя функции определения и обсуждения целей (задач государства), репрезентации интересов различных социальных групп, конкуренции за признание эффективности или правильности, оправданности соответствующей программы реализации этих целей, короче говоря, функции выработки и обсуждения собственно политических вопросов. Таким образом, функция целеполагания не является функцией нынешней российской элиты, а это, в свою очередь, означает, что в данном обществе нет политики как института. И это состояние полностью осознается общественным мнением.

Таблица 29. Могут ли предложить долгосрочную стратегию развития страны...

(По горизонтали, разница между положительными и отрицательными оценками различных фракций элиты у респондентов из соответствующих профессионально-статусных групп)

Категории опрошенных	...представители крупного бизнеса	...лидеры крупнейших партий	...организации гражданского общества	...экспертное сообщество	...армия, силовики	...деятели культуры, СМИ
В среднем по выборке	+10	-11	-25	+53	-54	-30
Заместители губернаторов	+9	-1	-27	+54	-56	-40
Представители исполнительной власти	+16	-3	-22	+48	-53	-29
Руководство федерального округа	+17	+10	+7	+69	-55	-24
Представители законодательной власти	-12	-4	-24	+38	-57	-49
Руководители частного бизнеса	+26	-34	-34	+49	-68	-14
Руководители организаций предпринимателей	+30	-37	-31	+58	-78	-36
Руководители крупных госпредприятий	+4	-31	-31	+48	-71	-67
Суд и прокуратура	+8	+12	-23	+44	-3	+11
Армия и МВД	-12	+12	-24	+57	-30	-27
Московские интеллектуалы	-30	-87	+14	+56	-94	-49

Политика в массовых представлениях россиян

Об импотенции элиты, ее неспособности к политической работе и нежелании взаимодействовать с разными общественными группами, убеждать людей в правоте своих взглядов и правильности программных направлений свидетельствует аморфность и неопределенность мнений по важнейшим вопросам политической жизни в России среди самого населения. Поддержка нынешнего режима, на первый взгляд, характерная для большей части российских граждан, выражена очень слабо, перевес симпатий к власти над антипатиями незначителен (речь в данном случае не идет об отношении к президенту). Но и оппозиционные настроения, не слишком уступающие по масштабам одобрению нынешней администрации, точно так же вялы и заторможены. Степень дифференцированности мнений, которые бы свидетельствовали об активности людей, интенсивной рабо-

те мысли, готовности отстаивать свои взгляды и интересы, крайне мала. Об этом свидетельствуют данные текущих социологических опросов. Из ответов респондентов в опросах, касающихся политического устройства, ориентиров развития страны, можно составить представление о слабо дифференцированной массе, некоем большинстве, «болоте», для которого высказать определенное отношение к тем или иным событиям довольно трудно. Об этом обычно косвенно свидетельствует значительное число «затруднившихся с ответом» или уходящих от необходимости дать прямую и однозначную оценку. Подобные особенности массовых реакций означают, что нет сильных и значимых стимулов для выражения своей позиции, интересы не затронуты или сама ситуация для респондента не прояснена, нет раздражающих моментов для самоопределения или нет образцов понимания происходящего, с которыми он мог бы согласиться или не согласиться.

Деградация политики как сферы конкуренции мнений, идей, столкновения и репрезентации интересов означает сильнейшее отстранение населения от политики или отношение к ней как «грязному делу» (оба эти момента в сегодняшней России тесно связаны). При значительном недовольстве тем, что происходит в стране (весной этого года об этом говорили 71% опрошенных, довольны чуть больше четверти — 27%), примерно половина взрослого населения — 48%, по их словам, не интересуются политикой. Высокий интерес к политике выразили лишь 15%, преимущественно это люди старшего возраста, традиционные приверженцы оппозиционных партий. Все это не может не отражаться на электоральных установках населения.

Таблица 30. Если бы выборы в Госдуму состоялись в ближайшее воскресенье, стали бы вы голосовать на этих выборах? Если да, то за какую из партий вы бы проголосовали? (В % к числу опрошенных, 14–18 апреля 2006 г., N = 1600, данные о поддержке избирателями мелких партий, набравших менее 1% голосов, не приводятся)

«Против всех» + «не буду голосовать» + «не знаю, за кого буду голосовать» + «не знаю, буду голосовать или нет»	47
«Единая Россия»	25
КПРФ	8
ЛДПР	7
«Родина»	2
«За достойную жизнь» (С. Глазьев)	2
АГР	2
СПС + «Яблоко»	1
Российская партия жизни (С. Миронов)	1
Другие в сумме	2–3

Отметим, что доля «отчужденных от политики» на протяжении всех лет замеров устойчиво превышала электорат любой отдельной партии. Уменьшив-

шись с 51% в 1994 г. до 30% в 2000-м (на пике поддержки нового президента), она затем почти вернулась к исходному уровню.

Таблица 31. Если бы выборы в Госдуму состоялись в ближайшее воскресенье, стали бы вы голосовать на этих выборах? Если да, то за какую из партий вы бы проголосовали? (В % к числу опрошенных)

Основные партии	1994, март	1995, март	1996, март	1997, июнь	1998, март	1999, март
АПР	5	2	1	1	2	1
ЖР	4	8	4	3	6	4
НДР	–	–	8	4	8	3
ДВР	9	6	2	1	3	>1
ДПР (С. Говорухин)	3	1	–	1	2	>1
КПРФ	5	8	18	17	22	22
ЛДПР	6	8	7	3	4	3
ПСТ (С. Федоров)	–	6	3	2	3	–
РНРП (А. Лебедь)	–	–	–	9	8	5
«Яблоко»	7	6	6	8	12	12
ОВР	–	–	–	–	–	12
КРО	–	–	–	3	>1	>1
«Не буду голосовать» + «не знаю, за кого» + «против всех» + «затруднились ответить»	51	42	42	40	47	37

Таблица 32. Если бы выборы в Госдуму состоялись в ближайшее воскресенье, стали бы вы голосовать на этих выборах? Если да, то за какую из партий вы бы проголосовали?

(В % к числу опрошенных)

Основные партии	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
«Против всех» + «не буду голосовать» + «не знаю, за кого буду голосовать» + «не знаю, буду голосовать или нет»	30	39	41	39	38	47	47
«Единая Россия»	–	–	17	15	29	20	20
«Единство»* (Шойгу – Грызлов)	21	23	–	–	–	–	–
ОВР*	7	3	–	–	–	–	–
КПРФ	20	20	17	22	8	10	8
ЛДПР	4	2	4	6	5	5	7
«Родина»	–	–	–	–	4	2	2
АПР	1	1	1	>1	2	1	2
СПС	6	4	4	5	2	1	Обе: 1
«Яблоко»	5	4	4	5	2	1	

* Суммы ответов респондентов, поддерживавших как «Единство», так и ОВР, составляет 28 и 26% соответственно в 2000 и 2001 гг. (Е – 21% + ОВР – 7 = 28%; Е – 23% + ОВР – 3% = 26%).

Лишь пятая часть опрошенных считают, что они «ясно представляют себе» политические цели нынешнего руководства страны, остальные либо очень смутно представляют то направление, куда движется страна (39%), либо вообще не имеют об этом никакого представления. Речь идет не столько о рациональном и аргументированном принятии целей и самого характера политики Путина, сколько о выражении согласия с ним, готовности признать и одобрить все, что идет от президента. Самый высокий уровень лояльности у тех, кто поддерживает «Единую Россию» и «Родину», — 32 и 30% (январь 2006 г., N = 1600), образованных людей, полагающих, что «страна движется в правильном направлении», — 38%. Самый низкий уровень лояльности — у пожилых (16%), малообразованных (13%), сторонников КПРФ (13%), полагающих, что страна идет по неверному пути (13%). Однако и среди людей с высшим образованием больше всего тех, кто признается, что они очень смутно представляют себе характер и направление политического развития России, — 46% (с низким уровнем образования — 36%).

Такое умозаключение поддерживается и уверенностью значительной части опрошенных в том, что будущий президент, преемник Путина, будет продолжать его линию. Никаких альтернативных вариантов политики — на подобной безальтернативности, собственно, и держится у подавляющего большинства населения авторитет Путина как политика — массовое сознание просто не видит (сумма ответов больше 100%).

Таблица 33. Что будет делать будущий президент России, который сменит Путина?
(Апрель 2006 г., в % к числу опрошенных, N = 1600)

1. То же, что и Путин	41
2. Будет уделять больше внимания нуждам простых людей	22
3. Добьется восстановления положения России как великой мировой державы	15
4. Избавит русских от унижения в своей стране	12
5. Закрутит гайки, установит жесткий порядок в стране	10
6. Будет развивать инициативу и ответственность граждан	9
7. Восстановит утраченные демократические права и свободы	5
8. Вернет страну на путь социализма	5
9. Затруднились ответить	23

Чаще среднего эту уверенность в инерции власти высказывают силовики, предприниматели, служащие, образованные и жители Москвы, домохозяйки. Значительно больше среднего и тех, кто не хочет идти на выборы (в существенной мере потому, что их «голосование ничего не изменит»), поскольку «все уже предрешено». Отсюда и неопределенность массовых установок в отношении смены руководства страны. Если «ничего сделать нельзя» и «ничего не изменится», поскольку нет социальных сил или общественных групп, кото-

рые могли бы представлять интересы других слоев общества, выдвинуть новые цели правительственной политики и стремиться к их достижению, то не все ли равно, кто будет у власти.

Таблица 34. Могут ли такие люди, как вы, влиять на принятие государственных решений (участвуя в выборах, общественных акциях и демонстрациях, дискуссиях и т.п.)?
(В % к числу опрошенных, февраль 2006 г., N = 1600)

Ответы респондентов	В стране	В вашем городе, районе, регионе
Да («в полной мере» + «в какой-то мере»)	15	23
Нет («скорее нет» + «ни в какой мере»)	83	75
Затруднились ответить	2	2

Таблица 35. Вы хотели бы, чтобы после ухода Путина с поста президента нынешняя команда людей, стоящих у власти, осталась прежней или чтобы на ее место пришли совершенно другие люди?
(В % к числу опрошенных, июль 2006 г., N = 1600)

Характеристики респондентов	Осталась прежняя команда	Пришли другие люди	Затруднились ответить
В среднем	35	39	26
<i>Возраст</i>			
18–24 года	48	23	29
25–39 лет	37	39	24
40–54 года	34	38	28
55 лет и старше	29	46	25
<i>Образование</i>			
Низшее	32	42	26
Среднее	41	36	23
Среднее специальное	35	41	24
Неполное высшее	37	33	30
Высшее	31	45	24
<i>Какой из партий Вы симпатизируете?</i>			
Коммунистам	31	52	17
Демократам	48	32	20
Патриотам	29	40	31
Партии власти	50	30	20
Ни одной из них	28	39	32
Затруднились ответить	37	29	34

Лишь ничтожное число опрошенных (6%) считают, что во взаимодействии с властями они обычно добиваются того, чего хотят. Почти две трети (62%)

стараятся избегать отношений с представителями власти без особой надобности, полагаясь только на себя. Однако четверть опрошенных (24%) признаются, что их жизнь во всем зависит от государства. — главным образом это люди старшего возраста, пенсионеры, инвалиды, не имеющие других источников существования, кроме пенсий и пособий.

Что действительно заботит и волнует людей, так это проблемы материального обеспечения, бедности, выживания, работы и достойного заработка, безопасности, защиты от преступников на улицах и дома⁵⁶, не являющиеся, по мнению опрошенных, преимущественным предметом внимания властей и политических дискуссий. Решение этих проблем, как представляется большинству населения, непосредственно зависит от участия государства в экономике, прямой финансовой и организационной поддержке основных отраслей хозяйства — отечественной промышленности, сельского хозяйства и т.п. Было бы трудно ожидать другого от людей, абсолютное большинство которых не знало никакой другой системы, кроме советской государственно-распределительной экономики. Едва ли их можно в этом упрекать, учитывая характер российской элиты и отсутствие какой-либо разъяснительной и просветительской работы в этом направлении. Политики, депутаты, чиновники заняты главным образом своими доходами, привилегиями, играми во власть, это жадная и продажная публика, которой нет дела до «простых людей»⁵⁷.

Отсюда такой слабый интерес россиян к политике, преобладание в России, по выражению Ю. Левады, «зрительского участия».

Таблица 36. В какой степени вас интересует политика?

(В % к числу опрошенных, 2006 г., N = 1600)

Ответы респондентов	В среднем	18–24 года	25–39 года	40–54 лет	55 лет и старше
В большой степени	15	12	11	14	22
В средней	37	32	38	41	35
«Мало интересует» + «вообще не интересует»	47	55	50	43	42
Затруднились ответить	1	1	1	–	1

Политика как сфера публичных интересов (не «грязных игр» и «разборок» номенклатурных группировок, а как «общее дело», как *res publica*) не просто бессмысленна в сегодняшней России, она совершенно определено — ценно-

⁵⁶ Ответы респондентов на регулярно задаваемый вопрос «что более всего беспокоит вас в последнее время?» были устойчиво однообразными: первое место много лет занимает позиция «рост цен на продукты, товары, услуги, жилье» (в последнем замере, апрель 2006 г., — 81%), «преступность в городе и регионе» (37%), «угроза безработицы» (36%) и т.п.

⁵⁷ О стереотипных оценках властей см.: *Левада Ю.А.* Общественное мнение в политическом зеркале // Вестник общественного мнения. 2006. № 2. С. 10–11; об устойчиво негативном отношении к людям у власти: Общественное мнение. 2005 // Ежегодник Аналитического центра Левады. М., 2005. С. 56–58.

стно, негативно — окрашена. С ней не связываются значения и смыслы частной, негосударственной жизни, а потому нет и оснований для солидарности «на массовом уровне». Дискредитированы не только слова-символы, но и люди, партии, делающие их своим знаменем. На вопрос «есть ли для вас вещи, ценности, более значимые, чем демократические свободы и права человека?» 55% опрошенных ответили «да», «нет» — 28% и 17% затруднились ответить (апрель 2006 г., N = 1600). Более значимыми оказываются прежде всего те значения, которыми определяются достоинство и ценность человека в его собственных глазах, — статус и самоуважение (материальный достаток), справедливость (моральные аспекты), любовь и уважение окружающих, отсутствие унижающего отношения со стороны других (так мыслится «равенство»).

Таблица 37. Ради чего вы готовы пожертвовать свободой и правами человека?

(В % к числу опрошенных, 14–18 апреля 2006 г., N = 1600)

Материальный достаток	49
Справедливость и равенство людей	38
Любовь и уважение окружающих	31
Мир между нациями	24
Достоинство своей нации, уважение к ее истории	22
Служение государству, отстаивание достоинства и величия Родины	13
Вера в Бога	10
Другое	4
Затруднились ответить	15

Область коллективной, общественной, в том числе государственно-публичной, жизни в условиях эрозии террора и ослабления принуждения осмысляется и проявляется в общественном мнении как сфера отчуждения власти и подданных (прежнее принудительное взаимодействие еще сохраняется, но уже как «пустое» поле, как привычная и всем понятная социальная игра в поддавки и согласие: речь идет о взаимной показухе отеческой заботы «государства» и одобрении «народа»). В январе 2006 г. наиболее распространены мнения опрошенных об отношениях власти и общества: «власть и граждане не контролируют друг друга» и «власть и граждане обманывают друг друга» — в сумме составили 61%⁵⁸.

Надежды на то, что власти «будут заботиться о нуждах людей», разделяют лишь менее одной пятой россиян (17%). Однако констатация фактического

⁵⁸ Ответы на вопрос «какое из следующих утверждений больше подходит для нынешней России?» (январь 2006 г., N = 1600) распределились следующим образом: «граждане контролируют деятельность властей» — 1%, «власть контролирует деятельность граждан» — 21%, «граждане и власть контролируют друг друга» — 7%, «ни власть, ни граждане не контролируют друг друга» — 30%, «граждане и власть обманывают друг друга» — 31%. Затруднились ответить 10%.

положения вещей означает лишь признание самого факта невыполнения государством своих прежних социальных обязательств, но не *справедливости* этого: норму, что государство должно обеспечивать людей необходимым прожиточным минимумом, работой, жильем и т.п., разделяют более двух третей населения России.

Таблица 38. Почему граждане России в большинстве своем не контролируют действия властей и не оказывают на них существенного влияния?

(В % к числу опрошенных, февраль 2006 г., N = 1600, сумма ответов больше 100%)

Чиновники интересуются только мнением вышестоящего начальства и игнорируют мнения и нужды рядовых граждан	48
Власть очень скудно информирует граждан о своей деятельности	29
Выборы, референдумы, свободные дискуссии играют все меньшую роль в жизни общества	27
Людей мало заботит, чем занимаются органы власти	18
Люди надеются, что власти и так заботятся об их нуждах	17
Другое	1
Затруднились ответить	7

Отказ государства от патерналистской роли при ясном осознании большинством опрошенных своей беспомощности, аполитичности или асоциальности, то есть неспособности к солидарности и защите своих прав («не станут слушать»), собственно говоря, и становится основанием для массового отчуждения от политики. В минимальной степени готовность к активному участию в политике демонстрируют россияне старшего возраста, более слабые в социальном плане группы (и те, кто, исходя из своего советского опыта, никогда не решился бы на подобные действия).

Таблица 39. Готовы ли вы лично принять более активное участие в политике?

(В % к числу опрошенных, январь 2006 г., N = 1600)

Ответы респондентов	В среднем	18–24	25–39 года	40–54 лет	55 и более лет
Готовы	18	24	20	20	13
Не готовы	77	70	67	77	81
Затруднились ответить	5	6	13	3	6

Разрыв социальных ожиданий и взаимных обязательств еще не меняет ценностно-нормативной системы представлений о реальности (картины «должных отношений» подданных и власти), но резко ослабляет ответственность за соблюдение правил взаимодействия. Структура власти (господства) осталась, по существу, прежней, чисто советской, однако общий контекст отноше-

ния к ней в последние годы начал заметно меняться. Рассмотрим распределение ответов на вопрос, кому принадлежит власть в стране (табл. 40, 41).

Таблица 40. Какую роль играют в общественной и политической жизни страны?..
(В % к числу опрошенных, февраль 2006 г., N = 1600)

	«Большую» + «значительную»	«Незначительную» + «никакой»	Затрудились ответить
Президент	68	9	23
Крупные финансисты, банкиры, «олигархи»	60	16	24
Администрация Президента	57	16	27
СМИ	51	18	31
Спецслужбы	45	14	41
Правительство	44	17	39
Вооруженные силы	40	26	34
Губернаторы	40	24	36
Директора крупных корпораций	37	26	37
Генпрокуратура	33	23	44
Судебные власти	32	27	41
Церковь	31	37	32
Совет Федерации	30	21	49
Государственная Дума	30	31	39
Политические партии	22	38	40
Интеллигенция	16	47	37
Профсоюзы	9	66	25

Таблица 41. Какую роль играют сейчас в жизни страны?..
(Июль 2006 г., N = 1600)

	Средний балл по 5-членной шкале*	Большую роль**
1	2	3
Президент	4,08	71
Спецслужбы (ФСБ и др.)	3,69	52
«Олигархи», банкиры, финансисты	3,59	55
СМИ	3,52	51
Вооруженные силы	3,51	50
Администрация Президента	3,44	45
Прокуратура	3,32	39
Правительство	3,30	42
Губернаторы	3,30	43
Директора крупных промышленных объединений	3,17	38
Церковь, религиозные организации	3,14	38
Судебные органы	3,13	33

Таблица 41. Продолжение

1	2	3
Совет Федерации	3,08	29
Государственная Дума	2,81	26
Политические партии	2,55	17
Интеллигенция	2,49	19
Профсоюзы	1,88	11

* Шкала, где позиция 1 означает «практически никакой», а позиция 5 – «очень большую».

** Суммарный процент ответов «большую роль» и «очень большую роль».

Характер распределения мнений свидетельствует — мало что изменилось: перед нами знакомая тоталитарная организация господства, а именно предельно централизованная, недифференцированная, персонифицированная (образом «вождя») власть, опирающаяся в первую очередь на неконституционные органы и механизмы господства (администрацию президента) и политическую полицию (спецслужбы), выведенную из-под контроля закона, суда и парламента, средства пропаганды и агитации, полностью зависимые от власти, на вооруженные силы и заместников центральной власти в провинции, а также на директорат крупнейших корпораций и предприятий (резидуум плановой государственно зависимой экономики). Эта власть фактически бесконтрольна, поскольку авторитет представительских органов, как вполне обоснованно полагают опрошенные, невысок, во всяком случае, их дееспособность вызывает большие сомнения (доля затруднившихся ответить, а также число тех, кто отказывает этим органам в значимости и силе, существенно больше, чем доля утвердительно ответивших на вопрос о значительной роли их в политической жизни страны). Важно подчеркнуть, что ни политические партии, ни профсоюзы, ни интеллектуальная или культурная элита («интеллигенция») не пользуется заметным влиянием, что указывает на непризнание их общественной и политической роли. Конструкцию восприятия власти дополняют демонизируемые в общественном мнении фигуры — «олигархи», воплощающие в себе все негативные качества «антипода», «врага», могущественной и темной, злой силы, почти равной президенту. Напротив, структуры власти, которые могли бы, по идее, определять повседневное взаимодействие частного индивида с властью, обладают слишком слабым авторитетом (суд, профсоюзы).

Распад тоталитарной структуры организации общества-государства сопровождается не появлением новых представлений о социально-политической реальности, но изменением значимости отдельных важнейших их компонентов: усиливается разочарование, утрачиваются иллюзии в отношении способности государства отвечать патерналистским ожиданиям населения. Речь в данном случае идет не об экономической обусловленности политических процессов, а о смысле взаимодействия власти и населения, ценностно-нормативных составляющих негласного основания легитимности принудительного и репрессивного государственного порядка.

Политика и политический потенциал групп элиты, по оценкам их представителей

Отсутствие «цивилизованной» политики в России и невозможность ее осуществлять, осознанные большинством населения, как было показано выше, оборачиваются придворными интригами, борьбой за доступ к «телу» президента, клановой грызней и тому подобными действиями, являющимися спецификой деспотий. Или наоборот (что, видимо, правильнее): установление деспотического правления подавляет всякую возможность политической деятельности.

По общему мнению опрошенных представителей элитарных групп, наибольшей властью и влиянием на президента пользуются *силовики*, из корпорации которых вышел и сам Путин. Слабее выглядят позиции авторитетных *экономистов*, еще слабее — влияние глав *бизнес-корпораций*. О главах же крупнейших партий и думских фракций можно почти не говорить — встречи с ними демонстрируются избирателям по телевидению, но реального влияния на решения и общий курс они, по общей оценке опрошенных, практически не имеют.

При этом видна явная асимметрия между самооценкой и оценкой со стороны других групп. Так, сами силовики считают свое влияние на президента более чем скромным, а представители бизнеса и СМИ, напротив, едва ли не абсолютным. Со своей стороны, влияние капитанов бизнеса наиболее высоко оценивают силовики и представители законодательной власти на местах, хотя само бизнес-сообщество оценивает свою роль заметно сдержаннее. Влияние экономистов в окружении президента наиболее высоко оценивают представители медиа (видимо, усиливая оценку, что называется, «благими пожеланиями») и, как можно думать, совершенно из противоположных соображений и чувств, — главы силовых ведомств. Влияние же слабых, по общей оценке, фракций Государственной Думы, наоборот, склонны в компенсаторном порядке непомерно завышать избранные представители местной законодательной власти и исполнительных органов, вышедшие из тех же партийных структур, а также главы силовых ведомств, справедливо видящие в них не более чем номенклатурную опору и кадровый резерв нынешней власти (табл. 42).

Связь между подавленностью собственно политических механизмов и неэффективностью правительства, с которого снята ответственность перед представительными органами власти, вполне осознается большинством опрошенных, относимых к элите. Смена руководителей кабинета поэтому воспринимается не как изменение правительственного курса, а как чисто техническое мероприятие, пересадка из одних кресел в другие лишенных собственного значения безликих исполнителей. Именно поэтому респонденты не видят значительных различий между правительством Касьянова, отстраненного по сообра-

жениям неполной лояльности Путину, и правительством Фрадкова, персонажа, воспринимаемого с полускрытой антипатией⁵⁹.

Таблица 42. Как бы вы оценили степень влияния на президента Путина представителей следующих групп в его ближайшем окружении?

(Отношение «значительное влияние/незначительное» по горизонтали, к соответствующим профессионально-статусным группам опрошенных, дающих оценки различным фракциям элиты)

Категории опрошенных	Экономисты	Силовики	Руководители крупнейших корпораций	Лидеры крупнейших фракций в Думе
В среднем по выборке	1,4	3,8	0,7	0,2
Заместители губернаторов	1,4	7,0	0,4	0,4
Представители исполнительной власти	1,7	3,5	0,7	0,7
Руководство федерального округа	1,8	2,1	8,5	8,5
Представители законодательной власти	1,1	3,7	1,6	1,6
Руководители частного бизнеса	1,0	6,0	0,6	0,6
Руководители организаций предпринимателей	0,8	7,6	1,0	1,0
Руководители крупных госпредприятий	1,2	5,8	0,8	0,8
Суд и прокуратура	1,2	1,7	1,2	1,2
Армия и МВД	2,3	1,3	1,2	1,2
Руководители СМИ	2,2	11,5	2,0	2,0
Московские интеллектуалы	0,9	16,2	0,6	0,02

Так или иначе, о выработке самостоятельных стратегий развития на длительную перспективу, их содержательной оценке, критике, выборе и тому подобном при такой расстановке сил вокруг президента приходится, понятно, забыть. Неудивительно, что большинство опрошенных (62%) не видят вокруг президента той команды, которая была бы нужна ему для решения задач модернизации экономики страны, подъема благосостояния жителей, то есть для достижения всех тех целей, чьим олицетворением для респондентов, как они заявляли, и является Путин. Противоположной точки зрения придерживается гораздо меньшая часть опрошенной элиты, чуть больше трети (37%). Чаше настаивают на том, что подобная команда у президента есть, именно те подгруппы, которые в наибольшей степени связывают себя с властью вообще и с путинским режимом в частности, иными словами, причисляющие или желающие причислить себя к этой команде. Это прежде всего назначенцы из аппарата федеральных округов (единственная категория, где это мнение преобладает), затем чиновники из исполнительных органов, военные, судейские,

⁵⁹ «Правительство Касьянова было сильнее, чем фрадковское» — 14%; «слабее, чем фрадковское» — 15%; «таким же по силе» — 34%; «столь же слабым» — 33%.

прокуратура. Их критики занимают более дистанцированную от центральной власти позицию — это частный бизнес, директорат госпредприятий, депутаты региональных законодательных собраний, представители массмедиа и в наибольшей степени — московские аналитики и интеллектуалы.

Наоборот, респонденты, уверенные в том, что в ближайшем окружении президента есть квалифицированная команда, способная решать задачи модернизации экономики, подъема уровня жизни населения, настаивают на том, что она (команда) является важнейшим инструментом проведения решений, нужных власти. Было бы странным, впрочем, если бы сами исполнители воли «царя» себя недооценивали. Точно так же понятно, что их оппоненты в оценках ближайшего путинского окружения подчеркивают значение таких привычных в России способов провести нужное решение, как закулисные интриги лоббистов, бюрократический ресурс. И все стороны высоко оценивают роль «финансов» (подкупа).

Таблица 43. Есть ли у президента Путина сегодня в ближайшем окружении команда, необходимая для решения задач модернизации российской экономики, подъема благосостояния населения?

(В % к соответствующим профессионально-статусным группам опрошенных)

Категории опрошенных	Да	Нет	Да/нет
В среднем по выборке	37	62	0,6
Заместители губернаторов	36	62	0,6
Представители исполнительной власти	47	53	0,9
Руководство федерального округа	62	31	2,0
Представители законодательной власти	32	68	0,5
Руководители частного бизнеса	20	79	0,3
Руководители организаций предпринимателей	29	71	0,4
Руководители крупных госпредприятий	26	72	0,4
Суд и прокуратура	44	54	0,8
Армия и МВД	45	55	0,8
Руководители СМИ	31	67	0,5
Московские интеллектуалы	17	83	0,2

Инструментами для проведения нужных решений на уровне высшей власти выступают для 70% опрошенных личная близость к президенту и его администрации, для 44% — корпоративный административно-бюрократический ресурс и крупный капитал. Большинство опрошенных (53%) полагают, что власть и в будущем, несмотря на все возможные перемены, будет по-прежнему использоваться исключительно в интересах отдельных влиятельных групп, которые и впредь не намерены соблюдать единые для всех демократические нормы и процедуры.

Таблица 43. Что из перечисленного чаще используется сегодня, чтобы провести нужные решения?
(*V* % к группам по вертикали)

	В среднем по выборке	У президента есть нужная команда	У президента нет нужной команды	Затрудняюсь ответить
Близость к президенту	30	29	31	20
Работа квалифицированной командой	9	16	6	0
Интриги лоббистских групп	16	10	20	10
Финансы	19	19	19	20
Понимание реформ, умение их реализовать	5	9	2	20
Бюрократический ресурс	19	16	21	10

Иначе говоря, для проведения президентской политики сегодня, по оценкам представителей элитарных групп, не нужны ни соответствующая команда квалифицированных специалистов, способных разработать технические основания проводимого политического курса, ни программа реформ. Политические решения принимаются под давлением коррумпированных чиновников и лоббистов крупных финансово-промышленных групп, с использованием бюрократического ресурса, обеспечивающего выход на ухо президента, а значит — всегда в частных интересах отдельных группировок, кланов или придворных партий⁶⁰.

⁶⁰ В общественном мнении представления о продажности и коррумпированности власти на всех уровнях, в том числе и высшей власти, стали настолько распространёнными и устойчивыми, что любые события наверху, в частности перестановки и кадровые изменения, население склонно объяснять либо борьбой коррумпированных кланов между собой, либо «началом» борьбы с коррупцией. В июле 2006 г. необходимость ограничить масштабы коррупции и расхищение чиновниками государственности впервые в общественном мнении стала возглавлять список задач, на которых должна быть сосредоточена деятельность правительства (так считали 41% респондентов; следующие задачи, всегда бывшие на первом, втором и третьем местах, — снижение цен, госконтроль над ценами, индексация зарплат, пенсий, пособий, вкладов, социальная защита населения, борьба с преступностью и т.п. уступили проблеме «борьбы с коррупцией»). Если взять для иллюстрации данные только самых последних опросов Левада-Центра, то картина будет следующей: 36% опрошенных считали, что «происходящие в последнее время аресты губернаторов и мэров российских городов» — это «начало борьбы с коррупцией в высших эшелонах власти», 31% — «результат столкновения бизнес-интересов различных кланов у власти», 19% — «расправа с теми, кто не подчиняется воле кремлевских чиновников», 14% затруднились с ответом (июль 2006 г., число опрошенных — 1600). О перестановках в руководстве Генпрокуратуры и в руководстве Минюста России говорилось, что это результат «борьбы за власть между различными кланами в руководстве страны» — 27%, «власть начинает очищаться от коррумпированных чиновников» — 21%, «идет подготовка к национальным выборам 2007–2008 годов» — 17%, и только 14% полагали, что продолжается реформа административных органов с целью сделать их более эффективными (прочие затруднились с ответом). Понятно, что в глазах населения «борьба с коррупцией» подменяется показухой или под видом ее идет расправа с неугодными чиновниками и политиками, происходит передел собственности (34% — «идет реальное очищение власти», 26% — «выдавливание независимых, избранных народом политиков», 23% — «и то и другое», август 2006 г.). Воспринимаемая очередной подобный приступ «борьбы» с «оборотнями в погонах» как «начало чистки собственных рядов» как чисто рекламную кампанию или как прикрытые для расправы с противниками, общество тем не менее всякий раз надеется на справедливость и утверждение законности и порядка. Эта двойственность, свидетельствующая о бессилии перед злоупотреблениями властей, готовности признать гипертрофированные размеры коррупции и беспринципную клановую грязь наверху, с одной стороны, и об оправдании произвола административных органов (в качестве необходимости принятия «экстраординарных мер») — с другой, является важнейшим моментом сохранения социального порядка в России. «...Коррупционность функционеров — признак новых элитарных структур, лишенных как социально-репрессивного контроля, так и нормальных правовых, нравственных и антропологических («человеческих») рамок. Высокий уровень коррупции — тяжелая болезнь роста практически всех модернизирующихся обществ» (Левада Ю.А. Элита и масса — проблема социальной элиты. С. 208).

Из этих ответов лучше, чем из каких-либо иных, видно, что у власти отсутствует идеология, тем более приверженность идее «модернизации» страны. Речь идет в данном случае исключительно о «перераспределении» влияния, осуществляемого самым старым способом. Именно в подобных «безальтернативных» обстоятельствах, когда в пирамиде власти рядом с первым лицом не видно ни вторых, ни третьих фигур и у президента нет квалифицированной и влиятельной рабочей команды, на первое место выходит ведущая роль Путина (или, в иных исторических обстоятельствах и контекстах, другого первого лица) как условие (и символ) сплочения «всех», «всей страны», «всей нации» — и элитарных групп, и сильно атомизированного, во многом дезориентированного населения.

В целом, по общему мнению, выраженному примерно двумя третями (60–70%) опрошенных влиятельных лиц, в «элитах» сегодня преобладает именно стремление к консолидации вокруг Путина для поддержки его курса. В наибольшей степени оно, как считают респонденты, характерно для силовиков (91% всех респондентов уверены, что силовики настроены на консолидацию, к которой они будут принуждать и остальных), выступающих опорой режима. И это понятно: в отсутствие идеологии, политических ориентиров, общенациональных целей развития главной задачей становится принудительная интеграция окол властных кругов, обеспечивающих массовое управление или массовую поддержку режима (или как минимум подавление недовольства, поддержание состояния массовой апатии и «отключенности» от политики, удержание массового протеста в допустимых и контролируемых рамках). Бизнес в значительной степени напуган, и его представители, а также руководители СМИ, о чем уже упоминалось, в наименьшей мере одобряют сегодня путинскую политику и сложившийся при нем режим.

По мнению опрошенных, меньше других (но именно — *меньше* других, а не *против*) настроены на такую консолидацию опять-таки представители бизнес-сообщества, законодательной власти, руководство крупных госпредприятий и СМИ. Например, готовность представителей крупного бизнеса к подобной консолидации отмечают 58% опрошенных (38% такой готовности не видят).

При оценках других аспектов сегодняшнего политического строя и его перспектив композиция этих групп может, как уже было показано, в незначительной степени меняться: какая-то фракция, как правило, ощущающая себя более слабой, может «оторваться» от основного потока и сблизиться в данном вопросе с антагонистами по другим пунктам. Но при этом упомянутые выше группы в границах каждого массива сравнительно близки не только в оценках друг друга и степени влиятельности каждой фракции на президента, на олицетворяемый им курс, но и по прокламируемым ими стратегическим целям, общим принципам, идеологическим предпочтениям, по крайней мере тем, о которых они заявляют.

Таблица 44. Какие из названных ниже идей близки лично вам и вокруг каких идей может быть реально достигнута консолидация ведущих групп общества?
(Отношение «сами респонденты/ведущие группы общества»)

Категории опрошенных	Идея социального государства	Величие державы	Рынок и демократия
В среднем по выборке	0,8	0,8	1,8
Заместители губернаторов	0,6	0,7	2,0
Представители исполнительной власти	1,2	0,8	1,4
Руководство федерального округа	0,7	1,0	2,1
Представители законодательной власти	1,0	0,8	1,7
Руководители частного бизнеса	0,6	0,8	1,5
Руководители организаций предпринимателей	1,0	0,6	2,1
Руководители крупных госпредприятий	0,9	0,9	1,6
Суд и прокуратура	1,1	0,8	1,4
Армия и МВД	1,1	1,0	0,9
Руководство СМИ	0,5	0,7	2,7
Московские интеллектуалы	0,4	0,2	2,4

Примечание. Соотношения меньше единицы указывают на то, что идеи, вокруг которых может быть достигнута консолидация элит, незначимы для самого респондента или негативно оцениваются им, и наоборот, показатель больше единицы говорит о том, что значимые для респондента идеи непопулярны среди других элитарных групп. Показатель 1 означает что респондент разделяет общепринятые мнения, находится в гармонии с общими мнениями, является носителем общепринятых взглядов и осознает это, принимает во внимание.

Отметим в приведенных ответах редкие случаи согласованных (или хотя бы максимально близких) оценок «себя» и «общества», его ведущих групп. Такова роль «величия державы» в представлениях руководителей федеральных округов и высокопоставленных чиновников силовых ведомств, роль «социального государства» — в представлениях респондентов от законодательной власти и руководства крупных госпредприятий.

Бросается в глаза, что по отношению к принципам представительской демократии и рыночной экономики такого согласия ни в одной из фракций позиционной элиты нет. Напротив, отмечается максимальный разрыв между московскими интеллектуалами, представителями бизнес-сообщества, медиаструктур, заместителями губернаторов, с одной стороны, и «обществом», его ведущими группами, — с другой. С учетом сказанного выше о противостоянии этих более критичных по отношению к властям представителей бизнес-сообщества и руководителей медиа государственной номенклатуре всех ветвей власти, допустимо утверждение, что они противопоставлены и государству, и «обществу».

В оценке того, кто в первую очередь определяет сегодня ход дел в стране, группы опрошенных полностью согласны: это, конечно, законно избранный,

а потом переизбранный президент и его администрация (сложившаяся помимо Конституции) — так считают соответственно 95 и 86% опрошенных. Далее начинается область несколько более низких средних оценок и межгрупповых расхождений в оценках. В среднем две трети опрошенных считают определяющей роль высшей бюрократии, руководствующейся собственными экономическими интересами (минимум таких оценок дают сами высшие чиновники на местах, включая военных). Столько же отдают предпочтение крупнейшим финансово-экономическим лоббистам (ниже других их ставят руководители федеральных округов и массмедиа). 64% пальму первенства отдают правительству (минимальные оценки его влияния «поставили» представители законодательной власти и бизнес-сообщества), столько же — силовикам (сами они оценивают свою роль скромнее, чем другие подгруппы, но ниже всего их влияние оценивается представителями суда и прокуратуры).

Еще дальше располагается зона преобладающих негативных оценок. Опрошенные отметили низкую степень влияния региональных элит (45% позитивных оценок против 54% негативных); компетентных и ответственных политиков, повседневно делающих свое дело (40 против 55%); политехнологов (32 против 64%); депутатского корпуса (23 против 75%); чиновников среднего звена (22 против 76%); либеральных реформаторов (11 против 85%); державно-патриотических сил (6 против 89%).

Показательна резкая поляризация оценок тех мотивов, которыми, по мнению различных фракций опрошенной элиты, прежде всего руководствуется сегодня высшая федеральная власть. Приписыванием «центру» по большей части благих побуждений — превратить Россию в современную, развитую и благополучную страну — отчетливо выделяются представители исполнительной и судебной власти в регионах. Мотив возвращения стране статуса великой державы наиболее значим в действиях федеральной власти для высокопоставленных представителей силовых структур, глав федеральных округов, опять-таки представителей исполнительной власти на местах (короче говоря, номенклатуры). Напротив, местная законодательная власть, бизнес-сообщество, главы крупных госпредприятий и руководители медиа — более критичные подгруппы опрошенных — на три пятых (а московская элита на 70%) уверены в том, что высшей властью сегодня движут исключительно беспринципность, властолюбие, мотивы сохранить завоеванные позиции (табл. 45).

По сумме мотивов высшей власти и околоставной элиты получается, что над идеологическими превалируют чисто корыстные, выплескивающие скрытую антипатию представителей элиты друг к другу мотивы (табл. 46). Другими словами, разделение «элит» идет не по каким-то принципиальным — политическим, идеологическим — основаниям; водораздел проходит между допущенными к местам около высшей власти и претендующими на эти места. Чем ближе к власти, тем выше оценка идейных мотивов ее деятельности, чем дальше — тем

суждения отрицательнее, тем сильнее готовность к «разоблачению» карьеристов, резче выражены скрытые групповые мотивы поведения. Собственно, именно таков традиционный механизм и процесс делегитимизации прошлого режима (советского, постсоветского) при смене власти и самолегитимации новой власти.

Таблица 45. Что прежде всего движет представителями высшей федеральной власти, каков главный мотив их деятельности?

(В % к соответствующим профессионально-статусным группам опрошенных, по горизонтали; можно было выбрать несколько ответов)

Категории опрошенных	Превратить Россию в современную, экономически развитую, социально благополучную страну	Вернуть стране статус великой державы, восстановить прежний геополитический баланс сил	Любой ценой удержать власть, защитить достигнутое положение	Избежать в будущем преследований со стороны тех, кто может прийти на смену
В среднем по выборке	27	12	47	5
Заместители губернаторов	42	6	38	5
Представители исполнительной власти	43	19	26	4
Руководство федерального округа	34	17	28	10
Представители законодательной власти	27	10	55	4
Руководители частного бизнеса	18	6	65	4
Руководители организаций предпринимателей	16	13	60	4
Руководители крупных госпредприятий	17	14	62	0
Суд и прокуратура	33	8	44	2
Армия и МВД	19	19	47	8
Руководители СМИ	8	10	59	8
Московские интеллектуалы	2	6	70	4

Таблица 46. Мотивы, приписываемые деятельности высшей власти

Категории опрошенных	Идеологические	Корыстно-шкурные
В среднем по выборке	39	52
Заместители губернаторов	48	43
Представители исполнительной власти	62	30
Руководство федерального округа	51	38
Представители законодательной власти	37	59
Руководители частного бизнеса	24	69
Руководители организаций предпринимателей	29	64
Руководители крупных госпредприятий	31	62
Суд и прокуратура	41	46
Армия и МВД	38	55
Руководители СМИ	18	67
Московские интеллектуалы	6	74

Подчеркнем еще раз устойчивость доминирующих представлений о внутренней пустоте и цинизме властной «элиты», группирующейся вокруг вертикали власти только потому, что эта власть предоставляет такие возможности, связанные со статусом, доходом, правом распоряжаться ресурсами, чувством превосходства, каких нет и не может быть ни в какой другой области профессиональной деятельности. Это, безусловно, самописание временщиков, находящихся у власти, — именно они подбирают для России национальную идею, ищут обоснование суверенной демократии, обнаруживают угрозы национальной безопасности.

Система нынешней политической власти и ее кадровый состав

Для подавляющего большинства опрошенных (70%) нынешняя политическая система, композиция групп и инструментов влияния в верхах власти сложилась именно при Путине, в первый и второй сроки его президентства. Чаще других на этом настаивают, с одной стороны, крупные чиновники (заместители губернаторов, руководство федеральных округов, исполнительная власть), с другой — главы частного бизнеса. Причем все перечисленные группы чаще других связывают формирование нынешней композиции политических сил, механизмов принятия и проведения решений с *первым* путинским сроком. Особую позицию занимают представители исполнительной власти на местах, поскольку для многих из них (45%) нынешняя политическая система сложилась во *второй* срок президентства Путина. Депутаты местных законодательных собраний и руководители силовых структур чаще среднего связывают формирование нынешнего политического режима с ельцинским правлением, а именно с первым, условно говоря прореформаторским, сроком его президентства; причем местные законодатели дают этому периоду скорее позитивную оценку (не исключено, что они сами пришли во власть именно тогда), силовики же — скорее негативную, как началу «развала» и «хаоса» в стране.

Таблица 47. Когда сложилась нынешняя политическая система?

(В % к соответствующим профессионально-статусным группам опрошенных, без затруднившихся с ответом)

Категории опрошенных	В первой половине 1990-х	Во второй половине 1990-х	Сумма по двум ельцинским периодам	В первый путинский срок	Во второй путинский срок	Сумма по двум путинским периодам
1	2	3	4	5	6	7
В среднем по выборке	7	16	23	39	31	70
Заместители губернаторов	5	16	21	45	29	74

Таблица 47. Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
Представители исполнительной власти	7	12	19	34	45	79
Руководство федерального округа	0	10	10	41	34	75
Представители законодательной власти	14	16	30	33	31	64
Руководители частного бизнеса	2	14	16	47	29	76
Руководители организаций предпринимателей	9	31	40	20	31	51
Руководители крупных госпредприятий	7	19	26	36	31	67
Суд и прокуратура	6	17	23	54	17	71
Армия и МВД	11	13	24	40	26	66
Руководители СМИ	8	12	20	39	33	72
Московские интеллектуалы	4	15	19	49	15	64

Выше мы постарались объяснить, почему две трети опрошенных вполне позитивно оценивают кадровые перемены, последовавшие за приходом Путина к власти, а 22% эти изменения не одобряют (среди руководителей СМИ доля недовольных приближается к 40%). Однако более конкретный вопрос о кадровых резервах нынешнего управленческого корпуса дает гораздо менее согласованную и менее оптимистическую картину.

Меньше трети опрошенных связывают подобные резервы с «путинским призывом»; 36% (относительное большинство) считают, что прежние механизмы кадрового отбора и смены разрушены, а каждый начальник подбирает себе команду из того, что есть, по собственным возможностям и разумению (среди руководителей федеральных округов эту оценку разделяют 45%, а среди руководства крупных госпредприятий — даже 55%).

Показательно, что опять-таки две трети оценивают профессионализм нынешнего набора управленцев высшего и среднего звена как *средний*, а 17% — как *низкий*. Особенно негативно настроены представители силовых структур: среди них отрицательную оценку профессиональных качеств нового корпуса управленцев высказывает каждый четвертый.

Поэтому, в заметном противоречии с почти безоговорочно принимаемой фигурой Путина как центра консолидации элит и воплощенного модернизатора страны, конкретные шаги президента по «укреплению властной вертикали» оцениваются в целом весьма сдержанно: позитивно относятся к их последствиям не более 50–60% опрошенных — представители управленческой элиты, капитаны бизнеса, первые лица в системах общественной коммуникации.

Причем в некоторых важных отношениях эти путинские шаги, по мнению относительного большинства опрошенных, так и не привели к прокламируемым результатам, больше того — результаты получились прямо противоположные.

Например, не удалось уменьшить масштабы коррупции во власти на местах. При этом чрезмерная концентрация власти в центре привела к усилению коррупции в центральных министерствах и ведомствах и вместе с тем ослабила систему управления в целом. Эти негативные последствия подчеркиваются отдельными, менее лояльно (или менее сервильно) настроенными группами опрошенных — опять-таки относительно более критичными представителями местной законодательной власти, бизнеса, руководства СМИ. Противоположного мнения держатся максимально лояльные по отношению к центральной власти и в особенности к первому лицу в государстве представители местной номенклатуры — руководство федерального округа, верхушка суда и прокуратуры, высшие чины армии и МВД.

Таблица 48. В какой мере вы согласны с тем, что мероприятия по укреплению вертикали власти:

1 — были продиктованы геополитическими интересами России и задачами борьбы с международным терроризмом; 2 — сократили масштабы произвола и коррумпированности местной власти и «олигархов»; 3 — укрепили основы федерализма; 4 — повысили эффективность управления; 5 — привели к чрезмерной концентрации власти, ослабив систему в целом; 6 — разрушили зачатки демократических институтов, привели к полному отрыву власти от общества; 7 — поставили под угрозу конституционный строй, целостность страны; 8 — привели во власть представителей госбезопасности, не имеющих должной профессиональной компетенции; 9 — привели к параличу исполнительной власти, стагнации в стране?

(Соотношение согласных и несогласных с данной оценкой, в % к соответствующим профессионально-статусным группам опрошенных)

Категории опрошенных	Позитивная оценка действий				Негативная оценка действий				
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
В среднем по выборке	2,0	0,9	2,2	1,6	1,0	0,5	0,2	0,7	0,2
Заместители губернаторов	1,5	1,2	1,8	1,3	1,0	0,4	0,2	0,4	0,1
Представители исполнительной власти	2,1	1,1	2,4	1,6	1,0	0,4	0,2	0,7	0,1
Руководство федерального округа	13,3	2,5	4,5	3,2	0,3	0,1	0,1	0,3	0,08
Представители законодательной власти	1,1	0,7	1,1	0,5	1,9	0,9	0,4	1,0	0,4
Руководители частного бизнеса	1,0	0,7	1,5	0,9	1,1	0,6	0,3	0,9	0,3
Руководители организаций предпринимателей	1,5	0,6	1,4	2,2	1,2	1,0	0,2	0,8	0,2
Руководители крупных госпредприятий	3,1	0,8	5,2	0,9	1,5	0,5	0,2	0,8	0,2
Суд и прокуратура	5,6	1,3	4,6	1,2	0,5	0,2	0,04	0,4	0,07
Армия и МВД	6,0	1,3	6,9	1,7	0,7	0,4	1,1	0,5	0,1
Руководители СМИ	0,8	0,3	1,1	0,7	2,0	1,8	0,4	1,5	0,3
Московские интеллектуалы	1,2	0,09	0,09	0,3	5,4	4,1	2,1	4,1	1,7

Полное одобрение политики по укреплению вертикали власти находим прежде всего среди руководства федеральных округов, верхушки армии и правоохранительных органов, замгубернаторов, представителей исполнительной власти, директората госпредприятий (хотя последние одобряют эту политику не во всем, нередко сближаясь в оценках с представителями среднего и крупного бизнеса — группой, настроенной более критично по отношению к путинскому режиму и технологиям его укрепления). Напротив, мероприятия по централизации власти и ограничению полномочий местной и региональной власти вызывают настороженность и негативное отношение среди частного бизнеса, депутатского корпуса, тех же директоров и прессы, не говоря уже о московских экспертах. В целом к победным рапортам о повышении эффективности управления на всех уровнях скептически относятся директора, бизнесмены и депутаты.

О чрезмерной концентрации власти (и тем самым об ослаблении системы в целом) чаще говорят представители московской элиты, бизнеса, депутаты, директора и журналисты. Но уже проблема фактического упразднения демократических институтов Путиным волнует очень немногих (главным образом московскую элиту, настроенную оппозиционно к Путину и его режиму, а также журналистов). И практически никого не волнует приход чекистов во власть, в этом элита в целом не видит угрозы (беспокойство проявляют опять же бизнесмены и представители предпринимательских организаций, пресса).

Почему? Потому что элита не связывает и не отождествляет себя с обществом ни как с объединением граждан, ни как с сообществом носителей культуры (отсюда низкие оценки стратегических возможностей гражданских организаций и деятелей культуры, образования, СМИ, которые приводились ранее). Это понятно: область отождествлений для подавляющего большинства представителей элиты — так или иначе «вся страна», государство либо держава, воплощенные в «правильной» власти.

Из путинских реформ они максимально одобряют переход к назначению губернаторов (как можно предполагать, видя в этом ограничение произвола местных «баронов» вместе с приближенными к ним финансово-промышленными «магнатами», однако силу и тех и других не стоит переоценивать) и налоговую реформу. Административная и образовательная реформы, реформа здравоохранения, переход к монетизации льгот, преобразование ЖКХ, военная, пенсионная и другие объявленные реформы либо оцениваются негативно, либо, по оценкам большинства респондентов (от 40 до 60% по разным направлениям провозглашенных реформ), даже «еще и не проводились», при том что военная, согласно официальным заявлениям, уже якобы завершена.

Таблица 49. С какой оценкой перечисленных изменений и реформ после прихода В. Путина к власти вы бы скорее согласились?

(В % к числу опрошенных)

Изменения и реформы	Привела к позитивным результатам	Привела к негативным результатам	По-настоящему еще не проводилась
Административная реформа	32	22	46
Назначение губернаторов	60	27	13
Изменения в системе партийного строительства	35	32	33
Образовательная реформа	10	43	47
Реформа здравоохранения	10	41	49
Монетизация льгот	32	57	11
Военная реформа	23	21	56
Пенсионная реформа	27	31	42
Реформа ЖКХ	8	33	58
Судебная реформа	31	20	49
Налоговая реформа	46	21	33

Около трети опрошенных оценивают нынешний политический и экономический курс как стагнацию и поворот назад. Характерно и важно для понимания ситуации, что они чаще связывают эти негативные тенденции именно со вторым сроком президентства и Ельцина, и Путина (после выборов 2003 г.). Иначе говоря, этими оценками фиксируется повторяющийся как своего рода модель отказ первого лица и его команды от решительного и конструктивного использования тех врученных ему избирателями полномочий, наработанных связей во властных структурах и механизмах исполнительной власти, накопленного авторитета и опыта, возможность использовать которые для принципиального реформирования системы по идее и дает переизбрание на второй срок.

Таблица 50. В какой мере политический режим Путина одобряют...

(Соотношение «одобряющих/неодобряющих», по вертикали, все опрошенные)

	Пять лет назад	Сейчас	Изменения
Законодатели	4,4	48,0	Одобрение выросло почти в 10 раз
Исполнительная власть	5,9	19,0	Выросло в 3 с лишним раза
Силовики	18,2	23,0	Выросло в 1,2 раза
СМИ	2,5	1,3	Уменьшилось почти вдвое
Бизнес-сообщество	2,4	0,9	Уменьшилось почти втрое
Культурная и научная элита	3,7	1,4	Уменьшилось в 2,5 раза
Близкие вам люди, такие как вы	3,7	2,2	Уменьшилось в 1,7 раза

Как видим, за пять лет оценки путинского режима, внутренней политики, проводимой в России, отчетливо дифференцировались. Во всех группах «централизации власти» (силовики, чиновники разного уровня, замгубернаторов) оценка повысилась до полного одобрения. У тех же, кто не связан непосредственно с властными структурами, стала заметно ниже, например у представителей бизнеса — руководителей как собственных фирм, так и бизнес-организаций, у ведущих работников массмедиа. У последних отрицательная оценка сейчас явственно преобладает (при 55% неодобряющих одобряют 43%), тогда как пять лет назад, по их ретроспективным суждениям, среди них было заметно больше тех, кто одобрял путинскую внутреннюю политику и с определенными надеждами смотрел на устанавливающийся режим (69% позитивных оценок против негативных 26%).

Иными словами, сегодня как минимум треть политической, административной, экономической, военной, научной и культурной элиты, занимающей ведущие места в системах, прерогативами которых являются постановка целей перед обществом, управление обществом и обеспечение коммуникаций между группами и слоями общества, не связывает сложившийся социальный и политический порядок с собственными усилиями. Эта количественно значительная, квалифицированная, облеченная полномочиями часть респондентов не видит своего вклада в сложившуюся ситуацию, а потому не чувствует ответственности за нее и, как можно понять, не удовлетворена своей незначительной ролью при нынешнем руководстве, тем более что эта роль продолжает и далее уменьшаться. За последние пять лет, по мере оформления путинского режима, подобные настроения, как было показано, заметно укрепились. Причем в некоторых фракциях элиты, в большей степени, чем другие, ориентированных именно на социальную динамику, тесно связанных с различными группами сегодняшнего российского общества и в то же время отслеживающих актуальную ситуацию в «большом мире» (таковы бизнес, массмедиа, наука, культура), доля недовольных доходит до двух пятых и даже превышает половину.

Подытоживая, охарактеризуем основной узел проблем и напряжений между различными подгруппами сегодняшней российской элиты. Представители ведущих групп социума, по общему мнению, способные выдвинуть программные альтернативы развития страны (бизнес, медиа, наука и культура, экспертное сообщество), в наибольшей степени недовольны сложившейся ситуацией и установившимся за последние годы строем, поскольку, наряду с прочим и в сравнении с ситуацией начала 1990-х гг., чувствуют себя оттесненными от выдвижения идей и целей развития, от обсуждения, принятия и проведения в жизнь важнейших решений. При этом они же оцениваются другими как наименее лояльные к нынешней власти (а лояльность — главный критерий оценки значимости в советской и российской власт-

ной системе). Больше того, именно на них сегодня направлено основное давление властей, в результате которого возможности их самостоятельного действия последовательно ограничиваются и в перспективе могут быть сведены на нет.

Имеет смысл подробнее рассмотреть эти более критичные фракции элиты по их составу и более общим, напрямую не связанным с властью групповым ориентирам, мотивам и установкам. Хотя изучение данного комплекса проблем и представлений не было специальной задачей нашего исследования, оно дает дополнительную возможность оценить экспертный потенциал наиболее, повторим, критичной, прозападной и общедемократически ориентированной подгруппы опрошенных.

По данным о составе российской бизнес-элиты на конец 1990-х гг., то есть на момент прихода к власти В. Путина, собранным Хельмутом Штайнером⁶¹, от трех четвертей до четырех пятых этого «элитарного» слоя составляли представители старших возрастных групп (50 лет и старше), занимавшие первые руководящие позиции в брежневскую эпоху. Такова ситуация в промышленности (включая агропромышленность), ВПК, науке и технике (до половины руководителей ВПК и науки — люди старше 60 лет). Относительно более молодые руководители — в банковском деле и финансах, но особенно в системе массмедиа, где свыше 40% — люди около 40 лет и моложе.

Таблица 51. Доля лиц различного возраста в бизнес-элите России
(В % к занятым в перечисленных отраслях)

Сфера занятости	Доля в общем менеджменте	60 лет и старше	44–59 лет	43 года и моложе
Промышленность	31,4	33	55	12
Сырьевая промышленность	9,4	32	53	15
Банки	11,8	18	42	40
Финансовые группы	7,2	15	48	37
ВПК	2,0	62	33	5
Наука и техника	6,8	48	45	7
Высокие технологии	1,8	32	42	26
Услуги	14,7	17	55	28
Торговля	3,9	12	66	22
Аграрное хозяйство	4,8	30	56	14
СМИ	6,1	10	42	48
Доля в общем менеджменте	100,0	26	52	22

⁶¹ См.: Штайнер Х. Формирование социальных структур в современной России // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 6. С. 46. (Пересчет наш.)

Остановимся подробнее на последней подгруппе самых молодых. Ее формирование — немаловажный процесс в социально-политической жизни России 1990-х гг., по которому вполне точно можно судить о траектории изменений в характере и политике российской власти этих лет.

В коллективной жизни российского социума за последнее десятилетие, начиная примерно с 1995–1996 гг., можно наблюдать процесс нарастающей массовизации без институциональной модернизации. Если говорить о работе медиа, то перед нами некоторые черты *технологической модернизации* коммуникативных каналов (сетка вещания, основные жанры коммуникации, их поэтика и стилистика, типы коммуникаторов, техническое обеспечение) с отсылкой руководителей медиа к представлениям и ожиданиям *воображаемой зрительской массы*, конструируемой в настоящем и проецируемой в прошлое с помощью современных технических средств на правах единого целого — как «мы» или «наши». Подчеркнем, что формирование массового уровня жизнедеятельности социума, включая как коллективные ожидания и запросы, так и характеристики реальной обеспеченности и потребления (и не только потребления медиа), в подобных условиях, при подобной расстановке социально-политических сил и их приоритетов не *завершает* процессы модернизации, а замещает, симулирует их, компенсирует их отсутствие или замедление, пробуксовку.

Тут необходимо уточнить само понятие «масса», которым мы не раз пользовались в ходе предыдущего изложения, потому что в нынешней публицистике и политической риторике оно трактуется совершенно иначе. Для нас данное понятие имеет исключительно аналитический, идеально-типический смысл, причем применительно к историческим обстоятельствам и особенностям процессов модернизации в разных регионах, в разные эпохи, под влиянием разных социальных сил. В нынешней России мы имеем дело с остаточными феноменами мобилизационной, государственно зависимой массы населения — масса здесь конструируется и понимается сверху именно как ведомая, пассивная, адаптивная, консервативная. И в этом состоит отличие данной конструкции от соответствующих феноменов пореволюционного периода или, с некоторыми оговорками, оттепельной эпохи, ранней перестройки (такого рода переходы с их сдвоенным поступательно-возвратным движением создают характерную для России смену «оттепелей» и «заморозков»). Подобные остаточные феномены (радикалы) время от времени активизируются и находят выражение, оформление в языке политической пропаганды как мнения, интересы, запросы «большинства», «народа» и пр. Сейчас (здесь есть определенная близость с ситуацией времен Брежнева, в меньшей мере — с ситуацией второй половины 1930-х гг. с их «поколением победителей» и «наследников») эта симулятивная стабилизация осуществляется опять-таки в ситуации замедления, пробуксовки, отсрочки или даже остановки процессов социо-

культурной дифференциации, усложнения и динамизации общества. В этом смысле «стабилизация» каждый раз означает провозглашенную сверху стабилизацию на достигнутом уровне. В языке конкретных деятелей эпохи такая стабилизация может трактоваться как «построение социализма в одной стране», «суверенная демократия», «застой» или что-то другое.

Важно, что «масса» при этом есть не только исследовательская, но и историческая конструкция. «Интересы» и «настроения» так понимаемой массы сегодня целенаправленно конструируются, находя выражение в институциональных формах, политических стратегиях, массмедийных практиках, а потом и в повседневной жизни. Вернее, эта конструкция интересует исследователей и становится им нужна ровно настолько, насколько найденное силами определенных групп смысловое выражение, символическая композиция получают институциональное оформление, становятся устойчивым элементом множества согласованных действий, ведут к определенным и систематическим практическим шагам больших групп и слоев людей. Симулятивность, в том числе виртуальная симуляция политики, — одна из основных черт социально-политической жизни в путинский период. В контексте массмедиа приходится констатировать нарастающую телезависимость и масс, и власти. Ею определяется, в частности, сегодняшняя значимость и функциональная роль массмедийного сообщества.

И как на каждом переходе от относительного усложнения и динамики социума к упрощающей массовизации и стабильности, интеллектуальное сообщество и на этот раз заметно эволюционировало, сменив риторику избранников и наставников на верноподданническую риторику державничества и прибегнув к технологиям массового манипулирования. Отличие от ситуации второй половины 1930-х гг. (и частичное сходство с брежневским «застоем») состояло в симулятивности новопровозглашенного социально-политического порядка. Видимо, именно этим важнейшим обстоятельством объясняются крайне быстрые темпы и, в общем, сравнительно безболезненный характер отставки, замены и «перековки» образованного сословия россиян, которые произошли в середине и второй половине 1990-х гг. Ни массового уничтожения и запугивания, ни интеллектуального самокалечения, ни принудительной эмиграции, ни даже широкого подкупа государством на сей раз не потребовалось.

Описываемый сдвиг в адресации, характере и содержании массовых коммуникаций в России второй половины 1990-х — рубежа 2000-х гг. происходил под воздействием факторов разного типа и уровня. Это и установки высшего политического руководства (тогдашнего окружения Ельцина, а затем — сил, выдвинувших Путина, позднее — путинской «команды»), и экономические интересы крупнейших собственников, начиная опять-таки с государственных структур и их филиаций в бизнес-среду. Но в определенной мере, хотя

и не в главном, это стоит связать с самоопределением более молодых, прагматичных руководителей медиа из круга «новых распорядителей», получивших или взявших на себя роль «уполномоченных власти».

В этом плане можно говорить о становлении, начиная примерно с середины 1990-х гг., сообщества сотрудников центральных медиа с их коллективными интересами, представлениями, ориентирами, претензиями на публичную демонстрацию социальных достижений, образом жизни и формами его представления «значимым "другим"» (власти, воображаемому Западу, вчерашним друзьям, однокашникам, коллегам с более низким статусом). Обозначим этот слой как *имитативную медиакратию* — управление технологиями массовых коммуникаций и обслуживающим их персоналом по поручению и с благословения властей, но без реальной политической власти и претензий на нее. Назначенной государством ценой за возможность занять хоть какие-то руководящие позиции в новой медиасистеме после 1995–1996 гг. (организация парламентских и президентских выборов, регулируемых сверху с применением массмедийных технологий и других административных ресурсов) был именно отказ от самостоятельной артикуляции политических интересов и видов, кроме как в форме адаптации к действующей власти и ее технологического обслуживания. Вытеснение и устранение самостоятельных экономических игроков, стремящихся участвовать на ведущих ролях и в политической жизни, в организации каналов массмедийной коммуникации (Березовский, Гусинский, Ходорковский и др.), сопровождаются выдвиганием на руководящие места в медиасистеме новых, лояльных и прагматичных, менеджеров, а также выходом в публичную сферу, на экраны основных телеканалов группы проправительственных политических консультантов, близких к Кремлю пиаровцев и т.п.

Преобладающая часть менеджериального звена на большинстве центральных каналов российского телевидения сегодня — это люди, родившиеся между серединой 1950-х — серединой 1960-х гг. По характеру образования среди них выделяются несколько основных групп: окончившие факультеты журналистики (Московского и Ленинградского университетов, реже — в других крупных городах, таковы, скажем, Леонид Парфенов или Александр Герасимов) или другие гуманитарные факультеты (исторический, как Олег Добродеев) либо институты (Педагогический, как Андрей Быстрицкий, Институт культуры, как Александр Левин), «технари» (чаще всего выпускники Института связи, радиоэлектроники и т.п., например Александр Калинин); получившие «элитарное» образование (Иняз, МГИМО, как Владимир Кулистиков). На телевидение они пришли по большей части во второй половине 1980-х — самом начале 1990-х гг. с новыми карьерными возможностями, открытыми горбачевской «перестройкой», «гласностью», противостоянием «партийным консерваторам» и т.п.

Для характеристики дальнейшей эволюции этого новообразованного слоя отметим, что позднейшее сращение новых распорядителей массмедиа с власт-

ной верхушкой и крупными собственниками, проявившими лояльность по отношению к позднеельцинской, а затем и путинской власти, осуществлялось, во-первых, при демонстративно *антизападнических идеологических установках*, педалировании «особого пути», советских символов «великой державы», державного престижа и, во-вторых, при откровенном заимствовании *западных коммуникативных технологий*, статусных символов и пр. Определенной точкой отсчета в этом процессе можно считать рубеж 1995/96 г. (вокруг вторых выборов Ельцина), когда на ОРТ появился коллективный проект К. Эрнста и Л. Парфенова «Старые песни о главном» (работа над ним началась, впрочем, уже в 1993-м), а затем «Русский проект» Д. Евстигнеева, «Наша эра, 1961–1991» того же Парфенова и «Старые песни о главном-2» (оба — 1997 г.). Тогда условный конец данного периода инфильтрации и укоренения «новых распорядителей» в медиасистеме можно датировать интервалом между первыми и вторыми выборами В. Путина (характерно, что в 2004 г. Л. Парфенов был уволен с НТВ и вообще вытеснен с телевидения⁶²).

Если говорить в более широком плане, то модернизация в подобных обстоятельствах не разворачивается вместе с формированием самостоятельных и авторитетных элит, берущих на себя ее дальнейшее движение, осуществление коммуникации между группами, представление их интересов, выработку обобщенных правил и все более абстрактных языков общения. Напротив, идет противоположный процесс: сознательное понижение ориентиров и самооценок интеллектуального слоя через формирование фикции «большинства» и вполне расчетливое использование эпигонской идеологической конструкции «массы» для реализации собственных претензий на статус, для укрепления и улучшения своего общественного положения. Разрушение профессиональной среды журналистов и корпоративной солидарности сотрудников масс-медиа (вспомним хотя бы об отсутствии их сколько-нибудь организованной, последовательной и публичной реакции на события вокруг «Медиамоста», разгона НТВ и др.) сопровождается разрастанием всякого рода символических акций самоутверждения новых менеджеров и звезд медиатусовки — премиальных церемоний, коллективных празднеств с непременным показом их по телевидению и тиражированием в «глянцевой» прессе («глянец» — своего рода зеркало этой новой среды с вмененной ей и принятой ею установкой на уже упомянутый «позитив»). Фактически это прямой, больше того — настойчиво

⁶² Показательно сегодняшнее возвращение Парфенова на телевидение — он приглашен К. Эрнстом на Первый канал в качестве ведущего музыкально-развлекательной программы. Установка нынешних огосударствленных и огосударствляемых российских СМИ на развлечение, все более явная по мере приближения электоральных 2007–2008 гг., выражена в недавней смене формата вещания на ТВЦ (круглосуточное, опирающееся на семейно-молодежные сериалы и ток-шоу, ориентированные на женскую аудиторию среднего возраста) и РЕН ТВ, а воплощена именно в сегодняшнем, некогда оппозиционном и относительно критичном НТВ, где теперь прайм-тайм от 19:00 до 23:30 целиком занят мелодраматическими и детективными сериалами.

демонстрируемый отказ от функции элиты при сохранении ориентаций на особое положение, статусные привилегии и символы, образ жизни «закрытого» слоя.

Медиазвезды осознают нынешние возможности телевидения, пользуются ими и даже упиваются сознанием «власти над зрителем», но при этом столь же демонстративно заявляют, что сами ТВ не смотрят, а публику цинично трактуют как «чужих» и статусно «низких». В этом плане медиасообщество, его наиболее молодые, светские, модные лидеры чрезвычайно озабочены символической демаркацией границы, отделяющей их от «массы», «толпы», «пиπλα» (в чем проявляют типичную интеллигентскую позицию в отношении «массовой культуры» и пр.). Точнее говоря, объектом дистанцирования для них выступают, конечно, не «массы», а более или менее близкий слой относительно успешных россиян, «новой модной публики», которая все-таки имеет средства пойти на премьеру в дорогой киноцентр, и т.п.

Можно сказать, что инициаторы и носители культуры «глянца» демонстративно отделяют себя от героев и потребителей «попсы», что те и другие в свою очередь отстраняются либо же оттеснены от *официальной и официозной культуры*, признанного, обласканного и вознагражденного властью благопристойного *мейнстрима*. Границы между ними, впрочем, достаточно подвижны. Смысл для участников состоит в том, чтобы не только их соблюдать и поддерживать, но иногда и переходить, причем обязательно обставя такой переход символами и церемониалами, придавая ему характер события (траекторию таких переходов применительно к тому или иному деятелю, группе деятелей можно было бы эмпирически проследить, например, на материале разнообразных присуждаемых им премий, при смене уровня социального признания и масштаба символических вознаграждений).

Другой смысловой комплекс, который составляет одну из главных позитивных характеристик нынешнего медиасообщества в глазах его активных членов (не говоря уже о больших, по российским меркам, и «быстрых» деньгах), это атмосфера особой насыщенности, даже взвинченности коллективной жизни, упоение ее скоростью, ставка на короткое время, нынешний день, чувство, что именно на телевидении сегодня кипит «настоящая жизнь». Отсюда же, как можно полагать, идет и подчеркиваемая в публичных выступлениях, в коллективном имидже медиазвезд «трудоголия» — черта группового самоопределения, хорошо известная по советской истории конца 1920-х — начала 1930-х гг., с ее мифологией жизненной скорости и трудовой горячки как выражения искомой полноты жизни у Виктора Шкловского, Валентина Катаева и других вчерашних «попутчиков», а затем лидеров интеллигентской «перековки». Легко видеть, что, при всем демонстративном нынешнем дистанцировании данной среды от «пипла», в ней преобладает та же тактика адаптации, что и в массе населения, только эта адаптация носит не замедленно-пассив-

ный, а, напротив, форсированный, ускоренный характер самоподхлестывания и ориентирована на то, чтобы получить вознаграждение по максимуму и уже сегодня. Неслучайно «трудоголия» в этой среде, точно так же, как и на рубеже 1920–1930-х гг., вполне сочетается с «халтурой».

И еще один важный для описываемой среды смысловой комплекс — стремление опять не отстать от «большого мира». Только теперь задача не «догнать и перегнать Америку», как раньше, по производству мяса и молока, а «встать вровень с Голливудом» по стереотипизированной поэтике и технологическим кондициям отечественных киноблокбастеров, римейков, сиквелов и телесериалов. Показательно, что если в начальный период горбачевской «перестройки» для самого М. Горбачева и его тогдашних продемократических соратников прокламируемым ориентиром выступали «общечеловеческие ценности», то теперь ни о каких ценностях речи нет: их место в дискурсе политконсультантов и медиаменеджеров заняла технология, но демонстрируемая вовне, знаковым «другим» в качестве «нашего» символического достижения. И наконец, значимым мотивом в самоутверждении и диагностике ситуации «новых распорядителей» выступает подчеркивание «позитивных сторон» нынешней коллективной жизни в России — ее стабильности, спокойствия, налаживающегося порядка, будто бы растущего благополучия.

Наиболее острые проблемы российского социума связаны сегодня с феноменами распада государственно-централизованного устройства. Одним из проявлений этого распада выступает ширящийся разрыв между частными коммуникациями единиц, их семей «лицом к лицу» и огосударствленными коммуникациями «всех», «каждого как любого другого» в отношениях просителей (бюрократические учреждения и социальные службы) и зрителей (массмедиа) — разрыв между этими планами социального действия, уровнями социума. Говоря коротко, социум в России по-прежнему формируется и осознает себя в основном как патерналистский — это адаптирующееся к обстоятельствам сообщество подопечных. Тактические формы подобной адаптации могут быть относительно разными: принудительные и массово-уравнивательные отношения «таких, как все» в рамках государственных институтов; вытеснение агрессии, вызванной подобной социальной стигмой, на любых «чужаков» — «приезжих», «кавказцев», «китайцев» и пр.; партикуляристские отношения в узком кругу «своих»; симулятивные формы символической принадлежности к виртуальному целому — зрительские «воображаемые сообщества», сохраняющие партикуляристский характер коллективного «мы» в виде остаточных идеологем или мифологем «особого пути», «русского характера». Во всех этих случаях изоляционистский характер коллективного самоопределения выступает границей и барьером для возможной универсализации образцов поведения, самопонимания, установок в отношении «других» как «не чуждых» — форм гражданского или конституционного

патриотизма, доверия социальным институтам, позитивной социальности, моральной солидарности.

В этих условиях ведущей характеристикой институционального устройства нынешнего российского социума становится двуплановость, двузначность, двусмысленность институциональных форм. Видимо, это основополагающая характеристика адаптирующихся сообществ, в которых устранены, подавлены или сдерживаются самостоятельные источники и силы развития, инновативная деятельность по выработке и активному достижению значимых целей. В нынешних институциональных структурах социума и формах действия россиян относительно «новые» для советского социума и опыта элементы соединяются со «старыми», например экономические отношения с семейными (семейное предпринимательство), либерально-демократические с авторитарно-советскими и традиционно-партикуляристскими (выборные представительские учреждения, политические партии). Так или иначе, пока приходится говорить об адаптации как базовой социальной стратегии и о заимствовании-повторении как общераспространенной по масштабам и начальной, примитивной по устройству форме универсализации образцов поведения, культурных значений и символов. В этом смысле «новые» отношения и их символические носители (техника, деньги, иностранные языки) в российских условиях скорее *проявляют* сложившиеся, в том числе давно сложившиеся, структуры отношений и антропологические стереотипы, чем *порождают* какие-то иные, им альтернативные.

В. Путин и партийные элиты

Хотя Путина декларативно поддерживает абсолютное большинство представителей элиты (83% опрошенных «доверяют ему», 63% заявили о том, что их надежды и расчеты на Путина как президента оправдались), характер этой поддержки очень условен и связан, как и в массе населения, в первую очередь с тем, что «Путину нет альтернативы». Более двух третей — 67% считают, что в обозримое время на политическом поле не появится сколько-нибудь авторитетной и влиятельной фигуры или партии, которая сможет составить конкуренцию Путину и партии власти. Однако лишь 21% опрошенных называют себя сторонниками Путина, полностью разделяющими его взгляды (учитывая пустоту и эклектику путинских деклараций об идеологических принципах, это следует рассматривать как заявление о полной лояльности высшей власти).

40% опрошенных готовы поддерживать Путина, пока он проводит тот курс, который проводит (квалифицируемый большинством как «рыночные и демократические реформы»), еще 19% следуют за ним только потому, что других авторитетных или влиятельных лидеров нет. Все это свидетельствует

о незначительности в представлениях элиты о реальности собственно идеологических компонентов и гораздо более существенной роли чисто социальных, корпоративных, коррупционных интересов нынешней номенклатуры. Хотя Путин в глазах политически ангажированной части российского общества «закреплен» за «Единой Россией», выступающей в качестве главной пропрезидентской структуры, обеспечивающей режиму поддержку и управляемость аппарата, населению это положение вещей не очень нравится, но открыто возражать оно, естественно, не будет. 62% опрошенных полагают (июль 2006 г., N = 1600), что президент не должен состоять в какой либо партии, ибо он играет роль арбитра между различными ветвями власти; 21% — что российский президент должен быть членом партии (или возглавлять ее, чтобы партия могла нести политическую ответственность за проводимый ее лидером курс).

Выше всего уровень заявленной лояльности президенту у сторонников «Единой России» и «Родины», ниже всего — у членов КПРФ. За прошедшие между выборами четыре года картина отношений к Путину практически не изменилась, если не считать заметного снижения уровня поддержки среди коммунистов (табл. 52–55).

Таблица 52. Поддержка Путина сторонниками ведущих партий

(В % к числу голосовавших за соответствующую партию)

Ответы респондентов	«Единая Россия»	КПРФ	«Родина»	СПС	«Яблоко»	В среднем
Я полностью разделяю взгляды Путина	33	9	22	8	–	21
Я готов поддерживать Путина до тех пор, пока он проводит рыночные и демократические реформы	46	18	37	48	46	40
Раньше мне Путин нравился, но сейчас я в нем разочаровался	3	12	4	6	4	10
До сих пор Путин мне не нравился, но сейчас, я надеюсь, он будет полезен для России	3	–	4	4	4	3
Я поддерживаю Путина за неимением других влиятельных политиков	13	24	19	12	27	19
Я не сторонник Путина	1	29	15	23	19	9
Я готов поддерживать кого угодно, только не Путина	–	6	–	–	–	0

Таблица 53. Удельный вес «доверяющих» Путину среди сторонников различных партий, голосовавших за эти партии в 1999 и 2003 гг.*(В % к числу сторонников партий)*

Партия	1999	2003
АПР	84	78
«Единство»	100	–
«Единая Россия»	–	97
ЛДПР	40	–
КПРФ	62	47
«Родина»	–	74
НДР	75	–
ОВР	94	–
СПС	66	64
«Яблоко»	69	64

Таблица 54. За Путина голосовали...*(В % к числу сторонников партий)*

Партия	2000	2004
АПР	44	67
«Единая Россия»	92	97
КПРФ	35	35
ЛДПР (статистически недостоверные данные)	–	–
«Родина»	78	74
СПС	58	40
«Яблоко»	35	35
Другие	71	100

Таблица 55. Оправдались ли ваши надежды на Путина?*(В % по строке в каждом году, без затруднившиеся с ответом)*

Партия	1999		2003	
	Да	Нет	Да	Нет
АПР	46	34	55	44
«Единство» – «ОВР»/«Единая Россия»	86	11	82	14
КПРФ	44	53	41	52
НДР	50	14	–	–
«Родина»	–	–	52	44
СПС	47	38	43	45
«Яблоко»	46	46	38	54

В целом, как видим, баланс надежд и разочарований практически не изменился за прошедшие 4–5 лет. Если не принимать во внимание величину статистически допустимых колебаний, то можно сказать, что несколько выросло разочарование среди «правых», «яблочников» и «аграриев».

Стабильность режима, возможности трансформации, угрозы ослабления

Абсолютное большинство респондентов (65%) в нашем опросе считают путинский режим сложившимся и стабильным⁶³. (Подгруппа в той или иной мере неудовлетворенных нынешним политическим режимом, развитием ситуации и перспективами страны составляет во всей выборке примерно от четверти до трети опрошенных.) 45% из них (основное ядро) связывают кристаллизацию нынешнего политического режима с первым президентским сроком Путина; можно предположить, что они и сами достигли высокого статуса именно в этот период. Это респонденты, занятые в наименее изменившихся со времени краха СССР институтах (работники суда, прокуратуры, правоохранительных органах, а также военные). Другие, как правило, принадлежащие к структурам исполнительной власти — продукта административных реорганизаций Путина, относят упрочение режима ко второму президентскому сроку. Особого значения эти различия во временных точках идентификации не имеют и важны лишь как вешки, указывающие на природу понимания опрошенными нынешнего правления (здесь нет никаких значимых, содержательных ассоциаций с реформами, модернизацией и т.п.). Основа их солидарности — личная зависимость от вышестоящего начальства, не имеющая какой-либо идеологической подоплеки и оправдания или обоснования.

Хотя, безусловно, можно назвать ряд факторов, вызывающих массовые напряжения и недовольство, в принципе потенциально опасных для нынешней системы власти, но, как полагают респонденты, власть, оказавшись благодаря нефти в невероятно благоприятной экономической ситуации, в состоянии легко справиться с любыми проблемами. Это мнение в основном представителей лояльных к центральной власти групп, принимающих как

⁶³ Однако саму «стабильность» представители российской «элиты» понимают в двух совершенно разных смыслах, как это показывают глубинные интервью, где опрошенные специально обращали внимание на данное обстоятельство. Большая часть чиновников подразумевает под этим укрепление порядка в стране (то есть усиление контроля государства над различными группами в обществе, подавление своеволия и нарушений закона), другие же — относящиеся к действующему режиму с той или иной степенью критичности — рассматривают наступившую «стабильность» как начало эпохи нового застоя и общественного разложения, отмечают появление благоприятных условий для коррупции властей на всех уровнях и административного произвола.

данность нынешнюю политическую ситуацию в стране, а значит и сложившиеся правила игры. Подчеркивая пассивность населения, они тем самым оправдывают собственный конформизм и, несмотря на явную неприязнь или зависть к ближайшему окружению президента, будут сотрудничать с высшей властью и с другими группировками элиты, выполняя все ее требования. Они называют Путина «реформатором» (имея в виду главным образом его административные реорганизации и укрепление репрессивных структур, а не какие-то стратегические планы) и оценивают нынешний курс как умеренно-реформаторский (осторожно-эволюционный). Многие из них дают высокую оценку команде президента и усилиям по формированию бюрократического псевдопартийного аппарата, надзирающего над политическим полем («парламентскими партиями»). Они видят, что это не более чем отдельные звенья управления в нынешней системе, тем не менее упирают на согласованность сегодня усилий «элиты и власти», более позитивно, в сравнении с группами, критически относящимися к нынешней власти и выстроенному ею порядку, оценивают значение и последствия «дела ЮКОСа» для страны. В качестве основных ресурсов управления в оценках большинства респондентов фигурируют не имеющие никакого отношения к парламентаризму, демократии, законности и пр. крупные капиталы, административные возможности, степень приближенности к первому лицу и его окружению.

По оценке тех, кто считает нынешний политический режим стабильным, путинская команда — это по преимуществу «демократы», несколько реже они относят их к «центристам». Оценки путинской команды теми, кто подчеркивает нестабильность режима, в принципе таковы же по конфигурации (опять-таки соединение «демократов» и «центристов»), только их мнения выражены слабей. Другими словами, абсолютное большинство опрошенных не усматривают сегодня принципиальных различий между демократами в политике и политическим центром, поскольку не связывают с представлением о демократии ничего в политическом смысле содержательного — многообразия групповых интересов и мнений. Таким образом, для них не является проблемой достижение консенсуса, поэтому они не видят особого смысла в механизмах выборности и представительства, согласовании точек зрения; не стоит перед ними и вопрос об ответственности за принятые политические решения. Они убеждены, что представители политических партий и гражданских общественных организаций, интеллектуальная элита России, ее различные группы не в состоянии предложить стратегию развития страны. *Выборные представители законодательной власти на местах* (депутаты местных парламентов, среди которых немало представителей крупного и среднего бизнеса) фактически отстранены от возможности влиять на политичес-

кую ситуацию, ее развитие, выработку целей, оценку средств — это осознают и они сами, и представители других опрошенных нами элитарных групп.

Представители суда и прокуратуры, органов, по Конституции как бы независимых, в максимальной степени лояльны по отношению к сложившемуся режиму корпоративно-олигархической власти и близки в этом к верхушке репрессивно-силовых структур. Их поведение, в частности, в устранении нежелательных кандидатов на местных выборах или действия в «деле ЮКОСа» показывают, что они сегодня вполне послушные инструменты корпоративно-олигархического режима.

В контексте подобной политической практики, в рамках такой системы властвования и ее «реальной политики» любые слова о демократии становятся абсолютно выхолощенными. Для большинства представителей нынешней власти это не более чем привычный и расхожий политический лейбл, который нередко демонстрируется в публичных высказываниях и в котором, на наш взгляд, наиболее важны две составляющие.

С одной стороны, публично демонстрируемый ярлык «демократии» означает осторожное дистанцирование правящего большинства от идеологических крайностей: националистических, фашистских, тоталитарных — и от их политических последствий, потенциально угрожающих режиму дестабилизацией. Это дистанцирование, как мы считаем, и принимает в глазах элиты внешний вид «центризма». Подобное дистанцирование на практике несколько не исключает авторитаристских привычек, силовых методов, ксенофобских установок у основной части правящей элиты, а лишь устраняет эти элементы из публично демонстрируемых политических программ, из репертуара публичных жестов на политической авансцене. Многими ведущими политиками, выступающими как популисты, которые претендуют на всеобщее признание, элементы радикальных воззрений и высказываний используются в менее заметной форме — в функции нормативного фона высказываний или в роли смысловых связок между разными блоками внешне демократической риторики (что-то наподобие прежнего начальственного мата). Массовый слушатель, зритель, избиратель воспринимает эти связки из-за их как бы служебного характера чем-то само собой разумеющимся, видя в них привычные компоненты дискурса власти (общепринятую норму официальной демагогии) и характеристики политической обстановки, отличающейся сегодня, по признанию большей части россиян (в сумме до 60%), напряженностью и взрывоопасностью. Иными словами, некоторое дистанцирование нынешней власти и по преимуществу ориентирующихся на нее элит от употребления сильных средств не исключает использования сильных выражений. С другой стороны, большинство действующих политиков и крупных чиновников, «ответственных лиц» охотно оперируют

словами о «демократии» («разделение властей», «рынок» и т.д.), потому что желают по возможности более прилично выглядеть в глазах Запада, лидеров и правительств развитых стран. И то и другое служит российской правящей элите основанием для претензий на сохранение за собой власти сегодня и впредь.

Вот как проявляется связь между положительными оценками нынешней политической системы, путей развития страны и представлением респондентов о том, каковы механизмы бюрократического «продавливания» нужных решений в сегодняшней системе власти.

Таблица 56. Что из перечисленного чаще используется сегодня, чтобы провести нужные решения?

(В % к группам по вертикали)

	В среднем по выборке	Система стабильна	Система нестабильна	Затрудняюсь ответить	Осторожное движение по пути реформ	Стагнация, поворот назад	Затрудняюсь ответить
Близость к президенту	30	31	29	50	29	31	35
Работа квалифицированной командой	9	12	4	0	13	4	5
Интриги лоббистских групп	16	14	21	0	13	22	13
Финансы	19	19	19	25	20	18	16
Понимание реформ, умение их реализовать	5	6	2	0	7	2	4
Бюрократический ресурс	19	17	23	25	16	24	23

Во многом иначе выглядит сегодняшняя политическая ситуация и сложившийся строй в глазах тех, кто считает нынешний режим нестабильным. Как уже говорилось, в сегодняшней России это представители четырех групп руководящих работников: представители местной законодательной власти, бизнес-сообщество (как главы частных фирм — крупных и средних, так и руководители региональных предпринимательских организаций), руководители крупнейших госпредприятий (с количеством работников свыше 1000 человек), руководители влиятельных региональных СМИ (табл. 57).

Респонденты, подчеркивающие нестабильность сложившегося политического порядка, чаще других указывают на коррумпированность и своекорыстие властей, на отсутствие у них идей и программ изменения, больше того —

Таблица 57. Насколько стабильна нынешняя политическая система?

(В % к соответствующим профессионально-статусным группам опрошенных, без затруднившихся с ответом)

Категории опрошенных	Стабильна	Нестабильна
В среднем по выборке	65	35
Заместители губернаторов	76	25
Представители исполнительной власти	70	28
Руководство федерального округа	86	14
Представители законодательной власти	61	39
Руководители частного бизнеса	61	39
Руководители организаций предпринимателей	49	51
Руководители крупных госпредприятий	60	40
Суд и прокуратура	65	35
Армия и МВД	62	36
Руководители СМИ	55	45

на незаинтересованность руководства в переменах, отсутствие у президента нужной команды, превращение крупнейших политических партий в лоббистские группировки, борющиеся за близость к первому лицу и его администрации. Эти же люди негативно оценивают «дело ЮКОСа» как дискредитировавшее власть. Но именно потому, что они чувствуют себя отстраненными от решения важнейших проблем, ограниченными в правах и возможностях, они чаще не ориентированы на конструктивное взаимодействие с другими партнерами во власти, а следовательно в своих диагнозах как бы ставят себя вне ситуации, дистанцируются от нее. Для них путинский порядок либо оформил новые отношения собственности между крупными властными и экономическими группировками, либо явочным порядком и с применением различных способов давления навязан остальным. Среди них чаще можно встретить тех, кто связывает нынешнюю систему с Ельциным и, как можно предположить, сам пришел во власть вместе с ним, но потом, во второй президентский срок, видимо, разочаровался в Ельцине и его окружении. По их оценкам, отличающимся от средних по выборке, нынешняя путинская команда — прежде всего «центристы» и, в меньшей степени, «демократы-рыночники».

Основные факторы стабильности системы для подавляющего большинства опрошенных, включая относительно более критичные группы, это президент и инициированные им изменения в системе централизованного управления (ужесточение властного контроля над СМИ, начало административной реформы, курс на борьбу с международным терроризмом, переход к назначению губернаторов), которые большинством респондентов оценены положительно. Так, до 90% опрошенных в различных элитарных подгруппах (иногда даже больше) считают, что приход Путина к власти способствовал стабилизации

политической системы, укреплению порядка в обществе. Столь же высока их оценка:

- мер по усилению контроля над СМИ (91% положительных оценок);
- начала административной реформы (92%);
- курса на борьбу с «международным терроризмом» (96%);
- результатов выборов 2003 г. в Государственную Думу, фактически сделавших ее монолитной и подконтрольной тому же президенту вместе с его администрацией, органом, повторимся, не предусмотренным Конституцией страны (88%);
- принятия такого же по смыслу и последствиям закона о назначении губернаторов (94%).

Источниками нестабильности в этой ситуации, по общей оценке, выступают либо факторы так или иначе «внешние» (события на Украине, война в Чечне), либо массовое брожение в низовых, как правило наименее активных и наименее организованных, слоях населения, вызванное попытками государства монетизировать льготы, — впрочем, с таким брожением и ему подобными феноменами, как полагает большинство опрошенных, государство легко справится.

В меньшей степени эта почти единодушная удовлетворенность всем исходящим от президента и его администрации характерна опять-таки для местной законодательной власти, частного бизнеса, руководства СМИ. В оценках первых шагов административной реформы и мерах по устрожению контроля над массмедиа представители бизнеса, руководители СМИ делятся на одобряющих и неодобряющих почти строго пополам: по мнению 47% представителей крупного частного бизнеса, усиление контроля над СМИ со стороны власти стабилизировало ситуацию, по оценкам 44%, напротив, дестабилизировало. В некоторых случаях респонденты, не одобряющие действия президента и его окружения, даже преобладают среди отдельных подгрупп опрошенных. Так, среди глав СМИ соотношение позитивных и негативных оценок выглядит уже как 43:51, по тенденции к ним довольно близка и позиция депутатов местных законодательных собраний (соответственно 53 и 35%). Эти же более дистанцированные от реальной политической власти и более критичные подгруппы — СМИ, бизнес, законодательная власть на местах — чаще других подчеркивают отрицательный эффект «дела ЮКОСа» (табл. 58).

Подчеркнем: «дело ЮКОСа» — не проходной эпизод, а ключевой социально-политический процесс последних двух лет, и благодаря ему становится понятна композиция основных сил, действующих в российском социуме, в сегодняшней политике⁶⁴. Ведущим представителям самого бизнеса и руковод-

⁶⁴ Подробнее см.: Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Процесс. Дело ЮКОСа в общественном мнении России // Вестник общественного мнения. 2005. № 4 (78). С. 30–45.

Таблица 58. Какие из следующих мнений о «деле ЮКОСа» наиболее близки к вашей точке зрения?

(В % к соответствующим профессионально-статусным группам опрошенных, можно было выбрать несколько ответов)

Категории опрошенных	Упорядочило отношения бизнеса и власти	Укрепило авторитет Путина	Напугало бизнес	Дискредитировало власть	Ухудшило отношение к России
В среднем по выборке	43	29	39	31	36
Заместители губернаторов	44	32	35	27	44
Представители исполнительной власти	46	43	31	19	39
Руководство федерального округа	66	45	21	14	10
Представители законодательной власти	35	29	37	31	37
Руководители частного бизнеса	47	18	43	47	45
Руководители организаций предпринимателей	27	24	56	47	53
Руководители крупных госпредприятий	38	26	40	31	24
Суд и прокуратура	54	21	27	21	27
Армия и МВД	57	30	32	21	15
Руководители СМИ	18	18	65	53	53

ству СМИ, занимающим критичную позицию по отношению к власти, официальным оценкам и действиям, решительно противостоит руководство федеральных округов, высокие чины суда и прокуратуры, армии и МВД («лояльные» группы). Отметим, что оценки руководителей органов исполнительной и законодательной власти в регионах близки в данном случае к средней норме. Решающим фактором их присоединения к усредненным оценкам, которые в данном случае выступают выражением поддержки президентского курса на стабилизацию, лояльности к властному центру, является фигура Путина, авторитет которого, как они считают, только укрепила предельно жесткая линия по отношению к компании «ЮКОС» и ее первым лицам.

Добавим, что позитивная оценка «дела ЮКОСа», как будто бы содействовавшего наведению порядка, — единственное, что отличает экспертные оценки наших респондентов от массовых мнений россиян. В остальном же мнения «элиты», если взять ее в данном случае как условное целое, столь же слабо дифференцированы и мало подвержены колебаниям, как и мнения «массы». Это обстоятельство еще заметнее, если пересчитать полученные ответы в процентах ко всей массе высказанных мнений (процент не от опрошенных людей, а от количества полученных ответов).

Таблица 59. Какие оценки «дела ЮКОСа» наиболее близки к вашей точке зрения?
(В % к числу опрошенных в каждом исследовании. Респонденты могли высказать несколько мнений, поэтому их сумма в экспертном опросе значительно превышает 100%)

Ответы респондентов	Экспертный опрос (2005 г., N = 515)	Массовый опрос (октябрь 2005 г., N = 1600)
Содействовало наведению порядка в отношениях бизнеса и власти	43	16
Укрепило авторитет Путина как борца с олигархами	29	20
Напугало крупный бизнес	39	16
Дискредитировало власть	31	15
Ухудшило образ России в мировом общественном мнении	36	15
Затрудняюсь ответить	10	32

Таблица 60. Какие оценки «дела ЮКОСа» наиболее близки к вашей точке зрения?
(В % к числу полученных ответов, их сумма составляет 100%)

Ответы респондентов	Экспертный опрос (2005 г., N = 515)	Массовый опрос (октябрь 2005 г., N = 1600)
Содействовало наведению порядка в отношениях бизнеса и власти	23,0	14,0
Укрепило авторитет Путина как борца с олигархами	16,0	18,0
Напугало крупный бизнес	21,0	14,0
Дискредитировало власть	16,0	13,0
Ухудшило образ России в мировом общественном мнении	19,0	14,0
Баланс позитивных и негативных оценок	0,7	0,8
Затрудняюсь ответить	5,0	29,0

Как видим, эксперты отличаются от рядовых россиян в данном конкретном случае лишь по двум пунктам, определяющим общий вектор мнений: либо позитивную оценку процесса над Ходорковским и Лебедевым («способствовало наведению порядка»), либо оценку негативную («напугало крупный бизнес»). Иначе говоря, мнения элиты чуть более поляризованы, чуть более определены и выражены (как это обычно бывает в группах, обладающих специальной информацией и более заинтересованных). Однако по структуре оценки, в принципе, не отличаются от оценок массы, а это указывает на «масшовидность» мышления российской «элиты», отсутствие специальных точек зрения и интерпретаций.

Что может угрожать нынешней политической системе? Если иметь в виду средние данные по всем опрошенным представителям элиты, то, по их оцен-

кам, угрозу несут прежде всего следующие факторы (доля оценивших их как вероятные источники дестабилизации значительно превышает долю тех, кто считает их в этом смысле маловероятными):

- предвыборная борьба между группировками во власти (для 69% это возможный источник дестабилизации, для 29% — маловероятный);
- техногенные катастрофы (65:30);
- терроризм (64:34);
- военные действия на Кавказе (60:38).

Добавим, что война в Чечне, наряду с украинскими событиями конца 2004 г. и брожением пожилых, наименее дееспособных групп социума в связи с монетизацией льгот в январе–феврале 2005-го, — самые значимые факторы, в последнее время угрожавшие дестабилизацией режима.

Средними по значимости факторами дестабилизации выступают для опрошенных:

- резкое изменение благоприятной экономической конъюнктуры — цена на нефть и газ (соотношение оценивающих эти факторы как возможные и невозможные — 51:44);
- обострение отношений с бывшими республиками СССР (55:44);
- распространение исламского фундаментализма в России (41:56).

Напротив, минимальной представляется респондентам вероятность дестабилизации режима под воздействием сепаратистских настроений в регионах (26:71), ухудшения геополитического положения России (31:67), угрозы массовых волнений (34:65). В целом, общественное недовольство, массовые волнения — проблема, по мнению большинства респондентов, достаточно серьезная. Однако подобное брожение вряд ли примет организованные формы, обретет сильного лидера, а кроме того, власть, как они считают, уверена, что всегда сможет его погасить.

Вообще, нужно заметить, что характер власти, устойчивость и перспективы режима, равно как и опасения по поводу его дестабилизации, фактически никак не связываются большинством опрошенных представителей элиты с состоянием общества, установками и видами различных социальных групп, их оценками и настроениями. Общество воспринимается большинством респондентов в качестве «массы», оценивается как неорганизованное по состоянию, изменчивое по настроениям и в этом для них аналогично «толпе». Реже всего к этой общей оценке массы как инфантильной и слабой, инертной и подверженной смене настроений присоединяются представители бизнеса, все-таки не исключая возможности организованных форм недовольства, возникновения авторитетных лидеров и партий в современной России.

В любом случае, вероятность развития в России событий по образцу «цветных» революций за ее пределами, как представляется респондентам, сегодня крайне невелика. Этого не исключают лишь 7–15% опрошенных (соответ-

ственно оценки возможности грузинского и украинского вариантов). Правда, среди руководителей СМИ украинский вариант не исключают в России уже до четверти респондентов. И в этом они, надо отметить, заметно ближе к настроениям и оценкам среднего россиянина. Вот данные одного из последних общероссийских опросов Левада-Центра на этот счет. На вопрос «возможна ли в России в ближайшие 3–4 года смена власти под давлением массовых выступлений, как это было в Грузии, Украине, Киргизии?» «да» ответили 25% опрошенных, нет — 64%, 11% затруднились с ответом (август 2005 г., N = 1600, в % ко всем опрошенным).

При этом стоит добавить, что дестабилизирующее влияние революций в Грузии и на Украине на ситуацию в России все опрошенные оценивают в целом как весьма значительное. Тут действует двойная логика и двойной счет (характерные, заметим, и для массовых респондентов в России): образы обобщенных «других» воспринимаются исключительно как враждебные и угрожающие, но именно поэтому их влияние на собственную ситуацию заведомо минимизируется, так что вероятность такого же «у нас» представляется невозможной. Ограниченность собственных возможностей переносится на «другого», что помогает сохранять позитивную самооценку и более или менее положительно оценивать ситуацию в целом. Поэтому угрозу грузинского или украинского варианта развития острее ощущают, подчеркнем, именно те группы представителей бизнеса, СМИ и т.д., которые испытывают на себе давление политической власти и по возможности дистанцируются от сложившегося режима.

Представители четырех перечисленных выше «критичных» подгрупп вообще чаще прочих опасаются дестабилизации существующего порядка под действием всех факторов — от массовых волнений и техногенных катастроф до террористической угрозы и распространения исламского фундаментализма (по многим вопросам к их встревоженным оценкам присоединяются представители суда и прокуратуры, которые видимо, тоже все реже чувствуют сегодня свою независимость от давления политической власти). Дестабилизирующую роль в нынешнем ограничении демократии в России (свободы передвижения, избирательных прав, независимости публичных высказываний) особенно остро ощущают представители бизнеса и массмедиа, что понятно. После директивного сворачивания деятельности независимых телевизионных каналов, ужесточения контроля над независимой прессой, агрессивных высказываний приближенных к президенту лиц о «внутренних врагах» и «пятой колонне», после показательного «дела ЮКОСа» и других подобных демонстраций силовой политики за последние годы ощущение негарантированности собственного положения в системе власти, признание крайне слабой возможности влиять на ситуацию в данных подгруппах элиты (бизнес, медиа) проецируется на оценку всего политического режима, обстановки в стране, ее перспектив на ближайшее время.

При этом большинство респондентов гораздо меньше тревожит перспектива дестабилизации со стороны силовиков (тот или иной вариант военного переворота) или консолидированной политической оппозиции, чем возможное обострение борьбы между разными группировками вокруг выборов 2007–2008 гг., которой опасаются все группы опрошенных руководителей, или приход во власть новых финансово-промышленных групп либо региональных кланов, к чему особенно чувствительны руководители бизнес-организаций, госпредприятий, представители армии и МВД, суда и прокуратуры, наконец, исполнительной власти. Это является указанием на то, как наши респонденты представляют себе сложившийся политический порядок.

Для большинства из них нынешний политический режим держится на сложившемся балансе сил и разделении полномочий между крупнейшими финансово-промышленными группировками, связанными с центральной властью, которая ограничивает претензии различных региональных кланов. «Частные» претензии этих последних и выступают для опрошенных главным дестабилизирующим фактором, источником потенциальной угрозы. Напротив, корпорация военных и даже так называемые оппозиционные движения, партии и т.п., по оценке респондентов, либо включены в сложившуюся систему, либо ослаблены ею и потому не в силах ей серьезно угрожать. Иными словами, угрозы системе и ее стабильности видятся респондентам не столько извне (со стороны масс, Запада и т.п.), сколько изнутри, со стороны ее основных игроков — при их возможных попытках изменить сложившееся соотношение сил.

Еще раз повторим: страны Запада, в отношении которого как целого большинство опрошенных может имитировать более или менее благожелательную позицию, не являются для них реальными партнерами по политическому взаимодействию (табл. 61). Точно так же и российское общество не представляется подавляющему большинству позиционной элиты сложным и динамическим целым — группы и слои социума не воспринимаются как субъекты политического действия. Соответственно, преобладающая часть опрошенных не видит в общественных группах, объединениях граждан, их движениях и организациях свою опору, партнера, адресата, а потому, добавим, и не имеет силы противостоять власти в ее претензиях на тотальное управление. Власть, даже репрессивная, остается для них единственным гарантом их собственного существования, хотя бы какого-то гипотетического учета их интересов в настоящем и видов на будущее, единственным адресатом их нынешних высказываний и действий.

Итак, власть в глазах не только населения, но и элиты остается замкнутой, самодостаточной, легитимированной своей волей (или, что то же самое, произволом), самодержавной группировкой, слабо реагирующей на импульсы и сигналы, идущие со стороны общества, отдельных ресурсных групп интересов или извне, со стороны других стран или международных организаций.

Таблица 62. Какую роль могут сыграть сегодня в проведении реальной и эффективной политики реформ следующие обстоятельства?..

(В % к числу опрошенных)

	Очень важная роль	Довольно важная роль	Незначительная роль + никакой роли	Затруднились ответить
Политическая воля президента	77	19	3	0
Интересы крупного бизнеса	20	68	11	2
Массовое недовольство населения, вызванное всеобщим политическим и экономическим кризисом в стране	19	41	35	5
Глобализация экономики, информационных систем	16	54	28	2
Интересы региональных элит	12	53	34	2
Политическое воздействие Запада, влияние международных организаций	9	48	40	3

«Проблема 2008 года»

В мнениях о критической для новейшей истории России «проблеме 2008 года», как и в ответах на большинство других вопросов, респонденты разделились на две неравные части примерно в том же отношении, что и по большинству вопросов, связанных с оценкой сложившегося политического порядка и его перспектив. Почти три пятых (59%) заявили, что не видят в выборах 2008 г. серьезной проблемы, не ждут ничего особенного от следующих выборов президента, в то время как меньшая часть, несколько более трети (37%), оценивающая положение дел в стране скорее негативно, осторожно или скептически, полагает, что 2008 г. станет переломной точкой в развитии страны (4% затруднились ответить на вопрос). Разброс мнений между разными категориями опрошенных очень невелик. На серьезность проблемы несколько чаще (на 4–6 п.п.) указывали чиновники из структур исполнительной власти, руководства федеральных округов, представители предпринимательских союзов и массмедиа. Напротив, не ждут ничего особенного от предстоящих выборов более дистанцированные от реальной власти депутаты местных законодательных собраний, частный бизнес и более уверенные в себе и корпоративном самосохранении заместители губернаторов, директорат и силовики.

Большинство респондентов (53%) полагают, что все сведется к традиционной процедуре аккламации власти, когда Путин и его окружение назовут преемника, а народу останется только одобрить этот выбор и поддержать кандидата-назначенца своими голосами. Вдвое меньше (26%) тех, кто считает, что Путин будет стремиться к изменению Конституции, что он останется президентом на третий срок (здесь особенно много — 43% — бизнесменов и чиновников из органов исполнительной власти). И уж совсем мало (8%) таких простодушных или романтиков,

кто верит, что следующим президентом России будет новый человек, победивший своих оппонентов в открытой и честной борьбе. Тех, кто так полагает, заметно больше среди силовиков, чиновников из аппарата федеральных округов, то есть тех же людей в погонах, а также верхушки региональных властей.

23% опрошенных считали наиболее вероятным, что победителем на предстоящих выборах в 2008 г. будет кандидат от национал-патриотических сил России, 69% считали этот вариант маловероятным и неправдоподобным, как, впрочем, и приход к власти «настоящего реформатора, который войдет в историю страны» (66%). Таким образом, по мнению преобладающей части российской элиты, основным кандидатом в президенты будет «центрист», то есть человек, лишенный каких-либо убеждений и идейных принципов, не реформатор, но и не национал-патриот, традиционалист. Это свидетельствует о том, что российская элита деидеологизирована, и именно потому, что не хочет перемен и не видит в них смысла, она ценит статус-кво, связанное с нынешним режимом, и будет противиться любым попыткам его изменить.

Это очень важный вывод из анализа результатов настоящего исследования. Попробуем, сверх уже приведенных данных, подкрепить его распределением ответов на следующий вопрос: «Если Путин назовет своего преемника, то кто, по вашему мнению, вероятнее всего станет его преемником?» В самой большой доле ответов — 35% — содержится пустая формула, чистая тавтология неопределенности: «кто-то, кого мы сегодня не знаем или кого мы не замечаем, чья кандидатура будет объявлена непосредственно перед выборами». Если добавить сюда и честные «затрудняюсь ответить на этот вопрос» (10%), то мы будем иметь ситуацию доминирующего незнания. Прочие варианты представляют собой многочисленные осколки разных комбинаций, набирающих очень немного голосов поддержки: «энергичный, знающий губернатор» — 13%, «представитель силовых ведомств» — 11%, «человек из администрации президента» — 11%, «один из членов нынешнего правительства» — 9%, «спикер Госдумы, представитель деловых кругов, лидер одной из нынешних партий» (видимо, «Единой России», то есть Б. Грызлов, который частично соединяет все эти определения) — по 2%, другие варианты — 5%. Эти распределения настолько мелки и дробны, что нет возможности проследить, какие категории или группы опрошенных кого предпочитают или ждут, — величина статистически допустимых отклонений больше доли самих ответов. Единственное, что можно осторожно отметить, так это несколько большие надежды региональной элиты (частного бизнеса, чиновников региональных властей, представителей федеральных округов и т.п.) на то, что преемником будет «губернатор».

Иначе говоря, у элиты нет о будущем претенденте не только никакой информации, но и никаких определенных ожиданий, даже предпочтений в отношении его идеологии и программы.

1% допускает, что выборы в 2008 г. будут вовсе отменены, и довольно мно-

го для элитарного опроса респондентов затрудняются с ответом на данный вопрос (12%).

66% считают, что никакой дестабилизации в стране в связи с выборами 2008 г. не должно быть и не будет; 33% в какой-то степени допускают дестабилизационный сценарий (хотя лишь 5% считают подобные события весьма вероятными). Среди последних несколько больше руководителей СМИ и союзов предпринимателей. Кризис в этом плане, если судить по мнениям этой части опрошенных, скорее может иметь место после выборов или непосредственно в ходе их.

Что же последует за этими событиями?

Самая большая группа опрошенных (42%) уверена в том, что «ничего по существу не изменится», несколько меньше (31%) — что «страна будет стабильно развиваться по демократическому пути, продолжится рост экономики, будет повышаться уровень жизни населения». Или, учитывая прогрессирующий перехват слов и политических клише, то есть то, что понимается у правящей сегодня верхушки России под словом «демократия», «рыночная экономика», «гражданское общество», «правовое государство», а именно характер «нынешней управляемой и суверенной демократии», можно с уверенностью делать вывод: элита надеется или считает, что в ближайшем будущем все будет так, как сейчас. Все остальные варианты прогностического сценария резко отличаются от этой картины, но подержаны мелкими группами мнений: «будут расти внутренние напряжения, возникнет угроза распада страны» (6%), «произойдет укрепление авторитарного режима, милитаризация страны, рост изоляционизма» (6%), «в основу развития будет положена программа национально-патриотических сил» (4%). На ряд других вариантов сослались в сумме еще 5%. Иначе говоря, три четверти представителей российской элиты не видят никаких альтернативных — ни катастрофических, ни реформационных — вариантов развития страны или изменений политического курса ее руководства. Нынешний состав элиты собирается жить долго.

Особенно «статичны» в этом плане оценки тех, кто составляет опору нынешнего режима — силовиков из разных ведомств (армии, МВД, прокуратуры), бюрократии исполнительных органов власти разного уровня, суда, аппарата федеральных округов, а также союзов предпринимателей, которые в последнее время все чаще ищут поддержки у федеральных властей либо даже в ряде случаев формируются под влиянием последних. О нарастающем авторитаризме и будущих конфликтах чаще говорят опять-таки представители более «критичной» подгруппы опрошенных — бизнеса, руководителей СМИ.

Мнения элиты и массы: сходство и различия

Основанием для сравнения мнений элиты и населения стало сопоставление результатов настоящего опроса и опроса жителей России, проведенного в ию-

ле 2005 г. по стандартной выборке (репрезентативной по полу, возрасту, образованию и типу населенного пункта) в 1600 человек от 18 лет и старше. В обоих исследованиях задавались идентичные вопросы.

В целом, оценки представителей элиты и респондентов массового опроса весьма сходны по большинству показателей, и это важнейшее обстоятельство. Можно сказать, что массовый респондент высказывается по предложенному кругу вопросов, относящихся к оценке деятельности президента и его команды, исходя из собственного повседневного опыта и насущных проблем своей семьи, своего настоящего и будущего, тогда как представители элиты озабочены прежде всего распределением власти и характером принятия политических решений, вопросами «технологии». Соответственно мнения элиты более определены и согласованы в отношении того, какие круги или группы оказывают решающее влияние на президента. Массовый респондент не в состоянии выделить более и менее влиятельные группы в окружении президента в силу меньшей информированности, заинтересованности и отчужденности от власти.

При том, что степень согласия с позицией президента и проводимой им политикой в обеих группах примерно одинакова, респонденты массового опроса чаще склонны заявлять о принципиальном несогласии с позицией президента и разочаровании в нем. Элита в этом отношении более конформна и готова мириться со сложившимся балансом сил, не высказывая открытого недовольства. И эксперты, и рядовые обыватели считают, что в 2008 г. гражданам не будет предоставлена возможность выбрать президента в ходе честного и справедливого голосования. В кругу элиты это мнение почти всеобщее — лишь один из десяти надеется на победу независимого от нынешней власти кандидата, а вот среди респондентов массового опроса идеалистов вдвое больше.

Оценка результатов политики В. Путина в различных сферах

В целом оценки двух групп респондентов по отдельным направлениям президентской деятельности, как уже указывалось, весьма близки. Средняя оценка деятельности президента в обеих группах — 2,62 балла⁶⁵ — может быть описана как нейтрально-скептическая (табл. 63).

Международные отношения как символическая сфера укрепления международного авторитета страны оказались единственным видом деятельности, оцененной обеими сторонами однозначно позитивно.

Респонденты массового опроса высказывают бóльшую озабоченность положением дел в стране: менее всего они удовлетворены президентской политикой в сфере экономики — той области, которая напрямую отражается на уровне

⁶⁵ Усредненный показатель оценки различных видов политики по четырехбалльной шкале, где 1 — очень успешно, 4 — совершенно безуспешно. Медиана (нейтральная оценка) расположена на значении 2,5; а все превышающие ее показатели являются негативными по смыслу.

их жизни. Неспособность правительства урегулировать ситуацию в Чечне как военными, так и политическими методами (и связанная с этим проблема личной безопасности) также сильнее беспокоит обывателей, чем элиту.

Предметом же главной тревоги элиты является непрозрачность правил политической игры в стране (2,63) и особенно повсеместная экспансия коррупционных механизмов (3,14), которые они склонны ставить в вину действующему президенту.

Таблица 63. Насколько успешно на протяжении своего президентства Путин справлялся с проблемами в следующей сфере...

(1 – очень успешно, 4 – совершенно безуспешно)

	Элита	Масса	Разница
Подъем экономики, рост благосостояния	2,57	2,74	-0,17
Защита демократии и политических свобод граждан	2,63	2,57	0,06
Укрепление позиций России на международной арене	2,10	2,24	-0,14
Разгром боевиков в Чечне	2,67	2,76	-0,09
Политическое урегулирование ситуации в Чечне	2,64	2,84	-0,20
Борьба с коррупцией во власти	3,14	–	–
Наведение порядка в стране	2,56	2,54	0,02

Достижения президента выше всего оценивают чиновники из федеральных округов (рис. 1), а наиболее последовательные скептики или критики президента — это представители предпринимательских союзов и руководители СМИ (чаще среднего они упрекают администрацию в ущемлении свободы слова и провалах в чеченской политике).

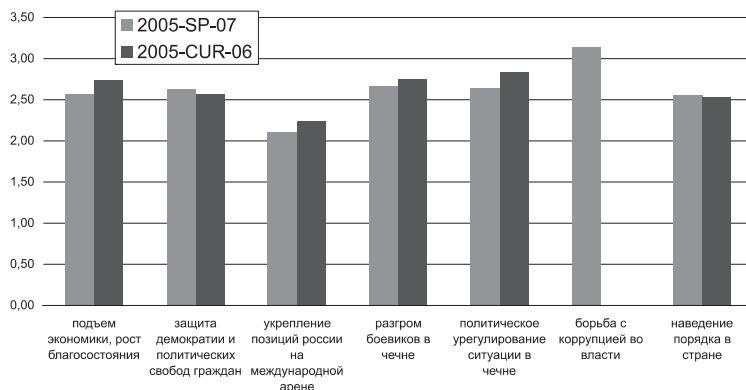

Рис. 1. Насколько успешно на протяжении своего президентства Путин справлялся с проблемами в следующей сфере... (1 – очень успешно, 4 – совершенно безуспешно)

Лояльность президенту

Характеристики солидарности с позицией президента и готовности поддерживать его практически идентичны у двух групп опрошенных. Каждый пятый, как среди элиты, так и в массовом опросе, полностью лоялен президенту. Столько же поддерживают его за неимением лучших кандидатов. Примерно каждый десятый заявляет о том, что он не разделяет взглядов Путина и не является его сторонником (среди «простых» респондентов удельный вес таких мнений гораздо выше). В целом, население в несколько меньшей степени готово одобрять и поддерживать президента, чем элита (на каждый негативный вариант ответа в массовом опросе дается чуть больше голосов, чем у элиты; хотя в каждом случае он укладывается в рамки статистически допустимых колебаний, но если учесть систематический характер этих отклонений, то можно сказать, что население относится к Путину гораздо сдержаннее и холоднее, чем элита, см. табл. 64).

40% респондентов в опросе элиты обуславливают свою поддержку проведением политического курса реформ (доля массовых ответов такого рода вдвое меньше). Напрямую о своей оппозиционности решаются заявить менее 10% респондентов от элиты и каждый 7–8-й респондент массового опроса.

Таблица 64. С какой из предложенных оценок деятельности В. Путина на посту президента России вы бы скорее согласились?
(В % к числу опрошенных)

Ответы респондентов	Элита	Население
Я полностью разделяю взгляды и позиции Путина	21	18
Я готов поддерживать Путина до тех пор, пока он готов проводить демократические и рыночные реформы в России	40	21
Раньше Путин мне нравился, но в последнее время я в нем разочаровался	6	14
До сих пор Путин мне не очень нравился, но надеюсь, что в дальнейшем он будет полезен России	3	7
Я поддерживаю Путина за неимением других достойных политических деятелей	19	22
Я не являюсь сторонником Путина	9	13
Я считаю, что нужно поддерживать кого угодно, только не Путина	0	2
Затрудняюсь ответить	2	5

Наибольшая доля безоговорочных сторонников Путина, как и следовало ожидать, среди представителей федеральных округов: почти две трети заявляют о полной лояльности президенту; среди них минимальны показатели условной или вынужденной поддержки. Реже других представителей элиты о согласии со взглядами и позициями президента говорят руководители предпринимательских союзов и госпредприятий; вдвое реже среднего полную лоя-

тельность демонстрируют также законодатели, бизнесмены и руководители массмедиа. Потенциал открытого недовольства позицией президента, сравнимый или даже превышающий соответствующие показатели «простого народа», сконцентрирован в среде законодателей, журналистов и в бизнес-союзах.

Рис. 2. С какой из предложенных оценок деятельности В. Путина на посту президента России вы бы скорее согласились?

Источники влияния на президента

Представления массы населения России о структуре групп влияния на власть весьма расплывчаты: об этом свидетельствует почти равномерное распределение оценок поддержки главы государства (как и оценок его политики) между предложенными альтернативами (табл. 65). Все группы элиты воспринимаются обывателем равно далекими от него самого, и механизм их взаимодействия с властью и способности влиять на нее остаются непрозрачными. Массовое общественное мнение выделяет лишь одну особенность современного политического ландшафта — выдвигание на ведущие и наиболее влиятельные позиции выходцев из силовых структур — доля этой группы в общем объеме мнений составляет одну пятую, тогда как другим группам отдается в лучшем случае по 10% оценок.

Таблица 65. На какие слои, силы, группы населения прежде всего опирается в настоящее время Путин?*(В % от консолидированного мнения группы по категории в столбце)*

Ответы респондентов	Элита	Население
На ближайшее окружение	33	9
На «олигархов», крупный бизнес	7	11
На «директорский корпус», руководителей крупных предприятий	3	10
На государственных чиновников, бюрократов	13	12
На силовиков, представителей спецслужб, армии, МВД	31	22
На культурную и научную элиту	3	5
На средний класс, людей с доходами выше среднего	4	10
На интеллигенцию	2	5
На простых людей, служащих	5	8

В то же время мнения по этому вопросу внутри элиты существенно более консолидированы: главными (и равными по влиянию) группами опоры президента считаются силовики и «ближайшее окружение». Каждой из них приписывается 30% консолидированных оценок. Наиболее весома роль ближнего круга президента в принятии важных решений среди тех, кто должен быть наиболее информирован о внутренних механизмах этого уровня власти, — в руководстве федеральных округов (40% мнений). Минимальное, в ряду подгрупп элиты, значение ближнему кругу придают журналисты, не склонные переоценивать эту группу, хотя и отдающие ей должное (29%).

Относительно роли силовиков мнения различных групп респондентов более согласованы, хотя несколько более влиятельными их склонны считать руководители госпредприятий и СМИ. Относительно роли этой группы в окружении президента массовые и элитарные оценки максимально сближаются, хотя для обывателей силовики — лишь немного более значимая группировка в весьма смутной для неосведомленного наблюдателя среде большой политике (22% мнений), тогда как для элиты — одна из двух самых влиятельных.

Роль чиновничества эти две группы опрошенных также оценивают по-разному. Один полюс образуют журналисты, склонные придавать большее значение бюрократии как слою или силе в российском обществе (17% мнений), второй — ответственные работники аппарата федеральных округов, скептически относящиеся к роли бюрократии среднего звена в принятии политических решений (всего 6% мнений).

«Рядовой» респондент слабо представляет себе механизмы действия власти и склонен искать источники влияния на нее в любых средах, обладающих хоть каким-то социальным, административным, материальным или властным ресурсом.

Информированность президента о ситуации в стране

В целом, абсолютное большинство в обеих опросных группах довольно низко оценивают информированность Путина: считают, что президент получает от своих помощников адекватную картину о положении дел в стране, всего 42% представителей элиты и 26% респондентов массового опроса. Другими словами, свыше половины в элитном опросе и две трети в массовом исследовании полагают, что верхний эшелон власти закрыт от влияния на него снизу, со стороны общества. Однако если элита склонна считать данное обстоятельство дефектом созданной Путиным структуры управления, недостатком его авторитарного режима, то масса объясняет это несколько иначе, стараясь защитить Путина от возможной критики и перенося центр тяжести обвинений на его окружение (по принципу «добрый царь — злые бояре»), что позволяет сохранять значимость надежд, связанных с президентом.

Таблица 66. Сравнительная оценка адекватной информированности президента
(В % по столбцу)

Ответы респондентов	Элита	Население
Получает полную и достоверную информацию	42	26
Получает неполную и искаженную информацию	48	51
От него скрывают правду о положении дел в стране	5	15
Затруднились ответить	5	9

Наибольшую удовлетворенность осведомленностью власти демонстрируют руководители федеральных округов, в значительной мере и назначенных для обеспечения адекватного информационного обмена. Среди них же лишь треть замечает какие-либо пробелы в информированности главы государства.

Наиболее критически к качеству информации, которой руководствуется верховное начальство, относятся члены двух экспертных подгрупп: региональные законодатели и руководители бизнес-ассоциаций. По характеру оценок они максимально близки к обывательскому видению ситуации, косвенно отмечая крайнюю скудость, если не отсутствие механизмов взаимодействия населения с властью.

Прогноз результатов президентских выборов 2008 г.

Респонденты экспертного исследования и массового опроса дают близкие оценки принципиальных итогов президентских выборов 2008 г. Подавляющее большинство в обеих группах считает наиболее вероятным выдвижение преемника или сохранение у власти Путина, то есть неизменность нынешней администрации. Причем среди элиты это мнение разделяют до 80% респондентов, а в массовом опросе — почти две трети опрошенных. Элита отмечает вероят-

ность проведения «честных и свободных выборов» — это явно циничное мнение поддерживают менее 10%, тогда как население настроено более идеалистически: каждый пятый допускает в будущем свободный и демократический порядок процедуры выборов главы государства. Еще реже, чем элита, респонденты массового опроса допускают, что смены власти вообще не произойдет и Путин останется на своем посту. Иначе говоря, в массовом сознании сильнее работают механизмы проекции желания лучшего будущего, иллюзий, нежели трезвое и прагматическое понимание политического поведения «наверху».

О вероятности назначения преемника чаще заявляют представители региональных законодателей и руководители СМИ; бизнесмены сильнее других сомневаются в том, что Путин выпустит власть из своих рук. Как ни странно, среди тех, кто не оставляет надежд на торжество демократии, больше представителей исполнительной и судебной власти, однако, вполне возможно, эта позиция носит для них чисто декларативный характер.

Таблица 67. Сравнительная оценка прогнозов итогов президентских выборов 2008 г.
(В % по столбцу)

Ответы респондентов	Элита	Население
Президентом станет новый человек, победивший своих соперников в честной борьбе	8	19
Путин назовет своего преемника, и народу останется только поддержать его (+ в массовом опросе: люди, стоящие за Путиным, подберут ему «преемника», и власть после выборов перейдет к этому человеку)	53	44
Будет изменена Конституция, Путин останется президентом России на третий срок	26	15
Выборы президента будут отменены	1	1
Затруднились ответить	12	21

Даже из тех, кто поддержал Путина на прошлых выборах, лишь один из десяти верит, что президент допустит свободное и честное голосование в 2008 г.

Лояльность гипотетическому преемнику в 2008 г.

Намерения поддержать того или иного кандидата на президентских выборах 2008 г. как среди экспертов, так и среди респондентов массового опроса тесно связаны с прогнозируемым характером этого выбора: половина (48%) элиты, которая почти поголовно уверена в невозможности свободных выборов, готова принять этот исход и проголосовать за кандидата, предложенного действующим президентом, а каждый четвертый будет ориентироваться по ситуации (табл. 68). Респонденты массового опроса чаще оказываются в затруднении и склонны занимать выжидательную позицию, будучи не в состоянии сказать что-то определенное о кандидате в президенты и полагая, что положение прояс-

нится ближе к выборам (38%). Поддержать любую кандидатуру Кремля готова лишь треть. Уровни протестного потенциала и неопределенности относительно будущей позиции по голосованию в двух группах идентичны.

Таблица 68. Если говорить о выборах президента России в 2008 г., в которых В. Путин, согласно Конституции, уже не сможет участвовать, вы скорее всего проголосуете за кандидата, предложенного Путиным, или за другого кандидата?
(*В % к числу опрошенных*)

Ответы респондентов	Элита	Население
За кандидата, предложенного Путиным	48	33
Принципиально за другого кандидата	17	15
Зависит от обстоятельств	23	38
Затруднились ответить	12	14

Существуют, однако, заметные расхождения в электоральных намерениях, связанных с 2008 г., у различных структурных групп элиты. Наибольшей лояльностью действующему президенту и, соответственно, его будущему ставленнику отличается руководство федеральных округов: лишь единицы готовы отдать голос оппоненту официального преемника; две трети поддержат любого кандидата, выдвинутого центром. Сходные показатели лояльности, правда при большой доле неуверенности, демонстрируют прокурорские и судебные чиновники. Противоположные настроения распространены среди руководителей СМИ: треть (то есть вдвое больше среднего) из них принципиально будут поддерживать альтернативную фигуру. Оппозиционно (хотя и не так радикально), как журналисты, настроена и часть региональных законодателей: каждый четвертый-пятый готов проголосовать против путинского ставленника.

Наиболее близка к модели «народного» проективного выбора позиция руководителей предпринимательских союзов, в этой же среде, наряду с журналистской, максимален потенциал антипутинского голосования (выраженного прямо или со ссылкой на его возможность) (рис. 3).

Отношение к будущему преемнику В. Путина со стороны элиты и респондентов массовых опросов сопряжено с их оценкой действующего президента. В целом, характеристики отношения обеих сопоставляемых групп к главе государства очень сходны: примерно каждый пятый заявляет о полной солидарности со всеми взглядами президента, еще столько же говорят о вынужденности поддержки Путина за неимением других достойных политических деятелей.

На обрисованном выше фоне достаточно отчетливо выделяется позиция московской интеллектуальной элиты (более подробно о других ее мнениях и оценках см. в следующей главе). Более трех пятых ее заявили в 2006 г. о том, что не являются сторонниками президента.

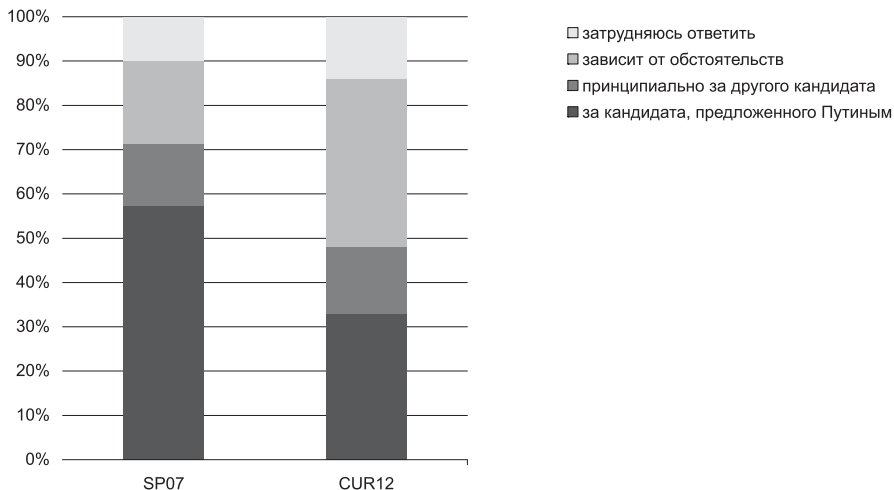

Рис. 3. Если говорить о выборах президента России в 2008 г., в которых В. Путин, согласно Конституции, уже не сможет участвовать, вы скорее всего проголосуете за кандидата, предложенного Путиным, или за другого кандидата?

Таблица 69. С каким из предложенных мнений о поддержке Путина вы бы скорее согласились?

Ответы респондентов	Население (2006 г., N = 1600)	Элита (Россия, 2005 г., N = 515)	Московские интеллектуалы (Москва, 2006 г., N = 59)
Полностью разделяю взгляды и позиции Путина	26	21	2
Готов поддерживать, пока он готов проводить реформы	26	40	11
Раньше Путин мне нравился, но теперь я в нем разочаровался	9	6	4
До сих пор Путин мне не очень нравился, но, надеюсь, он будет полезен стране	6	2	2
Поддерживаю за неимением других	17	19	11
Не являюсь сторонником Путина	9	9	62
Считаю, нужно поддерживать любого, только не Путина	2	1	4
Затруднились ответить	5	2	4

Эксперты московские и региональные: сопоставление оценок

Подгруппа из 57 московских экспертов, отобранных направленным образом и интервьюированных весной-летом 2006 г., представляет различные фракции столичной интеллектуальной элиты, ее более публичные слои — профессуру (историки, социологи, культурологи, искусствоведы), крупных журналистов и представителей аудиовизуальных медиа, редакторов журналов, писателей, независимых аналитиков, правозащитное движение, художественные круги. Стоит подчеркнуть, что отобранные интеллектуалы часто не соглашались признавать себя «элитой» и отмечают, что они в данных вопросах «не специалисты», «не могут быть экспертами» и т.п. Вместе с тем они в несколько большей мере, чем все остальные наши опрошенные (население, региональные элиты), ориентированы на специализированное экспертное знание о современной России. Но главное, они, как только что было показано, в максимальной мере критичны по отношению к В. Путину, а особенно к сложившемуся при нем социально-политическому порядку в стране. Основания, смысл, направленность, конструктивный потенциал этой критики и является предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

Показателен характер голосования данного контингента на президентских и парламентских выборах 1999–2004 гг. и в перспективе.

Таблица 70. За кого вы голосовали...

(В % к опрошенным в каждой подгруппе)

	Элита (Россия, 2005 г., N = 515)	Московские интеллектуалы (Москва, 2006 г., N = 59)
1	2	3
<i>...на выборах в Государственную Думу в 1999 г.?</i>		
«Единство»	14	0
КПРФ	11	0
СПС	11	51
«Яблоко»	9	24
Не помнят	30	0
Не голосовали	11	13
<i>...на выборах в Государственную Думу в 2003 г.?</i>		
«Единая Россия»	40	0
КПРФ	7	0
СПС	10	47
«Яблоко»	5	21
Не помнят	10	2
Не голосовали	12	9
<i>...на выборах президента в 2000 г.?</i>		
За В. Путина	73	11

Таблица 70. Продолжение

1	2	3
За другие кандидатуры	15	40
Против всех	3	8
Не участвовали	5	34
<i>...на выборах президента в 2004 г.?</i>		
За В. Путина	73	6
За другие кандидатуры	12	30
Против всех	3	11
Не участвовали	5	34

Таблица 71. Кого вы поддержали бы на предстоящих выборах...

	Элита (Россия, 2005 г., N = 515)	Московские интеллектуалы (Москва, 2006 г., N = 59)
<i>...в Государственную Думу?</i>		
«Единая Россия»	34	8
КПРФ	5	0
«Родина»	5	0
СПС	4	17
«Яблоко»	1	15
Против всех	3	30
Затруднились ответить	24	4
<i>...президента?</i>		
С. Глазьев	6	0
Б. Грызлов	6	0
С. Иванов	9	0
М. Касьянов	2	11
Ю. Лужков	15	2
В. Рыжков	7	11
А. Хлопонин	8	15
М. Ходорковский	1	26
Г. Явлинский	1	4
Другие	14	23
Не знают, за кого	19	6
Против всех	5	0

Отметим в только что приведенной таблице высокий, намного превышающий все другие, рейтинг М. Ходорковского. Добавим к этому, что данная подгруппа опрошенных вообще оценила социальные последствия «дела ЮКОСа» чрезвычайно отрицательно как во внутривнутриполитическом, так и во внешнеполитическом аспекте. Сравним данные массового, регионального и московского опросов (табл. 72).

Таблица 72. Какие оценки «дела ЮКОСа» наиболее близки к вашей точке зрения?

(В % к числу опрошенных в каждом исследовании;
можно выбрать несколько позиций, поэтому их сумма превышает —
а в экспертном опросе значительно превышает — 100%)

Ответы респондентов	Массовый опрос (окт. 2005 г., N = 1600)	Экспертный опрос (2005 г., N = 515)	Московский опрос (2006 г., N = 59)
Содействовало наведению порядка в отношениях бизнеса и власти	16	43	13
Укрепило авторитет Путина как борца с «олигархами»	20	29	42
Напугало крупный бизнес	16	39	68
Дискредитировало власть	15	31	81
Ухудшило образ России в мировом общественном мнении	15	36	83
Затруднились ответить	32	10	6

Как видим, уровень позитивных оценок того, как разворачивалось и что значило для страны «дело ЮКОСа», у московских респондентов невысок и близок к показателю массового опроса. А вот в негативных оценках москвичи гораздо более единодушны, чем все другие опрошенные. Кроме того, показательна их весьма высокая — выше, чем в других группах, — оценка символической значимости «дела ЮКОСа» для укрепления авторитета Путина как борца с «олигархией». Учитывая все другие оценки и их итоговый баланс (крайне негативный), можно предположить, что московские респонденты в данном случае осознают имитативный, чисто пропагандистский характер этого политического хода и не отождествляются с ним, поскольку не разделяют данной псевдопопулистской идеологии и административной риторики, которые служили дымовой завесой во всей кампании по «борьбе с олигархами».

И это понятно. Преобладающая часть данной подгруппы (70%) объявляют себя сторонниками европейского варианта модернизации — последовательного движения к рынку, демократии, правовому государству (среди опрошенных ранее страт элиты такой вариант поддерживают вдвое меньше — 35%). Вместе с тем хотим подчеркнуть, что В. Путина обе подгруппы опрошенных оценивают как политика, ставящего цели модернизации экономики, подъема благосостояния россиян — такой оценки придерживаются 86% опрошенных в регионах и 68% московской элиты. Однако подавляющая часть московских экспертов президенту при этом, как ни парадоксально, *не доверяет*.

Таблица 73. В какой мере вы доверяет Путину как президенту?

	Элита (Россия, 2005 г., N = 515)	Московские интеллектуалы (Москва, 2006 г., N = 59)
Доверяют	83	21
Не доверяют	15	77
Затруднились ответить	2	2

Уточним этот важный момент — расхождение разных аспектов оценки. Наиболее резкое неприятие со стороны данной подгруппы опрошенных вызывают не *цели* нынешней президентской власти, а *инструментальные моменты управления, технология принятия и проведения решений, кадровая политика* — авторитарные тенденции в управлении, использование исключительно административных методов, все большая опора на представителей спецслужб, отличающихся лояльностью по отношению к вышестоящим, но никак не компетентностью и ответственностью в работе.

Таблица 73. Мероприятия Путина по укреплению вертикали власти...

	Элита (Россия, 2005 г., N = 515)	Московские интеллектуалы (Москва, 2006 г., N = 59)
<i>...укрепили основы федерализма</i>		
Согласны	66	8
Не согласны	30	91
Затруднились ответить	4	1
<i>...повысили эффективность управления</i>		
Согласны	53	21
Не согласны	44	77
Затруднились ответить	3	2
<i>...разрушили зачатки демократических институтов</i>		
Согласны	33	79
Не согласны	64	19
Затруднились ответить	3	2
<i>...привели к приходу во власть представителей спецслужб, не обладающих должной компетенцией</i>		
Согласны	39	79
Не согласны	58	19
Затруднились ответить	3	2

Показательны расхождения в оценках начала административной реформы и изменений в формировании выборной власти между московской и региональной подгруппами экспертов (отметим, что оценки всех остальных политических шагов и управленческих инициатив путинского режима у этих двух групп опрошенных очень близки).

Таблица 74. К стабилизации или дестабилизации политической системы вели такие шаги нынешней власти, как...

	Элита (Россия, 2005 г., N = 515)	Московские интеллектуалы (Москва, 2006 г., N = 59)
<i>...начало административной реформы</i>		
Скорее к стабилизации	53	24
Скорее к дестабилизации	36	72
Затруднились ответить	11	4
<i>...принятие законов о назначении губернаторов, изменения в порядке выборов в Думу, региональные законодательные собрания</i>		
Скорее к стабилизации	72	40
Скорее к дестабилизации	20	55
Затруднились ответить	8	5

Таблица 75. Как бы вы оценили последствия смены кадров на разных уровнях власти, осуществленной за два срока президентства В. Путина?

	Элита (Россия, 2005 г., N = 515)	Московские интеллектуалы (Москва, 2006 г., N = 59)
Положительно	67	23
Отрицательно	22	77
Затруднились ответить	11	0

Московские респонденты *сами* как социальная группа не ориентированы на консолидацию вокруг путинской команды, а соответственно и в *качестве экспертов* наиболее низко оценивают потенциал консолидации вокруг Путина самых близких к ним социальных слоев — представителей крупного бизнеса и деятелей культуры, науки, массмедиа, можно сказать, переносят на них собственные представления. С точки зрения всех других групп респондентов представители бизнеса и интеллектуального сообщества выглядят, надо заметить, гораздо более лояльными правительственному курсу и президентскому окружению.

Таблица 76. Настроены ли на консолидацию вокруг путинской команды для реализации курса президента...

	Элита (Россия, 2005 г., N = 515)	Московские интеллектуалы (Москва, 2006 г., N = 59)
1	2	3
<i>...представители крупного бизнеса</i>		
Да	58	36
Нет	38	58
Затрудняюсь ответить	4	6

Таблица 76. Продолжение

1	2	3
...деятели культуры, науки, образования, СМИ		
Да	69	38
Нет	26	57
Затруднились ответить	5	5

Соответственно распределяются в двух подгруппах опрошенных и оценки одобрения/неодобрения путинского режима, его внутренней политики. По мнению столичных интеллектуалов, бизнес-сообщество и люди науки, культуры, медиа настроены по отношению к установившемуся режиму *резко отрицательно*, по оценкам других подгрупп — *скорее положительно или, по крайней мере, выжидательно*.

Таблица 77. Одобряют или не одобряют путинский режим и его внутреннюю политику...

	Элита (Россия, 2005 г., N = 515)	Московские интеллектуалы (Москва, 2006 г., N = 59)
...представители крупного бизнеса		
Да	45	21
Нет	49	77
Затруднились ответить	6	2
...деятели культуры, науки, образования, СМИ		
Да	56	19
Нет	39	79
Затруднились ответить	5	2

Но еще более пропутинскими выглядят бизнес-сообщество, деятели науки и культуры со стороны других групп в ретроспективных оценках (пять лет назад, то есть в первый срок путинского президентства): тогда они одобряли Путина, по мнению соответственно 65 и 75% опрошенных в регионах.

Эти оценки «со стороны» можно уточнить и конкретизировать самооценками московских респондентов.

Таблица 78. Оправдались ли ваши надежды на Путина?

Ответы респондентов	Население (2005 г., N = 1600)	Элита (Россия, 2005 г., N = 515)	Московские интеллектуалы (Москва, 2006 г., N = 59)
Да	46	63	32
Нет	33	30	60
Не было и нет таких надежд	14	6	0
Затруднились ответить	7	1	8

Как видим, в сравнении с региональными элитами, а особенно с населением московскую интеллектуальную элиту отличают высокие и неоправдавшиеся надежды на нового президента — уровень их заметно превышает соответствующие показатели в двух других подгруппах. В таком случае есть основания считать интеллектуальную элиту столицы сообществом разочаровавшихся. Этот важный момент, несомненно, воздействует на достаточно согласованные, как видим, оценки ситуации и прогнозы ее развития в данной группе.

Обратим внимание, насколько близки оценки достижений Путина у региональных экспертов и населения в целом и насколько противостоят им оценки московских респондентов по большинству пунктов — исключая, пожалуй, лишь итог военных действий в Чечне (но его отрицательно оценивают все россияне) и, до некоторой степени, успехи Путина в укреплении позиций России на международной арене.

Таблица 79. Насколько успешно Путин на протяжении президентства справлялся с проблемами...

	Население (2005 г., N = 1600)	Элита (Россия, 2005 г., N = 515)	Московские интеллектуалы (Москва, 2006 г., N = 59)
<i>...наведения порядка в стране</i>			
Успешно	48	48	13
Неуспешно	48	50	85
Затруднились ответить	4	2	2
<i>...подъема экономики, роста благосостояния</i>			
Успешно	39	45	32
Неуспешно	57	53	64
Затруднились ответить	4	2	4
<i>...защиты демократии и политических свобод</i>			
Успешно	46	45	6
Неуспешно	42	51	92
Затруднились ответить	12	4	2
<i>...укрепления международных позиций России</i>			
Успешно	66	73	45
Неуспешно	27	25	51
Затруднились ответить	7	2	4
<i>...разгрома боевиков в Чечне</i>			
Успешно	33	43	34
Неуспешно	60	54	64
Затруднились ответить	7	3	2
<i>...политического урегулирования в Чечне</i>			
Успешно	29	43	17
Неуспешно	62	54	81
Затруднились ответить	9	3	2

До предела концентрированы в ответах москвичей и оценки тех групп и слоев, чьи интересы выражает и на чью поддержку опирается Путин. Фактически безальтернативными точками опоры для президента в оценках московской интеллектуальной элиты выступают три группы — ближайшее окружение, силовики и чиновники, то есть аппарат власти и ее силовое обеспечение.

Таблица 80. На какие слои, силы, группы прежде всего опирается сегодня В. Путин?

Ответы респондентов	Население (2005 г., N = 1600)	Элита (Россия, 2005 г., N = 515)	Московские интеллектуалы (Москва, 2006 г., N = 59)
На ближайшее окружение	20	83	91
На «олигархов», крупный бизнес	25	17	9
На директорский корпус	23	7	2
На государственных чиновников	26	33	64
На силовиков	51	78	83
На культурную и научную элиту	11	7	2
На средний класс	23	10	8
На интеллигенцию	12	5	0
На простых людей	18	12	19
Затруднились ответить	12	2	0

Столь же единодушна московская элита и во взглядах на предстоящую электоральную кампанию 2008 г.

Таблица 81. Какой из возможных сценариев президентских выборов 2008 г. кажется вам наиболее вероятным?

Ответы респондентов	Население (2005 г., N = 1600)	Элита (Россия, 2005 г., N = 515)	Московские интеллектуалы (Москва, 2006 г., N = 59)
Президентом станет новый человек, победивший в честной борьбе	18	8	2
Путин и его окружение назовут преемника, народу останется только проголосовать за него	39	53	77
Будет изменена Конституция, Путина изберут на третий срок	26	26	19
Выборы президента будут отменены	3	1	0
Затруднились ответить	14	12	2

Таблица 82. На выборах президента в 2008 г. вы скорее всего проголосуете...

Ответы респондентов	Население (2005 г., N = 1600)	Элита (Россия, 2005 г., N = 515)	Московские интеллектуалы (Москва, 2006 г., N = 59)
...за кандидата, предложенного Путиным	36	48	9
...принципиально за другого	16	16	74
...зависит от обстоятельств	37	24	2
Затрудились ответить	11	12	15

Таким образом, на основании полученных эмпирических данных и их сравнительного анализа мы считаем важным отметить в настроениях и оценках московских экспертов четыре определяющих момента:

- 1) большинство как негативных, так и ряд позитивных характеристик путинского режима, представителей нынешней власти, их мотивов и видов на будущее московских и региональных экспертов *близки, а нередко и полностью совпадают*;
- 2) расхождения между «Москвой» и «регионами» (можно сказать, людьми науки и культуры, с одной стороны, и людьми управления — с другой) в наибольшей степени касаются *административно-авторитарных опор нынешнего политического режима, инструментов и технологии управления* — у москвичей эти моменты вызывают более резкое неприятие;
- 3) другие расхождения относятся к оценке *позиций и роли самих интеллектуальных групп* в нынешней обстановке — московские эксперты выглядят в собственных оценках гораздо более критичными, чем в оценках других экспертов;
- 4) вместе с тем потенциал критичности, а главное — протеста, возможной действенной оппозиции нынешнему режиму и политическому курсу со стороны всех других более или менее влиятельных групп российского социума (либеральных реформаторов, депутатского корпуса, компетентных политиков), обделенных масс населения и даже наиболее радикальных, бескомпромиссных группировок московские эксперты оценивают достаточно или весьма низко (кстати, столь же мало верят они и в возможность *собственной* консолидированной оппозиции путинскому режиму).

Можно сказать, что они выражают сегодня отчужденную позицию групп, утрачивающих социальное и политическое влияние в стране. У них, насколько можно судить, нет ни *собственных целей*, самостоятельного видения ситуации и перспектив сдвига (здесь их во многом парализует двойственная оценка Путина как стратегического модернизатора и как малоуспешного реального политика), ни в особенности *действенных средств*, механизмов проведения своих взглядов в жизнь.

В этом плане они лишь демонстративно отделяют себя как от власти, так и от других влиятельных групп социума, противопоставляют им собственную невовлеченность в окружающее, а значит даже при наличии у экспертного сообщества, гражданских организаций больших или меньших возможностей предложить долгосрочную стратегию развития страны ограничивают свои возможности практически, заинтересованно, ответственно участвовать не только в политической, но и в гражданской жизни. Резюмируя, можно сказать, что данная подгруппа во многом близка к тем фракциям опрошенных в регионах, которые разделяли более критичное отношение к В. Путину, его режиму и практическим шагам по централизации административной власти (избранные депутаты местных собраний, частный бизнес, руководство массмедиа). Но так же, как и те подгруппы, и даже в еще большей степени московский интеллектуальный контингент не обладает ни собственными политическими интересами, ни перспективным политическим видением, программой, ни инструментами реализации программных целей и идей. Выражая дистанцированно-критическую позицию, он, насколько можно видеть по результатам исследования, не является сколько-нибудь самостоятельным и влиятельным игроком на политическом поле, авторитетной инстанцией в публичной сфере, в общественном мнении. В то же время данный контингент, поставленный в позицию профессионала-эксперта, часто склонен к выражению более общих настроений и оценок слоя интеллигенции. Все это указывает на его неопределенный, проблематичный статус в нынешней ситуации именно как социальной группы.

Итоги и выводы

Процессы распада тоталитарной системы, открыто проявившиеся в конце 80-х гг. прошлого века, захватили лишь самые поверхностные структуры государственного управления, почти не затронув ее глубинной институциональной и человеческой основы, но вместе с тем обнажив слой еще дототалитарных, домодерных традиций и партикуляристских представлений, которые сегодня воспринимаются как специфический аморализм, холуйство, беспринципность и цинизм или как отсутствие универсалистских ценностных регулятивов и значений. Ю. Левада писал: «Один из компонентов затяжного кризисного перелома, который наблюдается в российском постсоветском обществе, — разрушение системы социокультурных ориентиров и образцов, и вместе с ним — кризис элитарных структур, деформация их ролей и связей с "массовыми" структурами общества. Элита утрачивает свое значение, если "массы" перестают воспринимать ее символические и инструментальные функции (трансляция интегративных образцов, кодов культуры, поведенческих правил

и так далее). Значительная часть современных дискуссий о нравственной деградации общества, лишившегося своих духовных ориентиров, а также о распаде и деградации самих интеллектуальных и правящих элит, строится вокруг этого комплекса»⁶⁶.

Если подытожить соображения, оценки, прогнозы опрошенных нами продвинутых групп, которые в этом отношении, как мы отмечали, весьма близки к массовым, можно сказать, что сложившаяся в России со второй половины 1990-х гг. система корпоративно-олигархической власти обеспечивается преобладанием в ее ведущих узлах (включая внеконкурентные по масштабу и средствам воздействия и внеконституционные по характеру образования вроде президентской администрации) представителей силовых структур и символизируется единоличной фигурой президента, опять-таки выдвинутого данной средой. Центральная власть, несмотря на все признаки всеобщего «одобрямса», очень неустойчива, поскольку не опирается на эффективное функционирование социальных институтов, обеспечивающих стабильное развитие и улучшение жизни большинства населения. У нынешних окол властных групп, на которые российская высшая власть перекладывает функции элитарных структур, нет необходимых социальных, интеллектуальных ресурсов, которые могли бы стать в обозримом будущем основой модернизации страны. Равным образом у них нет достаточных символических или идеологических ресурсов для того, чтобы обеспечить легитимное признание верхов и массовую мобилизацию для поддержки власти, или они отличаются крайней примитивностью, эклектическим традиционализмом, эпигонской «стертостью».

Деловая и управленческая компетентность этих кругов, по оценкам большинства наших опрошенных, характеризуется в последние годы резким снижением уровня. С одной стороны, это связано с исчерпанностью потенциала тех реформ, которые начаты в первой половине 1990-х гг., а с другой — с тем, что в качестве опоры режима все в большей степени выдвигаются силовые и репрессивные органы власти. Однако даже слабому режиму произвола и полицейщины российское общество не в состоянии ничего противопоставить. Реально нынешний режим держится на смеси массовой апатии и дистанцированности населения от политики в сочетании с условной поддержкой численно небольшой, но социально значимой группы, выигравшей от происходящих в стране изменений благодаря своей близости к власти или сохраняющимся связям с остаточными распределительными механизмами прежней системы — государственными, полугосударственными или сросшимися с государством структурами бизнеса. Эти группы отличаются лояльностью по отношению к действующему режиму и зависимостью от него, сравнительно большой кор-

⁶⁶ Левада Ю.А. Элита и масса — проблема социальной элиты. С. 204.

румпированностью, постоянно усиливающейся из-за централизации контроля государства над обществом, удовлетворенностью своим положением и относительно оптимистическими перспективами. Единственное, что их может беспокоить, это неуверенность в способностях власти сохранить и далее этот порядок вещей. По нашей оценке, к этим группам можно сегодня отнести приблизительно 10–15% взрослого населения.

От характера подобных квазиэлитарных, или назначенных исполнять роль «элиты», групп, их отношений с властью, их интеллектуальных и моральных ресурсов, деловой и профессиональной компетентности, непосредственно сказывающихся на функционировании основных социальных институтов общества, в значительной мере зависит состояние «массы» населения, ее протестный потенциал и формы выражения недовольства. Главный эффект функционирования этих групп мы можем описать при помощи заимствуемых из этологии моделей «паразитарной кастрации». Речь идет о появлении неспециализированных групп исполнителей «высшей воли» ценой отказа от соответствующих ценностей и типов поведения, в частности о переключении функций «целеполагания» и репрезентации групповых идеалов, ориентиров, интересов на высшую власть. А это означает не просто девальвацию социальных ценностей, но и заведомую примитивизацию социального устройства общества, архаизацию социального порядка, восстановление механизма последовательного понижения качества политики и управления. Тем самым блокируются возможности институционализированных форм репрезентации публичных или групповых интересов, их обобщение и универсализация — перевод в целевые задачи политиков, партий, фракций в парламенте, их критика, то есть оценка последствий их реализации или выбранных методов достижения со стороны других участников политического процесса⁶⁷. В действительности это происходит через селекцию определенных человеческих типов.

Любая система устойчива, если она органически соединяет в себе ряд человеческих типов. Для современных обществ это, в частности, если не в первую очередь, носители тех или иных видов (либо ресурсов) специализированной деятельности — знаний, ценностей, умений, квалификаций. Обобщая же ответы наших респондентов, можно сказать, что в постсоветской ситуации среди множества типов — трудоголика, бюрократа, технократа, серого исполнителя-функционера, лизоблюда, карьериста, идеалиста, дурака и т.п. — «наверх» отбирается тип безынициативного приспособленца, лишенного каких-либо достоинств и знаний. Этот человеческий тип — морально производный от философии нынешнего «централизма» — как бы выступает «клеем», связующим элементом власти и массы.

⁶⁷ Появляющиеся различные суррогаты целевой деятельности (национальные проекты, правительственные программы и т.п.) не меняют самой системы отношений власти и общества, а лишь пытаются маскировать авторитарный характер режима.

Подобные фигуры, появившиеся после второй смены исполнительной власти, то есть не в ситуации кризиса и разлома системы, когда в условиях полного паралича управления возможен выброс наверх человека-лидера, способного сказать «я знаю, как надо» и что-то при этом еще сделать, можно сказать фигуры рутинеров (как и сам Путин или его предшествующий кандидат из той же колоды — Бордюжа), принципиально *не способны на выдвижение стратегических целей развития*. Их предшественник возлагал на них только одну обязанность — обеспечить собственную безопасность, то есть оставить все, как было при нем, ничего в принципе не меняя. В иллюзии, что можно будет по инерции продолжать реформы, заключалась последняя, хотя и не самая важная ошибка либералов, оттесняемых от власти серой массой номенклатуры второго ряда, подступающими людьми в погонах. Однако *исполнительная власть не может ставить себе политических целей*.

Исполнительная власть, лишенная контроля и влияния со стороны репрезентативных органов, оказывается заиклена исключительно на интересах самовоспроизводства, удержания контроля под угрозой того, что ее немедленно съедят при первом же ослаблении хватки. Поэтому она в максимальной степени сосредоточена не на выработке стратегических целей и тем более не на их достижении и реализации поставленных задач, а на симулировании и разыгрывании, на понижении уровня сложности управления, нейтрализации конкурентов, могущих выдвинуть подобные задачи и требования, причем нейтрализации как действительных противников, так и мнимых.

В свою очередь квазиэлиты (то есть назначенное президентом окружение) прекрасно понимает этот механизм и сознает, что вылезать со своими идеями и инициативами крайне опасно и неблагоразумно. Такое могут позволить себе лишь немногочисленные, но жизненно необходимые для выживания системы умники и идеалисты, которые хотят сделать «хоть что-нибудь», по их представлениям, нужное и полезное для страны (представляя тем самым, пусть и в искаженной форме, реальные интересы других слоев и групп населения). Разумеется, это чистое самооправдание, но и оно крайне важно в условиях последовательной стерилизации элитарных назначенцев (А. Илларионов и др.).

Все это оборачивается последовательным выхолащиванием сколько-нибудь продуктивных и инициативных индивидов, удалением от трона соответствующих групп, заменой их исполнителями чужой воли, рассчитывающими пересидеть начальнические инициативы и порывы к обновлению, циниками и пр. Это относительно новый тип низкоквалифицированного исполнителя, сознающего свою ограниченность, но декларативно лояльного к хозяину — по крайней мере, до тех пор, пока не изменится ситуация. Он, в отличие от чиновника советского времени, лишен всяких элементов идеологии. Более того, он может симулировать любую идеологию, хотя чаще всего ею оказывается

та или иная разновидность «национальной идеи», а на деле — остатки старого комплекса великой державы. Это производитель актуальных идеологических суррогатов и политических проектов, «изобретатель слов», совершенно инструментально, исключительно прагматически относящийся к любым ценностям и ресурсам. Не будучи заинтересованной в создании условий для более открытого и менее репрессивного общества, предполагающего ограничение административного произвола, систематическую политику самоограничения режима, более того, всячески блокируя потенциальные источники модернизации, власть ангажирует особых специалистов по имитации идеологической поддержки — поискам «национальной идеи», демонстрации «большого» имперского стиля (советский ампир).

Абсолютно беспринципный и наглый, такой «заместитель элиты», назначенец и порученец современной власти хорошо сознает, что сам по себе он никому не интересен. Он кооптирован во власть именно в качестве неинтересного, лишённого собственных достоинств и ресурсов исполнителя, сильного лишь потому, что ощущает за своей спиной силовика, прокурора, МВД и другие репрессивные органы. Наши респонденты описывали этот новый тип представителя «элиты» как политическую или управленческую «шпану», временщиков, разыгрывающих больших политиков, национальных идеологов и топ-менеджеров. Речь идет не только об отчетливо выраженных ролях политехнолога, кремлевского или регионального политического администратора, но и о чиновниках в исполнительных органах власти, занятых в аппарате управления федеральных округов, в прокуратуре, массмедиа, бизнесе и других связанных с нынешней администрацией областях.

Этот тип российской «элиты» связывает ряд других человеческих и социальных ролей в системе власти: идеалиста-государственника, технократа, силовика, функционера и других — в общую систему функционирования правящего режима. Иначе говоря, сама особенность политических институтов описываемого рода производит определенный подбор людей на соответствующие ролевые позиции, распределяет дураков, циников и идеалистов-экспертов, трудоголиков в соответствии с их «безопасностью» для структуры власти, нейтрализуя продуктивный потенциал самой системы власти, парализуя ее возможности обеспечивать развитие страны. Подобный эффект очень плохо осознается обществом, хотя и ощущается им как нарастающее состояние деморализации в стране, усиление аномических процессов, увеличение массы немотивированной агрессии и произвола, вызванных тем, что символическая ось организации жизни в стране поражена внутренним аморализмом, постоянной ложью, беззастенчивым корыстолюбием и воровством. Это приводит к странному общему эффекту: власть в целом отмечают и почитают, но не уважают, так как государственные институты лишаются своего достоинства и ценности. Холуйство как тип господствующей политической культуры мо-

жет на какое-то время обеспечить стабильное положение в стране, но не дает ей развиваться и не вызывает уважения у людей. Несмотря на все разговоры о модернизации, Россия оказывается обществом без будущего, обществом в состоянии разложения и гниения, заложником правящей группировки с ее клановыми интересами. Из подобного состояния никакие нефtedоллары вывести не в силах: страна — не бензоколонка.

Как свидетельствуют ответы наших экспертов, «мягкая» коррупция — использование как административной близости к первому лицу и возможностей закулисного влияния, так и «телефонного права» и крупных капиталов — является единственным механизмом реальной работы системы власти во всех ветвях и на всех уровнях. Ни о каких политических проектах, кроме укрепления самой властной системы, в подобных условиях речь не идет. Соответственно, иные идеи, ценности, обобщенные посредники, способы коммуникации даже между группами и фракциями, заинтересованными в каких-то изменениях и претендующими на влияние в процессах выработки, принятия и проведения решений, либо вовсе отсутствуют, либо круг их последовательно сокращается правящей верхушкой и лояльными ей «служилыми» элитами.

Так, у позиционных элит России — элит, занимающих ведущие посты в различных органах управления, структурах бизнеса, системах массовых коммуникаций, сегодня отсутствует идея последовательной деэтизации, высвобождения потенциала общественных инициатив и самоорганизации как единственной возможности дифференциации общества и движения страны. Напротив, основной идеологической составляющей ориентаций практически любых групп элиты является ясно выраженный, прокламируемый этатизм. Поэтому ни у кого из них фактически не удастся обнаружить идеи социального многообразия, самодостаточности и функциональной автономии различных общественных сил и форм, которые в их наличном богатстве и динамике взаимоотношений, собственно, и составляют «общество» в строгом смысле слова. Если же они и обнаруживаются, то в зачаточном виде, как крайне слабые и неотрефлексированные. Отсутствуют также идеи субъективности, выбора, ответственности, включая представление о самостоятельных политических субъектах, их суверенитете, механизмах представительства и согласования интересов. Иными словами, отсутствует все то, что образует, опять-таки в терминологически строгом смысле слова, сферу политики, политического действия.

Функция номенклатурной риторики по поводу модернизации, демократии, рынка, разделения властей и пр. в заданных уже к началу 2000-х гг. политических рамках состоит в слабой легитимации сложившегося авторитарного порядка, который готов принять рынок (в том числе глобальный рынок, прежде всего сырья) на правах неизбежной реальности, но и только. В этом смысле верхушка власти как воплощение подобного корпоративно-иерархического порядка претендует на то, чтобы самой решать, сколько именно и какого «За-

пада» нужно сегодня России. Подчеркнем, что различные группы элиты в целом поддерживают такое самопонимание верхов и как бы делегируют им это право, даже не прося, а лишь позой готовности к подчинению выражая надежду, что власть все-таки хоть немного поделится привилегиями и с ними. Это, собственно, и выражается в зафиксированном нами в данном опросе общем представлении элит о Путине и его команде как о модернизаторах страны.

Мы говорим о *слабой* легитимации потому, что президентская власть (администрация и ближайшее окружение президента), кажется, не видит необходимости в сильных средствах, настолько вяло выраженными остаются собственные потенции социума, в то время как правящая группировка и установленный ею политический порядок, напротив, рассматриваются и элитами, и большинством населения как достаточно прочные или, по крайней мере, единственно возможные («безальтернативные»). Задача мнимо демократических лозунгов и лейблов, вроде «выборности», «независимого суда» или «диктатуры закона», состоит лишь в том, чтобы обеспечить подобную легитимацию и тем самым — что гораздо важнее! — гарантировать величие России, ее целостность и пр., отстраняясь в публичном поведении от радикальных, угрожающих дестабилизацией крайностей (коммунистических, националистических) и обращая к Западу более приличное лицо. Собственно же программы и технологии модернизации ни у одной из элитных подгрупп, повторяем, нет. Это касается даже прозападных группировок и более критично настроенных подгрупп элиты, в той или иной мере недовольных властью.

Более критично настроенные группы (по преимуществу крупный и средний бизнес, депутаты законодательных собраний, руководители массмедиа, в меньшей степени красный директорат) как будто бы могут, и по их собственным мнениям, и по оценкам многих других элитных групп, выдвинуть такую программу. Но на деле это лишь слова, в лучшем случае — благие пожелания. За почти уже два срока путинского правления указанные «критичные» группы в большой мере отстранены от реальной власти (этот процесс, подчеркнем, начался уже при Б. Ельцине, после 1993 г., повлиял на последовавшие затем выборы и во многом обусловил начало первой Чеченской войны, но и сам оказался ускорен чеченской авантюрой силовиков). Так что в настоящее время «критики» выглядят в глазах других фракций элиты либо как недовольные и потому «корыстные», либо как «мстительные». Кроме того, в большинстве своем сегодня и они разделяют господствующие представления о политическом порядке и неперменной связке «власть — целое — величие». Поэтому эти группы хотели бы, чтобы власть обеспечила им возможность заниматься их собственным делом («дала дышать», по формулировке 1970-х гг.), но они не видят и не хотят видеть социального контекста и политического значения того, что делают. Отсюда же — чего они как бы тоже не осознают или в чем не хотят признаться — проистекает их ощущение собственной слабости, невлиятельности, маргинальности.

Представлений о модернизации как социокультурном процессе, о его составляющих, движущих силах и механизмах, а соответственно и программ реформаторских действий, групп их политического продвижения и технологического обеспечения в сегодняшней российской элите нет. Такие идеи, программы, стратегии блокируются, с одной стороны, преобладающими интересами самосохранения и поддержания монопольной тотальной власти нынешней группировки на федеральном «верху», от которого так или иначе зависят все элитные группы (как и население страны, по его собственным оценкам). С другой стороны, идеи и программы системных, последовательных социально-политических реформ заблокированы у большинства представителей элиты идеологическими представлениями о приоритете и величии страны как «целого», и чаще всего «державного целого». Любые начала дифференциации, стоящие за ней претензии на автономию понимаются как прямая угроза — угроза самим правящим, целому России, величию державы.

На этом фоне представления об «обществе», его группах, слоях, независимых движениях у большинства опрошенных представителей элиты попросту отсутствуют или, точнее говоря, не включены в практическую деятельность политиков, организаторов, управленцев. У респондентов нет представления о том, что сдвиг и развитие в стране возможны только с последовательной передачей многих нынешних функций государства обществу, уже имеющимся общественным организациям или формам, способным народиться, которые надо создавать или поощрять. Характерны в этом смысле преобладающая трактовка политических партий и их роли в стране и оценка событий на Украине и в Грузии, которые приводились выше: они понимаются исключительно в номенклатурных терминах или в понятиях архаичной политической мифологии «заговора» и «врага», характерной для тоталитарных режимов XX века.

Российская элита не только фактически не имеет программ развития, но и не обладает (по ее собственному признанию) способностью их выработать. В этих обстоятельствах можно говорить о кастрации элиты в сегодняшней России, об отсутствии в ней лидеров и даже самих представлений о лидерстве. Группы, представители которых были нами опрошены, в большинстве своем являются порождением и вместе с тем опорой нынешнего политического строя. Поэтому они будут противодействовать любым попыткам изменить существующее положение вещей. Учитывая серьезность проблем, накопившихся в стране, силу конфликта между мифами о державе, претензиями на величие и реальной перспективой оказаться цивилизационной периферией, наконец, масштаб противоречий, назревающих между авторитарным изоляционизмом России и ведущими странами Запада, подобный конформизм наиболее подготовленных и близких к властным позициям групп населения сулит тяжелые последствия.

Исключительно в этой перспективе самосохранения элитные группы рассматривают и ситуацию предстоящих выборов 2007, а особенно 2008 г. Не имея никаких предпочтений и пожеланий, они хотели бы гарантированно продолжить сегодняшней политики. А потому, как можно ожидать, присоединятся к любому выбору нынешнего президента, который (вместе с ближайшим окружением) постарается со своей стороны обеспечить именно такой результат, устраивающий большинство.

Представители ведущих групп социума, даже в таких условиях все же способные, по мнению большинства опрошенных, выдвинуть программные альтернативы развития страны, сосредоточиваются по преимуществу *в руководстве бизнесом и массовыми коммуникациями, среди деятелей науки и культуры, в экспертном сообществе*. Данные фракции социума, как показывают материалы нашего опроса, наиболее критичны по отношению к сложившемуся в стране режиму, в наибольшей степени недовольны нынешней ситуацией и установившимся за последние годы строем, поскольку, наряду с прочим и в сравнении с ситуацией начала 1990-х гг., чувствуют себя оттесненными в последний период от выдвижения идей и целей развития, обсуждения, принятия и проведения важнейших решений. При этом они же оцениваются как наименее лояльные к нынешней власти другими подгруппами элиты, так что говорить о консолидированности или возможностях консолидации элиты, вопреки ее заверениям, видимо, не приходится. Больше того, именно на такие группы сегодня направлено основное давление властей. В результате возможности их самостоятельного действия последовательно ограничиваются, а в перспективе сводятся на нет. Искомое лояльным большинством «единство» или «консолидация» достигаются ценой оттеснения или устранения более продуктивного, но и более критичного меньшинства.

Подытоживая сказанное, мы можем сделать несколько основных выводов.

Российская квазиэлита представляет собой замкнутое социальное множество, удерживаемое лишь лояльностью вышестоящему начальству, от которого оно полностью зависит и расположения которого всячески ищет. В идеологическом плане это довольно аморфная группа, объединяемая лишь представлениями о том, что считает важным высшая власть, подбирающая и назначающая подчиненных на соответствующие должности и позиции. В этом плане принцип конституции власти, управления сверху блокирует любые формы ответственности элиты перед обществом. Власть, как полагают опрошенные эксперты, «самодостаточна» и опирается только на себя или на силовые структуры. Президент обладает самодержавной полнотой власти и не зависит ни от кого.

Положение такой «элиты» не зависит или в очень слабой степени зависит от компетентности и деловой квалификации управленческого персонала. По существу, из описаний и ответов опрошенных вырисовывается картина

коррупцированной системы, пытающейся восстановить централизованный контроль над обществом и экономикой. Наиболее часто упоминаемые типы среди представителей нынешних элит — это временщик, циник, беспринципный и некомпетентный исполнитель чужой воли, а также идеалист, пытающийся (как правило, с малым успехом) провести какие-то свои идеи по улучшению государственного управления.

Внутри управляющей корпорации нет никаких специфических связей солидарности, предполагающих общность интересов (кроме удержания нынешнего режима у власти, с чем правящая элита непосредственно связывает свое положение в настоящем и будущем). Идет жесткая внутрикоропоративная борьба за ресурсы влияния, за доступ к президенту, лишенная каких-либо соображений об общих национальных интересах, программах развития, модернизации и т.п.

Среди разных подгрупп опрошенных нами экспертов преобладает мнение о крайне низкой квалификации тех, кто обеспечивает исполнение принимаемых политических решений. Некомпетентность исполнителей непосредственно смыкается с внутриклановыми или внутрибюрократическими интересами, нейтрализующими и блокирующими осуществление принятых наверху решений. Это не саботаж, а перекалывание ответственности на другие инстанции, бюрократическое заблачивание даже правильных решений, даже частичных, непоследовательных программ модернизации экономики и политической системы. В результате ни одна из начатых или провозглашенных реформ не осуществлена на деле.

Информационная обеспеченность высшего уровня власти не может считаться достаточной или сколько-нибудь полной, адекватной тому, что происходит в управляемом обществе. Информация, поступающая наверх, проходит жесткий селективный отбор, соответствующий интересам ближайшего окружения президента (в этом смысле администрация или ближайшее окружение Путина полностью управляет им). Однако именно это делает высший эшелон власти крайне неуверенным в себе, напуганным событиями, связанными со сменой власти в странах СНГ, возможностями массовых выступлений населения. Очень многие из интервьюируемых экспертов (не менее трети, а по ряду вопросов и несколько больше) считают весьма вероятным внезапное развитие кризисной ситуации, вызванной какими-либо внешними факторами или случайными обстоятельствами, внутренней борьбой кланов, техногенными катастрофами, которые могут обрушить нынешнюю систему власти. Однако, несмотря на эту неуверенность, подавляющая часть элиты полагает, что счастливая внешнеэкономическая конъюнктура (высокие цены на экспортируемые энергоресурсы) позволяет нынешней администрации, используя всевозможные легальные и нелегальные средства контроля и принуждения, обеспечивать

внешний порядок и относительную удовлетворенность (по принципу «только бы не было хуже»).

Проблема преемственности власти («проблема 2008 года») представляется нынешней элите крайне туманной и неопределенной. Это не просто область гаданий, но и пространство разного рода проекций, желаемых сценариев развития, страхов или, напротив, ничем не подкрепленной уверенности в том, что «все будет хорошо». Чем больше Путин и его администрация концентрируют в своих руках средства управления и контроля, тем менее эффективным становится режим в целом, тем более проблематичными делаются перспективы модернизации страны, тем выше опасность нового кризиса власти, хотя когда этот кризис разразится, нет ясности ни у кого из опрошенных представителей элиты. Их общее ощущение — собственная отчужденность от власти и нарастающая зависимость от воли последней, непредсказуемость развития ситуации для страны в целом.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПУТИН И ЕГО РЕЖИМ В ОЦЕНКАХ ЭЛИТЫ: МАТЕРИАЛЫ ЛИЧНЫХ ИНТЕРВЬЮ

Выборочно представлены материалы 59 глубинных неформализованных интервью, взятых сотрудниками Левада-Центра в Москве. Далее Р. означает респондент, М. — модератор беседы, в скобках обобщенно обозначены профессия и статус интервьюируемого⁶⁸.

Путин — политический лидер

Проблема системной безальтернативности

М.: Путин останется?

Р.: Нет, он, конечно, не останется.

М.: На третий срок?

Р.: Нет.

М.: Тогда проблема — кто придет. И кого приведет. Насколько компетентны эти люди.

Р.: Совершенно неизвестно... Абсолютно... Это может быть совершенно неожиданно, как, собственно говоря, и кандидатура Путина.

М.: В этом-то и проблема — так как у нас нет открытой политики, это все невозможно открыто обсуждать и предвидеть.

Р.: И от этого он чуть ли не сразу становится единственным и незаменимым. Это наша специфика (*военный эксперт*).

«В этой корпорации вокруг нет ни одного конкурента. Я думаю, это отрицательный отбор длительного советского времени, затем лучшие люди взлетели и вылетели отсюда, а там осталось только... и сидят, и он на их фоне — гигант мысли» (*руководитель академического института*).

«Путин мог войти в историю как великий реформатор, у него были все предпосылки, экономическая ситуация была хорошей. Реформа обычно в мире делается как реакция на кризис. Путин опоздал» (*менеджер крупной компании*).

«Амбиций Путину не хватило. Потому что когда ты делаешь реформы исходя из собственных амбиций, ты должен быть готов к тому, что тебя не будут принимать, а Путину хотелось народной любви. А народной любви при помощи реформ никогда не достигается» (*менеджер крупной компании*).

⁶⁸ Материалы третьей части книги подготовлены к печати Наталией Зоркой.

«...Путин — человек, который довольно пессимистично смотрит на мир вокруг себя. Он не оптимист. <...> Вообще в людей он не очень верит. Он верит в контроль над людьми. Он понимает, что контроль не может быть никогда идеальным. Он верит в контроль, без контроля люди совершают ошибки, и их нужно постоянно подправлять. ...Отказ от выборности губернаторов является вынесением президентом вотума недоверия избирателям. Он не верит в их способность делать правильный выбор. ...Наверное, видя людей вокруг себя и видя, что все воруют, поголовно все воруют — ближние, дальние и т.д., — он тоже не может особенно довериться кому-то, не может опереться на какие-то светлые, позитивные стороны людей. <...> Тогда остается одно: остается лояльность. "Я знаю, как надо", я единственный, кто знает. Единственный в его понимании, поскольку, наверное, он себя воспринимает как царя. Так вот, Россия — на уровне России в целом — она интересна только царю. Потому что всем интересны какие-то ее куски — то, что президент называет "лакомыми кусками", которые кто-то отрывает. Кстати, отрывают в основном свои. Чужие вообще не отрывают, отрывают свои. А президент, поскольку он не столько ответствен, сколько хозяин, он пытается строить управление страной на основе личной преданности, лояльности тех или иных чиновников. Таких чиновников много по определению быть не может» (*политолог*).

«Путин производит впечатление такого жесткого и решительного начальника, готового всех строить» (*менеджер крупной компании*).

«И никого близко нету. Все понимают, что троичник с минусом президент, но некого выпустить еще» (*руководитель академического института*).

Стратегии развития страны

«...Пока есть нефть и возможность держаться, никто ничем более глубоким заниматься не будет. Никто думать не будет, вот в чем вещь» (*военный эксперт*).

«Курс сейчас, по-моему, совершенно саморазрушительный, все голову в песок спрятали, страусы, и не собираются что-либо делать» (*военный эксперт*).

«На разных уровнях правящей корпорации существуют разные интересы. Скажем, на уровне Путина и ближайшего его окружения существует более-менее ясно сознаваемый план возрождения России, восстановления державы. Я думаю, Путин убежден в том, что Россия может использовать ресурсы, которые у нее сегодня имеются, претендуя на то, чтобы в длительной перспективе выйти на одно из первых мест мировой иерархии... претендует на восстановление России как великой державы, но не в узком смысле ракетно-ядерного доминирования, а в более широком, экономическом. Я думаю, у Путина есть

определенное представление о том, какой должна быть Россия внутренне, качественно» (*политолог*).

«Да нет у него никакой программы! ...Правда, зачастую он некоторые вещи говорит от себя, и правильно говорит, но тем не менее практика "подсывывания", как при Ельцине была... а потом начинают министры думать, как бы разъяснить, что он совсем не это имел в виду, — она остается» (*военный эксперт*).

«...Он не вполне понимает возможность реализации своего плана возрождения России... он приверженец традиционных подходов во всем, роль государства, прежде всего. Под государством при этом понимается власть. Отсюда вертикаль власти, в смысле строительства институтов... у него есть какое-то представление о внешнем мире, о том окружении, в котором Россия находится. И представление тоже довольно традиционное» (*политолог*).

«А если говорить о Путине... Я исхожу из того, что он действительно искренне и честно пытается сохранить Россию, удержать ее от распада, хочет, чтобы Россия не стала полным сателлитом. То есть была партнером — мы обречены на партнерство и с Америкой, и с Европой. Нравится какому-то европейскому крылу или не нравится шовинистическому крылу, но мы обречены на то, чтобы быть партнерами. Любой другой вариант означает поражение и крах» (*высокопоставленный чиновник*).

«Программно существует общий проект, он был, естественно, это замораживание страны, возвращение госсобственности, да еще в свои собственные руки, на этом фоне мобилизация и так далее. Но этот проект уже пролетел мимо ушей, поскольку он выразился лишь в перераспределении собственности. И все. Также был и еще проект — "Крепость России", некоего неизоляционизма, много было всяких проектов... Это все прошло. Мы опять 4 года потеряли. Потому что был этот проект Путина так называемый, и он уже лучше не станет» (*руководитель академического института*).

«Слабая компетентность власти. Чрезвычайно слабая. Они не могут не только для России придумать какой-то проект и в рамках этого проекта действовать. Но они даже тактические шаги не просчитывают» (*депутат Государственной Думы*).

«И когда наступил полный "стабилизец", он может выступить с посланием. Замечательное послание, только ничего сделать нельзя. Прочитайте предыдущее. Я в свое время, когда занимался написанием правительственных

программ, я говорю: "Слушайте, хватит писать, давайте возьмем предыдущее. Вычеркнем то, что сделано, и оставим, чтобы доделать то, что не доделано"» (*менеджер крупной компании*).

Президент и его окружение

«Есть президент, у него администрация. Конкретные люди. Эти конкретные люди сейчас те, кто зачастую туда пришел в определенное время, некоторые пришли из бизнеса, у них мысли все там. А тем более когда начался второй срок, и идет к финалу срок президентского и их пребывания, и надо думать о светлом будущем своем, а не о государственном. И там осталось две категории — та, которая решает свои задачи, и та, которая хочет там дальше остаться сидеть, и они исповедуют старый принцип: если хочешь там оставаться и чтобы было все стабильно, делай то, что тебе говорят, не проявляй никакой инициативы. Не дали тебе указаний — и не дергайся» (*военный эксперт*).

«Президентская администрация противопоставила себя интеллектуальной элите, отказав науке в нормальном финансировании и затеяв реформу образования... противопоставила себя региональным элитам, запретив им выбирать своих губернаторов» (*лидер политической партии*).

«...Этот непрофессионализм... Даже трудно сказать, что непрофессионализм. Ведь Зурабов — человек хорошо подготовленный, грамотный и прочее. Просто у него система критериев другая. <...> Он бизнесмен, да еще имеющий свои интересы в бизнесе, поступает оптимально с этой точки зрения. А все остальное — это все остальное» (*военный эксперт*).

Правительство

«Проблема не в том, что в стране нет денег, а в том, что в стране нет мозгов у людей в правительстве. Денег больше чем достаточно. Но поскольку, как говорят, если Бог хочет наказать — он лишает разума» (*лидер политической партии*).

«Был знаменитый закон Паркинсона, что каждый перерастает уровень своей компетенции. Так вот, я думаю, что в нашем правительстве людей, которые переросли свою компетенцию, точно большинство. Бюрократия, ее существо, состоит в том, что это некая каста, объединенная общими правилами, и есть возможность расти снизу **вверх**. А недостаток бюрократии, особенно российской, состоит в том, что в нее нет притока свежей крови» (*менеджер крупной компании*).

«Правительство ничего не делает самостоятельно. Все делается либо по согласованию с Кремлем, либо по указанию Кремля. Поэтому отрывать од-

но от другого совершенно бессмысленно. Правительство технический сейчас орган, политическую ответственность за действия правительства несет сейчас администрация президента и лично президент» (*лидер политической партии*).

«Внутри правительства — там есть разные подходы, четко вырисовываются пока две составляющие: одна по линии Фрадкова, другая — по линии Грефа. Две эти линии между собой борются» (*военный эксперт*).

Сложившаяся политическая система

Общие характеристики

«Я думаю, что он [режим] сложился и на сегодняшний день довольно устойчив. Он основывается на корпоративных отношениях, традиционных для странной системы власти. Я бы назвал это царским режимом. Но у него другая легитимация, естественно. В нынешнем виде он основывается в огромной степени на стремлении большинства граждан страны избежать потрясений. <...> Я думаю, что рейтинг Путина, который является отражением этой важнейшей социально-политической опоры режима... это показывает. Кроме того, режим имеет возможность укреплять свою устойчивость за счет тех огромных доходов, которые Россия получает благодаря экспорту нефти и газа. И поскольку тенденция на мировых рынках говорит о том, что высокие цены сохранятся и станут еще выше, то это создает режиму достаточно большой запас прочности» (*политолог*).

«...Модель государства, которое построил Путин, — это модель, в которой правит бюрократия. Все чиновники федерального, регионального уровня, они понимают, что есть главный бюрократ по фамилии Путин, который может любого из них снять. Поэтому протест... Это как если вы вступили в какую-то партию, вы можете или принять ее правила игры, или отказаться. Есть правила игры в бюрократию: я начальник — ты дурак. Тем более что Путин производит впечатление такого жесткого и решительного начальника, готового всех строить. Это командно-административная система в рамках бюрократии. Просто командно-административная — это больше употребляют в экономике, а это политическая структура... тут выбор очень простой: или ты хочешь быть внутри и тогда соглашаешься с теми правилами, которые там есть, и не критикуешь начальника. Если ты хочешь критиковать — выходи и встань сбоку, критикуй. Как в Англии, есть оппозиция Ее Величества, но нет оппозиции Ее Величеству, никто не оспаривает права монархов, но при этой конституционной монархии можно быть правящей партией, а можно быть оппозицией. То же самое и у нас. Если ты соглашаешься быть в рамках этой бюрократичес-

кой системы, ты лишаешься возможности ее критиковать» (*менеджер крупной компании*).

«Вообще, путинский режим — уникальный в своем роде. Начиная с 2003 г., 2004 г. это, пожалуй, первая... чем-то он напоминает брежневский, но даже в брежневский период были какие-то направления стабилизации страны. Например, стабилизация отношений с внешним миром при Брежнев. Серьезная очень. Кроме того, при Брежнев не было возвращения вспять, например к сталинизму. Путинский режим, его вторая фаза после 2003 г., она характерна тем, что здесь движение по всем направлениям только назад. Вперед движения нет. Про движение вперед только слова» (*лидер политической партии*).

«У нас часто любят ориентироваться на Пиночета и говорить, что мы действуем по этому образцу. Но при Пиночете такого не было. Да, там была диктатура, были репрессии и все прочее. Но результатом было то, что все-таки экономический рост шел на благо стране и населению. Говорят о реальном росте доходов населения, но эти доходы съедаются явно ростом тарифов на жилищно-коммунальные услуги, вообще ростом цен, инфляция сжирает. Ростом тарифов монополий, а это все является частью этой системы бюрократической, все эти монополии, она их поддерживает» (*депутат Государственной Думы*).

«Главный ее [нынешней власти] изъян в том, что она не самонастраивающийся инструмент, то есть она не может правильно реагировать на сигналы общества и исправляться» (*лидер политической партии*).

«Произошла перемена мест слагаемых в формуле власти. Если раньше власть была у симбиоза олигархов и бюрократической верхушки, которые соединялись в ельцинской семье, и олигархи играли первую роль, фактически понукали ельцинской семьей, заставляли бюрократов делать все, что они захотят, то теперь в этом симбиозе просто скрипка перешла в руки бюрократической верхушки. Но, в принципе, симбиоз остался тот же и политика та же. Нами, как и при Ельцине, управляет симбиоз олигархов и высшей бюрократии. Отличие только в том, что олигархам теперь приказали политикой не заниматься, поскольку власть и так все вопросы решает. А смысл политики не изменился. Путин даже сделал ее более последовательной. Олигархам разрешили вывозить капиталы беспрепятственно, отменен контроль, чего Ельцин боялся сделать, совсем недавно он [Путин] предложил амнистировать преступления, сделанные в ходе приватизации, чего Ельцин тоже не решался сделать. Но самое, пожалуй, существенное — путинское правительство решило

ликвидировать социальные гарантии и перевести социальную сферу на коммерческие начала, что при Ельцине даже в голову никому не приходило, как не соответствующее ни общественным ожиданиям, ни закономерностям современного развития. Политика путинской власти — это, по сути, политика Пиночета. И вопрос только в том, будет ли эта социальная политика дополнена репрессиями, поскольку она не имеет шансов быть поддержанной населением» (*лидер политической партии*).

«...Законов нет в России, все же работают по понятиям. А если ты работаешь по понятиям, то ты и живешь по понятиям. Тебя "крышуют", а ты, соответственно, выполняешь неписанные правила своего выживания» (*лидер политической партии*).

«У нас сложилась царистская модель, когда лидер — какой лидер, ну, царь и есть царь в царистской системе. Я думаю, она достаточно устойчива лет 10. Я бы дал ресурс этой системе еще лет 10. ...Нынешняя корпорация, которая пришла к власти, она не готова уйти, она будет делать все, чтобы остаться, у нее для сохранения власти есть достаточно мощные ресурсы... Мы говорим о финансовых. Экономические — ну, экономика у нас слишком сильно зависит от иностранной валюты, так что, наверное, экономические и финансовые ресурсы здесь одного происхождения. Силовые — тоже существуют. Думаю, что до силовых в масштабе всей страны дело не дойдет» (*политолог*).

Этапы формирования системы

Р.: Это уникальный режим, я даже не знаю, при ком такой был. При Алексее Михайловиче, наверное. Чем занимаются всегда властвующие кланы? В первую очередь, конечно, сохранением своей власти. Но одновременно с этим они вносят какой-то вклад в либерализацию. При Сталине была индустриализация, при Хрущеве — некая гуманизация, при Брежневе — стабилизировались отношения с внешним миром, отодвинута была опасность мировой войны, об остальных уж нечего говорить — Горбачев... Андропов просто не успел себя проявить. А здесь остановилось все. Эти модернизационные тенденции, они были в начале, в первый срок, они были в основном или просто унаследованы от предыдущего. Это была еще некоторая инерция ельцинской эпохи.

М.: Это, наверное, еще и с кадрами было связано?

Р.: Да, ну и просто с идеями, которые тогда были. А потом все это было зарублено на корню. Главное, что европейское направление развития остановилось. Оно было задано еще при Горбачеве. И этим власть абсолютно тупиковая, она не развивает страну. Она посадила страну полностью на нефтяную иглу и пожинает свою ренту от этого, она ее присваивает. Не считая тех, кто

говорил, что надо снимать ренту. Но только эта рента не идет на пользу обществу, она присваивается бюрократией (*лидер политической партии*).

«Я думаю, что политическая система в России сложилась в 1991 году — это авторитарная власть, которая базируется на демократических инструментах. То есть существуют демократические процедуры, но философия власти все равно авторитарна, и не существует реально действующих институтов либеральных. Процедура демократическая есть, а института нет. ...Это было сделано и при Горбачеве, когда мягкая шла оттепель, это продолжалось и при Ельцине, поэтому манипулирование шло в любую сторону, а закрепилось окончательно при Путине...» (*лидер политической партии*).

«Если говорить политически, то Путин лишь реализовал Конституцию Ельцина в полном объеме. То есть ему нужно было узурпировать власть, поскольку он пребывал в иллюзии, что народ его очень любит, и ему в голову не приходило использовать репрессивный аппарат. Парадокс — Ельцина ненавидели, но он считал, что его очень любят, в принципе, он не прибегал к политическому давлению, не прибегал к узурпации власти путем системного контроля за всем. Он контролировал самое главное — это подсчет голосов, и фальсификации были чудовищные, мы знаем, его администрация, точнее. А Путин сделал это системно, как человек, которого учили все контролировать, — он все контролирует... Диктатура Путина — это порождение ельцинской Конституции. Это Конституция авторитарного государства, где вся власть у одного человека. Эта Конституция была силой навязана обществу, сделана только для того, чтобы лишить общественность возможностей влиять на власть, так что говорить, что Путин свернул демократию — это чепуха. Он полностью реализовал ельцинскую Конституцию и остался при этом в легитимном поле» (*лидер политической партии*).

Кристаллизация режима

«Я думаю, что резкий переход трудно как всегда найти, накопление происходило, но какой-то скачок произошел полтора года назад, если я правильно помню, когда особенно отчетливо проявились авторитарные тенденции, я имею в виду в вопросах устройства государственной власти, я считаю, просто некое новое качество получили. Могу проиллюстрировать. Закон о референдуме новый, закон о выборах — назначении губернаторов, те процессы, которые происходили во время выборов 2003 года, когда стало совершенно очевидно, что все разговоры о демократии, об общественных выборах не более чем слова, это стало очевидно всем. И, наконец, те процессы, которые, может, наибольшую тревогу вызвали, которые происходят в средствах массовой информации» (*депутат Государственной Думы*).

«В начале [путинского президентства] была даже не консолидация, а были некоторые намерения, лично Путина. Проводить какую-то модернизацию страны.

Там были какие-то тенденции, какие-то импульсы модернизации. Например, была правовая реформа, тогда еще была Комиссия Козака. Что касается, например, системы федерализма, то была тенденция у власти к стабилизации этой системы, выстраивание дополнительных институтов, стабилизирующих систему. Был некий откат от ельцинской модели федерализации, которая крайне опасна была для России, действительно. Некоторые уравнивающие институты были введены. Были некоторые движения в сторону либерализации экономики, либерализации бизнеса. Но накануне второго срока уже начался откат назад» (*депутат Государственной Думы*).

«Первые три года администрации президента мы находились, я бы сказал, в состоянии динамической стабильности, когда укреплялась общая стабильность общества и ощущение общества элиты постоянно отражало растущую уверенность (а) в стабильности и (б) в будущем; и это отражалось и на очень многих парных показателях, экономических показателях: рост инвестиций и т.д. Перелом произошел приблизительно на четвертый год правления, когда был запущен так называемый путинский проект и когда было решено перевести политическое состояние общества и страны из состояния укрепления стабильности и немножко властной вертикали к резкому укреплению властной вертикали... Одновременно начался второй процесс, который, очевидно, был заложен с самого начала, — это начало массового перераспределения собственности в пользу одной из корпораций. Это мгновенно нарушило общественное согласие, и в течение года-полугода... в конце прошлого, 2004 года начался обратный процесс, очень быстро нарастающий, когда ожидания элиты сменились резко худшими... когда была уж совершенно точно откинута динамическая стабильность, то есть развитие в рамках определенной модели. Все это было связано... с процессом Ходорковского и с огромным количеством метастазов, связанных с этим обстоятельством, а также с тем, что развитие властной вертикали достигло такого уровня, когда оно переросло в некоторое новое качество. Это начала понимать сначала очень маленькая группа людей, а вот к весне-лету, даже к осени прошлого года это стало предметом всеобщего достояния элитного круга... Это понимание того, что начала очень быстро ухудшаться управляемость обществом, страной и экономикой. Это стало результатом того, что был разрушен некий консенсус при разделе... Что процесс монополизации власти достиг определенного уровня, когда фактически власти не стало, осталась только одна монополия, а внизу почти что ничего не осталось, соответственно, бюрократия продолжала действовать в своих собственных рамках, но реально страна стала снова терять управле-

ние, и завершающим ударом этого этапа стал Беслан. Когда стало уже все ясно... А на Беслан стали уже потом накладываться 256 тысяч» (*руководитель академического института*).

«Он [отбор во власть приспособленцев] резко так расширился и активизировался в основном с момента работы этой Думы, когда монополия "Единой России" стала очевидной в Думе, и они решили, что теперь им все позволено, и они решили таким образом свои структуры укреплять, за счет региональных элит, за счет... я считаю, что они просто не извлекли никакого реального опыта и реальных выводов не сделали из советского времени, они повторяют абсолютно те же ошибки, через которые мы прошли, но они повторяют их в ухудшенном варианте. Потому что, что бы там ни говорили, в советское время была абсолютно социально ориентированная политика, нацеленная на большинство граждан, не всегда она была очень эффективной, в какие-то времена более эффективной, в какие-то — менее. Но люди в большинстве своем, они чувствовали о себе заботу, они чувствовали, что идет пусть медленное, но улучшение их жизни. Была перспектива, была стабильность, была уверенность в завтрашнем дне. Никто не думал, что с голоду будет страдать он или его дети. Это убрали, а тот негатив, который был, который сыграл очень печальную роль в нашей истории, они этот негатив активно перенимают себе на вооружение, не понимая, что это губительно. И эти процессы пойдут быстрее, чем они шли в советское время» (*депутат Государственной Думы*).

«Это, кстати, инерция. Когда маховик авторитарной власти запущен, он уже не может остановиться, даже несмотря на какие-то рациональные соображения... Ответственность Путина за все — 100%-ная. И когда это делается по его воле — это его ответственность, и когда это делается вопреки его воле, желаниям — это, может быть, даже еще большая его ответственность, потому что он тем самым демонстрирует свою слабость. Не может остановить этот маховик» (*лидер политической партии*).

«На мой взгляд, события последних полутора лет, особенно начала января, обозначили достаточно жесткие социально-политические пределы для продвижения по пути дальнейшей централизации и формирования авторитарной политической системы в России. Реформы, связанные с монетизацией льгот, череда "оранжевых революций" в различных странах СНГ, быстрое нарастание протестных настроений в различных сегментах элиты — бизнес-, региональной и, с другой стороны, со стороны населения — они показывают, что в России механизм, который базируется на жестких методах подавления оппозиции, скорее всего не будет жизнеспособен. Плюрализм в обществе уже очень глубок, и мы имеем дело с ситуацией, когда выход за определенные пре-

дела того, что значительная часть элиты считает допустимым в этой сфере, приведет скорее всего к очень быстрому нарастанию оппозиции по отношению к власти. И, грубо говоря, в России гайки, которые может закручивать власть, они имеют уже достаточно тонкую резьбу. Если их перекрутить, как мы видим на примере событий в 2004 году, то резьба очень легко срывается. Поэтому... я считаю почти невероятным в современной России — а мы чем дальше, тем больше видим свидетельств этому — возврат к режиму по типу Лукашенко или тем более среднеазиатским автократиям. ...В любом случае, эта фаза не является фазой стабильности, потому что, безусловно, страна и с точки зрения экономической, и с точки зрения политической и социальной попала в начало очередного переломного момента, когда многие тенденции, сложившиеся в первое четырехлетие правления Путина, оказались надломленными. <...> Это и тенденции, связанные с политическими процессами, в чем-то социальными и в то же время экономическими» (*высокопоставленный чиновник*).

«По большому счету, с 1995 по 1998 год происходило становление этой системы власти — сырье, которое было в государственных руках, оно разошлось по частным рукам, и эти люди стали олигархами, или там семибоярщина, или семибанкирщина, которая пыталась рулить. Потом поняли, что семь человек слишком мало, что надо расширять. Соответственно когда этих бизнесменов-олигархов стало три десятка или сто человек, сколько там Форбс их дает, их не очень много, стала создаваться эта система власти — альянс бюрократии и экспортеров. Да, между ними есть противоречия, да, это союзники по коалиции, но тем не менее у них есть объединяющее, что они хотят сохранить. Эта коалиция поэтому очень устойчивая. И любой другой следующий президент, будь то преемник Путина или, условно, Касьянов, будь то Рогозин или вообще непонятный кандидат, он вынужден будет с этой коалицией либо бороться не на жизнь, а на смерть, либо соглашаться с ее интересами. Она настолько мощной стала, настолько быстро она захватила политическое пространство, что сдвинуть эту коалицию будет очень тяжело» (*менеджер крупной компании*).

Проблема стабильности сложившегося порядка

Страх как репрессивный инструмент

«...Главное ее [сложившейся системы власти] преимущество — воспитанный многими десятилетиями очень эффективный репрессивный инструмент, который накладывается на репрессивные страхи и комплексы людей. То есть люди стали свободными, но все-таки страх исторический остался в крови.

В новом поколении этого не будет, но в этом поколении, которое сейчас основной элитный инструмент формирования решения, он есть. Поэтому трудность дикая» (*лидер политической партии*).

Р.: ...Репрессивная машина, которая очень тонко, очень профессионально подавляет источники самостоятельного мышления в обществе...

М.: И эта машина эффективна?

Р.: Абсолютно. Она же работает не примитивно, она закручивает любой источник формирования свободной мысли. Начиная от федеральных каналов телевидения и заканчивая даже элитными изданиями, журналами глянцевыми, где, кажется, они работают на три процента населения, но они тоже прекрасно понимают, что здесь тоже нужно контролировать ситуацию, заканчивая ситуацию формированием идеологических псевдомифов авторитарных, тоталитарных для молодежи. То есть они работают по всем направлениям (*лидер политической партии*).

«Она [атмосфера страха и нежелания ни во что вникать] сложилась до того, а после «дела ЮКОСа» она приобрела просто параноидальные формы» (*лидер политической партии*).

«...При Ельцине все как-то посвободнее было. Вели себя спокойнее. Хотя они все равно понимали, что бизнес весь в тени и будет куча проблем с налоговыми органами, но они не боялись политического финансирования, поддержки и так далее... То есть не было заложено даже в подсознании этого страха. При Путине появился откровенный страх. Но они пришли, ФСБ пришло, в погонах пришло и крышует все компании. Он, страх-то, не параноидальный — это реальная жизнь, это реальное препятствие. Понимаете, это не происходит откровенно. В том-то и дело: если вы начинаете помогать политику, вам никто из-за этого не прикроет бизнес. Просто сразу возникнет куча причин, почему нельзя продлевать договор, почему сразу огромные штрафы, почему вызов в прокуратуру в связи с тем-то и с тем -то... И формальная причина будет совсем другая. Вам никто в лицо не скажет — отойди в сторону, и у тебя все будет в порядке... Потому что они профессионалы. Они понимают — если хоть какая-то утечка, это кончится плохо. Поэтому бизнес находится под формальным прессингом неправильного, непрозрачного рынка» (*лидер политической партии*).

«Страх, конечно, существует. Но, может быть, не в такой степени, чем то, что люди, вообще попавшие во власть, с трудом расстаются со своими креслами. Вы что думаете, что большинство региональных руководителей уж так действительно хотят вступить в "Единую Россию"? Очевидно, что это не так.

Я просто знаю примеры... Для кого-то это карьерные интересы, а кому-то просто жестко поставили условия, я такие примеры знаю. Либо ты остаешься и вступаешь в "Единую Россию", либо уходишь. Я не оправдываю губернаторов, слабость человека. Можно сколько угодно подобрать объяснений, они, конечно, не правы, таким людям по большому счету не место на руководящих должностях. Но тем не менее это характеристики власти и ситуации в стране» (*депутат Государственной Думы*).

Стабильна или нестабильна система?

«Да, по сути, вот это чисто утилитарный вопрос о стабильности — не произойдет ли что-нибудь неожиданное, что произошло в соседних, например, странах, и, в общем, нет ли каких-то подводных течений, что вот вроде бы при внешнем благополучии есть какие-то внутренние причины, которые могут привести к дестабилизации общества, власти, к смене власти, смене режима, смене курса — примерно вот так» (*эксперт по высоким технологиям*).

«Я считаю, что власть абсолютно стабильна, как минимум до 2008 года. Потому что очевидно, что в нынешнем политическом пространстве у Путина нет конкурентов, и это понятно, и я не понимаю, что может ему помешать сохранить эту систему до 2008 года» (*менеджер крупной компании*).

«Я на самом деле считаю, что она абсолютно нестабильна, хотя некие признаки и видимость стабильности есть. Это так называемый рейтинг президента, действительно доверие, это некая видимая вертикаль власти, которая якобы контролирует, это управляемая Дума, управляемый Совет Федерации. Это видимая стабильность. Но на самом деле это и элемент нестабильности. То есть система очень противоречивая. Отчего так происходит? Оттого что у нас нет тоталитарной системы. Если бы была тоталитарная система, то это был бы только элемент стабильности, все эти структурные вещи выстроенные. А поскольку у нас не тоталитарная система, кто бы что ни говорил, а есть и ростки демократии, пусть они... какая-никакая свободная пресса, есть независимые капиталы, которые не все канализированы властью. Есть оппозиционные, пусть формально оппозиционные, политические структуры, взять ту же КПРФ или, пусть ручную, но все же, "Родину". Есть серьезная социальная неустойчивость и экономическая. Поэтому система противоречива, с одной стороны. Это вносит дополнительные элементы возмущения в систему» (*депутат Государственной Думы*).

«Сейчас стабильность кажущаяся. Это та самая тишина, которая бывает перед грозой. Сейчас тихо-тихо, ни ветерка, это период перед грозой. Гроза

неминуема. Власть, я в этом абсолютно... убежден, может ее предотвратить. Но то, что она могла бы сделать, она не может сделать в силу своей органики. В силу своего психотипа. То, что они должны были бы сделать, для того чтобы стабилизировать, — это противоречит их представлениям о жизни. Для того чтобы стабилизировать ситуацию, нужно больше демократии, больше федерализма, больше свободы, больше рынка. А они делают все в прямо противоположном направлении. И сказать им: "Ребята, вы идете не в ту сторону"?.. Они-то убеждены, что все в порядке вещей. Это ментальность. Человеку, который занимается борьбой... Путин у нас [занимается] дзюдо или чем?.. Он занимается дзюдо, а вы хотите, чтобы он играл в шахматы. Он не может, весь его опыт взят из силового противоборства, опыта работы в спецслужбах. И люди, которые его окружают, они тоже связаны с этой же ментальностью. Весь их жизненный опыт убеждает их в том, что должен быть порядок. Я начальник — ты дурак. И тогда все в порядке. Когда им говорят: в обществе по-другому все, — они говорят: да не может этого быть. И главное, они говорят: но у нас же получилось, уже пять лет мы тут командуем, все нормально. Если варить суп, первые три минуты он даже не закипает, а потом как закипит» (*руководитель общественного фонда*).

«Это система такая, что она может в любой момент рухнуть. А может и дальше существовать. Это все будет зависеть от случайности, от каких-нибудь событий... Или, например, может что-то такое произойти, как вступление России в ВТО. И начнутся совершенно другие процессы. Мы не можем даже сейчас себе их представить. Главный, конечно, фактор — это международное давление. Может быть даже неосознанное, через разные пути» (*лидер политической партии*).

«Подобная система не является стабильной, поскольку она не решает ни одну из поставленных задач, кроме репрессивной. А поскольку Советский Союз был такой же системой и не смог с этим справиться, то повторять этот опыт исторически просто смешно...» (*лидер политической партии*).

«Единственный и главный фактор нестабильности — это правящая верхушка, которая сконцентрировала в своих руках всю полноту власти и делает ошибку за ошибкой. Если бы они при этом еще делали правильные решения, вели бы умную политику, с этим можно было бы еще смириться. Но они при этом ведут глупую политику» (*руководитель общественного фонда*).

Факторы, стабилизирующие систему

• Нефтяная труба

«...Есть очень много факторов, которые стабилизируют ситуацию, и пер-

вый из них, конечно, нефть. И цены на нефть, которые будут длиться очень долго. Это позволяет подкармливать различные элиты и определенную часть населения» (*руководитель академического института*).

«Ее [нынешней внутренней политики] абсолютно точно хватает на три года. Может через три года придут в правительство новые люди, у них будет восемь лет. Может, на свои восемь лет они посмотрят по-другому. На три года хватит денег на решение любых проблем» (*менеджер крупной компании*).

«...Она [система] живуча только до тех пор, пока идет поток нефтедолларов, пока мы их не проели, пока цены на нефть резко не упали, эта система живуча. Потому что у нее есть ресурс, который она может распределять. Как с монетизацией — если бы цены на нефть были бы 25, у Путина не было бы денег заплатить, и тогда бы социальный протест мог бы привести к чему угодно. А поскольку деньги есть...» (*менеджер крупной компании*).

• Стабилизационный фонд

«Это кадушка, но на их жизнь хватит. Им осталось три года.

Путину повезло, потому что денег много, и просто раздали всем денег, обещали еще, потратили больше. Когда у вас есть такие немереные деньги в стабилизационном фонде, с бюджетом все хорошо, вы можете потратить эти деньги» (*менеджер крупной компании*).

• Сращивание сырьевого бизнеса и высшей бюрократии

«...Запасы сырья в России — огромные. Лет на 10–20 их точно хватит. Поэтому эта система власти — бюрократия плюс экспорт сырья — в этой временной перспективе устойчива» (*менеджер крупной компании*).

Внутрисистемные факторы дестабилизации / угрозы, источники напряжений

«Я не вижу опасностей, которые угрожали бы режиму извне, но вижу опасность, существующую внутри самого режима. Это слишком большая концентрация власти в руках одного человека. В принципе, неустойчиво. Сколько угодно я говорил о 10-летнем ресурсе — это хорошо при варианте относительно спокойного развития событий. Если события каким-то образом выходят из-под контроля — они могут выйти из-под контроля в результате грубых ошибок власти, вроде монетизации льгот. Или власть — тут обоюдоострое уже — "мегабеслан". С одной стороны, вариант "мегабеслана" можно рассматривать как нечто, что дало бы возможность бессрочного пребывания группы нынешних руководителей у власти и вообще подморозить это политическое поле, на котором что-то еще растет, оно полностью покроеется льдом. С другой стороны,

это же может вызвать взрыв недовольства. Я думаю, все-таки в условиях, когда значительная часть населения медленно, на повышает свой жизненный уровень, когда верхняя часть элиты оказывается заморожена делом Ходорковского и просто боится идти в политику, другая часть, не элита, а, скажем, крупный и средний предприниматель, занимается бизнесом и не лезет в политику, то есть того, что произошло на Украине, здесь не происходит, но если страна оказывается на пороге кризиса или вдруг оказывается в кризисной ситуации, то нынешняя система власти отказывается функционировать сколько-нибудь нормально. И это может привести к параличу власти» (*политолог*).

«Главный фактор — это безраздельная власть новой номенклатуры. А чем она сейчас занимается, если брать глобальные аспекты? Она занимается перераспределением в свою пользу национального продукта. Мы видим, что есть экономический рост, но одновременно с ним идет социальное расслоение. Продолжается, еще резче становится. Это значит, что плоды экономического роста присваиваются этой самой номенклатурой» (*депутат Государственной Думы*).

«Она [система власти] не сможет справиться ни с экономическими вызовами, ни с внешними вызовами, то есть не будет конкурентоспособна. И, самое главное, она косная, она не умеет приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам, поскольку выстроена на чиновничьей вертикали, где бюрократия заменяет политику, а пиар и пропаганда заменяют информацию и политическую деятельность, — поэтому ее некому корректировать, поэтому она не в состоянии не только справиться, но и не в состоянии приспособиться, изменить собственные решения. Поэтому и нестабильна» (*лидер политической партии*).

«Можно пренебречь наличием там других фракций помимо "Единой России", потому что они ни на что не влияют... Клапан закрыт полностью. Социальная мобильность в этой части, в части формирования государственного аппарата, просто ликвидирована. Такая система не может быть стабильна, она неизбежно взорвется. Это закрытый клапан котла» (*депутат Государственной Думы*).

Р.: ...Еще очень существенный элемент, который я не очень понимаю сейчас, но который очень скоро будет одним из самых опасных элементов нестабильности, это то, что не пускают к власти, но за 10–15 лет выросло новое поколение, им сейчас 35. От 30, от 27 до 40... Дестабилизация будет происходить в момент усталости от президента... ее еще нет, но она начнется. <...> И когда группа 30–35 лет поймет, что ее снова хотят опустить...

М.: То есть когда произойдет поколенческая смена?

Р.: Да. Она должна была произойти при Путине, к сожалению, не произошла. Если бы Путин, условно говоря, назначил не Кириенко лично, конечно, а вот кириенковцев, то мы бы проскочили исторический этап... Не случайно в странах Центральной и Восточной Европы в большинстве из них состоят люди 35–40 лет, а то и меньше (*руководитель академического института*).

«...Безусловно, власть на протяжении последних полутора лет явно пренебрегала каналами диалога и оттолкнула своими действиями значительную влиятельную часть элиты. И реформа льгот оттолкнула значительную часть населения. Плюс неэффективность во внешней политике тоже создала напряженность, связанную с тем, что значительная часть населения разочарована в способности поддерживать это вот постимперское пространство, с которым как минимум часть населения, электората связывает какое-то будущее страны. Таким образом, в политической сфере мы имеем как минимум серьезный кризис доверия по сравнению с тем, что было два–три года назад. Два–три года назад ситуация была тоже совсем не безоблачной, но, безусловно, гораздо более благоприятной, чем сейчас» (*высокопоставленный чиновник*).

«Ну, источники напряжения, они, во-первых, внутри самой элиты. Потому что здесь использование нефтяного ресурса приводит к нарушению конкуренции. То есть когда к процветанию приходят не самые конкурентоспособные, а самые циничные, самые играющие не по правилам, то, конечно, это развращает. Это разрушает бизнес корпорации, это разрушает отношения между властью... И власть сама попадает на то, что люди, которые [ее] окружают, они мало на что пригодны, они просто компрометируют, дискредитируют... и так далее. Поэтому вот первый уровень напряжения — внутри самой элиты» (*эксперт по высоким технологиям*).

«В то же время та легкость, с которой он [Путин] трансформировал предыдущую политическую систему, говорит о том, что любой следующий президент может точно так же реформировать политическую систему, либо сохранить ее в нынешнем виде, либо реформировать в любом другом направлении. Поэтому в краткосрочной перспективе, на три года, она совершенно устойчива, за горизонтом трех лет ее можно точно так же легко поменять» (*менеджер крупной компании*).

М.: Возможно ли какое-то проявление недовольства элит до выборов 2008 года?

Р.: Если иметь в виду настроения элит, то это весьма похоже, а вот если говорить о действиях элит...

М.: Так это все-таки скорее такое размытое недовольство?

Р.: Элита в значительной своей степени — она тоже трусоватая. Так, поговорить в рамках отведенных возможностей, может, чуть-чуть переступая рамки, она горазда, а когда дело доходит до реальных действий, то она отказывается и не очень-то и способна на эти действия. Реальные действия — я не имею в виду, что нужно за бульжник браться, отнюдь не это я имею в виду. Для элиты другой есть путь действия, надо создавать условия, я уверен, что в тех же СМИ огромное число недовольных, но кроме Ольги Романовой я уже никого сейчас назвать что-то не могу, кто бы это недовольство мог как-то выражать, и похоже, что и у нее скоро такой возможности уже не будет (*депутат Государственной Думы*).

• *Кавказ*

«...Пока что-то страшное не произойдет в Москве или хотя бы в Петербурге, Кавказ будет рассматриваться как что-то внешнее и не имеющее отношения к жизни большинства россиян» (*политолог*).

«...Есть совершенно очевидные риски власти, которые она отчасти насоздавала сама, отчасти они возникли объективно, которые... делают эту систему абсолютно неустойчивой... Война на Кавказе. В принципе, мы уже понимаем, что Кавказ горит. Не только Чечня, мы сейчас видим очень неустойчивую ситуацию в Дагестане, в Черкесии. ...Серьезные процессы... в Татарстане и Башкирии, которые пока не видны, но они достаточно серьезны с точки зрения прорастания исламского фундаментализма, который есть на Кавказе, но это замыкается в какой-то внешней точке из Татарстана, из Башкирии, из Кавказа... где-то в районе Саудовской Аравии» (*депутат Государственной Думы*).

«Чечня, кстати говоря, была позитивным фактором, а не негативным фактором. С моей точки зрения. ...Потому что вначале она канализировала веймарский синдром. А во-вторых, затем вытягивала довольно регулярно очень большое количество энергии. Негативной. ...Клоака, да. Она, естественно, и обратно несла негативную реакцию. Но я не считал и не считаю Чечню серьезным внутренним фактором дестабилизации. Взрывы — да... которые показали некомпетентность власти и т.д. А сама Чечня — она идет и идет. Есть маленькая приятная война такая. Для какой-то части... части силовиков. Они там что-то делают, повоюют, возвращаются, отдыхают месяцами, живут так. Это такая группа, такие люди... которые тоже должны куда-то канализировать свою энергию, которые должны как-то участвовать в каком-то перераспределении, им вот этого ничего не дают, они могут только так.

Следующий фактор риска — это вопрос терроризма, который так или иначе связан с Кавказом, но он отдельный. ...Эта постоянная угроза терроризма,

но даже не с точки зрения человеческих жизней, а что это вообще может внести очень серьезный дисбаланс в общественное равновесие, и все полетит к чертовой матери...» (*депутат Государственной Думы*).

• *Роль силовиков*

«Сегодня она исключительно велика. Именно они являются движущей силой всех этих изменений. Это их решения — и по направленности репрессивной, и по отсутствию мозгов полному. Это типичный почерк наших силовиков» (*лидер политической партии*).

«Общества для них не существует. Интересы страны... У них есть свое превратное, извращенное представление об интересах страны, крайне пещерное. Они им и руководствуются» (*депутат Государственной Думы*).

«...Существующая система во многом является реализацией сценария выхода представителей этих структур [силовых] на позиции руководства страной. Конечно, существует пропасть между руководством этих структур и рядовыми членами этих структур, но я не думаю, что мы находимся где-то на пути к разлому 91-го года, думаю, это уже позади и до такого столкновения дело уже не дойдет» (*политолог*).

«Силовики уже всё, они отработаны. Им ничего не надо, они всё уже сказали. <...> Их сейчас начнут отстреливать. Их можно назвать поименно, пять или шесть. Ну, отстреливать в переносном смысле» (*руководитель академического института*).

«Я думаю, что их будут поддерживать только МВД, неслучайно они наращивают эти структуры в ущерб армии. Армия не будет поддерживать, она постарается никак не участвовать во всех этих процессах, а надежды только на структуры МВД, может быть, на какие-то эти частные охранные предприятия, хотя я думаю, что они все своим хозяевам подчинены, и какую позицию их хозяева займут... Их же сейчас очень много, это колоссальная армия вообще в стране, все эти предприятия, охрана конкретных банков, магазинов и прочее и прочее. Скорее всего, это не будет такая организованная сила, они будут защищать просто конкретную собственность» (*депутат Государственной Думы*).

«Слава богу, что в отличие от других силовых структур — ФСБ, МВД, которые быстро на начальном этапе разделили между собой сферы влияния бизнеса, крышевание, с криминалом переплелись достаточно тесно и своего рода мафиозные структуры сформировали, Вооруженные силы в этом плане

были немножко на другом уровне, они не поучаствовали в этом дележе, сейчас уже поздно что-либо делить» (*военный эксперт*).

• *Армия*

«Дестабилизирующие факторы — это, по-видимому, политика, другие структуры, "Альфа", вот эти вещи. Армия — она пассивна. Она просто не будет никого поддерживать и не вмешается в случае чего, если начнутся погромы киргизского типа, армия не выступит в роли защитницы народа. И это будет означать, конечно, крах государства. Это совершенно очевидно. Нам так не повезет, как в 91-м году. Курс сейчас, по-моему, совершенно саморазрушительный, все голову в песок спрятали, страусы, и не собираются что-либо делать» (*военный эксперт*).

«Что касается армии, армия разложена... Вы знаете, что каждый там занимается бизнесом, что даже в академиях... Я вот с военными экспертами разговаривал — они как приспособляются? Пассивно... Двое учатся в академии — один дебил, но с бабками, а другой — нормальный, но бедный. Того устраивает, что он учится, а другого — что он на этом деньги зарабатывает. Но вы понимаете, что это не армия... Вот так вот она выживает. Спецслужбы — они тоже разложились. Я вот просто по факту проходил — в 1991 году. Сидел там не решительный человек, а сидел там... бюрократ, каким был Крючков, и к тому времени КГБ уже разложилось. Ну, во-первых, на высших должностях были люди трусливые, люди были карьеристы и так далее и тому подобное... Люди, которые сформировались в кондовой среде, которые соблюдали ритуал, соблюдали верность, но ни во что не верили... Ну, что дальше? Когда 1991 год показал путч, они попытались взяться за рычаги, а там — труха. Уже рассыпалась структура — нет ни единства, ни духа... каждый выживал сам по себе... Вот сегодня армия находится в таком состоянии... Что касается спецслужб, они находятся в таком же состоянии. Потому что если есть группа высших генералов, которые имеют с этого и хорошую зарплату, и хорошую пенсию, и хорошие крыши, и хорошие бизнес-проекты... какие там деньги? Вот у меня приятель — кандидат, сейчас докторскую пишет... Сейчас многие из людей просто на работу не ходят. Я смотрю... меня распределили, а я, говорю, туда не хожу... Проблема не в том, что спецслужбы путч поднимут... Не поднимут. Проблема в том, что в острый момент не защитят... Поэтому я и говорю — я не знаю, можно бояться армии или нельзя бояться армии. Я знаю, что на сторону власти в нужный момент она не станет. Считайте, что власть совершенно беззащитна. Она как улитка раскрыта. Конфликт в Кабардино-Балкарии — заходят бабы в кабинет президента, и нет власти. Вот власть находится на расстоянии шага. Всё! Вот пример, как может произойти. Теперь дальше. Вы знаете, что теперь с референдумом сделали? Теперь начи-

нают по принципу советов формироваться параллельные власти. Этот процесс тоже пошел» (*военный эксперт*).

«Это костяк, они служат обществу, в случае краха они будут действовать сами за себя, по своему кодексу чести, они служат Конституции и народу, а не тому или иному президенту или правителю. Вот через такие категории, они трудно даются. <...> Вот поэтому я всегда бешусь, когда спорят об этих вопросах контрактной армии. Это все второстепенные вопросы. Никакой у нас не может быть современной армии, пока не будет сержантов и нормального офицерского корпуса, тогда хоть контрактную армию, хоть призывников, хоть кого. А если армию без нормального офицерского корпуса, то это хуже некуда. Это страшная вещь. А они выступают за создание... по причине безвозможности, конечно... наша армия абсолютно бесхребетная. Потому что нет хребта, нет сержантов. Это не армия... Нет военных профессионалов. Армия абсолютно непрофессиональна» (*военный эксперт*)

«Настроение — прежде всего апатия, полное безразличие, нежелание, армия палец о палец не ударит, чтобы поддержать режим. Да я думаю, Путин это может и предчувствовать. Будет как в Киргизии, если только малейшие социальные волнения...» (*военный эксперт*).

«А нет там [в армии] никаких серьезных реформ и не будет. Ее обороноспособность — если все будет идти как сейчас — будет падать. Поэтому армия будет недовольна. Но самостоятельно она ни на какие поступки не способна, и такого в истории России, если брать не армию, а дворянство, никогда не было. Это надуманная угроза. Но армия, возможно, и проголосует против. Не армия как организация, а офицеры, солдаты. Довольны они скорее всего не будут. Они и сейчас недовольны. И это недовольство повысится» (*высокопоставленный чиновник*).

«Да нет недовольства [в армии]. Вы его видите? Это как фига в кармане. Да, генералы недовольны тем, что отбирают солдат, чтобы строить дачи, офицеры недовольны тем, что летчикам не дают летать на самолетах, есть некое недовольство, как с ними обходятся, но означает ли это, что они пойдут на улицы протестовать? Нет, не означает. Регионы недовольны тем, что они потеряли самостоятельность в рамках последней реформы, значение губернаторов. Означает ли это, что они будут на улице протестовать? Нет, не означает» (*менеджер крупной компании*).

«...Возьмем Вооруженные силы: ситуация уже много лет аховая, не улучшается и т.д. и т.д., и тем не менее тишина, спокойствие в основном. <...> Поче-

му? Да потому, что за исключением тех, кто воюет, все остальные уже махнули рукой на заботу государства, они уже пытаются адаптироваться к этой жизни и на службу ходят, поскольку, ну... надо туда ходить, с настроением быстренько это разбросать и заняться основным делом, которое позволяет кормить семью, содержать ее. Вот это, я считаю, своего рода моральное разложение Вооруженных сил, к которому государство привело» (*военный эксперт*).

Р.: ...Самое главное, что сейчас на фоне этой риторики, что мы крутые, что мы весь мир... мы только грозим, делаем глупость, отступаем... Если взять все-таки у людей — если б не было войны, ладно уж, потерпим, главное, чтобы страна была великая... Это осталось все-таки, как мне кажется... И у президента сформировался образ, что вот да, в стране трудно, и он... — уважение к стране. А сейчас возникает образ о том, что он сдает все что можно...

М.: Вы считаете, что такое настроение есть?

Р.: Уже да. Во всяком случае, в военной среде, в которой я общаюсь... "Предатель" по отношению к Путину — самое мягкое слово. Самое мягкое! Я имею в виду среду военных. Уверяю вас, военных у нас народ слушает, и любое их слово — офицера запаса... быстро донесут до местной интеллигенции, а учителя... (*эксперт по высоким технологиям*).

«[В момент монетизации,] когда информация... проскочила, мельком, буквально, что собираются где-то ветераны спецслужб, десантники собираются, меня это крайне насторожило... я подумал: ну все, решили наши спецназовцы по линии Министерства обороны поучаствовать в этом дележе собственности... И возникло такое опасение, что ветераны спецслужб армейских скажут: нет, ребята, вы тут поделить уже успели, а нас забыли, а мы тоже хотим хорошо жить. Ну, не исключен такой вариант. С точки зрения Вооруженных сил я вижу наибольшую угрозу стабильности в том, что они могут начать определенные структуры попытаться переделывать...» (*военный эксперт*).

«А вообще, эта достаточно спокойная реакция военных — она больше настораживает, чем успокаивает. То есть насколько достиг этот уровень морального разложения или адаптации, вынужденной адаптации к таким условиям... Но это касается тех, кто служит. А те, кто на пенсии, — там уже народ довели до точки кипения. Они готовы за оглобли взяться. В том числе военные! <...> Но у них нет, собственно, рычагов влияния на власть. Они не организованы, и у них нет даже своего голоса в средствах массовых коммуникаций. И здесь я наблюдаю попытку... найти замену Жириновскому, и очередные одиозные личности, которые пытаются на себя замкнуть и заземлить эти настроения. В первую очередь я имею в виду Дмитрия Rogozина... он встречается в том числе с пенсионерами и военными пенсионерами, стиль разговора

и прочее, с одной стороны, явно провокационный, с тем чтобы люди за ним пошли, ну а за этим ничего...» (*военный эксперт*).

«...Мы имеем Вооруженные силы по численности, как американские (у нас раньше были больше), Китай, Америка, Россия — примерно одинаковые... Но финансируются они от ВВП, ВВП у нас в 10 раз меньше, соответственно, финансируются в 10 раз меньше, а это уже 12 лет — мы подошли к критической черте. И сейчас неслучайно идет разговор, что, может быть, мы сократим 70 тысяч, потому что подошла пора формировать очередные планы. Планы закончились. <...> Эта цифра была посчитана еще в середине 90-х годов — при этой экономике мы способны содержать такие Вооруженные силы. <...> Когда смотришь проекты документов — опять все наоборот, и это приведет к тому, что опять продолжат содержать такие Вооруженные силы, ставить непомерные задачи, и продолжится развал. Никакого реформирования не будет. ...Опять-таки это все упирается в невозможность военно-политического руководства, политического четко сформулировать задачи. У нас в 1993 году в военной доктрине написали: ядерное оружие — для сдерживания перерастания, если вдруг возник конфликт, в широкомасштабные [действия]... Потому что мы неспособны сейчас на широкомасштабное. Но если вы написали в доктрине, так поставьте задачу Вооруженным силам: вы — группировка, в мирное время вы должны конфликт пограничный локализовать, при мобилизации — максимум там на локальную войну, и от вас больше ничего не требуется, дальше мы грозим ядерным оружием. Но у нас же этого не сделали? А к чему это приводит? Мобилизационные все задания на широкомасштабную войну на промышленных предприятиях висят, вся стоимость этих фондов закладывается в гражданскую продукцию, она даже при высоком качестве становится неконкурентноспособной и т.д. И до сих пор эта задача не сформулирована» (*военный эксперт*).

М.: А что или кто мешает военной реформе?

Р.: Это надо президента спросить. Он был и секретарем Совета безопасности, прошел по цепочке... Это верховный главнокомандующий — ему достаточно директиву написать! На основании [этих директив] в Вооруженных силах осуществляется стратегическое планирование. А раз с ВС никто не снимал задачу ведения крупномасштабной войны — они на это и ориентируются. Поэтому никогда они не пойдут на то, чтобы предложить сократить численность (*военный эксперт*).

Внешние факторы стабильности/ дестабилизации политической системы

«Я думаю, проблема Путина не в том, что внешние силы какие-то представляют для него угрозу, а в том, что недостатки режима, которые являются

продолжением достоинств, по крайней мере в глазах Путина, эти недостатки и подтачивают стабильность этого режима» (*политолог*).

«...Если к этому [обострению внутренних проблем] добавятся какие-то внешние шоки и вызовы, которые не исключены и со стороны соперничества с Европой, когда нас будут поджимать, и фактически когда наш бизнес будет проигрывать — когда нас втянут в вялотекущие конфликты с Украиной, Молдавией, Приднестровьем, Кавказом, у нас столько горячих точек, что любая из них может полыхнуть и мало не покажется. Особенно если будет расшатываться — а это очень вероятно — через три-четыре года Центральная Азия с Узбекистаном, в первую очередь Ферганой, и дальше, то все это обязательно аукнется на нас, обязательно аукнется в Поволжье и не только там. И по сравнению с этим Чечня может показаться цветочками, поскольку там у нас границ нет. И мы окажемся вовлеченными в решение этих вопросов, которые могут оказать очень сильное влияние на Россию. В дальнейшей перспективе — и это уже не 2008–2009 гг. — Китай... Превращение не только в Америке — но действительно Китай как ведущий фактор пусть не российских, но центральноазиатских разборок, а это на России скажется. Если у нас тут Америка и Евросоюз оказывают существенное влияние на то, что происходит в России и внутри, то со временем, в новой эпохе, вполне возможно, что здесь станет таким крупным игроком и Китай» (*высокопоставленный чиновник*).

• *Как вырабатываются и принимаются решения*

«...Существует все — существует инициатива, попытки куда-то дойти, до кого-то достучаться, существует принятие решений наверху. Причем совершенно стихийным образом... То есть нам кажется, что это системно выверенные решения, а это иногда просто на уровне эмоций. Типа "давайте сделаем так", "да нет, кажется в этом что-то не так"... И дальше принимается решение. Но единственное общее, что есть во всех инструментах — стремление найти поддержку у главного лица. ...[Одобрение] чаще всего связано со степенью близости к главному лицу — насколько вы вхожи к нему, насколько вы можете на него влиять... "близость к телу". То есть очень субъективный фактор... Практически система неэффективная. Это все равно что... я бы назвала это так: схема принятия государственных решений, аналогичная системе первых компаний, которые выросли вокруг собственников, когда собственник стремился контролировать все потоки и не включал профессиональный менеджмент самостоятельно, в качестве управляющего звена. Здесь такая же схема: главное — контроль над всем и вся» (*лидер политической партии*).

«Можно предположить, что это [неспособность правительства принимать решения, вырабатывать политику] сопротивление бюрократии. Но, зная под-

ноготную этого процесса, я думаю, что это в меньшей степени сопротивление бюрократии, а в большей степени это проблема резкого ухудшения эффективности механизма выработки решений. Оно по сравнению с касьяновским кабинетом настолько ухудшилось, что правительство просто парализовано, оно неспособно принимать решения. ...Это связано и с недостаточным уровнем компетентности — тут просто откровенно надо сказать, что Фрадков просто некомпетентный премьер-министр. Это понимают все, но заменить его политически сейчас считается нецелесообразно. Но это, в принципе, следствие незавершенности организации правительства, которое было реорганизовано, но тем не менее правила остались старыми, стимулы остались старыми, качество лиц, принимающих решения, в целом ухудшилось, потому что многие профессиональные специалисты были вытеснены в результате этой реорганизации, и принять эффективные меры, компенсирующие эти проблемы, пока не удалось» (*высокопоставленный чиновник*).

• *Кризис управления и проблема «геополитики»*

«...Главную угрозу представляет здесь власть, элита... угроза кризиса управления. Когда будет видно всем, что она неспособна всерьез решать вопросы... если не будет никаких внешних шоков и коллизий — чего нельзя сбрасывать со счетов — и дело даже не в нефти, просто в возможности адекватно реагировать на политические и геополитические вызовы. Потому что мы сейчас очень сильно отступили по всем геополитическим направлениям и находимся под значительно большим прессингом... не просто там кто-то специально хочет разрушить Россию, но... действительно, сильная Россия никому не нужна, не нужно, чтобы в Евразии был — и вообще в мире — еще один самостоятельный игрок. Не потому, что он непредсказуем, а просто никому не нужен самостоятельный игрок. Есть Европа как самостоятельный центр, есть Китай, есть Соединенные Штаты. Еще один центр силы, принятия решений, который способен ломать чью-то игру, никому не нужен, кроме нас самих. И то, если брать значительную часть элиты бизнеса — им это тоже не нужно. И такую модель, на мой взгляд, Украина и демонстрирует. Вся украинская самостоятельность, как это и бывало с нашими восточноевропейскими партнерами, — самостоятельность по отношению к России. Никакой самостоятельности по отношению к Европе там нет и никогда не будет. У поляков это было по модели, что мы хотим жить как в Германии, а на Украине — мы хотим жить как в Польше. И у них нет идеала — жить как в Московии, это сразу вызывает массу антипатий. Или жить в России, быть членом какой-то... Евразийского союза, какой-то... новой Российской конфедерации. У них нет такой идеи. Но такой идеи нет и у российской элиты, ни у правительственной, ни у какой. Позиция — только что-то сохранить, в лучшем случае» (*высокопоставленный чиновник*).

«Есть общее ощущение, что внешние условия становятся менее комфортны, но при этом сам президент пытается вырваться из этого ощущения... есть ощущение, что мы слабее при всех провозглашениях, что мы очень мощны, но адекватного ответа на это, будь то новый виток открытости, или закрытость, мобилизационный тип, не подготовлено.

Она [фаза неоизоляционизма] закончилась в том смысле, что мы из-за своей некомпетентности и неумения общения с внешним миром сами в него вползаем, но это не является результатом политики, а просто результатом неумения. Не было же неоизоляционистской политики в отношении Украины, наоборот, это была политика активной политической экспансии, в том числе и позитивной экспансии. А всякое отделение от Европы начало проваливаться, потому что мы в нее сваливаемся, вползаем благодаря явному или выраженному политическому выбору, который существует у части этого правящего класса...» (*руководитель академического института*).

«С другой стороны, статус партнерства, который нам навязывается, он для нас невыгоден. Он обрекает нас на крайне подчиненное, зависимое положение, и если украинскую элиту это устраивает — ее вполне устраивает превращение Украины в цивилизованного вассала Европы, и Польши отчасти, а уж тем более вассала Германии и Евросоюза — так это просто праздник! Ну, это мое мнение. <...> Но для России этот путь неприемлем. Во-первых, потому, что он будет означать раскол и в элите, и в обществе, во-вторых, потому, что он будет угрожать и территориальной целостности России. Россия как целое в такую модель не впишется. Условно говоря, Москва, Петербург, в крайнем случае до Урала с Западной Сибирью вместе, ее в Европу, возможно, приняли бы еще раньше Турции. Особенно Питер, Калининград и Москву. Но Россию в целом, с ее Дальним Востоком, никто в Европу принимать не будет. И выходит — чтобы Евросоюз был лицом к лицу с Китаем, со всеми нашими среднеазиатскими друзьями... Поэтому путь в Евросоюз, на мой взгляд, закрыт — несмотря на иллюзии и желания части нашей европейской элиты. Только в том случае, если мы раскалываем страну. Дальше можем смотреть только, по какому меридиану» (*высокопоставленный чиновник*).

• *Роль Запада*

«С точки зрения Запада Россия является не очень привлекательным местом для вложения капитала, она привлекательна с точки зрения сырья. Первое, здесь уже все сырье поделили. Второе — правительство занимает позицию, опять-таки защищая национальные интересы (крупного бизнеса), что крупные проекты пускать не будем — это полностью соответствует интересам наших экспортеров. То есть нашу поляну делим между собой. В другие сектора будут пускать, но тоже силовые машины показали, что тоже не везде, избирательно.

В шоколад пустили, в пиво пустили, в табак пустили. Даже в автомобильную промышленность начинают пускать. Поэтому будут идти, не могу сказать, что бурным потоком, потому что серьезных конкурентных преимуществ у России с Восточной Европой и с Южной Америкой — мы с ними конкурируем за притоки капитала — нет. Еще какое-то время у нас будет преимущество с точки зрения качества рабочей силы. Квалификация. Интеллектуальный уровень. Но мы не в состоянии конкурировать с азиатскими странами по цене рабочей силы, по простому труду. Но еще есть некий интеллектуальный потенциал. Известно, что конструкторское бюро "Боинг" практически опирается на российских инженеров, 2000 человек там работает, они же практически проектируют "Боинг-787"... Но сколько времени это продлится... смотрите, 15 лет назад в России была авиационная промышленность, и еще что-то можно было в ней построить, если бы туда пустили иностранцев. Сейчас у нас гражданского авиастроения нет. Сейчас есть энергетическое машиностроение, если туда не пустить новые технологии, новый менеджмент, то через 10–15 лет наше энергетическое машиностроение будет неконкурентоспособно» (*менеджер крупной компании*).

«...Самое главное, что США готовы сотрудничать с Кремлем и Путиным. Конечно, это узкая основа, но она США сейчас в основном устраивает. Более широких планов интеграции России во что-то, углубление партнерства, США не строят... Им нужно, чтобы Россия не мешала. Где-то на небольших участках сотрудничала, но в основном не мешала. И чтобы те процессы, которые помимо России, но рядом, разворачиваются, разворачивались бы без негативного российского вмешательства. Речь идет об Украине, Грузии, может зайти о Белоруссии, Казахстане... США бы устроила спокойная позиция Москвы... Если тот вариант передачи власти, который произойдет в 2008 году, будет сочтен США как нелегитимный, неприемлемый, тогда изменится формула отношений. Уже не будет "восьмерки", не будет стратегического сотрудничества, но будет нечто другое. Гораздо более отстраненные отношения, еще более прагматично ориентированные, но... никакого подобия совместных общих ценностей уже не будет. Сейчас они находятся в какой-то сумеречной зоне: с одной стороны, их вроде нет, с другой стороны, вроде и теплится...» (*политолог*).

«...Кто-то раскачивает ситуацию, допустим. Взять экстремистский исламский фактор, который подпитывает какие-то здесь движения. А внешние движения, типа США, они балансируют ситуацию, но они как ее балансируют — они пытаются ее балансировать в свою пользу, что вполне понятно. Но, балансируя ситуацию, они раскачивают ее слева или с патриотической стороны, потому что, когда они, решая свою задачу, начинают активно влезать в контроль

ядерных объектов, в целом, может быть, это нормальная задача, но они же влезают в суверенные дела, и когда власть идет на уступки, понятно, что она идет на уступки шаг за шагом, то это вызывает контрреакцию внутри со стороны оппозиционных сил. Это ослабляет власть. А то, что американцы будут настойчиво двигаться в этом направлении, — это понятно. И с Адамовым, это рядоположенные вещи. Это тоже раскачивает власть. В истории с Адамовым ведь они показывают — вот ваш коррумпированный чиновник, то, что мы сами говорим, вот что он делал с деньгами, которые отпускались на безопасность. Это первый месседж, а второй — у вас все такие. И вам всем грозит такое, если вы не будете следовать в том векторе, в котором мы вам предлагаем следовать. Вы представляете, какая теперь сумятица в мозгах у многих. Сейчас просто интересно понаблюдать, как они будут отбивать одного, выкручиваться, отбивать они уже не смогут. А это все дестабилизирующие факторы» (*депутат Государственной Думы*).

«...Есть Германия. Германия хотела бы видеть Россию прежде всего внутренне стабильной — неважно, какой режим... продолжающей снабжать Европу, и прежде всего Германию, энергетическим сырьем. Позиция Германии довольно откровенно была Шредером заявлена, думаю, и следующий канцлер, если это будет не Шредер, займет ту же позицию. Эту позицию занимает и германский бизнес, для которого тоже главное в России — стабильность. Демократия — это не столь важно. Но важно, чтобы Россия не препятствовала распространению европейских ценностей на соседние страны. С другой стороны, соседние страны представляют собой объект соперничества не только между Россией и Европой, но и между Европой и США, и здесь возрастает роль Польши, и более атлантическая или более европейская ориентация той же Украины будет вопросом для трансатлантических отношений. Но никакого конфликта антагонистического, как об этом у нас любят писать, не вырисовывается» (*политолог*).

• *Китай*

«...Китай заинтересован в том, чтобы Россия продолжала быть единой и более-менее стабильной, Китай устраивает нынешний характер российско-американских отношений, хотели бы похуже, конечно, но и то неплохо. Китай беспокоится, чтобы Россия не сблизилась с Японией особенно, ибо страхи какие-то не преодолены в этой связи, но Китай очень прагматично рассматривает Россию как стратегический тыл, как поставщика энергоресурсов и как источник военной техники, технологии для модернизации вооруженных сил Китая. И в случае китайско-американского противостояния, если такое будет, они бы хотели, чтобы Россия заняла доброжелательную к Китаю позицию. Путин их в какой-то степени удовлетворяет, наверное, это не единствен-

ный кандидат, они понимают, что Путин относится к китайцам без особой теплоты, он, будучи выходцем из спецслужб, полностью разделяет те страхи, которые испытывают спецслужбы по отношению к Китаю, и они это чувствуют, видят в нем вынужденного союзника, у которого не получается с Европой, как бы он хотел, у него не получилось с США, как какое-то время после 11-го сентября надеялись... но раздробленная Россия, которая начинает опять бурлить — не в китайских интересах» (*политолог*).

• СНГ

«Постольку, поскольку сегодня движения вокруг России немного воспряли духом, здесь есть моменты и позитивные, но есть тенденции и отрицательные. Тенденции отрицательные — это то, что мы защищаем ворье. И у себя в стране, и там. И фактически на Украине какая ситуация — там воровали российские ресурсы, делились с Тимошенко, наворовали, а тут надо деньги на выборы... И хотели этот режим сохранить. Не получилось. Для чего эту задачу решали? Для того, чтобы и дальше такой порядок сохранить. Потому что это и есть бизнес нашей власти на Украине. Обгадились, не вовремя сделали ставки там, не учли настроения народа. Дальше что? Есть некоторые объективные закономерности. Мы сырьевой придаток развитых стран. Украина — страна не столь сырьевая, ей промышленность надо развивать. За счет чего? За счет технологий. Где технологии брать, в России? Хочешь не хочешь, надо идти на Запад. Потому что мы же проекта модернизации не имеем. Мы же ничего им предложить не можем — ни авиационной, ни другой промышленности. Поэтому они пойдут интегрироваться с Европой, а куда деваться? Не потому что Ющенко плохой, а потому что мы им не оставили выбора. И коль скоро люди понимающие сделали шаг сюда, но не Россия, как должно быть, а Украина становится центром модернизации. И сейчас фактически вокруг Украины может сформироваться новый СНГ — не потому что страна большая, а потому что у людей настроения масс уловлены и стремление сохранить достоинство и выйти на уровень более развитых стран и отойти от коррупции — все это выше у Украины. Этот потенциал сейчас вдохновляет. Не потому, что они там враги — русских не любят, а потому, что наши политики им выбора не оставили, потому, что наши олигархи им хамят» (*эксперт по высоким технологиям*).

«Политика, которая сейчас проводится российским государством, — она настолько неадекватна! Они шаг делают, а второго не делают. Я, например, считаю, что проблемы непризнанных территорий могут быть решены только путем интеграции России с другими странами. Как только мы размежевываемся, мы порождаем вооруженные конфликты. А мы взяли курс на... Вы Пушкова послушайте. Вспомнил, курилка, о своей пропагандистской деятельности

в ЦК КПСС, самом хреновом. Оскорбляет лидеров. Мы чего хотим? Чтобы Саакашвили начал войну? Начнет войну Саакашвили! Чем грозитесь? Мы, говорит, электроэнергию отключим. А мы у Ирана купим. Вот так, не умея пользоваться инструментами... И вот даже сейчас — я считаю, что источником напряжений, и даже фитилем, будет СНГ...» (*эксперт по высоким технологиям*).

Экономическая политика власти

«С точки зрения экономической политики Путин не сделал ничего. Он ничего не ухудшил по большому счету, но он воспользовался тем наследием, которое с точки зрения законов, еще чего-то, что было создано до него» (*менеджер крупной компании*).

«Пропагандистам нельзя давать формировать политику. Я все-таки, как человек, который связан с экономикой, понимающий ее глубинную суть, — вот мы грозимся: вот мы, нефть — куда вы без нас денетесь? Денутся без нас! Потому что на рынке сегодня важен не продавец, важен покупатель! Более того — в продаже нефти важна не скважина — важна труба! А она не у нас! Кому мы грозимся? Что мы творим?» (*эксперт по высоким технологиям*).

«...Когда Путин пришел к власти, очень активно дискутировалась проблема 2003 года, тогда все основные фонды должны были рухнуть. Но основные фонды не вводят в один момент, их вводили поэтапно, они ремонтировались, поэтому так, чтобы все остановилось в один момент, такого нигде никогда не бывает... ...Я не помню, чтобы у нас в этом году какие-то были сообщения, что были крупные аварии в ЖКХ, а два-три года назад были. Значит, изменения какие-то есть, что-то там происходит. Может быть, это случайно, может, быстро стали реагировать, может, просто перестали сообщать. Но то, что мы видим в телевизоре, что видим в Интернете, то и происходит на самом деле. Мы же не можем гадать. С основными фондами все не так просто, нет такой закономерности, что все остановится 1 января 2008. ...Жизнь идет, стройку в Москве видим, а это и есть рост экономики» (*менеджер крупной компании*).

«[Проблема исчерпания основных фондов] проявится в том, что у нас темпы роста не 7% будут, а 5%. Я думаю, что ни вы, ни я этого не почувствуем» (*менеджер крупной компании*).

Цены на нефть

«В экономике понятно, что все сильно зависит от цены на нефть, не думаю,

что цена на нефть может упасть до 20 долларов. Что было бы катастрофой для России, даже до 30 вряд ли упадет, даже если до 35, то это будет туда все отодвинуто к 2008 году, расходы бюджета к этому времени вырастут. Но это означает, что того стабилизационного фонда хватит еще на несколько лет, то есть точно Путин еще с этой проблемой не столкнется» (*менеджер крупной компании*).

Внутрисистемные экономические проблемы. Макроуровень

«...В экономике мы сегодня видим, что целый ряд показателей развития, которые очень хорошо коррелировали друг с другом... Начиная с 2004 года у нас цены на нефть идут вверх, а рост ВВП замедляется. И чем дальше, тем больше. <...> Это при всем том, что конъюнктура нефтяных цен все время набирает обороты. И вот эта новая ситуация, она, во-первых, связана с тем, что в силу общих условий ведения бизнеса экономика России, то, что по-английски говорят *underperforming*... если полтора-два года назад экономика России работала на уровне, близком к ее реальному потенциалу, сейчас по массе экономических показателей мы видим, что потенциал экономического роста в 2004 году был на полтора-два процента выше — без всяких там экономических реформ — просто вот при нормальном климате и иных минимальных условиях. В этом году ситуация, возможно, будет еще гораздо хуже. <...> Сейчас уже практически очевидно, что все те факторы, которые были главными условиями быстрого роста в первое четырехлетие Путина: особенно низкий курс рубля, относительно низкие зарплаты, — они в России работать уже практически перестали. Реальный курс рубля вышел на уровень 1997 года до уровня девальвации, и практически такой потенциал экстенсивного наращивания производства, пользуясь дешевой издержек российских, — он себя исчерпал. Россия должна выходить на инвестиционную траекторию развития, и с этой инвестиционной траекторией сейчас большие и серьезные проблемы. <...>

...*"Дело ЮКОСа"*, которое очень сильно отразилось на инвестиционном климате, ухудшило ожидания. Реально мы имеем ситуацию, когда, парадоксально, когда именно в нефтяном секторе в 2004 [году] инвестиции снижались быстрее всего, хотя именно в этом секторе рост цен и конъюнктура были наиболее благоприятными. Эта тенденция сейчас не ослабилась: данные о промышленности за первый квартал показывают крайне неприятную картину — очень резкое замедление всех темпов роста, даже с поправкой на все сезонности. То есть эта тенденция пока продолжает нарастать. Общая тенденция к ухудшению ожиданий и общей ситуации» (*высокопоставленный чиновник*).

«Мы не можем просто развиваться без инвестиций дальше. Это можно было делать без особых инвестиций на протяжении первых четырех лет на основании тех причин, о которых я говорил: и мощности большие, и ослабленная

конкуренция с импортом... Все эти факторы уже не работают. Нужны инвестиции, которые позволят повысить производительность труда в основных секторах. Эти инвестиции бизнес как назло именно в этот момент отказывается делать, поскольку ухудшилась стабильность защиты прав собственности, предсказуемость политики и общее отношение к власти со стороны бизнеса и элиты резко ухудшилось» (*высокопоставленный чиновник*).

«...О каком инвестиционном климате и о чем вообще можно там вести речь? Если собственный бизнес не идет, а если уйдет бизнес иностранный, то уйдет и бизнес спекулятивный, который для игры на бирже, из-за той нестабильности, когда можно на колебаниях акций ЮКОСа заработать большие деньги, обладая инсайдерской информацией, которая связана с коррупцией. Вот на этом люди зарабатывают. Люди зарабатывают, будем говорить, паразитируя на разложении власти. На этом заработать можно. Но если экономика движется к тому, чтобы власть разлагалась и что это является бизнесом, то, конечно, она будет разлагаться» (*эксперт по высоким технологиям*).

Экономика и социальная сфера

«Последние четыре года... сформировали определенную тенденцию... быстрый экономический рост транслировался прежде всего в улучшение уровня жизни относительно бедных категорий населения. Их доходы, согласно данным обследования домохозяйств, росли быстрее, чем более богатых. Если кризис имел противоположное воздействие — то есть бедные пострадали сильнее, а богатые меньше, — то вот рост имел противоположное воздействие. Кроме того, мы наблюдали резкие, опережающие в сравнении с ростом ВВП, темпы роста социальных расходов. Они примерно на 30% опережали темпы роста ВВП. Безусловно, это был очень мощный сигнал и для населения, который создавал в целом позитивное ощущение от ситуации. И с этой точки зрения, я не социолог и, глядя глазами экономиста на ситуацию, не побоюсь сказать, что эти процессы, безусловно, способствовали нормализации социального климата. Если мы посмотрим не на социологические замеры... но на внешние признаки протестных настроений, например на количество забастовок, то они сошли практически к нулю в пик этого вот развития. В значительной степени это связано с тем, что задолженность по зарплате была во многом ликвидирована, и масса других проблем... Но сейчас эта тенденция опережающего роста социальных расходов уже исчерпана. <...> Доля расходов в бюджетах в процентах ВВП будет снижаться... Соответственно, скорее всего в целом расходы на социальные нужды будут расти медленнее, чем валовый внутренний продукт. Даже вот с этими квазиамбициозными увеличениями зарплат и пенсий бюджетникам — на самом деле это примерно позволяет поддерживать, ну, скажем так, тот уровень роста, который возникал бы просто в результате процес-

са экономического роста. Ничего сверх этого или очень немного сверх этого. Соответственно, если мы посмотрим на влияние экономического роста на бедность, то вся траектория ломается. Очень велика вероятность того, что он уже не будет так позитивно сказываться на бедном населении. Если же мы посмотрим на очень важный показатель — результат развития последних трех лет: при всем том, что население было довольно процессом, я, как экономист, могу сказать, что у населения нет оснований быть довольным результатом. Вот процесс — быстрый рост — это было хорошо. Но результат получился все равно очень плохим. Очень характерная штука — это статистика денежных доходов населения в процентах от прожиточного минимума, если мы ее посмотрим в региональном разрезе... Если мы возьмем средние данные по России и медианные данные — разрыв между средним показателем и медианным, он колоссальный. Выше среднего по доходам в процентах от прожиточного минимума всего шесть регионов страны, по данным на конец 2003 года. Все остальные — ниже среднего. Это значит, что чудовищное неравенство доходов как в региональном измерении, так во многом и во внутрирегиональном измерении. Далее, если мы посмотрим на медианный регион — тот, который в середине выборки, — там денежные доходы всего-навсего составляют двести процентов от прожиточного минимума. Значит, они на самом деле очень низкие. <...> Денегные доходы — это, конечно, еще не показатель потребления, люди там еще много выращивают на подсобном хозяйстве и прочее... Но денежные доходы — это хороший показатель интеграции в формальную рыночную экономику. Потому что основная часть высоких денежных доходов приходит из рынка — она не из частного сектора идет населению. И то, что эти доходы по-прежнему очень маленькие, говорит о том, что значительная часть территории страны вообще не успела воспользоваться в полной мере плодами рыночной экономики. Люди, у которых средние денежные доходы на уровне двух прожиточных минимумов, по определению не могут относиться к среднему классу, который обладает реальными денежными активами, способен инвестировать в недвижимость и предметы длительного пользования, быть получателем потребительского кредита и кредита ипотечного. Естественно, его поведение — это не поведение среднего класса, который ориентирован на рост, на поддержку рыночных ценностей, на демократические институты. Поэтому результат этого развития в социальном плане оказывается крайне неутешительным. И если мы посмотрим на все, что ниже медианного региона, это совсем удручающе — это кончается где-то кавказскими республиками, которые вообще формально в рыночную экономику не интегрированы. Там денежные доходы ниже прожиточного минимума» (*высокопоставленный чиновник*).

«За пределами квартала — короткое зрение. И по-другому нельзя! Я вот знаю — квартальный план выполнили и так далее... Конечно, с таким горизон-

том планирования о каких инвестициях может идти речь? О каком развитии может идти речь? Лишь бы выжить! Вот что касается нефтяной отрасли, там ведь тоже после этих дел — там и геологоразведка...» (*эксперт по высоким технологиям*).

Административный паралич

«Сказать, что слой консолидирован, нельзя. Потому что по-прежнему подспудно фигурируют две, грубо говоря, альтернативные стратегии того, как идти дальше. Одна стратегия — это акцент на создание благоприятных условий для частного бизнеса. Другая — это акцент на усиление роли государства, которое должно компенсировать недостаток интереса со стороны частного бизнеса к инвестициям. Но тем не менее при всем том, что эти разногласия по-прежнему очень значительны и профессиональная элита по-прежнему расколота, даже в экспертном сообществе, даже понимание того, что уже сейчас ухудшение инвестиционного и общеэкономического климата прошло гораздо дальше того, что можно считать терпимым уровнем, такое понимание уже есть. Безусловно, есть готовность предпринимать шаги, направленные на восстановление атмосферы доверия бизнеса к политике и создания условий для того, чтобы бизнес был склонен в больших масштабах инвестировать активы в экономику. Проблема состоит в том, что пока высокой остается неопределенность относительно того, в какой мере эти намерения в существующей политической и административной среде способны воплотиться в реальные практические шаги. Потому что мы имеем немало иллюстраций того, что правительство либо, в общем-то, уже обо всем согласилось, но неспособно принять решение. Это вот пример программы административной реформы — одного из ключевых элементов повышения доверия; программа была разработана еще в ноябре, уже полгода как она лежит в правительстве. В правительстве все "за", есть там какие-то сомнения у Минфина, но тоже преодолимые, но решение принять не удастся. Это паралич механизма выработки политики. Скорее административное, чем политическое ограничение» (*высокопоставленный чиновник*).

Ресурсы влияния Путина

«Опора [Путина] — это стечение обстоятельств. Ему повезло. Он пришел к власти, стал премьер-министром в августе 1999 года, в тот момент, когда уже все последствия кризиса были позади, когда Примаков взял на себя ответственность за урезание всех социальных расходов из-за балансировки бюджета, когда цены на нефть пошли вверх. Ему досталось хорошее наследство. И понятно, что когда советская экономика, она в принципе уже прошла некую

трансформацию с 1992 года, уже готова была к росту...» (*менеджер крупной компании*).

«Власть опирается на две силы. Есть, вы знаете, общественные настроения... Второе — есть все-таки некая силовая пропаганда, не очень эффективная, но работающая. Опирается она на известного нам лидера. Первая. И вторая часть — это размытая бюрократия, которая получает все больше и больше средств, и пришедшие вместе с ним так называемые силовые, хотя они не очень силовые, которые очень быстро успевают, быстро конвертируют свои властные полномочия в дензнаки и поэтому являются временным соратником, союзником. Но это ненадолго» (*руководитель академического института*).

«...Его поддерживает довольно большая часть среднего... более чем среднего уровня людей, которые тоже верят в возможность традиционного реванша, реванша на основе традиционных российских резервов и ресурсов. Поэтому я думаю, что под этим что-то есть...» (*политолог*).

«Ситуация нестабильна, потому что власть себя противопоставила всему обществу. Президентская администрация противопоставила себя интеллектуальной элите, отказав в нормальном финансировании науки и затеяв реформу образования. Противопоставила себя региональным элитам, запретив им выбирать своих губернаторов. Противопоставила себя работникам бюджетной сферы, отказавшись от приведения зарплаты в соответствие с минимальным прожиточным минимумом, противопоставила себя пенсионерам, ветеранам 122 законом, противопоставила себя врачам принятием решения о ликвидации специализированной медицинской помощи. То есть практически власть ни на что сегодня не опирается, кроме как на самый примитивный административный ресурс, деньги. И фактически деньги — шантаж, деньги — угроза, деньги — страх. Это главная опора сегодняшней власти, которая крайне ненадежна, и при первом же столкновении власти с обществом эти опоры рухнут. Такое столкновение, понятно, произойдет в 2008 году, конечно, все произойдет на выборах» (*лидер политической партии*).

«Это самый простой вопрос из всех — она [власть] опирается на бюрократию и классическую номенклатуру. Это люди, которые имеют разные государственные посты, разной ранговой значимости, чьи интересы полностью удовлетворяет нынешняя власть. В их интересах она работает. Они сидят в Думе, причем Дума безальтернативно формируется только на основе номенклатуры сейчас, большинство конституционное» (*лидер политической партии*).

«[Кризис управления.] Это было связано с тем, что процесс монополизации власти достиг определенного уровня, когда фактически власти не стало, осталась

только одна монополия, а внизу почти что ничего не осталось, соответственно, бюрократия продолжала действовать в своих собственных рамках, но реально страна стала снова терять управление» (*руководитель академического института*).

Пропагандистская машина

«Да она [система] опирается на саму себя в первую очередь, она опирается на чиновничество... <...> Это как организационный механизм. А еще механизм пропаганды. Смотрите, всюду и везде народ голосует за "Единую Россию" — ну нет такой партии. Нету. Они за нее голосуют. Почему? Потому что эта партия создана в воображении. В воображении есть партия, которая за Путина. Путин — это все хорошее. Следовательно, партия, которая с Путиным, — это партия всего хорошего. Значит, нужно голосовать за эту партию, хотя ее нет. С помощью средств пропаганды создается такой образ, за который народ идет и голосует. На эти механизмы — организационный и пропагандистский — они и опираются. Уберите тот и другой, все это рухнет мгновенно» (*руководитель общественного фонда*).

«С другой стороны, у нас тоже люди пуганые, тоже начинают кое-чего соображать. Некоторые его [Рогозина] называют попом Гапоном в миниатюре. Поэтому старые приемы политтехнологии и одурманивания... не такой дурной у нас народ, как некоторым кажется. В том числе из тех, которые себя называют политической элитой. Народ умнее» (*военный эксперт*).

«В основном, за редким исключением, оно [журналистское сообщество] поставлено на службу этой бюрократической машине. И главная несущая конструкция — это не цензура, а самоцензура. Хотя цензура сверху тоже есть. И коррупция, зарабатывают деньги...» (*депутат Государственной Думы*).

«Когда действительно все независимое, все более или менее независимое, где действительно пытались представить разные точки зрения, существующие в обществе, пусть не в такой пропорции, в которой они в обществе существуют, но все-таки они как-то были представлены... И когда все это было фактически истреблено, и оставили только информационно-политические программы, которые обслуживают власть и обслуживают те идеи, которые несет власть. Это был существенный переломный период. Плюс никакие беды общества, о которых говорили и два, и три, и пять лет назад... они не получили своего разрешения. Начиная с социального и материального положения граждан, кончая борьбой с коррупцией. Никаких реальных продвижений» (*депутат Государственной Думы*).

«Ее [независимой журналистики] нет, но за нее надо бороться. Потому что иначе им не выжить — они не найдут себе больше работу. Или их всех выки-

нут, если они хоть что-то мыслят. То есть тогда это будет наполнение серостью. Если существует страта журналистов и массмедиа, они должны понимать: если они хотят быть профессионалами в этой стране, они должны бороться. Бороться ведь можно по-разному — не обязательно бросая заявления на стол и выходя на улицы. Если не хватает на это сил, то, в любом случае, можно не заниматься хотя бы чем-то...» (*лидер политической партии*).

Власть и общество

«У нас податливое общество, во всех своих сегментах слишком податливое к давлению власти. Слабенькое очень. Общество деморализовано, очень слабое. Структуры гражданского общества не развиты. Как и все — подавлено, раздавлено. Небольшой сегмент есть активный очень. Но он очень немногочисленный. Активистов очень мало, которые способны сопротивляться. Сейчас, если будет продолжаться консолидация, то, может быть, этот сегмент потянет за собой остальных» (*лидер политической партии*).

«Источником может быть социальный протест против реформ в социальной сфере, в ЖКХ. Цены скачут бешеными темпами, и естественно, что народ этого терпеть не будет. Пока он просто не платит. А когда его начнут в связи с этим выселять, вот тут начнутся... Эти выступления будут в первую очередь спонтанными, но во время этих выступлений будут формироваться некие организационные структуры. Это естественный процесс. Это процесс самоорганизации. И думать, что это будет сделано на какие-то деньги американских фондов — это смешно. Это все будет делаться абсолютно без денег и без какой-то инициативы со стороны каких-то специальных организаторов. Что касается реакции, она будет разная. Первая реакция — будут создаваться псевдообщественные организации. Будут появляться псевдоправозащитники, псевдоэкологи и так далее. Такие организации с провокационными в первую очередь функциями — они будут создаваться. Ходят слухи, что будет создаваться организация "Наши". Это не самоорганизовавшиеся структуры, а то, что делается специально властью, в чистом виде методы спецслужб, причем методы очень старые, много столетий. Создание других кукольных организаций. В русской охранке был, по-моему, генерал Зубатов, вот создавал такие организации — всякие рабочие союзы. И полиция. При помощи полиции, при помощи наших спецслужб. Результат будет столь же плохой, как и раньше. В эти выдуманные структуры никто не верит. Они с самого начала будут на окраине общественной жизни, никакой реальной роли они не будут играть. Второй метод — это метод тупого примитивного правоприменения. Вышли на митинг? А митинг был разрешен? Все мы вас разгоняем, потому что он не разрешен. Не потому что ваши лозунги антиправительственные, нет. Вы нарушили статью такую-то... если бы вы стояли по ту сторону загородки, а по эту нель-

зя. Нарушили мелкую правовую норму. Справедливые требования, несправедливые, законные, незаконные — это все неважно. Важно, что вы встали не в том месте. Третье, что будет использоваться, это методы кадровой чехарды, такая кадровая свистопляска. Этого сняли. Ах, вы недовольны? Бузите? А мы сейчас вашего губернатора... Будут снимать губернаторов, будут ставить других, безостановочная конструкция... Это будет только расбалансировать ситуацию» (*руководитель общественного фонда*).

«Социальные протесты — сила? Думаю, что эта сила спит» (*политолог*).

«Прежде всего, это [нестабильность системы] связано с тем, что правительство как бы специально спровоцировало доселе дремавшее сознание людей на подсознательный уровень недовольства теми реформами, которые проводятся в России, по существу, на пустом, казалось бы, месте. Вот этот закон номер 122 о монетизации и так далее. Эти реакции, которые последовали, я думаю, связаны не столько с этим законом, а как некий спусковой механизм, выражающий накопившееся несогласие, накопившийся социальный протест нашего населения по поводу реформ, в которых никогда не присутствовал человек, его мир, его мироощущение и так далее» (*депутат Государственной Думы*).

«...Они просто не думают о народе, они заняты вопросом, как легализовать огромные деньги, которые они сегодня контролируют, и они считают себя в очень удачном положении. ...Они натываются на то, что они теряют поддержку в обществе, но это их не волнует. Кудрин, Греф, Зурабов — они смотрят на людей как на абстрактную человеческую массу, из которой можно лепить все что угодно» (*лидер политической партии*).

«...Власти именно поэтому и приходится так много способов и методов изменять искусственных, потому что она не соответствует [народу]. Общество в своей частной жизни освободилось от патернализма. Освободилось искусственно, за счет добровольного ухода государства. То есть через жертвы и через дикое страдание люди стали самостоятельными. Им не хватает [сил] конвертировать внутреннюю, частную свободу в свободу социальную, гражданскую. Поэтому оно находится на грани. Именно поэтому столько искусственных методов подавления и формирования альтернативного мышления общества. Именно в силу того, что общество уже готово» (*лидер политической партии*).

«Я не вижу пока таких мощных очагов напряженности... даже с монетизацией, с этим протестом: наиболее активной группой стали пенсионеры. Но в этом вся разница Украины и России. В Украине вышла молодежь, а у нас вышли пенсионеры. Это означает, что наше общество по большому счету готово терпеть

какие-то политические неудобства, полагаясь на эти золотые нити нефтяного дождя. Мы говорим, а вот студенты — да ничего они не выходили на улицы и не выйдут, им уже повысили стипендии» (*менеджер крупной компании*).

«Не зря в последнее время лозунг возник стихийно или нестихийно — "Референдум или революция". Действительно, они такой своей политикой подталкивают. Мне теперь процессы 1917 года более понятны. Когда есть абсолютно назревшие вопросы, когда люди абсолютно не согласны с политикой, проводимой властью, когда одно не меняет, а другое не решает, в итоге это очень быстро может привести к очень тяжелым процессам в обществе. Как быстро — тут много субъективных факторов, они играют очень большую роль, и о временном промежутке говорить трудно» (*депутат Государственной Думы*).

«Самое существенное — это асоциальный характер проводимой политики. Что, мне кажется, большинству населения уже очевидно. Другое дело, не все занимают активную позицию, скажем, до поры до времени. Каждый просто занимается собой, устраивает свою личную жизнь. В этом власть преуспела, это они тоже блестяще делают, мастерски, что поставили людей в условия выживания и когда каждый думает о себе, нарушая и основу солидарности. Это они делали хорошо, но до поры до времени, эти процессы могут приобрести обвальный характер. Вторая составляющая — это авторитарный характер власти, для тех, кто задумывается над процессами, которые в обществе происходят, это абсолютно очевидно. Может быть, относительную часть населения многие из этих аспектов мало волнует... Скажем, изменение закона о выборах, назначение губернаторов, потому что к выборам уже давно люди не очень серьезно относятся, более правильно, кстати, чем политики относятся. Люди уже давно поняли, что ничего от выборов ждать не приходится» (*депутат Государственной Думы*).

«...Очень серьезное общественное расслоение. Вопиющее неравенство между богатыми и бедными. И я даже считаю, что не это самое главное, а то, что у низшего слоя нет никакой социальной мобильности и нет никакой видимой перспективы. Чистое выживание. Это наиболее страшно, даже не то, что кто-то сегодня бедно живет, а то, что это консервируется. А это очень опасно с точки зрения политических каких-то, революционных возмущений» (*депутат Государственной Думы*).

Бизнес при Путине

«Крупным собственникам Путин поменял правила игры по сравнению с теми, которые были при Ельцине. Играем по-другому — вы не собственники, а управленцы. Я вам доверяю управлять, но если вы что-то хотите продать,

вы должны спросить у меня разрешения, потому что я буду решать, сколько продать. А так можете управлять, можете даже дивиденды получать сколько хотите, но продать никому вы не имеете права. И еще какие-то там ограничения. И крупный бизнес поделился на несколько составных частей: часть первая, которая это приняла и сказала, что согласна жить по таким правилам; часть вторая, которая сказала, по этим правилам жить не хотим, все продадим и уедем. Пример известен. И часть третья — что будем биться. Тоже пример известен и результат понятен. Третья часть слаба.

Основная часть... бизнес-сообщество — это существо такое, оно заинтересовано в выживании, и оно вообще не может быть в оппозиции к политической власти, бизнес самым последним идет на поддержку революции и самым первым ее предает» (*менеджер крупной компании*).

«По сути дела, европейский бизнес — это бизнес, который, за малым исключением, строится на том, что мы получили фактически ни за что от государства (ну, они считают, что благодаря своим интеллектуальным способностям и административным) госсобственность. Мы действительно ее не растратили, а капитализировали, и над этим много хороших менеджеров, но дальше это строится на том, что нужно это продать иностранцам. И в принципе, это, с одной стороны, правильно, потому что это бизнес, который должен быть международным и цивилизованным, он должен действовать и по международным правилам. И альянс с западным капиталом — они здесь стратегически верны. Другое дело, что это не означает, что нужно все сдавать иностранцам, а по сути дела, превращается в такого рода позицию, и получается, что обманутым остается государство и тот же народ. Это тот круг, который вызывает только еще большее неприятие этой части бизнеса внутри России. Сначала они получили — почти ни за что — за достаточно малые деньги всю эту собственность, обогатились, а теперь они повторно обогащаются, продавая это иностранцам, причем главным препятствием здесь становится для них государство, которое пытается ставить палки в колеса и как-то этот процесс контролировать. С таким же успехом государство могло не продавать это частному бизнесу, не передавать ему за какую-то мзду, а напрямую передавать иностранцам, и жить было бы лучше, людям было бы лучше, иностранцам тоже было бы лучше — у них не было бы такого количества скелетов в шкафах. И идти по пути, который демонстрирует тот же Казахстан. Причем можно два раза продать иностранцам: у плохих отобрать, потом продать хорошим. И это будет воспринято и теми же иностранцами лучше, чем все, что происходило у нас. Единственное, что когда государство начинает непонятным образом устраивать избиение своего собственного бизнеса, как в деле с ЮКОСом, то это вызывает раздражение всех, особенно когда это идет такое количество времени. Лучше бы сразу задушили и продали бы тем же иностранцам — и там бы все "на ура"...» (*высокопоставленный чиновник*).

«...Бизнес-сообщество — оно никак не консолидировано, ни с точки зрения семьи, они все разные, и по происхождению, и по образованию; какого-нибудь Фридмана и Керимова вообще ничего не объединяет. ...Ведущее бизнес-сообщество удовлетворено. ...Можно играть в футбол, можно в гандбол, можно в регби, скажите правила игры — мы будем играть. Можно не играть вообще, но если ты играешь в России, то принимай те правила игры, которые установились. Придет другой судья с новыми правилами — мы его поддержим, а кричать "судью на мыло" ... нет. Эти правила могут не устраивать, но с ними готовы мириться. Никто не будет протестовать за изменение правил. Потихонечку кричит, не нравится цвет формы, дали желтую, хотим зеленую... если вы, как власть, спрашиваете, в чем ваше недовольство, то не в том, что там хотим в гандбол, а форму нам, батюшка, дай зелененькую. Мы играть и в желтой, в конце концов, можем. Это нормальная картина» (*менеджер крупной компании*).

«[Бизнес в состоянии] подавленном, деморализованном. Экспорт капиталов сейчас где-то на уровне 10 млрд за прошлый год. Страх перед перераспределением на всех уровнях, страх перед рэкетом силовиков. Силовики сейчас присваивают себе этот бизнес. А силовики не умеют зарабатывать деньги. Они могут их только отнимать, чем они сейчас и занимаются. В этой ситуации бизнес абсолютно беспомощен, у него нет перспективы. Он будет пытаться любым путем вывести активы за границу» (*лидер политической партии*).

«То, в чем обвиняли Путина на Западе (за ЮКОС), это то, на что молились предприниматели здесь, а именно чтобы это было селективное применение силы против одного конкретного, отдельно взятого, за его политические амбиции. Политические амбиции отставлены в сторону, если они у кого-то и были, у большинства они не сформировались, и я бы сказал, что крупный бизнес адаптировался к той среде, которая существует. Она меняется, бизнес постепенно становится более организованным, но сегодня он не ставит и не может ставить цель играть сколько-нибудь заметную роль в политике. Политика остается царю и его двору» (*политолог*).

«...Пока отрицательно. Только мешают — в силу дикого страха... Боятся все. Бизнес не финансирует, он мешает даже, не помогает создавать инфраструктуру, и он препятствует развитию. <...> Вот, например, издать даже оппозиционному политику свою книгу можно только в тех издательствах, которые уже политизированы. В чистой коммерции тебе уже чисто по политическим причинам отказывают. Это не связано уже с давлением сверху. Это уже снизу пошел страх и самоцензура. Поэтому сейчас бизнес не играет никакой роли. Скорее даже отрицательную. Даже там, где он может помочь, хотя бы косвен-

но, хотя бы решившись на то, чтобы издать книгу, даже не такого дикого содержания, агрессивного, а просто книгу, чтобы имя вталкивать на рынок, или дать помещение, финансировать небольшими средствами — хотя бы для того, чтобы потом себя же защитить от наездов, — не делают ничего» (*лидер политической партии*).

«...Наш бизнес почти всегда готов бежать, почти всегда готов, "на старте". Каждые выборы. Может, был краткий период относительного успокоения во времена Касьянова, как при позднем Ельцине, так и при первом периоде Путина, когда бизнес тут был спокоен и настраивался. Причем бизнес сам по себе ведущей политической силой никогда не будет, потому что он крайне дискредитирован...» (*высокопоставленный чиновник*).

«...Идет существенная поляризация в самом бизнесе российском. Тот бизнес, который можно назвать либеральным, или экспортным, на который опиралась и семибоярщина, и "семья", и... его платформа — интеграция в Евро-союз. И это гарантия цивилизованности. Это гарантия и бизнеса, и гражданских прав, гарантия от российского самодурства и самодержавия, но бизнес очень сильно дискредитирован всей предыдущей историей, очень уязвим, и с точки зрения европейских законов тоже. Если бы у нас была крупная европейская социал-демократическая партия — она вполне может легко отобрать у этих друзей все, что они получили в 1996-м и позже, в том числе опираясь на те госпосты, которые они занимали. ...Вторая часть [российского бизнеса] — она не такая крупная, что тоже интересно, потому что в ней больше, как мне кажется, среднего бизнеса или крупного, но не олигархического. И которая в этом смысле может рассматриваться как национально ориентированный тип бизнеса, которому выгоднее, по разным причинам, не потому что они какие-то шовинистские — там и такие есть деятели, но я таких даже не беру, — а вполне цивилизованные люди, которые исходят из того, что Россия, чтобы она существовала самостоятельно и чтобы их бизнес был самостоятелен, то есть они не ориентируются на то, чтобы его капитализировать и продать иностранцам» (*высокопоставленный чиновник*).

«Но есть и другое проявление этих ограничений, связанных с неспособностью власти реагировать даже на те проблемы, которые она понимает, связанные с ухудшением климата. Вот, это переговоры по поводу налогового администрирования. Вроде бы была встреча Путина с бизнесменами. Они сказали, что нам не надо снижения налогов — давайте мы администрирование сделаем более предсказуемым. Все это поняли: Путин согласен, Фрадков готов... Дальше все это вышло на уровень переговоров с Минфином и Министерством по налогам. Они вместо этого по-прежнему раскручивают дела, провоци-

рующие недоверие, типа ВМР, которое всех перепугало до смерти... И при этом подготовили такие поправки, которые практически никак не меняют качество налогового администрирования, но при этом в некоторые случаях его еще даже и ухудшают. И попытки найти общий язык между бизнесом и представителями финансового блока в этой сфере — у них, видимо, есть и политические соображения, отнюдь не только узковедомственные, которые их толкают на это, — они пока ни к чему не привели, и вопрос уже месяц стоит на месте, при всем том, что поправки давно уже есть, но договориться об их содержании не удается. Поэтому реально осознание ключевыми людьми во власти остроты проблемы необходимости реагирования и принятие адекватных мер — это очень разные вещи в нашей ситуации конкретной. Осознание есть, а насколько возможно в этой ситуации, в этой атмосфере принимать адекватные меры — мы сказать пока не можем» (*высокопоставленный чиновник*).

«...Для того, чтобы пропасть между хотя бы бизнес-элитой и политиками, влияющими на выработку решений властью, пройти, чтобы эту пропасть преодолеть, надо предпринять очень много усилий. И переделка Налогового кодекса — это только маленькая часть на самом деле того, что нужно сделать. Тут нужно и изменить поведение тех людей, которые пытаются переделить собственность, нужно продемонстрировать готовность проводить серьезные реформы, которых ждет бизнес, типа дерегулирования, де бюрократизации. И при этом еще нужно сформулировать какую-то долгосрочную стратегию, понятную бизнесу — и в политическом плане тоже, потому что и здесь есть неопределенность» (*высокопоставленный чиновник*).

«Чушь! Чушь! Да, есть какие-то проблемы, но не те, о которых говорят. Вот в высокотехнологичном бизнесе... вот я могу сказать так... Сегодня, если взять структуру цены продукта и налоговую политику... При нынешней налоговой политике есть сырьевой сектор, где живой труд составляет три-пять процентов. Там трубы, акцизы, налоги — чего только нет... И, понимаете, те налоги, которые на труд, на живую силу, социальные налоги — они там хоть 100%... Понимаете, там это мелочевка. И я беру нынешние компании, где доля живого труда — 90%. Ну нельзя подходить с одной меркой! Или... им-то все равно — там проценты не идут в налоги, в государство... Вот для того, чтобы нам сделать конкурентоспособным наш айтишный рынок... ну почему у нас все мозги-то уезжают? Почему у нас невозможно организовать вот это производство? Вот из-за этого! Так что налоговая политика плохая, но не там, где про эту налоговую политику говорят» (*эксперт по высоким технологиям*).

«...Как только они пытаются решить вопрос за пределами трубы, металла, они сразу натываются на... вы понимаете, весь их бизнес-прагматизм улетучи-

вается — они совершают сплошные ошибки. Последний пример: вот я, например, вот уже почти восемь лет имею контракт с иностранными компаниями. С американской и вот с... где мы находимся. Компания делает мозги для... инфраструктуры... ну, вот для "Билайна", для "Мегафона". Мы делаем управляющие системы для коммуникаций, делаем инфраструктуру для управления предприятиями, регионами, странами и так далее. И вот вторая компания, которую я консультирую, она в соседнем подъезде — компания "САПР" немецкая, на программном продукте которой 60% управления производством построено в мире. То есть я понимаю, что такое знание, как продавать знание... продавать интеллектуальную услугу. И я понимаю, что это начинается процесс, что программный продукт, который делает компания "САПР", она фактически записывает весь алгоритм, весь процесс информационных вещей, которые работают... Понимаете, есть ведь некоторое ремесло: как продавать знания, как делать высокие технологии... С чего начинать, чем кончать... А дальше там вроде пытаются что-то сделать. Ну, кто, откупившись, пытается, кто с помощью лозунгов — ну, кто как. Например, Потанин образует фонд с Академией наук... И вот образовали фонд, и, вот видите, говорит, ах-ах, с придыханием. Я говорю: провалится Потанин. По одной простой причине, что в высоких технологиях проблемы начинаются не с умения производить — в России всегда придумывали лучше всех, — а вопросы начинаются с того, кто все это дело купит? А здесь мы попадаем — не то, что у нас нет производственных мощностей, а то, что нет инфраструктуры распространения продукта, нет инфраструктуры спроса на мировом рынке. Вот сейчас он провалился — я уже читаю в пятницу, что он разочаровался, отказался, — 11 миллионов потеряли с Академией наук. Понимаете, и так далее: технопарки... та же самая ошибка, те же самые грабли. У нас ничего не получится, потому что если бы в Индии начинался процесс, он бы начинался с того, что были индусы, которые гнали заказы в Индию, бедным родственникам, и у них бы на этом началось развитие. А у нас кто в Россию заказы гонит? Кто? Откуда они возьмутся? Поэтому вот то, что я говорю, это просто примитивные основы бизнеса за пределами биржевой трубы. И уже здесь, в этих простых задачках они уже не разбираются, они уже делают стратегические ошибки. Это вот просто говорят: продвинутые менеджеры. Да какие они продвинутые менеджеры?!» (эксперт по высоким технологиям).

Попытки реформ

«Вспомните первую программу Грефа, там же все нормально было. Но баланс менялся по мере стабилизации. ...Программа Грефа, она была нормальной, там же работали практически все либеральные экономисты, которые бы-

ли. Хорошие дискуссии были, обсуждения, программа была, но ее не сделали. Потому что поздно. Страна уже из периода кризиса вышла, а когда не кризис... Реформами движут либо амбиции, либо кризис.

Я думаю, потенциал реформы [до] 2008 года очень узок, если вообще существует. Это не значит, что правительство и президент будут отказываться от каких-то заявлений в пользу тех или иных реформ... заявления будут и реформы не реформы, а изменения какие-то будут. Изменения в области образования уже ползучий характер приняли и дальше будут ползти, будут изменения в области ЖКХ... Без всякого объявления, без ничего, на 30% все подросло. Так, наверное, дальше будет. Это реформа? Конечно нет. Но существенное изменение, негативное для граждан, потому что они не видят никаких улучшений, услуг не больше, они не лучше, и, наверное, позитивное для тех, кто имеет доступ к этим средствам. Поэтому таким образом ситуация будет развиваться во всех областях — медицине, образовании, ЖКХ. В военной сфере, думаю, тоже — те ползучие изменения... Я не вижу у нынешнего руководства серьезного потенциала для реформ. <...> Ничего не подпирает! Ни снизу, ни извне, ни изнутри самой элиты — нет ничего» (*политолог*).

«Но они же впрямь выдали денег. Ветеранам, пообещали поднять пенсии в течение трех лет в два раза, если я правильно помню, то по сравнению с 2004 годом в 2006-м прирост социальных расходов составляет 30 млрд рублей, то есть 10 миллиардов долларов. То есть цена покупки этого социального спокойствия — она огромная» (*менеджер крупной компании*).

«Просто люди не готовы принимать решения. Они ликвидировали все пространство для дискуссий. Монетизация пропихивалась ногой, сапогом через парламент без всякого обсуждения. А когда у вас нет дискуссии вокруг реформы, шансы на ошибку очень велики. <...> О тех ошибках, которые были в реформе, все говорили, о них было известно заранее, с ними и столкнулись. Но опять-таки Путину повезло, потому что денег много, и просто раздали всем денег, пообещали еще, потратили больше. Когда у вас есть такие немереные деньги в стабилизационном фонде, с бюджетом все хорошо, вы можете потратить эти деньги» (*менеджер крупной компании*).

«Почему власть пошла на монетизацию? Потому что они поняли — у них возникла проблема. Были эти нефинансируемые мандаты, которые законом прописаны, а в бюджете нет денег. Но потом постепенно их стали отсуживать в судах. И в 2003 году объем исков в суд, утвержденных к выплате Минфином, составил больше 1 млрд долларов. Потому что суды не могли судить по-другому. И это стало для них проблемой. Люди обработали эту конструкцию, стали идти в суды и отсуживали. После этого власть поняла, что с этим надо закан-

чивать, дальше до безумия могла сумма расти, в три раза больше бюджета быть. Вот что проблема. Поэтому сказали — ломаем эту систему. Правильное решение. Допустили ошибки — возникла новая проблема — социальный протест пенсионеров. Быстренько заплатили всем денег и тем, кто потенциально может протестовать, сказали: и вам заплатим» (*менеджер крупной компании*).

«Ведь сама идея — у нас тоже многие говорят: вот, отменить закон о монетизации — само направление-то абсолютно правильное. <...> Но ситуация-то получилась идиотская? Сам переход к денежной компенсации, он должен позволить уйти от всей этой системы бюрократов, которые зачастую на реализации всех этих льгот сидят, и одно то, что это увеличит расходы на государственный аппарат, а с другой стороны — это же головная боль для тех, кто эти льготы получает. Потому что каждый из них на своем месте начинает что-то там выкачивать... И этот отказ, переход от льгот, сделали таким образом, что еще больше увеличился этот чиновничий произвол, и стало только хуже, потому что бюрократия-то не исчезла. Наоборот, наверное, где-то даже увеличилась, потому что усложнили весь этот процесс. Увеличили затраты все эти... Ну какой смысл вводить все это дело, если все равно идут дотации автомобильным предприятиям, автобусным паркам и так далее? Все же осталось!» (*военный эксперт*).

Власть и реформы

«Я приписываю это на счет очень низкого интеллектуального уровня. Она не понимает, как бороться с этой "оранжевой революцией". Невозможно с этим бороться силой» (*лидер политической партии*).

«Да, власть будет лавировать, теперь по карману так бить не будет. Будет аккуратнее — растягивать мучения, но так, чтобы чуть-чуть подкармливать» (*лидер политической партии*).

«Я говорил о необходимости структурной демилитаризации, это очень отдельно, сложно для понимания у нас, а они там [на Западе] считают. Вот почему мы пошли по ошибочному пути — мы не демилитаризовались. Структурно... Потому что военный бюджет упал, денег стало меньше, перестали что-то закупать. Структурная демилитаризация была как раз в этом гигантском сырьевом секторе, или, как говорят, базовых отраслях. Основной удар был нанесен по ВПК, хотя он небольшую дозу ресурсов потреблял» (*военный эксперт*).

«...Качественных ресурсов, на которых висело и образование, и медицина, и все держалось на этом, и высокий уровень поддерживался благодаря потреб-

ностям ВПК. А все это поддерживалось и питалось за счет огромного сырьевого сектора. Ведь мы же ничего не экспортировали. Это был баланс. Это была достаточно стройная, мощная система, сугубо, конечно, военной направленности, но была. И только при Хрущеве впервые стали вывозить нефть. И тогда уже все пошло вразнос. ...В мирное время это огромное количество ресурсов — сырьевых, электроэнергии — не было нужно, но вывозить это было нельзя, поэтому все шло на повышение какого-то жизненного уровня, на достаточно низком уровне, но постоянный рост шел...

...Если бы Сталин прожил еще 5–8–10 лет, то он добился бы того, что у нас было бы все бесплатно. Образование, автотранспорт, ЖКХ и т.д., просто потому, что эти ресурсы в мирное время нужно было как-то использовать. А держались они только для войны, а не из человеколюбия. А так как все это потом в 1991-м было вынута из-под ЖКХ, образования, медицины и брошено на экспорт, перешло в частные руки, то, естественно, это все зависло и осталось без опоры. Поэтому все обречено» (*военный эксперт*).

«...Надо было, хотя что сейчас говорить про "надо было", но надо было эти ресурсы обратить на внутренние нужды, потерпев год-два-три — сколько-то, некоторую автаркию. <...> Чтобы у людей появилось ощущение, что они от сокращения военных расходов стали жить лучше. А так военные расходы сократили, а жить стали все хуже значительно. Поэтому весь вопрос, что все наши беды от милитаризации, завис в воздухе. И стал неубедителен. Жизнь не улучшилась, значит расчет был неверный, и дело не в избыточном милитаризме, а дело, конечно, было именно в этом, мы были страной милитаристской. Уровень милитаризма нельзя было выразить. Это была очень мощная система. Американцы ее у нас после Второй мировой заимствовали и применили. Но им хватило ума после 1945 года от нее отказаться. <...> Возможно, если правильно понять истоки того, что произошло... Но это нелегкий путь, это требует совершенно другой элиты, а главное — признания ошибочности пути. Но сейчас уже в воздухе все витает, все говорят об этой нефтяной игле и т.д., хотя это вульгарное выражение того более глубинного, что произошло. Но требует это, к сожалению, поистине революционных методов. Разговоры о том, что надо слезть с иглы, здесь, вы сами понимаете, ни к чему не приведут. Будем только еще больше от нее зависеть. Разговоры эти пустые. ...Под революционными методами я имею в виду менеджерский план, а не социальные какие-то потрясения... Да, смена элит, но кем заменить?..» (*военный эксперт*).

«Этот знаменитый 122-й закон имени монетизации льгот. Он, безусловно, ведет в совершенно неправильном направлении. Во-первых, никакой срочности с этой реформой не было. Гораздо важнее было провести ту же самую во-

енную реформу. Потому что если провести военную реформу, то одновременно с этим решаются многие проблемы, связанные с реформой образования, например. На самом деле, если мы отменяем обязательный призыв и формируем исключительно профессиональную армию, армию по контракту, а не по призыву, то у нас те мальчики, которые идут сегодня в институт, чтобы просто не попасть в армию, они не пойдут в институт. Значит, в сфере образования начнется более жесткая конкуренция. Потому что количество абитуриентов сократится и начнется конкуренция, а она выделит наиболее перспективные вузы. Как только они начнут выигрывать, следовательно, они начнут богатеть. Они станут более серьезными, более богатыми, более развитыми, разовьют научную базу. Вот вам выход на функционирование науки. Казалось бы, а начинаем с чего — с военной реформы. В этом клубке гораздо лучше можно делать, чтобы распутать весь этот клубок. Они дергают не за ту нитку. Они только запутывают этот клубок» (*руководитель общественного фонда*).

«Последствия "реформ" просчитываются дискуссиями. В Америке существует огромное количество экспертных центров, которые получают деньги из федерального бюджета, которые делают по отраслям 20-летние прогнозы, и эти прогнозы всерьез анализируются. У нас нет такого социального заказа. Политического. Потому что политическая позиция такая: любая проблема, которая у нас есть, имеет решение — заплатить. Если у вас есть лишние 20 миллиардов долларов, вы можете их потратить на решение любой проблемы» (*менеджер крупной компании*).

«В основном мне кажется, что это внешнее ощущение [хода реформ] вызвано тем, что реальная политика, реальные действия власти подменены пиаром. И пиар этот, в общем, толково делается. Тут я ничего не могу сказать, команда в Кремле достаточно грамотная, и она умеет развернуть ситуацию или показать ее нужной стороной, даже той стороной, которой не существует, это они делают толково. А если посмотреть на реальную политику, все реформы, по сути, провалены, я не могу назвать ни одной непроваленной реформы... думаю, что они изначально планировались группой лиц таким образом, что они не имели шансов быть поддержанными в обществе. А раз шансов не было быть поддержанными в обществе, я думаю, что даже многие реформы и властная элита на уровне муниципальных органов власти и региональных органов власти, она, может быть, и не заявляла громко, что она с ними несогласна, но, по сути, она была с ними несогласна. Понимали, что они либо нереализуемы, либо они несут в себе большой негативный процесс. Это и административная реформа, и социальные тоже. От административной реформы все и началось. Конечно же регионы не согласны, когда фактически

ки количество средств, которыми они располагают, им уменьшили, а количество функций резко расширили. Они помалкивают именно исходя из тех авторитарных тенденций, понимая, что если они будут говорить...» (*депутат Государственной Думы*).

«Те попытки реформ, которые попытались сделать его правительство, Касьянова, они, по большому счету, оказались неудачными. Пенсионная реформа была неудачный и этот антибюрократический закон» (*менеджер крупной компании*).

Административная реформа и ее последствия

«С одной стороны, здесь временные издержки, потому что административная реформа, можно ее по-разному оценивать, но ясно, что любая перестройка вначале ведет к снижению эффективности, и очень многие процессы потонули в согласованиях и вызвали падение эффективности работы госслужб и госаппарата. Если дальше она не возрастет, если власть неспособна будет всерьез обеспечить экономический рост и комфортную среду для бизнеса, если одновременно с этим социальные векселя окажутся нереализованными — или даже реализованными, но при этом мы будем проигрывать, условно говоря, Украине по пенсиям, как это сейчас возникает, перспективам развития экономики и привлечения иностранных инвестиций, то это будет вести к недовольству и внутри элиты, и в обществе. При этом я не думаю, что могут быть какие-то организационные силы, которые способны всерьез — как на Украине или в Киргизии...» (*высокопоставленный чиновник*).

«Мы видим, что вертикаль строилась не для того, чтобы росло благосостояние страны и народа. Она строилась только для того, чтобы росло благосостояние номенклатуры. Перераспределение, чтобы отнять у населения дополнительные какие-то блага и распределить их в свою пользу. Типичная мотивация всей этой истории с монетизацией льгот. А для того чтобы удержать в повиновении после этого, нужна вертикаль, нужна сила, нужны прямые приказы, подчинение» (*лидер политической партии*).

«Ну, учитывая, что у нас про вертикаль власти говорят, и про укрепление вертикали власти говорят, а на самом деле она ни черта не укрепляется, а идет демонстрация совершенно разных отношений к тем или иным проблемам среди тех, кто сидит во власти, и действия совершенно разные, иногда в совершенно разных направлениях. Несогласованные. Президент думает одно, бюрократия думает другое, и делается что-то третье...» (*военный эксперт*).

«Совершенно очевидно, что это очень скоро произойдет [власть рухнет]. Я думаю, что это будет как раз связано с парламентскими выборами. Но, может быть, это даже произойдет раньше, тем более что это будет происходить не в Москве на этот раз. Скорее всего, это пойдет по регионам, и, когда начнет гореть одновременно несколько регионов, вот тут в Кремле будет полная паника. Они выстроили вертикаль. Вертикаль покоится на том, что все должны работать как часы. Кнопочку нажал — загорелось. Никакой роли сами региональные элиты уже не имеют, никакой роли общество не имеет. Никакой роли отдельный гражданин не имеет — все пути для саморегулирования общества заблокированы. Есть только один способ — регулирование сверху. Ручное управление. А в котле-то все варится. Поэтому, когда вы крышку закрываете, котел взрывается в итоге» (*руководитель общественного фонда*).

«Примерно такой разговор — с достаточно влиятельными людьми. Сегодня две группировки во власти. Первая — либералы, которые говорят: рынок все расставит. Не расставит, если мыслить в категориях кварталов. Это понятно — он все больше будет приватизировать: нефть, развлечения и вокруг вот этого все рабочие места. И второе — силовики, которые говорят: вы, блин, что там, либералы, пока порядка не будет, ничего не будет. То есть в одном случае — одна крайность, в другом — другая крайность. То есть вертикаль власти без вертикали смысла. Если нет смысла, во имя чего это дело делается, то понятно, что эта власть превращается в произвол, что и происходит» (*военный эксперт*).

«Да, но теперь все претензии — наверх. Как Латынина выразилась совершенно четко, и у меня образ такой: когда спрашивают по поводу вертикали власти, когда она снизу растет, это нормально, а когда он сверху висит — это импотентная власть. Поэтому та ситуация, которая сегодня делается, это правильно Латынина выразилась, что Путин управляет людьми, которые ничем не управляют. Поэтому есть группа людей... и 97% указаний президента не исполняются. Либо из-за саботажа, либо из-за отсутствия средств, либо из-за неумения, либо население не воспринимает — неважно, любую из этих версий бери, неважно, но, по сути дела никакой адекватной реакции от объекта управления не получают. Более того, они еще и обратную связь исключили там — в виде средств массовой информации и так далее... Народ варится в своем котле, и сегодня там делают такую партию, сякую партию — никого это уже не интересует. Ну когда просто включаю уют, а там Жириновский — посредственность и просто враг государства — то, что Ильин считал вождем черни, которого к власти нельзя допускать... Понимаете, политика опошлена, власть опошлена...» (*эксперт по высоким технологиям*).

Правящие элиты

«...Даже если люди гайдаровского, чубайсовского типа были люди авантюрного какого-то склада, что-то искали, дергались, делали ошибки, исправляли их, то эти уже совсем другое поколение, они ничего делать не будут, не получив одобрения с самого верха, но все время оглядываясь назад. А верх — там тоже ждут указаний» (*военный эксперт*).

«Я считаю, что элита некомпетентна абсолютно. Вот просто абсолютно некомпетентна. Вы знаете, я вот работал при разных там режимах... вот, я говорю, она некомпетентна даже не в принятии сложных там решений, она же некомпетентна просто элементарно — наладить какой-то вопрос... я отвечаю за связь с государственными организациями... в компании иностранной... зная власть, я изначально стараюсь делать проекты, которые предлагаются, но не иметь с ней никаких отношений. Потому что любое дело, которое начинается, это такой геморрой, эта такая необязательность, это такое неумение развивать решение вопроса... даже просто связь невозможно поддержать с человеком... тебя что-то срочно попросили, нужно разрешить вопрос, нужно как-то вот по его просьбе получить немедленную реакцию — просто не берут телефон. <...> Это просто стиль власти. <...> Вы понимаете — шпана с улицы пришла» (*эксперт по высоким технологиям*).

«Нет, ничего власть не осознает, потому что она закрыта, не получает информации. Со стороны общества нет инструментов, которые бы могли доводить информацию до власти. Поэтому она живет в абстрактном мире, поэтому ничего не осознает» (*лидер политической партии*).

«...Но единственный критерий, который она осознала, — без рынка никуда, поэтому нужен рынок. А демократия — это формальные, имиджевые штуки. Никакого глубокого понимания прав человека, неотделимых от него и принадлежащих ему от рождения, — понимания этого главного принципа не существует ни у кого в элите. Ни в те времена, ни в 1990-е, ни сейчас, ни у большинства демократов» (*лидер политической партии*).

«Перепугались существенно больше, чем того требовала ситуация. Там ведь абсолютно неадекватное восприятие того, что происходит в обществе. Особенно, думаю, их напугал выход молодежи, и, конечно, их напугала ситуация на Украине, в Грузии, в Киргизии, мне кажется, там особый случай, но и в Киргизии тоже. Если они способны анализировать, то корень всех этих процессов, там много, конечно, факторов, как всегда, но корень — это огромное недовольство населения той политикой, которую проводит власть. И в этом смысле эти корни у нас существуют» (*депутат Государственной Думы*).

«Да нет, чувства опасности нет настоящего. Может быть, какое-то чувство тоски давит, а чувства опасности нет. Не развито тоже. Если 15 лет мы жили кое-как, то проживем и еще... Время сжимается. Поэтому нервозности больше, чем раньше» (*военный эксперт*).

«...Сейчас еще рано делать вывод. Власть пытается извлечь уроки из украинских и киргизских событий и рассматривает эту угрозу как весьма вероятную — если не сейчас, то в будущем. Восьмого года или девятого. Имея в виду, что, ясно, это не будет повторением того, что было, — другие условия, другое общество. Вероятность определенного конфликта, отчуждения или противостояния власти и общества — может быть» (*высокопоставленный чиновник*).

«Я не замечаю панических настроений... Я не вижу... Все такое же, пассивное, равнодушное взирание на процесс» (*военный эксперт*).

«Тут встряска для власти произошла, а с другой стороны, и люди увидели, что, когда они выступают организованно, они чего-то могут добиться. В таких процессах важно не то, как в обществе относятся к этому, 70% — против, например. Тут важно как эти 30% себя поведут, даже 10% и даже 7%. Вот если они себя определенным образом поведут, то этого может оказаться достаточно. Но, вообще, мы в интересном периоде с вами живем. В ближайшие три года наверняка будет что-то интересное» (*депутат Государственной Думы*).

«Политической [программы модернизации] — нет. Элита глубоко устарела, отстала и глубоко безнравственна. То есть государственническое мышление — оно отсутствует» (*лидер политической партии*).

«...10–15 лет — это выходит за горизонты нынешней политической элиты» (*крупный бизнесмен*).

«...Для того чтобы в бюрократии что-то росло, нужно, чтобы начальство приносило какие-то новые взгляды. А когда там, к примеру, Кудрин, ничего плохого не хочу сказать, в 1990 году был депутатом Ленгорсовета, в 1992–1993-м стал заместителем малого экономического комитета, в 1994–1995-м — председателем бюджетного комитета, в 1996-м — вице-мэр, в 1997-м — контрольное управление, в 1998-м — Министерство финансов, то есть человек по бюрократической лестнице пролез вверх. Вот он нормально в первой части вылез, но со взглядами в экономической политике там ведь сильнее не стало. Да, он вырос как бюрократ, но он им как был, так и остался. Западная бюрократия тем хороша, что во главе каждого министерства стоит политик, и по-

литика, исходя из тех политических задач, которые партия хочет решать, управляет бюрократией. А у нас бюрократия управляет бюрократией. Посмотрите на состав правительства — там же все те же знакомые нам лица. Отбираются те, кто соответствуют правилам бюрократического поведения. Некий естественный закон. Можно что угодно говорить, что питерских много во власти, но были днепрпетровские, были ставропольские. Каждый лидер приводит с собой тех людей. Кому он может доверять. И во всем мире опять-таки так» (*менеджер крупной компании*).

Состояние элит: консолидированность или раздробленность?

«Эти элиты достаточно стабильны, они отторгают новых людей, приход новых людей достаточно сомнителен. <...> Они воспроизводятся в первую очередь либо за счет должностей, это форма появления новых людей, а останутся они в элите или нет, это уже зависит в значительной степени не от них. Второе — в элите появляются люди, которых туда приводят. За руку, если хотите. Например, я продал свой бизнес ему — 90%, 10% оставил себе. И я привожу его в эту элиту и говорю, вот теперь будет он, но я тут тоже еще постою немного. Но теперь и он будет в этом участвовать. Этот путь существует. Но проникновение туда новых людей — а вот я захотел попасть в элиту — это почти невозможно» (*руководитель общественного фонда*).

Р.: Мне кажется, что власть очень неоднородна, никогда не было, а сейчас особенно. Начиная с окружения Путина, с администрации, я уверен, что она тоже неоднородна. Есть разные понимания и борьба разных тенденций.

М.: То есть нельзя сказать, что она консолидирована?

Р.: Нет, очевидно, что нет. В чем-то они консолидированы, в первую очередь в желании остаться у власти, но этого маловато, чтобы остаться. А во всем остальном, какой вопрос ни возьми, там консолидации нет. Любый вопрос буквально — и процессы, которые в Чечне идут, и социальные проблемы, и все конкретные законы, и та коррупция, которая в Кремле процветает, и по ней разные тенденции борются. Мне кажется, что есть люди, которые видят это, хотели бы повлиять, но не получается пока (*депутат Государственной Думы*).

«...Она [властная элита] не консолидирована абсолютно. И она все время борется — огромное количество групп борются друг с другом. И держит их только одно. Одних — то, что они уже на данный момент главные, а другие боятся, что если они покажут, что они не главные, то их могут оттуда выки-

нать. Вот такая система, закрытая абсолютно. Это даже не византийская... Она какая-то просто... Порочная... Порочно-византийская — может быть, так назвать... В общем, страх, страх. Внутри элиты всеми движет только страх. Только у народа страх — что будут репрессии, произвол, а у них страх — что они все потеряют» (*лидер политической партии*).

«Я считаю, что она достаточно консолидирована и у нее достаточный запас прочности — и внутренний, и доверия, но это не означает, что все хорошо, и вялотекущий кризис управления может очень сильно обостриться к 2008–2009 годам и вызвать в определенных регионах волнение — то есть не в Москве...» (*высокопоставленный чиновник*).

«Мотивация у них одна — это защитить себя и осуществить реванш, к сожалению. Любая группа, которая появляется внутри власти, — ею двигает не политический новый курс, не реальный модернизм. Ею двигают только прагматические цели: у меня отняли, теперь отниму я. Это вот на Украине мы сейчас замечаем то, что происходит. Поэтому тут сильных отличий нет, нужно выбирать только тех, которые в силу своих интересов хотят не закрепить, а хотят легализовать. Это то, о чем я говорю, — промежуточный лидер» (*лидер политической партии*).

Кризис системы управления, деградация правящего слоя

«...С одной стороны, видны проявления, и угадывается, что, может быть, нужно сделать так, чтобы Запад был врагом, Америка была врагом, НАТО — враг, и, соответственно, внутри надо консолидироваться, ребята, подтяните пояс и прочее, иначе нельзя — поскольку враги. Кстати, это очень удобно тем, кто сейчас сел на все эти нефтяные краны и прочее, потому что для них ситуация уже стабилизируется. То государство, которое на данный момент сложилось, такое криминально-олигархическое, которое защищает интересы криминала, олигархов и, собственно, бюрократии, которая приспособилась, она от олигархов ручеек уже в свой карман и направила, этот криминал тоже направила — и вот как все стабильно. Для них сейчас было бы неплохо еще внешнего врага сочинить, да не получится. А хочется. Но явно не получится. Но это одна ситуация. А вторая — надо исправлять положение, некоторые понимают, что надо исправлять положение. А государственного управления, четко выраженного, его не существует. Некоторая размазня идет. Наталкиваешься: президента послушаешь — он иногда говорит правильные вещи, потом, как только доходит ниже, опускается — всё. А там сидит бюрократия — вязкая, инертная...» (*военный эксперт*).

«Ну, это примерно, я думаю так, что еще до 1996 года, когда еще старые элиты были, они еще сохраняли какой-то... то после этого, в общем-то говоря, началась какая-то деградация. А сейчас это вот просто уже на уровне там компашки, на уровне шайки, на уровне братвы — вот примерно такой стиль. После 1996 года, когда, по сути дела... Вы понимаете, когда худо-бедно еще шла какая-то там кадровая проверка, кадры брались неслучайные, а когда в Совет безопасности пришел Лебедь, людей с улицы взял, понимаете... полукриминальных, непонятно каких. Понимаете — люди не то чтобы там не знают предмета управления, они, просто говоря, не знают, как вести себя в кабинете, не знают, как вести себя с секретаршей, не знают, как развивать работу, как график заместителей... Ну, не знают — привыкли там на базарном уровне... Понимаете — вот такое ощущение... Я имею в виду властвующие элиты. Я имею в виду, во-первых, хамское поведение министров, их, в общем-то говоря... Вы знаете, точность — вежливость королей. Ну нет вот этой вежливости, вы понимаете, причем это же не просто там соблюдение протокола — это просто наведение порядка. Если любой вопрос начинается и каждый день десять раз переносится совещание, десять раз меняются вводные — просто во власти хаос. Я уж не говорю про вопросы по содержанию — там просто процедурно решить — какое-нибудь письмо там направить-переправить — это вот просто, будем говорить, катастрофа» (*эксперт по высоким технологиям*).

«...Из-за медленно происходившей смены элит... когда эти элиты уже не хотели вообще ничего делать, а если бы и хотели, то уже сменился небольшой тонкий слой, накопленный... в предыдущие годы. И, соответственно, произошла деградация правящей элиты и ее сознания. Именно правящей элиты. Управляющей, я бы сказал. И к тому же все это наложилось на так называемую административную реформу, которая даже компетентных управляющих поставила в условия, когда они действовать не могут. Все вот это вместе сложенное стало ядром понимания того, что падает управляемость государством, обществом, страной» (*руководитель академического института*).

«...Раньше тоже некомпетентности было сколько угодно, но была конкурентная политическая среда, когда некомпетентность уж совсем очевидная была невозможной. С уничтожением или резким сужением конкурентности политической среды эта некомпетентность резко расцвела» (*руководитель академического института*).

«...Они читают Павловского, который сам едва с законченным средним... Вы лучше меня знаете, кем он был — он попался там, чего-то вякнул... Он был внутрикамерным агентом, провокатором. Я... знаю провокаторов — руки

не подам! А власть с ним общается! Понимаете, есть же какой-то кодекс приличия, кодекс чести какой-то... Ну нет там его!» (*эксперт по высоким технологиям*).

«Это результат и столкновения разных группировок, и того, что власть, в принципе, крайне неповоротлива и неэффективна, плохо оплачиваема. И результат того, что не всегда идет качественный профессиональный отбор. То есть очень мало компетентных людей. И их продвижение вверх зачастую зависит не от компетентности, а от других вещей» (*высокопоставленный чиновник*).

Характеристики людей, стоящих у власти

М.: Например, это прагматики, реалисты, хозяйственники, бюрократы, временщики, идеалисты с утопическими проектами...

Р.: Вы перечислили диапазон... они присутствуют во всем диапазоне, в той или иной пропорции... В разной степени в разных структурах. В администрации, я вам сказал, два четко выраженных слоя, они временно там присутствуют, осталось немного, надо решить задачи, и те, которые мышками там сидят, бюрократы, им хочется и дальше там сидеть и не дергаться. В правительстве — там еще присутствует эта компания идеалистов с Грефом. Плюс компания финансистов — экономистами не назовешь — типа Кудрина. Скорее, бухгалтеры — у них в голове только дебит с кредитом, сошло не сошло. И они с этих позиций подходят и к социальной политике. Собственно, у Грефа, когда он говорил, что стабилизационный фонд — он должен стабилизировать. А то, что он дестабилизирует социальную ситуацию в стране — не относится к дестабилизации. Это игнорируется. Ну, человек у нас амбициозный... Поэтому весь этот спектр, что вы перечислили, как раз в правительстве и наблюдается (*военный эксперт*).

«...Понимаете... бюрократ, вообще-то говоря, слово-то более-менее достойное... Да, это циник, потому что бюрократ — человек ответственный, он человек шепетильный, человек пунктуальный... ну нет бюрократов! Некомпетентны в своей области! Бюрократ соблюдает процедуру — но ведь они же ее не соблюдают! Ведь обратите внимание: проводился контрольно-счетным управлением контроль президентских распоряжений — три процента выполнено, девяносто семь процентов не выполнено. О какой бюрократии вы речь ведете — бюрократия бы это допустила? У него галочка должна быть! Понимаете, вот, когда это говорят... Я вот, например, бюрократии-то этой не вижу. Хаос я вижу, цинизм я вижу, хамство я вижу, некомпетентность я ви-

жу, но вот понимаете — все эти признаки, они не являются признаками бюрократии» (*эксперт по высоким технологиям*).

«Преданные исполнители. Преданные не идеалам, а лично лояльные» (*лидер политической партии*).

«Временщики. Это люди, которые живут сегодняшним днем и думают только о том, как продлить свое пребывание у власти на подольше. Наиболее умные из них понимают, что это время ограничено, те, кто поглупее, считают, что могут применить силу, чтобы удержаться бесконечно. Но, поскольку Путин никому не доверяет и решения будет принимать сам, надеюсь, он не даст себя втянуть в формирование какой-то пиночетовской хунты у нас» (*лидер политической партии*).

«Там есть все: и идиоты, и мечтатели, и циники, и прагматики. Но принцип бюрократии — это не высовываться. Это более важно, чем идеализм, не подкрепленный знаниями. Приток свежей крови будут губить, они это не любят» (*менеджер крупной компании*).

«...Насколько корыстна [власть], по-глупому корыстна, слепо, скажем, что она даже не понимает, насколько она сама себе готовит, подбрасывает дрова под тот котел, который она сама закрыла. И не может поступиться ни на йоту своими позициями, для того чтобы поделиться с другими.

...Такая слепая, тупая корысть. Это может напоминать советские времена. Но в советские времена номенклатура все-таки понимала, что такой корыстной быть нельзя» (*лидер политической партии*).

«Конечно, это приспособленцы... Главное, в чем я убедился за прошедшие годы, что испытание властью — это самое тяжелое испытание для человека. Через него проходят, боюсь, что менее одного процента из тех, кто попадает во власть. Остается при этом именно тот, кто готов идти на любые сделки с совестью. Идет отбор именно таких людей» (*депутат Государственной Думы*).

«...Это верные люди. Они могут быть хорошими специалистами, хорошие специалисты на самом деле присутствуют в окружении президента, но они не являются ведущими политическими игроками. <...> Поскольку у нас система суперцарская, я бы даже сказал... Греф, условно говоря, не является политическим игроком. Он является продолжением Путина в той области, где Путина как такового нет. Путин не разбирается в проблемах экономики на таком уровне, ему нужен кто-то. Вот этот кто-то и дает ему полномочия, возможность [влияния]...» (*политолог*).

«Я бы доминирующий тип назвал так: это третий сорт советской политической элиты... И по сути, и по качеству. Им всем 45–55, то есть это последние люди, которые пришли в бюрократию при советской власти, это все люди, которые проиграли на первой волне приватизации и политической игры... Заметьте, сейчас у власти ни одного нет первоклассного силовика. Условный тип, всякие там Бордюжи, Раппорты, они все куда-то рассосались. Генералов не берут, там берут майоров, капитанов и так далее. Эта группа. С ней какая-то партийная группа, с ней какая-то хозяйственная группа. Все они, почти что, участвовали в попытке приватизации и преобразований 90-х годов, и все они провалились. Это огромный был слой... Нельзя сказать, что они там бедствуют, они не ученые, но они, конечно, там оказались на четвертых, пятых, шестых ролях. Потому что на первых, вторых и третьих ролях оказались люди совершенно другого плана. Это либо новые нувориши с совершенно отвязным менталитетом, с другой подготовкой, либо люди, которые смогли конвертировать свою советскую власть в деньги и во все остальное» (*руководитель академического института*).

Блокировка модернизационных идей и стратегий через селекцию кадров

«А пессимизм в основном связан с тем, что у нас по-прежнему отсутствует нормальная система роста кадров, выдвижения кадров, которая характерна для демократического общества. Ведь у нас же вертикаль власти по-прежнему строится сверху вниз, а не снизу вверх, от местного самоуправления» (*военный эксперт*).

«Причем здесь блокировка идет по нескольким, так сказать, основаниям. Первая блокировка тем, что, по сути, сырьевая ориентация экономики имеет несколько ответвлений. Ну, во-первых, люди заняли — им хорошо. То есть не буди лихо, пока оно тихо. Второе: они обладают политической монополией. То есть если появляется в правительстве какая-то группа, которая занимается другим видом технологий, получается некоторый вид конкуренции. Конкуренцию эта публика — она выросла не в условиях конкуренции, она получила на халяву собственность — она просто не понимает, что это такое. Поэтому, значит, это идет второй уровень — невосприятости каких-то там таких потребностей и реалий. Третий уровень — примитивизм технологий порождает примитивизм мышления. Мы вот говорим там — продвинутый бизнес. О чем разговор? Весь бизнес — да, сделали товаропроизводящие сети, при помощи иностранных компаний, не суть важно, но простой биржевой товар, с фиксированной ценой продвинуть на мировой рынок — что, для этого высо-

кой квалификации нужно кадры? Вот, понимаете, если бизнес американский — на нем 80% продаваемой продукции составляют советы и решения, информационный ресурс... Вот здесь нужно найти заказчика, убедить, включить совершенно уникальные специальные технологии... придумать совершенно уникальные инженерные решения. Вот перед таким бизнесом я шляпу сниму. Но ведь речь идет о совершенно примитивных технологиях и о совершенно примитивном способе ведения бизнеса. Эта примитивная технология приводит к тому, что люди приходят с совершенно примитивным пониманием экономики. Люди, приходящие с примитивным пониманием экономики, порождают дегенерацию политическую, которая вот сейчас в Кремле — самый простой сейчас... вот мне приходится из-за некомпетентности аппарата, ко мне приходят... на платной основе, на другой основе... говорят: слушай, напиши доклад! Я пишу. Я, кстати говоря, писал для послания президента... им удобно, а мне какая разница... оплатили — я сделал. Или борзыми щенками, или каким-то там образом... Но главное — буквально все говорят о том, что не надо сложно, надо попроще. Понимаете, люди не понимают одного: описание объекта управления должно быть адекватно его сложности. Если я буду примитивизировать, я непременно допущу ошибки, я никогда правильно не выстрою... Понимаете, ну люди книжек не читали, ну просто элементарно... я уж не говорю... введения к книжкам не читали! Вот такая вот дикая некомпетентность» (*эксперт по высоким технологиям*).

«Никто из них не пойдет, если толпа пойдет громить. Никто не даст команды. Он не даст не потому, что он добрый, или потому, что боится, просто ему безразлично. <...> Элиты у нас только те, у кого бабло на западе» (*военный эксперт*).

«Ну какое там гражданское общество и это все? Ерунда, разговоры. Ну основа была бы — профессионализм, развитие профессиональной структуры. У нас тоже, впрочем, понимается не в том значении. У нас плохо знают английский язык и не понимают, что такое профессионализм и профессионал. Вот то, что они понимают под словом "профессионал", для любого знающего английский язык — это дикость. Я — профессионал. Я — профессиональный политик. Ну не может политик быть профессионалом. Ну не может политик быть профессионалом, потому что критерии профессионализма невероятно четко сформулированы. Если вы скажете, что вы профессионал по-английски, вас никто не поймет. Никто! Потому что у них профессии — три-четыре: врачи, юристы, священники, военные. Вот профессионалы. И обязательно это человек с академическим высшим образованием. То есть это служение обществу, профессионал только служит. А у нас — профессиональные политики... вот степень безграмотности нашей элиты! "Яблоко" выставило гордо лозунг

"Мы — партия профессионалов" — это кошмар. Или "За профессиональную армию" — я все время бьюсь, ну бред, ну не может быть профессиональной армией!" (*военный эксперт*).

«Удивительная некомпетентность власти, раздвоение сознания. С одной стороны, они хотят проводить либеральные реформы, с другой — что-то совершенно противоположное. В государстве так не может быть. Они эту власть раздирают, я и называю это в том числе некомпетентностью. С одной стороны, либеральные какие-то вещи, с другой — православный фундаментализм. С третьей — какое-то заигрывание с патриотическими силами, с четвертой — заигрывание с силовиками. Все намешано. А от этой некомпетентности — удивительное неумение действовать в форс-мажорных обстоятельствах. Любое постороннее возмущение, Беслан — власть же была в растерянности. Она потом пришла в себя, но как она вышла из ситуации — числом многочисленных жертв» (*депутат Государственной Думы*).

«Я считаю, что они достаточно устойчивы, относительно замкнуты, и эта элита не одна. Это элиты совершенно разные. Там есть пересечения, но крайне редкие. Элита... художественная, артистическая, шоу-бизнес — там все время одни и те же люди всегда. Это люди, связанные с шоу-бизнесом, и, как правило, там посторонних не бывает. То же самое элита политконсультантов, журналистов политических. Это тоже свой круг, где все время одни и те же лица. Новые лица там появляются крайне редко. Главное, они там не приживаются, эти новые лица. Я бы даже сказал, что это не элиты, а это тусовки. Потому что элита — это избранные. Есть очень глубокие мыслители в области политологии, которых вы на этих тусовках никогда не найдете. Их никто не будет относить к элите политконсультирования. Но если вы посмотрите их научные работы, то поймете, что вот на самом деле элита. Вот избранные, а совсем не те, кто входит в эту тусовку. То же самое и в политической элите. Политическая элита — она опять-таки тусовка своих. В значительной степени она сейчас изменилась, но она изменилась силовым путем. Просто туда не пришли новые люди, а туда ввели новых людей. Эти новые люди чувствуют себя там очень неуютно, во всяком случае первое время, пока не понимают правил поведения в этом замкнутом кругу. Но они обучаются довольно быстро, и благодаря своему формальному, должностному положению они становятся частью этой тусовки. ...Он [этот круг] в каком-то смысле однороден, в каком-то смысле разнороден. Это все одна и та же тусовка. Просто в одной тусовке есть разные кланы, разные группы, разные партии. Партия герцога Мальборо и партия принца Кентского, как в средневековой Англии. Есть партия Сечина и партия Суркова. Может, это и разные партии, а может — два крыла одной и той же. Что, по-моему, скорее. Что касается всей этой элиты,

то в ней есть эта разнородность, но она не такая сильная. Есть силовики, но эти силовики на самом деле олигархи одновременно с этим. Что касается олигархов или крупного бизнеса... Опять-таки, с одной стороны, они представители крупного бизнеса, а с другой стороны, это люди, от которых зависят политические решения, от которых зависят политические фигуры. То есть здесь все соединено достаточно. Правящий класс, он консолидирован на самом деле. Но раздираем внутренними противоречиями» (*руководитель общественного фонда*).

«...Коррупция никого не волнует в Китае, где она такая же — трудно сказать, больше или меньше, чем у нас. Но там, при всей коррупции, они еще работают. В том числе госаппарат работает. И решает вопросы, которые комфортны для иностранного бизнеса. Достаточно. И решает свои внутренние вопросы.

У нас беда в том, что наши коррупционеры не работают. И за те деньги, которые они берут — что от российского бизнеса, что от иностранного, они не выполняют своих обязательств. Вот, на мой взгляд, главная проблема — ну, такая, на подтекст. Конечно, в идеале надо, чтобы вообще не было коррупции, потому что это разврат, это извращение и дискредитация власти. Но главная проблема даже не в этом. А в том, что власть не выполняет своих обязательств. Она неспособна держать слово и эффективно решать вопросы — ни по отношению к бизнесу, ни по отношению к населению. Качество проработки вопросов крайне низкое» (*высокопоставленный чиновник*).

Региональная элита

Р.: Региональная элита выстроилась в 2002 г., когда была создана "Единая Россия". Партия региональной элиты добровольно сдалась на милость победителя и была интегрирована в партию федеральной элиты. "Отечество — Вся Россия" влилась в "Единую Россию" — это и был как бы момент истины, они подчинились. У Ницше есть такой афоризм: "Ты хочешь властвовать, так научись же подчиняться" — они ему и последовали. Если хотели распространить власть у себя, должны были строиться под власть федералов. Это давно уже произошло. Региональная элита — наиболее консервативна в этом стремлении подчиняться. Самое позорное — это Шаймиев, который был лидером федерализации в 1990-е гг. и чуть ли не за суверенизацию выступал, а теперь он президент, которого назначает Путин. Большого позора трудно себе представить. Но все это проглотили и даже вроде довольны, что их сохранили у власти.

...Центральная власть достаточно слабая, и она особо не мешает [регионам]... На местах они адаптировались друг к другу. Если взять данные регио-

ны, они уже вписались в ту ситуацию, которая есть, потихоньку делают свои дела, где-то уже с китайским бизнесом, который в этом регионе является определяющим, и они от Москвы уже в меньшей степени-то зависят!

М.: В этом смысле будут продолжаться скрытые тенденции децентрализации?

Р.: Если мы действительно так будем относиться к регионам... Опять-таки, это же будто все наоборот делается! Государство должно взять на себя те функции централизованного управления, которые скрепляют это государство, — это, по-моему, даже у Адама Смита написано. А у нас наоборот! Это отдали в регионы, регионы в этом плане не помогают, а если регионы решают — во всем виноват центр. Для регионов. Сами себя подставляют! Поэтому такое состояние еще скрытое, не проявившееся... <...> Напряжение будет расти. <...> В наиболее активных регионах. Конечно, трудно проводить аналогии, пока не совсем корректно, но где-то вызывает беспокойство уже целостность России. В перспективе это может привести и к этому» (*военный эксперт*).

«Да брось ты, говорят, он свой, в случае чего мы его посадим, куда он денется... То есть духа аристократии, как писал Ильин, нету... Второе: сепаратизм, он сейчас начинает прорисовываться... Вот у меня сейчас ребята были в Красноярске... Ну, вы знаете, там было много нагрузок, там протащили. Словом, с помощью политехнологий решили проблему. Но одновременно там другое прорисовалось. Когда им говорят — мы идем в Европу, они отвечают — идите вы к чертовой матери, только от нас отстаньте. Сепаратистские настроения в Сибири нарастают. То есть мы самодостаточны. Что мы от вас получаем? Технологии мы берем на Западе... Что вы от нас хотите? Поэтому вы там в Европу, чего-то там... Да идите вы подальше — вы нам кроме нищеты ничего не производите — вы колонизаторы. Поэтому отношение к Москве как к колонизатору — оно фактически усиливается. Дальше, конечно, та политика, которая там проводится, понимаете... Поскольку не проводится модернизация, не проводятся инвестиции в основные фонды, все приходит в труху. И дороги, и пятое-десятое... Все деньги в центр, ответственность на губернаторов... А губернаторы — они просто саботируют» (*эксперт по высоким технологиям*).

Р.: На местах интересно. Мне кажется, там появляется новая модель политического развития России, в том числе русского либерализма, которая, мне кажется, имеет перспективу. Лидеры крупного предпринимательства областного уровня, районного уровня на каком-то этапе начинают задаваться вопросом, должны ли они платить эту дань всем чиновникам, так называемым политикам, членам законодательных собраний, районных представительных учреждений, — почему бы им самим не идти в политику? <...> Это мне кажется естественным, нормальным. Не надо сверху — сверху слишком близко к солнцу подлетаешь и теряешь крылья...

М.: Верх не видит этих движений или не чувствует в них ничего?..

Р.: Не чувствует. Для верха это не является вызовом. Более того, они будут готовы работать с элитами на областном уровне, на более низком уровне у них не дотянется рука... Им нужна лояльность в обмен на какую-то свободу для региональных элит. Если пределы свободы могут быть согласованы — а они могут быть согласованы, — то мы можем иметь достаточно удачное сотрудничество, которое дает — не сверху, а снизу — какие-то политические всходы, то, думаю, мы имеем большие шансы на каком-то этапе — устойчивой демократии» (*политолог*).

«Понимаете, условно говоря, назначение губернаторов — самое такое простое — можно было сделать и так и сяк. Но когда одновременно вводится пропорциональная система — то это уже Бог знает что, это означает: ждите, за вами приедут. И это на фоне закручивания публичного диалога и полного отсутствия диалога с властью активных слоев населения» (*руководитель академического института*).

«Они [отношения центра и регионов] являются частью кризиса. Потому что уже сейчас нарастает напряженность. Во время монетизации она была выброшена наружу, специально конечно. Могли и не устраивать такого концерта. Была возможность. Будет выбрасываться и дальше. Центр, кстати говоря, начал сдавать потихонечку обратно. Многие трансферты пошли назад. Значит, они будут давать чуть-чуть назад. Переназначения губернаторов, большинства губернаторов прошли, кроме разве совсем чудовищных фигур, да и совсем чудовищных переназначали, только бы был тихий. Чтобы все тихо-тихо. Соответственно, уже центр начал снижать обратно власть губернаторов. Ну, когда выбирают Владимирскую, Курскую, Рязанскую. Когда уже совсем просто уже превратились в ленивые мертвые зоны. Заметьте, из таких ярких фигур сняли только одного саратовского и еще двух-трех» (*руководитель академического института*).

«Поэтому если брать ситуацию, связанную с отношением по линии губернаторы — регионы — власть, то здесь тоже возникает напряжение, и трудно сказать, во что оно выльется. И я не исключаю, что послушные губернаторы, во-первых, с ситуацией не справятся, потому что их просто не избирали, и, во-вторых, у него нет ресурсов, в-третьих — потому что послушный будет бояться доложить ситуацию на самом деле и решения будут приняты неверные. А в нужный момент он, поскольку не пользуется авторитетом, с ситуацией не справится. Ситуация опасна тем, что — я не знаю где — я знаю, что ситуация реально не контролируется. И Москва не знает... потому что в Москву докладывают то, что хотят услышать, а не докладывают правду» (*эксперт по высоким технологиям*).

«Местные элиты заинтересованы, естественно, в том, чтобы центр в их дела не вмешивался. А центр заинтересован в том, чтобы местные элиты работали на него. И чтобы они платили ему в разной форме плату за то, что центр разрешает региональным элитам существовать. Региональные элиты, естественно, этого не хотят, потому что им все это нужно самим. Центр готов отдать местным элитам население нижестоящее — в городах, районах, вот, ешьте их. А мы будем есть вас. Этот процесс абсолютно бессмыслен и бесперспективен, потому что в нормальном обществе как раз центральная элита формируется за счет местной элиты, формируется местными элитами и как бы представляет местные элиты. У нас все наоборот. Они друг от друга оторваны, федеральная элита оторвана от местной, она их пытается использовать в качестве своих продуктов питания, но при этом она им — региональным элитам — ничего не дает. И не старается ничего дать. Региональная элита заинтересована в том, чтобы иметь хорошие отношения с федеральной элитой, чтобы просто она их не слишком ела. И кое-что с их барского стола им время от времени бросала. Это процесс постоянный, центр пытается съесть субъекты и все больше и больше забирает власть в свои руки. Это тоже источник напряжения» (*руководитель общественно-го фонда*).

Профессионализм и влияние экспертного сообщества

«[Оно существует,] если на экспертное мнение есть спрос. Оно у нас в стране отсутствует. Основной канал для распространения экспертного мнения — это телевидение. Что есть по телевидению, то и есть, что не обсуждается, того нет» (*менеджер крупной компании*).

«...Мне кажется, что власть выбрала тактику не замечать ни мнения сообществ профессиональных, ни общества в целом, ни мнений экспертов. Власть выбрала другую модель. Она себе отобрала экспертов, которые говорят то, что ей нужно говорить. И она слушает этих экспертов, и главное — она транслирует мнение этих экспертов на общество. Какое-то время на этом можно продержаться. Но мне кажется, что ресурс этот исчерпывается, и уже критическая масса дошла до той черты, когда это уже перестает работать. А мнение экспертного сообщества достаточно однозначное на самом-то деле по большинству вопросов. Причем самого широкого экспертного сообщества. Политологи, академические круги, другие — все они достаточно дружно одно и то же говорят. Власть очень слаба. Она держится на СМИ, на пропаганде, на силовых структурах, на авторитаризме» (*депутат Государственной Думы*).

«Думаю, второй-третий ряд [специалистов] находится за пределами того круга лиц, которые принимают решение. Я думаю, что большинство хороших специалистов в области экономики работают в частном бизнесе, а не в правительстве. Или они работают в правительстве, чтобы набраться опыта и связей, а затем перейти в частный бизнес» (*политолог*).

«Любое профессиональное сообщество вызывает страх. <...> Потому что знает кошка, чье сало съела... Я это говорю к тому, что люди, которые приходят, во-первых, в основной своей массе некомпетентны, во-вторых, приходят решать свои задачи, и, в-третьих, решая свои задачи... тут есть методологическая ошибка: государство и бизнес — это разные сущности. Потому что бизнес — у него четкая задачка: это получение прибыли, другой задачи у него нет, он для этого формируется и создается. И у людей установка на это. А государство... должно заниматься там, где неприбыльно, но нужно. Государство там, где иррационально, например духовность. Там, где социальная незащищенность. Понимаете, оно сплошь иррационально. Ну, в экономическом понимании» (*эксперт по высоким технологиям*).

«Профессионализм — это построение профессиональных самоуправляющихся корпоративных структур, служащих обществу: медицина, образование, учителя. Но это все самоуправляющиеся корпоративные структуры. Армия — и то это корпоративная, со своей системой ценностей, у них гражданский контроль через себя, они сознательно приняли решение не принимать участие в политике, уходить от нее. Образование — там Гарвард, кодекс чести. Вот это, если бы было хотя бы лет 30, то появилась бы надежда. Но к этому тяга есть. Это исторически возникало. Профессионализм военный, религиозный — он с III века, а военный — с начала XIX века только. Все страны к этому пришли» (*военный эксперт*).

«Как у любой политической партии у российской бюрократии есть свой исследовательский центр. Один человек, группа людей — неважно. Они отстаивают некую точку зрения, они ее формируют, теоретическую позицию, и говорят — мир устроен таким вот образом. Мир — это блин, лежит на трех китах. А три кита плавают в океане. Понятно? Исходя из этого к краю не подходить, потому что можно свалиться, и так далее. Правила такие. У российской бюрократии есть свое экспертное сообщество, которое обслуживает ее интересы. В политических, внешнеполитических, экономических вопросах — все фамилии известны. Никто не прячется. Другие люди, да, есть другое экспертное сообщество, вопрос — кому интересно их мнение? Вот если у вас политическая структура консолидирована так, что 70% — это интересы бюрократии и экспортных отраслей, 70% — это

вес в нашей экономике экспортных отраслей, это неслучайно, соответственно эти проценты политики и имеют. Можно сколько угодно говорить о необходимости технологических прорывов, об инвестициях в инфраструктуру, это не соответствует интересам сырьевых отраслей. Поэтому это все отсекается. Поэтому все остальное сообщество, которое утверждает, что земля это не блин, лежащий на китах, оно может быть интересно этим 30%. Из этих 30% половина — это как в Думе. Рогозин плюс Жириновский, это такие маргиналы... <...>

Они вписаны, но тем не менее за ними стоят избиратели, которые являются маргиналами. Есть 70%, которые представляют интересы экспортеров, есть 15%, которые представляют интересы маргиналов. И есть 15%, которые представляют коммунисты, обиженные такие пенсионеры, на самом деле бывшие советские» (*менеджер крупной компании*).

«Проблема 2008 года»

М.: Возможны ли радикальные изменения при смене власти?

Р.: С одной стороны, они нежелательны, поскольку любые резкие изменения — они чреваты последствиями. С другой стороны, изменения обязательно должны быть, но они должны быть достаточно решительными и тем не менее плавными.

М.: А возможна ли дестабилизация во время выборов?

Р.: Думаю, что возможна. Есть сведения, что собираются провести вторую серию монетизации льгот, сделать это в жилищно-коммунальной сфере. Мы предупреждали уже, написали даже письмо Фрадкову, что это может закончиться очень плохо. Правительство от этих планов не отказывается. И эффект от этой монетизации придется как раз на выборы, парламентские, местные (*лидер политической партии*).

Р.: Все возможно... Возможна и та же команда, возможна и смена власти. Но смена власти со стороны тех группировок, которые не имеют никакого отношения к демократии.

М.: А, например, каких?

Р.: Обиженных.

М.: А кто это, например?

Р.: А кто угодно — обиженных при Ельцине, обиженных при Путине — их много, обиженных. <...> У них ресурс огромный. ...Это все гражданская власть — со своими капиталами. <...> Конечно, это кто-то, кто был во власти. Это же раскол элиты. А ресурсы есть только у тех, кто был во власти» (*лидер политической партии*).

«На самом деле есть же мотив преемника. Она будет пытаться сохранить при помощи преемника. Кстати, это слабое место. Потому что после определения преемника обязательно появится кто-то недовольный внутри власти, и этот недовольный обратится именно к демократической оппозиции. Это будет уже не Касьянов, который выкинут из этой системы и опасности не представляет. Если кто-то недовольный окажется внутри власти, он резко усилит оппозицию. Может даже стать лидером этой оппозиции, ее консолидировать. Примерно как Ющенко на Украине.

...Они будут тянуть до самого последнего момента. Тем самым меньше будет шансов у альтернативного кандидата консолидировать вокруг себя силы» (*лидер политической партии*).

«[Путин] сильно повернул нашу страну в сторону от того, что называется демократическим путем развития. <...> Есть западная демократия и восточная авторитария, понятно, что мы сейчас ближе к Востоку. Я вообще не понимаю, что у нас осталось от западной демократии, только что прямые выборы президента. А если мы назначим преемника, то еще раз все поймут, что у нас происходит» (*менеджер крупной компании*).

«Я думаю, что какие-то варианты для сохранения будут предприняты. Если будут предприняты какие-то варианты для сохранения или продления лидера у власти, то мы вступим в период длительной нестабильности, острой нестабильности. Сохранение лидера у власти в стране возможно в случае, если он передаст — пока я готов так говорить, — передаст новому поколению, с соответствующими договоренностями, бразды правления, сохранив за собой значительную часть того, что набрано, и довольно существенные рычаги влияния через контролируемые СМИ и др., став суперолигархом» (*руководитель академического института*).

«На мой взгляд, ситуация с преемником крайне неопределенная... В принципе, какой будет конфигурация в политической системе на федеральном уровне за рубежом 2008 года, мы не знаем, повторяю, будет ли это в 2008-м, может, это и раньше случится, поэтому мы можем ждать самых неожиданных событий... Но при этом совершенно очевидно, что ситуация с преемником прояснится только тогда, когда станет ясна степень консенсуса в различных фрагментах нашей политической, деловой и социальной элиты в отношении дальнейшей стратегии действий. И вне этого пытаться искать преемника просто как кандидатуру без уменьшений внутренних противоречий в обществе бесперспективно. На мой взгляд, это только усилит риски... Для того чтобы это стало ясно, должно быть преодолено много других неясностей. И назначение преемника — это финальная часть консенсуса внутри элиты. Как это всегда

происходило в России... Если этого консенсуса не будет, мы получим уникальную ситуацию за весь период постсоветской России, потому что вне такого, хотя бы негативного, консенсуса (мы его не любим, но он для нас лучше, чем кто-либо другой), если даже такого консенсуса достигнуть не удастся, мы получим беспрецедентную для страны ситуацию, чреватую гораздо более высокой политической неопределенностью» (*высокопоставленный чиновник*).

Р.: Нового лидера попытается выдвинуть сама власть — как это было и с Ельциным, который выдвинул Путина... и будет пытаться обеспечить преемственность власти. Более того, в отличие от Украины, где такой вариант представлялся, у нас по-любому выдвинут кандидатуру, которая будет восприниматься Западом, и точно без уголовного прошлого, и вполне цивилизованная, европейски ориентированная. Но это не означает, что эта фигура будет проходной. Я бы скорее предположил, что она будет проходной, и ее изберут, но цена избрания и используемые для этого средства будут таковы, что это в конечном счете будет резко подрывать... Это пессимистический сценарий, но, думаю, наиболее вероятный. Судя по тому, как сейчас власть строит политику — и с регионами, и с теми, кто с ней не согласен, — усилия будут неадекватной задачей, и способность решать проблему, она от этого... не возрастет, а ухудшится. И вполне возможно, что не на выборах — а скорее после них — мы получим достаточно сложную и кризисную ситуацию. Именно когда проявится неспособность нового лидера решить те проблемы, которые к этому времени вылезут наружу. А их будет очень много: проблема с пенсионной реформой и пенсиями...

М.: Она до выборов не решится?

Р.: На мой взгляд — нет. Но ее нужно будет решать после выборов, и к этому времени все дыры и все огрехи вылезут наружу. А во-вторых, проблема очень многих регионов, в которых жизнь сейчас деградирует. Причем если сейчас это до Москвы не докатывалось и можно было всегда спихнуть это на губернатора, то к 2008 году или сразу после это все обнажится. Потому что, во-первых, выборы вынесут это наружу, во-вторых, списать это на губернаторов будет сложнее, потому что все поставлено из Москвы» (*высокопоставленный чиновник*).

«...Степень консолидации элиты перед выборами, которая, между прочим, была высокой перед всеми предыдущими выборами... собственно, поэтому и удавалось обеспечить преемственность власти... Выборы Ельцина вторые в 1996 году, переход власти к Путину, перевыборы Путина на второй срок — они отражали на самом деле высокую степень консенсуса — относительно высокую степень консенсуса — относительно развития... По крайней мере, отсутствие ясной альтернативы существующей стратегии. Может быть, это

и не консенсус позитивный, а негативный... но проблема в том, что все другое хуже. <...> Поэтому, в принципе, конечно, за ближайшие два года у элиты еще есть время, у политических сил, которые реально влияют на политическую ситуацию в стране, — у них есть возможность еще большего сближения позиций, хотя бы в негативном плане — в том, что нет альтернативы. Мы имеем ситуацию очень серьезного раскола в обществе на сегодняшний день. Вот я буквально перед вами встречался с людьми из ассоциации менеджеров, и они говорили, что люди из бизнеса... то, что говорят не олигархи, а линейные менеджеры компаний, не первые лица, то, что они говорят о власти и о своих проблемах, это описывается только нецензурными словами» (*высокопоставленный чиновник*).

«Эти факторы говорят о том, что в той конфигурации, в которой предполагается 2008 год, я думаю, что его не будет — выборы и все такое. Потому что все эти риски — они достаточно серьезные, чтобы здесь произошло всеобщее схлопывание, что мне, к сожалению, что очень мне не хочется, не потому, что я власть эту люблю, я ее не люблю, а в силу того, что я пока не вижу политического субъекта, кто власть эту будет подхватывать, чтобы страна не развалилась. Американцы предлагают нам сейчас Касьянова. Я так понимаю, что с Путиным есть какие-то договоренности по 2008 году, что он уйдет. Но это не политический субъект. Коммунистическая партия тоже, к сожалению, не политический субъект. "Родина" — тоже, хотя может быть. На этой волне может вылезти самый неожиданный человек, может вылезти Лужков, допустим. Но мы же понимаем, что все равно это ущербно для страны. Это одна мафия сменит другую мафию. Сейчас мне сказали, что они думают над проектом Примакова. Хотя Примаков может стабилизировать ситуацию и быть... Но пока мне не ясен политический субъект» (*депутат Государственной Думы*).

«Есть другие игроки, но они слабее [народно-патриотических сил]. Социально слабее. Они могут быть сильнее по деньгам, по консолидированности, по влиянию...

У Касьянова очень большая перспектива, которая объединит большие деньги, медиаресурсы, и я думаю, ему удастся создать широкую коалицию на этом фланге. Но все равно за эту коалицию в первом туре больше 20% не проголосует. Поэтому вопрос о том, кто выиграет выборы, это вопрос о том, кто пройдет во второй тур — Касьянов или представитель народно-патриотических сил. Кто выйдет во второй тур, тот и выиграет. Путинский преемник по определению пройдет во второй тур, потому что ему напишут определенное количество голосов. Если пройдет Касьянов — он победит.

«Если выиграет Касьянов, то Россия может оказаться в Евросоюзе гораздо раньше, чем даже Украина» (*лидер политической партии*).

«[Если] смотреть на общую тенденцию, то она такова, что три четверти электората отвергнут преемника нынешнего президента, кто бы он ни был. Это означает, что у власти есть только два способа удержаться — либо путем применения силы, либо путем применения обмана. Для того чтобы применить обман — общество должно быть абсолютно пассивным, покорным и оппозиция должна быть недееспособной. Я думаю, что такие предпосылки вряд ли будут реализованы, потому что народ все-таки пробуждается к защите своих интересов, и если вожди оппозиции его не возглавляют, то возглавляют другие люди...» (*лидер политической партии*).

«[Если патриотические силы не сумеют объединиться,] тогда есть вторая возможность, что путинскому приемнику удастся победить, противопоставляя себя Касьянову и убедив лидеров коммунистической и патриотической оппозиции его поддержать против Касьянова. Все, по-моему, очень просто. Единственная неопределенность — это будет ли власть применять силу, потому что есть еще риск, что в случае провала путинского приемника в его успехе будут политические репрессии с зачисткой народно-патриотического направления. Такая зачистка уже сегодня готовится всеми, понятно, что покушение на Чубайса — это нечто подобное поджогу Рейхстага. Только, слава богу, масштаб у нынешней власти уже не тот, поэтому и провокация менее масштабная. Но это чистая провокация, чтобы обвинить в этом покушении лидеров патриотической оппозиции, чтобы таким образом их дискредитировать или даже просто убрать» (*лидер политической партии*).

«Легитимно можно будет передать власть путинскому преемнику только путем очень серьезной и сложной системы соглашений с лидерами народно-патриотической оппозиции, которые под него подстроятся и попытаются вместе разыграть этот политический спектакль. Но мне кажется это маловероятным. Потому что если лидеры народно-патриотической оппозиции слишком увязнут в интригах с Кремлем, они просто потеряют доверие общества» (*лидер политической партии*).

«Путин уже всерьез считает дни до окончания... Я думаю, что если он останется на третий срок, то это сильно испортит его отношения с "семеркой". Внешний фактор является, безусловно, важнейшим. Если он меняет под себя Конституцию, он потеряет легитимность в глазах Запада. Ему будет безумно тяжело вести какой-либо диалог, а это главное его достижение, по большому счету. Ему это нравится, может быть, захочется остаться как посланнику, как Горбачев, Ельцин» (*менеджер крупной компании*).

«Смена власти, я думаю, будет, то есть появится президент с другой фамилией, то есть не Путин...»

...Будучи сам преемником, Путин хорошо понимает, что любой преемник, даже которого он назначит, он будет склонен к тому, чтобы в какой-то момент стать самостоятельным и по возможности избавиться от того, кто его назначил. То есть это конфликт» (*менеджер крупной компании*).

«...Это везде так, во всем мире. Тот, кто продвигал, тот, кто назначил себе преемника, он не сохраняет своих позиций. Поверить в то, что будет президент-марионетка, как-то это совсем тяжелая ситуация. Так или иначе, этому человеку придется принимать какие-то решения, выходить на международные встречи. Объем полномочий президента в России — он достаточно велик, и для того, чтобы вести диалог с Бушем, Блэром, Шираком и т.д., надо нечто иметь в голове. То есть нельзя постоянно оборачиваться и спрашивать, что мне ответить на этот вопрос. То есть человек должен быть, то есть, если у него с головой хоть как-то в порядке, он будет во все дела вникать, а чем больше вникать, тем больше принимать ответственность на себя. Я не думаю, что удастся сохранить систему серого кардинала по имени Путин и кто-то там будет на виду по должности президент. На короткий переходный период это может сохраниться, если Путину удастся провести преемника, но это конструкция недолгоиграющая» (*менеджер крупной компании*).

«Я не очень хорошо знаю о личных отношениях Путина со всем своим окружением, поэтому могу только предположить, что это должен быть человек, которому Путин доверяет, он должен быть моложе его. Видимо, Путин должен что-то сделать для него с точки зрения карьерной, выдвинуть его [возможность отслеживать, кого продвигают, потенциальные претенденты, роль "общественности" — аккламация]. Думаю, что сейчас он не в центре нашего внимания, как нормальный разведчик... Путин появился неожиданно, Фрадков появился неожиданно. На мой взгляд, если говорить о наиболее публичных фигурах, это достаточно узкий круг, я бы поставил на Козака. Похоже, что Путин ему доверяет. Он ему доверил юридическую реформу, административную, посмотрел, как он работает, отправил заниматься Южным федеральным округом, вроде как из Москвы убрал. Его нет в Москве, но понятно, что работа в ЮФО достаточно важная, что точки зрения государственных интересов и так далее.

...Думаю, что если второй кандидат более публичный, это Сергей Иванов, мне тяжело опять же оценивать, понятно, что даже с точки зрения Путина Сергей Борисович никакими достижениями не прославился. Он не смог ничего сделать на посту. Если Козак худо-бедно административную реформу, по крайней мере, запустил, хорошо, плохо — это другой разговор. Но справился с поставленной задачей. Совершенно не исключаю, что это может быть притом и человек, как Фрадков. Фрадкова, в принципе, знали...» (*менеджер крупной компании*).

«<...> Но третий срок — это уже откровенный вызов. То есть все будет откровенно, и на этом будет поставлена точка. Причем могут прийти и националисты к власти тоже. Поэтому Рогозина испугался Кремль. Из проекта, раскручивающегося Кремлем, может выскочить, как джинн из бутылки, и дальше понестись, опираясь на ту психологию народа, которую они сами же и стимулировали своими средствами информации. Псевдопатриотизм — он может привести лидера с внутренне фашистскими идеями. Фашизм не с точки зрения Гитлера, лагерей, репрессий, а фашизм с точки зрения тоталитарной идеологии, которая возникла при Муссолини, то есть "государство решает все". Государство везде. Личность — ничто. Сейчас мы это наблюдаем, оно закрепляется, может, придет тот, кто поставит точно, жестко эту систему, даже не скрывая ничего» (*правая оппозиция, лидер политической партии*).

М.: Ну а в понятиях вероятностей — как вы оцениваете эти перспективы? На развитие разных сюжетов: сохранение у власти нынешней команды...

Р.: Нынешние — 60, остальные — по 20.

М.: Остальные — это приход националистов и...

Р.: Внутренний раскол элиты и реванш со стороны тех, кто был обижен (*лидер политической партии*).

«Я бы склонялся к тому, что власть может себя воспроизвести в 2008 году. <...> Каким-то образом. Очень большой вопрос, как это будет реализовано... Если Путин сумеет найти себе преемника и если этот преемник устроит нынешнюю правящую группу, то это будет, наверное, самый легкий [путь] и для Путина приемлемый в большей степени, чем любой другой» (*политолог*).

«Мне кажется, сейчас события развиваются по другому варианту. Думаю, и сам Путин, его пессимистическая оценка страны, людей, он скорее человек сумеречный, чем солнечный, он может себе говорить, что он честно ищет человека. И совершенно честно не может его найти. Элита — не элита, а та небольшая группа людей, которая его окружает, — они ему говорят: а некого, просто некого. Да, вы демократ, вы хотите все сделать по Конституции, но есть что-то более высокое, чем Конституция, а именно — сама Россия. И если вы вручите судьбу России случайному, непроверенному человеку, все может посыпаться. И вас тогда история не забудет, в том смысле, что вы будете виновником...» (*политолог*).

«...И то, что... ведь пустота вокруг трона является следствием того режима, который он создал. Он не дает развиваться цветам. Цветы вытаптываются, асфальтируются, закатываются и т.д. И действительно, реально найти на асфальте цветов невозможно. И тогда встает вопрос, как оформить продолжение

царствования данного лица. Это может быть Белоруссия, что-то другое... Не думаю, что они пойдут на парламентскую форму правления, хотя сказали, что они пойдут. Думаю, идея эта была проброшена для... обкатки, такой шар... Думаю, это не пойдет, потому что недостаточно структурирована политическая среда, партию создать не удастся сколь-либо серьезную, она разваливается, сколько ее ни собирай, поэтому делать ставку на этот зыбучий песок невозможно, остается делать ставку на царистскую власть в ее традиционном облике, в данном случае — царя-президента. Думаю, какой-то будет искаряться выход в этом направлении, и легитимностью этого шага может быть одобрение его со стороны большинства... Реальное одобрение такого неконституционного по духу шага со стороны большинства населения» (*политолог*).

«Тогда Западу придется... Он встанет перед дилеммой. Да, Путин этого делать не должен был. Но это действительно вынужденный шаг, он убеждал, что он действительно искал, действительно не нашел: назовите мне этого человека! То же самое, что переговариваться с чеченцами — назовите явки, адреса, — нет людей. Ну что, не Каспарова же сажать в Кремлевские палаты?! Касьянова — давайте уж Березовского тогда. Нет. А коль нет... А с другой стороны, у него будет реальная — не сделанная, а реальная поддержка большинства. Если добавить к этому какой-то теракт, обострение ситуации — это будет очень определено. Думаю, что Запад в конце концов согласится с такой... Запад не весь, конечно. Правительство США в конце концов согласится с такой ситуацией, это не ухудшает их положения, по-прежнему будет удобно работать с одним лидером в Кремле, этот лидер будет достаточно слаб, чтобы мы стали еще более слабы, его участие в "восьмерке" будет еще в большей степени зависеть от благосклонности США. В этом случае руководитель Кремля в международном плане — на западном направлении — оказывается в еще большей зависимости от США. В какой-то степени США такой вариант развития событий был бы интересен. Потому что альтернативы... США хорошо понимают, что перспективы реальной российской демократии очень отдаленные. Что Россия не Украина. И там были варианты, но Украину еще можно... И я думаю, что Украина будет реально сдвигаться в направлении и Европы, и Атлантики... И даже Белоруссия может пойти в какой-то перспективе в том же направлении — а Россия останется по эту сторону. По крайней мере, на ближайшие тридцать лет. Ну что же, с такой Россией тоже можно работать.

Что касается власти, я думаю, она скорее всего будет реализовывать сценарий преемника. Много разных сценариев обсуждали, но с учетом всех факторов и всех последних событий произошедших это наиболее реальный такой сценарий, который они планируют реализовать. Другое дело, абсолютно уверен, что у них нет согласия по кандидатуре преемника и скорее всего не будет

до самого последнего момента, как это у нас случается всегда и везде. И только когда уже совсем припрет, кто-то примет волевое решение и кто-то в чем-то начнет уступать. К сожалению, не очень видно, кто неизвестному преемнику составит реальную конкуренцию, пока не очень. И в этом смысле очень благоприятная ситуация для широкой оппозиции, я говорю — именно для очень широкой, которая может по-разному видеть дальнейшее развитие страны, но не согласна с тем, что происходит сейчас. Это очень благоприятная ситуация, и ей могут не воспользоваться, потому что... я сказал уже, когда надо принимать решения, то сталкиваются с тем, что элиты на эти решения не очень способны» (*депутат Государственной Думы*).

«Когда обществу придется отвечать на вопрос, кто будет следующим президентом, приемник Путина вряд ли наберет больше 10% голосов объективно, плюс 10% ему припишут, и исход выборов будет зависеть от одного вопроса — сумеют ли народно-патриотические силы совместно выступить с единым кандидатом или нет. Если сумеют — тогда единый кандидат выиграет, я в этом совершенно не сомневаюсь» (*лидер политической партии*).

М.: Кто, на ваш взгляд, придет к власти?

Р.: Предприниматель, на мой взгляд, точно нет, может быть и силовик, может и региональный лидер, но приемлемый... Это будет человек, который будет обеспечивать преемственность власти. И, на мой взгляд, это правильно. Потому что власть должна обеспечивать преемственность. Так всегда было в России. Но способность власти решать вопросы — я считаю, это одна из главных тревог и один из главных вызовов. Это все вылезет скорее всего. Начнет вылезать перед выборами, потому что выборы это все катализируют, но плюс — многие проблемы, которые заложены в экономике, как раз через три-четыре года выйдут наружу. И поэтому устойчивость новой власти может оказаться на порядок ниже, чем то, что сейчас (*высокопоставленный чиновник*).

Перспективы режима

«Сейчас очень трудно говорить о перспективах за пределами ближайших трех лет. Потому что уровень неопределенности таков, что ломаются все тренды. Они наложились один на другой. Я повторяю: в экономике уже нельзя развиваться по-старому — это скорее всего приведет к квазикризису, как минимум — ощущению общественному, что есть кризис, потому что замедлятся темпы роста и темпы роста доходов и надо будет менять политику — это кризис, проявление кризиса» (*высокопоставленный чиновник*).

«Я начинаю подозревать, что до 2008-го может даже действительно и не дойти... у них паника, они показали свою слабость на монетизации — всё, уже их никто не боится, их никто не боится всерьез... да они и сами высказываются: еще один-два Беслана — и режим развалится. Вот такие у них прогнозы развития. Открыто. Если будет эволюционное развитие — еще может быть. Но любой толчок может сразу неадекватные разрушения вызвать... бунт на периферии. Этот режим дал почувствовать свою слабость. Так что одного толчка будет достаточно» (*военный эксперт*).

«Я думаю, что до 2008 года [дестабилизации] не будет, потому что Путин создал систему, в которой у него есть поддержка и внутри власти... Она противоречивая, но все признают его как вожака стаи, они могут... как когда старый медведь умирает, между собой спорить, но он главный, и они идут за ним клином. Поэтому его позиции в этом отношении незыблемы. Внутри его могут там разворачивать, но его никто не оспаривает как лидера. Он признан всей этой пирамидой властной структуры» (*менеджер крупной компании*).

«Я думаю, основные проблемы могут быть связаны не с внешними шоками или с ухудшением жизненного уровня, это выглядит маловероятно, жизненный уровень будет повышаться, но это не страшает от конфликтной ситуации... По сути, отделались малой кровью, запас доверия есть, и очень большой. Но есть большие сомнения, что власть сможет этим запасом доверия эффективно распорядиться и решить те проблемы, которые она не сама создает, а которые реально стоят перед страной и за которые так или иначе придется дать ответ. Если мы будем проигрывать мирное соревнование с Украиной, с Западом, что вполне возможно, то неэффективность, некомпетентность власти будет видна. И если власть, с одной стороны, консолидируясь, собирая рычаги у себя, с другой — погрязнет (а такая тенденция есть) во внутренних разборках при дележке — либо активов ЮКОСа, либо еще кого-то, то это тоже ведет к ее полной дискредитации» (*высокопоставленный чиновник*).

«Для меня нет сомнений, что вероятность дестабилизации является очень высокой, хотя это не исключает того, что активные процессы консолидации внутри элиты, и налаживание диалога, и оперативные, адекватные реакции на нарастающие проблемы способны серьезную, масштабную дестабилизацию предотвратить. Это не исключено. ...Современная российская ситуация чревата серьезной социальной и политической дестабилизацией. Подтверждения этому эмпирические — на примере "оранжевых революций" в СНГ — у нас есть. Потому что ситуация на самом деле очень похожая во многом всюду. И вот этот эффект домино вполне может докатиться до России. Эти риски на фоне такой вот дестабилизации по всем направлениям — они очень серь-

езны. ...Я бы сказал, что дестабилизации можно ожидать еще до 2008 года. ...Если будут делаться политические ошибки, то стабильность режим не сможет сохранить даже до 2008 года. <...> Так долго ждать до выборов при такой сильной ломке процессов при отсутствии адекватных политических реакций, думаю, что в России может и не получиться. У нас действительно есть компонента, которую мы пока не можем адекватно предвидеть, это степень эффективности реакции властей — всего правящего класса, элиты в широком смысле — на вот эти нарастающие сложности. Насколько разные части элит смогут между собой договориться и достигнуть той степени политического консенсуса, который был характерен для первого правления Путина» (*высокопоставленный чиновник*).

«Я считаю, что оснований для катастрофы — их нет. Есть чем расплатиться. Новые силы приходят под решение проблем. Нет проблем. <...> Нет таких проблем в том плане, что когда у вас что-то, какие-то проблемы в обществе, в экономике выходят на поверхность, с которыми нужно бороться. Как было с монетизацией — была проблема социального протеста» (*менеджер крупной компании*).

«Экономика, военная промышленность умрет уже в ближайшие годы, потому что... сырьевой сектор задушит все, и очень быстро... попытки будут, конечно, защитить эти наши богатства. Я не хочу вульгарные вещи говорить. Но вот уже и Кондолиза Райс говорит: а почему, собственно, такой ресурс, как Сибирь, должна принадлежать одной стране? Действительно, почему такие богатства должны расходоваться так бездарно?» (*военный эксперт*).

«Сейчас, допустим, все понимают, что у власти есть два пути. Либо идти по пути зажима, но здесь эффект парового котла возможен — это будет неприемлемо. Если идти по пути демократии, то не факт, что эта политическая генерация передаст следующему поколению кому-то свою власть. Тогда возникает вопрос: а что делать тем, кто обидел предыдущих, кто поссорился с другими и сегодня завладел собственностью? То есть я так полагаю, что проблема президента заключается в том, что самые потенциальные предатели сосредоточены вокруг него. Потому что, как я понимаю, первый, кто будет стараться в случае, будем так говорить, самой минимальной возможности изменения политического курса, они будут стараться предать президента, от него отмежеваться для того, чтобы завоевать лояльность. Потому что тем, кто уже устоялся, им все равно. Они уже устоялись, про них не знают... Поэтому даже если там нет такого желания расправляться с этими, все равно те, кто получил собственность, блага при Путине, они, конечно, будут первые стараться его сдать, потому что для них выживание и сохранение своего статус-кво возможно только в случае и при условии его такой жестокой сдачи. Конечно, это по-

рождает внутреннее напряжение в самой властной элите, и, я так полагаю, президент это понимает. Как сейчас говорят, с этим носится президент... да, оно обосновано. Потому что есть общечеловеческий политический закон: опираться можно на то, что сопротивляется. А люди, которые не сопротивляются, — это конформисты, люди без своей позиции. Ну, хорошо, как говорится, что такое хорошо предвидеть? Это значит вовремя предать. Ну, значит, они вовремя предадут» (*эксперт по высоким технологиям*).

«Я бы сказал, что для выхода сценария из-под контроля той группы лиц, которая сегодня управляет Россией, необходим серьезный раскол элиты. Вот если произойдет раскол элиты... Для меня принципиальной является не реакция большинства населения — это очень важный, решающий на каком-то этапе фактор, но не принципиальный. Но в начале подобного сценария лежит раскол элиты. Раскол элиты произошел на Украине, в Киргизии и т.д. У нас в России... Самая мощная финансовая группа нашей страны, московская, достаточно успешно интегрировала в свой состав и предложила служить себе всех птенцов путинского гнезда — практически всех. Потому что все они находятся, если хотите, на содержании у этой московской финансовой группы...» (*политолог*).

«...Антироссийская подоплека [в политике Запада, США] — это все бред. Хотя в каких-то элитарных кругах такие планы вынашиваются. Вынашиваются и будут действия, а у нас нет защиты против таких действий... это обернется дальнейшей... провинциализацией. И это еще бы ничего... Афроизация гораздо хуже... А так как вещи эти ценные, то будет, естественно, создаваться полицейское государство для их защиты. Тут огромные деньги и т.д. ...Оно создается, не очень компетентно, но создается. ...Если не будет государства, начнут создаваться мощные частные структуры. А, собственно говоря, кто может этому противостоять? Никто» (*военный эксперт*).

«Сегодня на этой площадке, которая идет к 2008 году, я вижу противостояние, условно говоря, чекистов и, условно говоря, беглых олигархов. Других сил я не вижу. Если произойдет раскол внутри нынешней правящей элиты, тогда мы действительно можем иметь сценарий очень интересный и очень опасный. Сценарий гражданского противостояния, [напоминающий] не столько Украину, сколько наш 1991 год. Не думаю, что у нас возможно такое мирное противостояние, как на Украине. У нас дело дойдет до драки очень быстро. <...> Как я представляю раскол... Если, условно, группа чекистов захочет — с точки зрения московской финансовой группы — явную, очевидную агрессию с целью передела того рынка, который сложился в Москве, тогда это сплотит эту группу, и в этом случае... Я говорил о Касьянове как о человеке, условно, связанном с олигархами — он исторически был с ними связан и т.д., но Чубайс [интервью после покушения], очевидно, играет ка-

кую-то свою роль. Он явно не является агентом чекистов и, с другой стороны, не является агентом Березовского и играет какую-то свою роль. Вот эта роль третьей силы — может, Касьянов мог играть какую-то роль в том проекте, который мог придумать — очень предположительно — Чубайс. Но мне кажется, что народные выступления могли бы стать скорее результатом того раскола, который произошел бы наверху. И тогда те или иные группы московской группировки мобилизовали бы те или иные отряды, и они были бы самыми разными — студенты, которые боятся армии, и рядом с ними офицеры-отставники, которые вынуждены существовать на мизерные пенсии, и т.д. Можно очень большую армию выставить — было бы желание. Но пока... нет организации. Организации нет, потому что пока на эту организацию нет заказа. Пока у меня нет впечатления, что элита раскалывается. Без этого никакой дестабилизации нам, наверное, не грозит. Все это будет локально, так или иначе тушиться, государство со своими финансовыми ресурсами, которые они... Нефть доходит до шестидесяти долларов, и откупиться от тех, относительно небольших, групп, можно» (политолог).

«Ближайшая перспектива... нас ожидает развитие по инерционному сценарию, никаких радикальных перемен не будет со стороны власти. А со стороны общества будет накапливаться социальный протест, будет выливаться в протестные акции по разным регионам, не в Москве. Москва — сытая, довольная, упитанная, богатая, здесь все хорошо. Есть другие регионы — где плохо. Я думаю, что Москва рванет последней. ...Это произойдет. Я надеюсь, что тогда Россия уже сможет пересилить этот сценарий и выйти на какой-то нормальный сценарий. В принципе-то, нормальные сценарии существуют. Россия может нормально развиваться. ...Во главе страны стоят люди, которые ведут страну в неправильном направлении, но они этого не понимают. Они считают, что есть простые задачи, вернее, есть сложные задачи и есть простые решения этих задач. Они сторонники простых решений. Они считают, что эти простые решения — правильные. Я очень люблю слова Василия Гроссмана в его книге "Жизнь и судьба" — гениальная фраза: самые сложные вопросы всегда имеют простые, ясные для понимания неправильные решения. Так вот, они не знают, что они неправильные. Они верят, что они правильные, потому что они простые, ясные для понимания. Но эти решения ведут в тупик. ...Если бы они вели в тупик только их, то дай им бог здоровья, идите куда хотите. Факт их личной биографии, он меня совершенно не волнует. Но они же управляют страной. Но, одновременно с этим, процессы, происходящие в обществе, они позитивные. Процессы, происходящие на рынке, рынок все-таки развивается, экономика все-таки развивается. Опять-таки ножницы возникают — расхождение между нормальным развитием экономики и ненормальным развитием политической и социальной структуры. Они должны сработать, это не может длиться вечно — либо в ту сторону, либо в другую. Ну, в ту сторону точно не может сработать, по той простой причине, что экономика не сможет захлопнуться.

Свернуть ее обратно на путь такой экономики мобилизационного типа — вряд ли. Хотя попытка такого рода может быть. Новое ГКЧП — возможно. Именно как реакция на социальные взрывы в регионах. Путин — слабый президент, долой Путина, пришли генералы, скорее, не генералы, а полковники, убрали Путина, установили свою власть — это возможно. Но это очень плохо. ...А дальше ничего. Потому что продолжаются протесты, начинается кровь, а когда кровь — дальше уже будут вешать вверх ногами, прямо за кремлевскую стену. Но дальше это постепенно все успокоится» (*руководитель общественного фонда*).

«Я отчетливо сценария не вижу, ни одного... положительного сценария. Хотя степень отрицательности тоже может отличаться. Я готов принимать минимально плохой вариант. Лишь бы не было максимального... Минимальный — постепенное вымывание этой элиты и постепенное появление такого... непуганый молодняк-то подрастает. Возможно, они пугают чем-то родителей, но совершенно другое поколение растет. Может, они как-то и проявят себя...» (*военный эксперт*).

Р.: Вообще, растущая хрупкость политической системы, которая не может, и это становится все более очевидным, становится все менее эффективной и вызывает все большее раздражение у всех. Эта же хрупкость и неэффективность управленческой системы может привести к тому, что что-то рванет... а начнется паника. Я, например, допускаю вполне неожиданную такую панику, что все побегут действительно скупать чартеры.

М.: В этом смысле особой лояльности там наверху?..

Р.: Нет вообще (*руководитель академического института*).

«Еще очень опасно, почему они так держатся за эту власть и будут ее продлевать. Это эти истории с Бородиным, сейчас с Адамовым. Для всех, включая самых высоких чиновников, очевидно, что они могут оказаться на месте Адамова и что в другой точке мира им нет спасения. Поэтому они за нее и держатся. Сохранить власть в России для них — это просто способ не сесть в тюрьму. Поэтому они будут цепляться за нее до последней капли крови» (*депутат Государственной Думы*).

«Глобализация как минимум привела к тому, что ни одна сколько-нибудь влиятельная и заметная фигура скрыться нигде не может. Если гитлеровские преступники могли скрыться в Латинской Америке, хранить деньги в Швейцарии, то сегодня это невозможно. Поэтому любой человек, идущий на явное преступление, тем более против человека, на развязывание чего-то вроде войны, он обречен на очень плохой конец. На ожидание расплаты, сегодня все делается очень быстро. Поэтому Путин, как человек умный и достаточно осто-

рожный, на применение насилия не пойдет. И это открывает возможность для действительно серьезной смены власти» (*лидер политической партии*).

«Такой режим может быть устойчивым надолго. Есть пример Мексики, где победила в 1910 году революция и партия держалась у власти до 1980-х годов, имея каждый раз порядка 70% на выборах, и формировала правительство, президент — исторически достаточно долгий период. Мексика точно не страна восточной деспотии, она какая-то промежуточная, поэтому я считаю, что пример для нас очень даже подходящий» (*менеджер крупной компании*).

«В России я пока не вижу нарастания какого-то другого экономического сектора, чьи интересы могут сильно противоречить и конкурировать с интересами экспортеров сырья. Думаю, что на ближайшие 10–20 лет экономическое влияние экспортеров сырья в России будет доминирующим. С точки зрения экономических интересов. По балансу. Соответственно, этот сектор будет во многом определять правила игры и те интересы, которые нужно защищать» (*менеджер крупной компании*).

«Вот я беру предельный пример — Берия делал атомный проект. Да, применялись жестокие меры. Но был проект. И даже люди обиженные понимали, для чего это. Для чего государственное администрирование сейчас? Поэтому каждый, получив власть, начинает ее использовать. И президент не знает, что ему делать с этим монстром, которого он наружу выпустил. Поэтому люди, которые понимают, сейчас формируют некоторую третью силу, что да, требуется авторитарная модернизация, но при наличии плана модернизации» (*эксперт по высоким технологиям*).

«Перестроить систему можно. Можно Совет Федерации сделать выборным, но реально они повлияют на что-нибудь? Нет. Можно даже в рамках этой системы сделать независимый суд. В принципе, это бы соответствовало их интересам, потому что в конечном итоге всегда нужен судья, который судит по совести, а не за взятки. Бывают конфликты, когда действительно нужно рассудить по совести. Эта коалиция, она может договориться, что нам это нужно по каким-то причинам. Сегодня этой коалиции не нужен независимый суд, потому что они должны закрепить свои позиции максимально. Пока они не зацементируют свои позиции, им нужен зависимый суд. А в какой-то момент они решат, что нам нужен независимый суд. Или нам нужны независимые СМИ. Влияние этой коалиции в обществе, оно очень сильно, поэтому если они между собой о чем-то договорились, они могут повернуть все общество или туда, или сюда, если договорятся. Почему, собственно, экспортеры сырья поддерживали или могут поддерживать назначение губернаторов? Потому что до этого времени

у нас была система "два ключа" при распределении месторождений, должна была быть подпись федерального министерства и губернатора. Если у тебя плохие отношения с губернатором, мог чего-то лишиться, тот мог ставить препоны. А теперь все быстренько перешло в систему "одного ключа". Все решается на федеральном уровне. Проще работать. Проще работать с одним Минприроды, чем с 30 губернаторами» (*менеджер крупной компании*).

«У России есть три варианта развития. Мы интегрируемся окончательно с Европейским союзом, и понятно, что проблема с Украиной целиком зависит от того, как у Евросоюза сложатся отношения с Россией. Если выиграет Касьянов, то Россия может оказаться в Евросоюзе гораздо раньше, чем Украина даже. Но за это придется полностью заплатить экономическим суверенитетом, отказаться от последних попыток удержать какую-то экономическую самостоятельность. Это глубокая интеграция с НАТО, может быть, без прямого вступления, но с очень серьезными взаимными обязательствами, и это доминирование в России транснационального капитала с ликвидацией всего, что у нас имеет самостоятельное значение. Либо Россия будет развиваться самостоятельно, опираясь на свои интеллектуальные ресурсы. Это могут сделать только патриотические силы. Либо Россия превратится в совсем периферийную страну, которая будет раздираться, пребывать в достаточно жесткой международной изоляции, что достаточно вероятно в случае формирования какой-то военной хунты. Третий вариант — он, конечно, катастрофичен. Первые два — разные, конечно, но это не будет носить катастрофы для населения страны. Поэтому, когда говорит Медведев об угрозе распада России, на самом деле это как раз и есть реализация плана Медведева и компании по консолидации элит вокруг Путина силой, консолидация силы. То есть посадить всех неблагонадежных бизнесменов, дискредитировать и выбросить из политики всех неконтролируемых политических деятелей, они так понимают консолидацию элит. Но это самый короткий путь к делегитимизации власти, к распаду страны, потому что в регионах могут найтись люди, которые с этим не согласятся» (*лидер политической партии*).

«Гражданское общество независимое, правозащитные организации — для них это, в общем-то, история нормальная — они всю жизнь работали в полуподполье. Самое главное — не поддаваться на коврижки Кремля. Здесь есть две концепции. Одна — это надо влезать туда любыми средствами и двигать. Другая концепция — нужно бороться. В принципе, должно быть и то и другое. Но обязательно — и то и другое. Если все влезет туда, чтобы помогать, независимого центра не останется. Поэтому кто-то должен идти в Общественную палату, а кто-то должен ее критиковать. Именно с точки зрения диссидентской. Не политической, не связанной с целями будущей победы в парламентских выборах, популизмом... Можно просто — правозащитные организа-

ции — это всегда "против", борьба наотмашь. ...И те политические лидеры, которые готовы часть элиты расколоть с целью занятия промежуточной позиции, — то есть здесь место для таких людей, как Каспаров, Касьянов, Лидер политической партии, Рыжков. ...Нужно отделаться от личных амбиций — раз. Но при этом понимать, что других героев нет, разговоры о том, что кто-то должен уйти, несерьезные. Ведь нет, не выращено, тем более в условиях подавления. Но, с другой стороны, нужно отойти от перфекционизма. То есть нужно находить промежуточную фигуру, необязательно людей, которые будут идеальными, кристальными лидерами. Они не могут сейчас появиться — значит, нужна промежуточная стадия» (*лидер политической партии*).

«Вот теперь, где я вижу некоторую надежду. Даже небольшая группа интеллектуальных сил, в принципе, может подать новую надежду. Речь идет все-таки о модернизации России, и о модернизации технологической. Технологическая модернизация может сплотить общество... как локомотив. Какая партия против? Никакая партия не против. Вот это и есть некая интегративная идеология. Что дальше? <...> Вот отрасль информационных технологий — она возникла с нуля... Это не скважину захватить... Поэтому люди креативные, с созидательным мышлением и научились работать в новой экономике. В чем смысл новой экономики? Чем выше уровень вложенного интеллекта, тем выше прибыль и уровень бизнеса. Может быть, эти люди поняли то (чего не понимает абсолютно аппарат, он элементарного не понимает), что в экономике главное — это услуга, а не товар. ...Влияния [они] не имеют, но у них воля появилась. И в чем она выражается? В том, что эти люди сегодня начинают мыслить политически» (*эксперт по высоким технологиям*).

Р.: Я бы начал душить сырьевой сектор. Душить! Это тяжело. Как-то приходил ко мне хороший знакомый, мое мнение хотел узнать об экономике. Я говорю: «Взрывать нефтепровод и нефтяные вышки». Это единственный выход...

М.: А как же те, кто на ней сидит?

Р.: Вот! Эволюционно это уже невозможно. Нет у элиты сил и даже понимания. Если бы даже появилось понимание, не найдется исполнителей для таких вещей. ...Поэтому не вижу я оптимистического варианта, людей нет. Я-то, конечно, свой долг выполняю...» (*военный эксперт*).

Силовой вариант

«Да не вижу я от них серьезных угроз. Эти вопли Павловского, что надо готовить контрреволюцию... Силовики ничего не будут, им это не нужно, они

прекрасно при этом режиме себя чувствуют, и перестраиваться не будут, и защищать этот режим не будут, они перекинутся на сторону кого угодно. В погромах, конечно, участвовать не будут, но и защищать не будут» (*военный эксперт*).

«...Нынешняя власть — она малопрофессиональна. Слишком сильно коррумпирована и всего боится. Поэтому они рисковать [угроза "оранжевой революции" в ситуации выборов] не хотят. Идти на такой риск, на который Ельцин пошел в 1996 году, сегодня у власти, по-моему, просто сил нет моральных. Поэтому есть большая вероятность того, что Путина будут подталкивать к принятию силовых решений. К зачистке политического пространства и к введению прямого насилия. <...>

Но парадокс в том, что в 21 веке мы видим закономерность, которая сформировалась за последние несколько лет: те, кто применяют силу, — те проигрывают. Я думаю, что эта закономерность более глубокая, чем стечение обстоятельств. Потому что применяя силу в 21 веке, когда все уже люди в обществе грамотные поголовно и понимают, что к чему... Самое главное, что экономический успех здесь связан с творческой энергией масс; если держать их за баранов и загонять в стадо насильственным образом, то не будет никакого экономического и социального развития. Страны, точнее, режимы, которые применяют насилие, — они обречены на поражение. Либо они сразу потеряют, либо через некоторое время контроль над ситуацией. Но то, что это тупиковый путь, — всем понятно» (*лидер политической партии*).

«Чем отличается Путин от Каримова, Россия от Узбекистана? В Узбекистане почему можно подавлять при помощи силы? Потому что там можно все списать на борьбу с исламизмом. Перед Западом выглядеть борцами с исламизмом. А для Запада нет хуже угрозы. В России этот номер уже не пройдет. И попытка легитимизироваться в глазах внешнего мира — на ней будет поставлен крест в случае применения силы.

<...> Но я боюсь, что власть может пойти в этом направлении. Тогда она просто рухнет. Поэтому стабильность нулевая» (*лидер политической партии*).

«Угроза насилия со стороны государства, конечно, существует, и существует угроза со стороны населения выразить свое недовольство в каких-то новых формах, это вещи взаимосвязанные» (*депутат Государственной Думы*).

«Для того чтобы проводить репрессии, достаточно иметь одну дивизию СС. И все. Армия не нужна. Дело в том, что власть... объективно говоря, [у нее] нет шансов удержаться, потому что все ее уже начинают ненавидеть и презирать» (*лидер политической партии*).

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев М.Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. Москва; Воронеж, 1996.

Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М.: МОНФ, 2000.

Барзилов С., Чернышев А. Провинция: элита, номенклатура, интеллигенция // Свободная мысль. 1996. №1. С. 44–56.

Восленский М. Номенклатура. М.: Захаров, 2005

Головачев Б.В., Косова Л.Б., Хахулина Л.А. Формирование правящей элиты в России // Экономические и социальные перемены. 1995. № 6. С. 19–24; 1996. № 1. С. 32–38.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Интеллигенция : Заметки о литературно-политических иллюзиях. Москва; Харьков, 1995.

Дубин Б. Война, власть, новые распорядители // Неприкосновенный запас. 2002. № 5 (19). С. 22–29.

Ершова Н.С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. I. М.: Интерпракс, 1994. С. 151–155.

Жаренова О., Кечил Н., Пахомов Е. Интеллектуальная миграция россиян. Ближнее и дальнее зарубежье. М.: ГНОМ и Д, 2002.

Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

Крыштановская О. Путинская элита: модель «милитократии» — http://www.politanaliz.ru/articleprint_354.html

Левада Ю.А. Элита и масса — проблема социальной элиты. Человек, толпа, масса. Еще раз о проблеме социальной элиты. «Средний человек»: фикция или реальность? // Ю.А. Левада От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М., Московская школа политических исследований, 2000, С. 204–215, 250–304.

Левада Ю.А. О «большинстве» и «меньшинстве» // Ю.А. Левада Ищем человека. Социологические очерки, 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. С. 350–363.

Левада Ю.А. Власть, элита и масса // Вестник общественного мнения, 2006. № 1. С. 8–13.

Лейн Д. Перемены в России: роль политической элиты // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 30–40.

Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос; Прогресс, 2002.

Модсли Э. Портрет изменяющейся элиты: члены ЦК КПСС с 1939 по 1990 // Политические процессы в условиях перестройки. Вып. 2. М.: АН СССР, 1991.

Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990 гг.). Пермь: ПГТУ, 1998.

Островский А. В России сохраняются признаки демократии. Но при «словаках» они могут стать иллюзорными. — <http://www.inojsmi.rustories/01/5/29/2996/208059.html>

Региональная элита в современной России / Под общ. ред. Я. Фрухтманна. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005.

Российская элита: психологические портреты / Сост. О.В. Давыдов. М.: Ладомир, 2000.

Современная административно-политическая элита России. — <http://nicbar.narod.ru/lekziya6.html>

Хоффман-Ланге У. Элиты и демократизация: германский опыт // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 50–57.

Шарль К. Интеллектуалы во Франции. М.: Новое издательство, 2005.

Штайнер Х. Формирование социальных структур в современной России // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 6. С. 43–47.

Экономическая элита России в зеркале общественного мнения. Аналитический доклад. М.: ИКСИ РАН, 2004.

Bachrach P. Die Theorie demokratischer Elitenherrschaft: Eine kritische Analyse. Frankfurt am Main: Europäische Verlag, 1967.

Bauman Z. Legislators and Interpreters: On Modernity, Post-Modernity, and Intellectuals. Ithaca: Cornell UP, 1987.

Birnbaum P. The Heights of Power: An Essay on the Power Elite in France. Chicago: University of Chicago Press, 1982.

Boltanski L. The Making of a Class. Cadres in French Society. Cambridge: Cambridge UP, 1987.

Bottomore T.B. Elites and Society. Harmondsworth: Penguin Books, 1977.

Bourdieu P. The Corporation of the Universal: The Role of Intellectuals in the Modern World // Telos, 1989, N 81, p. 99–110.

Coenen-Huther J. Sociologie des élites. P.: Armand Colin, 2004.

Coser L.A. Men of Ideas: A Sociologist's View. New York: Free Press, 1997.

«Demokratische» Elitenherrschaft. Traditionsbestände eines Sozialwissenschaftlichen Problems/ Hg. von W.Roerich. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1975.

Edinger L.J. Post-Totalitarian Leadership: Elites in the German Federal Republic // American Political Science Review, 1960, Jg. 54, p. 58–82.

Elites in Transition. Elite Research in Central and Eastern Europe/ Best H., Becker U., eds. Opladen: Leske + Budrich, 1997.

Endrueit G. Elitenbegriffe in den Sozialwissenschaften // Zeitschrift für Politik, 1979, H. 26, S. 30–46.

Etzioni-Halevy E. The Elite Connection. Problems and Potential of Western Democracy. Cambridge: Polity Press, 1993.

Hartmann M. Der Mythos von den Leistungseliten: Spitzenkarrieren und Soziale Herkunft in Wirtschaft, Politik, Justiz und Wissenschaft. Frankfurt a. M.: Campus, 2002.

Hartmann M. Elitesozioologie. Eine Einführung. Frankfurt am Main: Campus, 2004.

Heinich N. L'Elite artiste. Excellence et singularité en régime démocratique. Paris: Gallimard, 2005.

Herwig M. Eliten in einer egalitären Welt. Berlin: WJS-Verlag, 2005.

Herzog D. Politische Führungsgruppen. Probleme und Ergebnisse der modernen Elitenforschung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1982.

Higley J. Elites After State Socialism: Theories and Analysis. Lanham: Rowman & Littlefield, 2000.

The Intelligentsia and the Intellectuals: Theory, Method, and Case Study/ A. Gella, ed. Beverly Hills, CA: Sage, 1976.

Jaeggi U. Die gesellschaftliche Elite. Bern: Haupt, 1967.

Konrad G., Szelenyi I. The Intellectuals on the Road to Class Power. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1979.

Lasswell H.D., Lerner D., Rothwell C.E. The comparative Study of Elites. Stanford: Stanford UP, 1952.

Lewis J. Constructing Public Opinion: How Political Elites Do What They Like and Why We Seem to Go Along with It. New York: Columbia UP, 2001.

Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie: Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig: Klingenhart, 1911.

Mills C.W. The Power Elite. New York, 1956 (рус пер: Властвующая элита. М., 1959).

Mosca G. The ruling class. New York; London: McGraw-Hill book company, inc., 1939.

On Intellectuals: Theoretical Studies, Case Studies / Philip Rieff, ed. Garden City, NY: Anchor /Doubleday, 1969.

Perkin H. The Third Revolution: Professional Elites in the Modern World. London: Routledge, 1996.

Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1976.

Le recrutement des élites en Europe/ Ezra Suleiman, Henri Mendras (Dir.). Paris: La Découverte, 1995.

Schluchter W. Der Elitebegriff als soziologische Kategorie // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, 1963, Jg., H. 1, S. 233–256.

Schubert K. Leistungseliten: Die Bedeutung sozialer Herkunft als Selektionskriterium für Spitzenkarrieren. Eine Analyse unter besonderer Berücksichtigung von Sozialisation und Qualifikation. Hamburg: Kovac, 2005.

Sociology of the Elites / Scott J., ed. Aldershot: Edward Elgar, 1990.

Weyl N. The Creative Elite in America. Washington: Public Affairs Press, 1966
World Revolutionary Elites. Studies in Coercive Ideological Movements / Lasswell H.D., Lerner D., eds. Cambridge, Mass: The MIT Press, 1966.

Wuster J. Herrschaft und Widerstand. Theorien zur Zirkulation regierender Eliten. Tübingen: E. Huth, 1969.

Zapf W. Wandlungen der deutschen Elite. Ein Zirkulationsmodell deutscher Führungsgruppen 1919–1961. München: Piper, 1965.

Znaniecki F. The Social Role of the Man of Knowledge. New York: Harper & Row, 1968.

ПРИЛОЖЕНИЕ. РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ

	Группы опрошенных											
	Всего	Зам. губернатора по важ- нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни- тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТМ, РСНП и др.) и Тел (ТМ, РСНП и др.)	Руководители крупных предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред- ставители армии и МВД	Руководители региональных СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
Число опрошенных												
1. НАСКОЛЬКО СТАБИЛЬНА НЫНЕШНЯЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА?												
1. Очень стабильна	2	3	4	-	4	2	2	-	-	-	-	-
2. Скорее стабильна	61	73	66	86	57	59	47	60	65	62	55	45
3. Скорее нестабильна	33	21	27	14	37	31	44	36	35	32	45	40
4. Крайне нестабильна	4	4	1	-	2	8	7	5	-	4	-	9
5. Затрудняюсь ответить	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2. ЧТО ПОЗВОЛЯЕТ ГОВОРИТЬ О НЫНЕШНЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КАК О СТАБИЛЬНОЙ ИЛИ ДОСТАТОЧНО СТАБИЛЬНОЙ?												
1. Высокие показатели общего экономического развития; стабильность курса национальной и иностранных валют, развитие промышленности	21	22	16	24	16	16	13	12	17	28	14	45
2. Рост цен на нефть и другое сырье	4	7	5	3	4	10	4	2	-	-	2	-
3. Укрепление вертикали власти, силовых структур, усиление роли федерального центра	22	29	27	28	29	12	24	19	27	21	16	11
4. Положительная роль президента В.В. Путина, его личные и управленческие качества, его рейтинг и авторитет	15	16	20	35	12	18	13	10	10	6	12	13
5. Стабильность, положительные черты в работе Государственной Думы и других органов власти	5	4	5	3	10	8	2	10	2	8	-	-
6. Поддержка власти населением	3	4	3	3	-	4	4	2	-	6	2	6
7. Отсутствие, слабость протестных настроений в среде населения	7	4	7	7	8	2	4	7	4	6	8	15

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Сам. губернатора по важ- нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни- тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима- телей (ТПП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1 000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред- ставители армии и МВД	Руководители влиятельных региональных СМИ	Московские интеллектuality
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
Число опрошенных												
8. Отсутствие, слабость оппозиции, радикальных сил; отсутствие у них единства и влияния	5	3	7	7	2	6	7	2	-	4	4	13
9. Совершенство Конституции, законодательные реформы	3	3	1	7	2	4	2	7	2	2	6	-
10. Рост заработных плат и пенсий, доходов населения, финансирования социальной сферы; стабильность общего уровня жизни людей	8	13	10	7	6	4	2	-	13	19	6	6
11. Положительный курс внешней политики, рост авторитета России	5	7	4	10	4	-	11	7	2	6	2	8
12. Другое	14	17	14	7	20	12	16	19	19	8	14	6
13. Положение не стабильно, создана фиктивная стабильность, в том числе за счет деятельности СМИ	10	5	5	-	16	16	22	2	2	6	25	15
98. Затрудняюсь ответить	26	22	24	35	18	29	20	36	29	30	31	25
3. ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ ГОВОРИТЬ О НЕСТАБИЛЬНОСТИ ИЛИ НЕДОСТАТОЧНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ?												
1. Низкие темпы развития экономики, промышленности, сельского хозяйства и производства, экономическая неустойчивость	20	21	18	7	27	18	27	26	6	25	18	25
2. Коррупция на всех уровнях	6	1	1	7	8	8	7	7	6	4	12	13
3. Неудачи в реформировании и законодательстве, неприятие народом реформ	13	20	12	14	12	12	20	12	13	9	12	2
4. Неудачи и недостатки в работе всех органов государственного управления, постоянные смены в правительстве, противостояние между различными группировками	9	9	8	3	-	10	7	12	10	9	6	17
5. Отсутствие национальной идеи, главных целей и задач для развития государства	5	1	8	-	6	8	11	-	2	4	6	8

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТПП, РСП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные преа-дставители армии и МВД	Руководители ведущих региональных СМИ	Московские интеллигалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
6. Ситуация в Чечне и на южных границах, сепаратизм, межнациональные проблемы, угроза терроризма	9	5	10	7	4	12	4	2	10	11	16	11
7. Отношения с бывшими союзными республиками, проблемы во внешней политике	3	4	-	-	6	2	2	-	2	2	6	2
8. Неясность политических перспектив после 2008 года, предстоящие президентские выборы	2	1	5	3	-	4	-	10	-	-	-	2
9. Авторитаризм президента, слишком сильная централизация власти, недостаточная работа правительства с регионами	5	7	3	3	-	10	2	5	6	-	4	17
10. Внутрипартийные и межпартийные разногласия, «однопартийность» в Государственной Думе, недостатки в её работе, незначительное влияние	9	8	11	7	10	6	18	7	4	13	16	-
11. Общее недовольство и недоверие к власти в среде населения	5	3	4	3	6	6	2	2	8	2	6	8
12. Рост преступности, алкоголизма и наркомании, демографическая проблема	2	-	1	3	2	2	2	2	4	4	-	-
13. Низкий уровень жизни населения, расслоение общества, проблемы в социальной сфере	16	12	15	17	29	18	24	7	17	21	8	11
14. Отсутствие реальной демократии, гражданских свобод, правовой культуры	7	4	3	3	4	10	7	7	4	4	16	11
15. Другое	6	4	3	-	4	4	4	10	6	4	10	11
98. Затрудняюсь ответить	25	30	35	52	25	14	9	17	42	23	18	15
4. КОГДА СЛОЖИЛАСЬ НЫНЕШНЯЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА?												
1. В первой половине 1990-х гг.	7	7	7	-	14	4	9	7	6	11	8	4

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Сам. губернатор по важ- нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни- тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупных и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1 000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред- ставители армии и МВД	Руководители внешних региональных СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
Число опрошенных												
2. Во второй половине 1990-х, после выборов Ельцина на второй срок	16	16	12	17	18	14	31	19	17	13	12	15
3. В период первого срока президентства Путина	41	46	34	45	33	47	20	41	56	42	39	49
4. В период второго срока президентства Путина	30	29	45	38	31	29	31	31	17	26	33	15
5. Другое	5	3	1	—	2	4	9	2	2	8	4	15
6. Затрудняюсь ответить	1	1	1	—	2	2	—	—	2	—	4	2
5.А. МОГУТ ЛИ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ ДЕСТАБИЛИЗИРОВАТЬ СЛОЖИВШУЮСЯ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ МАССОВЫЕ ВОЛНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ?												
1. Вполне возможно	13	4	12	7	18	14	18	14	19	9	20	9
2. Скорее возможно	21	20	12	21	31	27	22	21	17	19	20	28
3. Скорее невозможно	56	65	60	55	49	47	58	57	50	59	55	53
4. Совершенно исключено	9	9	12	14	—	10	2	7	15	13	4	8
5. Затрудняюсь ответить	2	3	4	3	2	2	—	—	—	—	—	2
5.Б. МОГУТ ЛИ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ ДЕСТАБИЛИЗИРОВАТЬ СЛОЖИВШУЮСЯ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ МАСШТАБНЫЕ ТЕХНОГЕННЫЕ КАТАСТРОФЫ?												
1. Вполне возможно	21	18	12	3	27	22	22	17	23	30	29	28
2. Скорее возможно	45	43	45	45	49	49	49	36	50	30	49	55
3. Скорее невозможно	26	35	34	35	14	22	22	31	19	26	20	17
4. Совершенно исключено	6	3	7	17	4	4	2	14	6	8	2	—
5. Затрудняюсь ответить	3	1	3	—	6	2	4	2	2	6	—	—

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ										
	Зам. губернатора по важнейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполнительной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные органы и прокуратуры	Высокопоставленные представители армии и МВД	Руководители ведущих региональных СМИ	Московские интеллектуалы
	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
Всего	568										
Число опрошенных											
5_В. МОЖЕТ ЛИ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ ДЕСТАБИЛИЗИРОВАТЬ СЛОЖИВШУЮСЯ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ РЕЗКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЬЮНКТУРЫ?											
1. Вполне возможно	15	10	3	22	12	22	14	19	17	18	17
2. Скорее возможно	36	35	28	39	39	24	45	27	32	47	38
3. Скорее невозможно	40	49	52	33	41	47	36	40	36	29	43
4. Совершенно исключено	4	4	3	—	6	—	5	6	8	4	2
5. Затрудняюсь ответить	4	3	14	6	2	7	—	8	8	2	—
5_Г. МОЖЕТ ЛИ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ ДЕСТАБИЛИЗИРОВАТЬ СЛОЖИВШУЮСЯ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ ОБОСТРЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ С БЫВШИМИ РЕСПУБЛИКАМИ СССР?											
1. Вполне возможно	18	15	14	20	18	18	14	23	13	29	36
2. Скорее возможно	37	34	21	45	41	31	48	44	43	39	28
3. Скорее невозможно	38	42	55	35	35	40	31	27	34	31	28
4. Совершенно исключено	6	8	10	—	6	9	7	6	9	—	6
5. Затрудняюсь ответить	1	3	1	—	—	2	—	—	—	2	2
5_Д. МОЖЕТ ЛИ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ ДЕСТАБИЛИЗИРОВАТЬ СЛОЖИВШУЮСЯ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ УГРОЗА РАСПАДА РОССИИ, СЕПАРАТИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В РЕГИОНАХ?											
1. Вполне возможно	8	3	5	3	12	10	10	13	8	6	6
2. Скорее возможно	20	14	10	14	25	18	24	29	13	33	28
3. Скорее невозможно	53	64	58	35	51	62	50	44	47	49	47
4. Совершенно исключено	18	18	24	38	6	9	17	15	30	10	19
5. Затрудняюсь ответить	2	1	3	10	6	4	—	—	2	2	—

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТМТ, РСМП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1 000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред-ставители армии и МВД	Руководители внешних регионов СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных												
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
5_Е. МОЖЕТ ЛИ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ ДЕСТАБИЛИЗИРОВАТЬ СЛОЖИВШУЮСЯ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И ПРИЛЕГАЮЩИХ ТЕРРИТОРИЯХ?												
1. вполне возможно	21	9	18	7	29	25	20	19	21	26	27	32
2. Скорее возможно	41	35	37	48	39	35	36	43	48	36	55	43
3. Скорее невозможно	32	49	39	21	27	35	38	36	27	26	16	19
4. Совершенно исключено	5	5	4	21	—	4	7	2	4	8	—	6
5. Затрудняюсь ответить	2	1	3	3	6	2	—	—	—	4	2	—
5_Ж. МОГУТ ЛИ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ ДЕСТАБИЛИЗИРОВАТЬ СЛОЖИВШУЮСЯ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ МАССШТАБНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТОВ В КРУПНЕЙШИХ ГОРОДАХ?												
1. вполне возможно	25	14	19	7	35	31	29	26	29	19	39	25
2. Скорее возможно	40	42	37	35	33	45	38	45	46	36	45	38
3. Скорее невозможно	31	39	39	45	22	20	31	29	21	40	14	34
4. Совершенно исключено	3	3	3	10	4	4	2	—	4	4	2	4
5. Затрудняюсь ответить	2	3	3	3	6	—	—	—	—	2	—	—
5.3. МОЖЕТ ЛИ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ ДЕСТАБИЛИЗИРОВАТЬ СЛОЖИВШУЮСЯ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ УХУДШЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ, ОБОСТРЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ С КИТАЕМ, БЛИЖНИМ ВОСТОКОМ, СТРАНАМИ ЗАПАДА?												
1. вполне возможно	7	3	8	—	8	12	7	10	8	8	4	11
2. Скорее возможно	25	23	19	28	25	22	22	36	29	17	31	34
3. Скорее невозможно	54	64	58	41	61	47	60	43	50	59	55	47
4. Совершенно исключено	11	9	11	28	6	14	11	10	13	15	8	8
5. Затрудняюсь ответить	2	1	4	3	—	4	—	2	—	2	2	—

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители влияния региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
5. И. МОЖЕТ ЛИ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ ДЕСТАБИЛИЗИРОВАТЬ СЛОЖИВШУЮСЯ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ ОГРАНИЧЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ, СВОБОДЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ГРАЖДАН, НЕЗАВИСИМОСТИ ПЕЧАТИ В ЦЕЛЯХ УКРЕПЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ?												
1. вполне возможно	15	12	10	—	16	25	27	10	4	4	4	34
2. Скорее возможно	26	23	18	24	29	29	33	29	25	11	35	34
3. Скорее невозможно	42	43	57	45	45	29	36	43	46	53	39	25
4. Совершенно исключено	14	21	12	28	8	14	4	14	21	28	—	8
5. Затрудняюсь ответить	3	1	4	3	2	4	—	5	4	4	—	—
5. К. МОЖЕТ ЛИ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ ДЕСТАБИЛИЗИРОВАТЬ СЛОЖИВШУЮСЯ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА В РОССИИ?												
1. вполне возможно	13	7	19	3	16	14	20	14	15	11	10	11
2. Скорее возможно	27	23	24	14	33	22	16	29	42	23	47	23
3. Скорее невозможно	43	52	38	48	41	41	53	26	31	47	35	55
4. Совершенно исключено	14	16	15	24	8	16	7	31	8	19	6	11
5. Затрудняюсь ответить	3	3	4	10	2	6	4	—	4	—	2	—
6. А. НАСКОЛЬКО ВОЗМОЖЕН В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ПРИХОД ВО ВЛАСТЬ НОВЫХ ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ГРУПП ИЛИ РЕГИОНАЛЬНЫХ КЛАНОВ, КОТОРЫЙ МОГ БЫ НАРУШИТЬ СЛОЖИВШИЙСЯ ПОРЯДОК, СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ И ИНТЕРЕСОВ?												
1. вполне возможно	16	8	16	17	10	18	20	17	21	28	18	4
2. Скорее возможно	31	27	35	21	25	31	38	43	38	32	22	25
3. Скорее невозможно	48	64	46	48	61	43	40	36	35	34	51	60
4. Совершенно исключено	4	1	1	7	2	8	2	5	4	4	4	9
5. Затрудняюсь ответить	2	—	1	7	2	—	—	—	2	2	4	2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ- нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни- тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупных и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.) и т.д.	Руководители крупных гос. предприятий (1 000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред- ставители армии и МВД	Руководители внешних региональных СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
Число опрошенных												
6. Б. НАСКОЛЬКО ВОЗМОЖНО В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ РЕЗКОЕ УСИЛЕНИЕ ВЛАСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ, ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ, КОТОРЫЕ МОГЛИ БЫ НАРУШИТЬ СПОЖИВИЙСЯ ПОРЯДОК, СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ И ИНТЕРЕСОВ?												
1. вполне возможно	9	9	8	-	6	20	7	-	8	4	8	19
2. скорее возможно	17	9	12	3	18	12	20	19	21	6	37	26
3. скорее невозможно	52	57	55	62	51	47	67	52	52	38	49	45
4. совершенно исключено	21	25	19	35	20	18	7	26	19	53	6	8
5. затрудняюсь ответить	2	-	5	-	4	2	-	2	-	-	-	2
6. В. НАСКОЛЬКО ВОЗМОЖНО В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ РЕЗКОЕ ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ МЕЖДУ РАЗНЫМИ ГРУППИРОВКАМИ В ПРЕДВЫБОРНЫЙ ПЕРИОД, КОТОРЫЕ МОГЛИ БЫ НАРУШИТЬ СПОЖИВИЙСЯ ПОРЯДОК, СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ И ИНТЕРЕСОВ?												
1. вполне возможно	23	17	19	14	33	25	24	24	23	19	31	25
2. скорее возможно	47	48	51	55	39	51	44	43	44	53	39	53
3. скорее невозможно	23	29	20	21	25	18	27	26	29	21	22	19
4. совершенно исключено	5	7	3	10	2	6	2	5	2	8	6	2
5. затрудняюсь ответить	2	-	7	-	2	-	2	2	2	-	2	2
6. Г. НАСКОЛЬКО ВОЗМОЖНО В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫДВИЖЕНИЕ ОППОЗИЦИОННОГО ЛИДЕРА, КОНСОЛИДАЦИЯ ОППОЗИЦИИ, КОТОРЫЕ МОГЛИ БЫ НАРУШИТЬ СПОЖИВИЙСЯ ПОРЯДОК, СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ И ИНТЕРЕСОВ?												
1. вполне возможно	12	8	12	14	16	20	7	10	17	17	10	2
2. скорее возможно	27	30	35	28	25	16	31	33	21	28	27	17
3. скорее невозможно	49	57	47	38	49	49	58	43	42	40	51	59
4. совершенно исключено	10	5	1	14	8	12	4	14	13	13	10	21
5. затрудняюсь ответить	3	-	4	7	2	2	-	-	8	2	2	2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерально-го округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТМН, РСНП и др.)	Руководители крупных гос.-предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители внешних регионов СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
6.Д. НАСКОЛЬКО ВОЗМОЖНА В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ КОНСОЛИДАЦИЯ ВЛАСТНЫХ ЭЛИТ НА ОСНОВЕ СОБСТВЕННОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ, КОТОРАЯ МОГЛА БЫ НАРУШИТЬ СЛОЖИВШИЙСЯ ПОРЯДОК, СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ И ИНТЕРЕСОВ?												
1. Вполне возможно	15	10	19	21	27	14	13	17	17	21	4	9
2. Скорее возможно	35	43	39	21	33	27	49	38	38	40	41	13
3. Скорее невозможно	42	40	35	52	35	51	29	41	40	34	45	62
4. Совершенно исключено	7	7	4	7	4	6	9	5	4	6	8	13
5. Затрудняюсь ответить	1	—	3	—	2	2	—	—	2	—	2	2
7.А. ПРИХОД К ВЛАСТИ ПУТИНА ВЕЛ СКОРЕЕ К СТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИЛИ СКОРЕЕ К ЕЕ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ?												
1. Скорее к стабилизации	92	90	97	97	88	90	91	98	98	94	92	76
2. Скорее к дестабилизации	6	5	1	3	4	8	7	2	2	4	6	23
3. Затрудняюсь ответить	3	5	1	—	8	2	2	—	—	2	2	2
7.Б. НАЧАЛО ВТОРОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ ВЕЛО СКОРЕЕ К СТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИЛИ СКОРЕЕ К ЕЕ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ?												
1. Скорее к стабилизации	22	25	12	28	10	25	13	21	23	23	25	42
2. Скорее к дестабилизации	73	74	82	59	80	71	84	74	69	74	74	57
3. Затрудняюсь ответить	5	1	5	14	10	4	2	5	8	4	2	2
7.В. УСИЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ ВЛАСТИ НАД СМИ ВЕЛО СКОРЕЕ К СТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИЛИ СКОРЕЕ К ЕЕ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ?												
1. Скорее к стабилизации	59	58	68	76	53	53	47	55	67	77	43	51
2. Скорее к дестабилизации	33	33	24	21	35	43	44	29	23	13	51	47
3. Затрудняюсь ответить	8	9	8	3	12	4	9	17	10	9	6	2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТМ, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1 000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители влиятельных региональных СМИ	Московские интеллектuality
Всего	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
Число опрошенных											
7.Г. НАЧАЛО АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ ВЕЛО СКОРЕЕ К СТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИЛИ СКОРЕЕ К ЕЕ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ?											
1. Скорее к стабилизации	51	52	54	55	51	39	52	60	70	43	25
2. Скорее к дестабилизации	40	40	38	31	37	49	36	21	21	47	72
3. Затрудняюсь ответить	10	8	8	14	12	4	12	19	9	10	4
7.Д. КУРС НА БОРЬБУ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ ВЕЛ СКОРЕЕ К СТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИЛИ СКОРЕЕ К ЕЕ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ?											
1. Скорее к стабилизации	82	84	84	90	84	80	84	94	89	76	51
2. Скорее к дестабилизации	11	12	10	7	10	14	4	2	6	18	38
3. Затрудняюсь ответить	6	4	7	3	6	6	11	4	6	6	11
7.Е. ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 2003 ГОДА ВЕЛИ СКОРЕЕ К СТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИЛИ СКОРЕЕ К ЕЕ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ?											
1. Скорее к стабилизации	59	65	62	69	63	59	49	60	64	47	51
2. Скорее к дестабилизации	28	23	19	10	25	25	31	23	21	43	45
3. Затрудняюсь ответить	14	12	19	21	12	16	20	17	15	10	4
7.Ж. СОБЫТИЯ НА УКРАИНЕ ВЕЛИ СКОРЕЕ К СТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИЛИ СКОРЕЕ К ЕЕ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ?											
1. Скорее к стабилизации	14	13	8	10	8	27	16	12	15	19	6
2. Скорее к дестабилизации	70	74	80	62	80	57	64	69	63	64	80
3. Затрудняюсь ответить	16	13	12	28	12	16	20	19	23	17	14
7.З. ПРИНЯТИЕ ЗАКОНОВ О НАЗНАЧЕНИИ ГУБЕРНАТОРОВ, ИЗМЕНЕНИЕ ЗАКОНА О ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ СОБРАНИЯ ВЕЛИ СКОРЕЕ К СТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИЛИ СКОРЕЕ К ЕЕ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ?											
1. Скорее к стабилизации	69	69	74	90	67	69	62	76	85	74	61
2. Скорее к дестабилизации	23	25	15	7	22	27	29	17	6	15	33
3. Затрудняюсь ответить	8	7	11	3	10	4	9	7	8	11	6

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Рководство федерально-го округа	Представители законодательной власти	Рководители крупного и среднего частного бизнеса	Рководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.)	Рководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Рководители областных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
7. И. МОНЕТИЗАЦИЯ ЛЬГОТ ВЕДА СКОРЕЕ К СТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИЛИ СКОРЕЕ К ЕЕ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ?												
1. Скорее к стабилизации	23	26	28	31	20	27	24	14	21	26	31	8
2. Скорее к дестабилизации	71	68	69	55	76	65	76	76	75	66	67	89
3. Затрудняюсь ответить	5	7	3	14	4	8	—	10	4	8	2	4
8. В ПРЕССЕ МОЖНО ОБНАРУЖИТЬ РАЗЛИЧНЫЕ ОЦЕНКИ «ДЕЛА ЮКОСА». КАКИЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ МНЕНИЙ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ НАИБОЛЕЕ БЛИЗКИ К ВАШЕЙ ЛИЧНОЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ?												
1. Содействовало наведению порядка в отношениях между бизнесом и властью	40	44	46	66	35	47	27	38	54	57	18	13
2. Укрепило авторитет Путина как борца с олигархами, восстанавливающего принципы социальной справедливости	30	33	43	45	29	18	24	26	21	30	18	42
3. Напугало крупный бизнес, привело к резкому ухудшению инвестиционного климата	41	35	31	21	37	43	56	41	27	32	65	68
4. Дискредитировало власть, использующую суд и прокуратуру как орудие расправы с конкурентами и противниками	35	27	19	14	31	47	47	31	21	21	53	81
5. Ухудшило образ России в мировом общественном мнении	41	44	39	10	37	45	53	24	27	15	53	83
6. Другое	9	12	10	3	6	10	7	10	15	9	10	6
7. Затрудняюсь ответить	1	—	—	—	2	2	—	2	2	—	—	—
9. С НАЧАЛА 2005 ГОДА ДАННЫЕ ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ПОКАЗЫВАЮТ, ЧТО В ОБЩЕСТВЕ СТАЛО НАРАСТАТЬ НЕДОВОЛЬСТВО ДЕЙСТВИЯМИ ВЛАСТЕЙ. НАСКОЛЬКО ЭТО СЕРЬЕЗНАЯ ПРОБЛЕМА?												
1. Очень серьезная проблема	16	10	16	3	12	27	22	7	19	17	22	13
2. Довольно серьезная проблема	51	57	54	38	59	33	53	55	48	45	57	51

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ										
	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (предприятия, теней (ТНП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред-ставители армии и МВД	Руководители властных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Всего	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
3. Не слишком серьезная проблема	28	24	52	27	39	18	31	29	28	16	34
4. Это вообще не проблема	4	5	7	—	2	7	7	2	9	4	2
5. Затрудняюсь ответить	1	3	—	2	—	—	—	2	—	—	—
10. КАКОЙ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ВАРИАНТОВ РАЗВИТИЯ НЕДОВОЛЬСТВА В ОБЩЕСТВЕ КАЗЕТСЯ ВАМ НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫМ?											
1. Носит неустойчивый характер, власть может легко его устранить	12	13	16	17	14	16	12	10	13	4	6
2. Хотя и вызвано серьезными накопившимися проблемами, но вряд ли примет массовые формы	59	49	60	69	57	47	64	60	59	61	66
3. Может принять массовые организованные формы, если за это возьмутся политические лидеры, партии	22	27	20	14	22	31	21	21	23	20	8
4. Может выйти из-под контроля власти и политиков, вызвать массовые стихийные волнения	6	5	4	—	4	4	2	6	6	10	17
5. Другое	1	1	—	—	2	2	—	—	—	2	4
6. Затрудняюсь ответить	1	4	—	—	—	—	—	2	—	2	—
11. НАСКОЛЬКО НЫНЕШНЮЮ ВЛАСТЬ БЕСПОКОИТ РОСТ НЕДОВОЛЬСТВА В ОБЩЕСТВЕ?											
1. Это вызывает серьезное беспокойство власти, но приводит к тому, что она ведет себя непоследовательно и необдуманно	21	20	24	21	25	14	14	21	13	27	30
2. власть видит эту проблему, но уверена, что всегда сможет погасить недовольство	66	68	64	72	65	63	67	71	64	67	57
3. Нынешняя власть вообще не принимает во внимание проблему	9	7	5	7	8	22	11	4	17	2	8
4. Другое	3	5	4	—	2	—	—	2	4	4	6
5. Затрудняюсь ответить	1	1	3	—	—	—	—	2	2	—	—

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители ведущих региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных												
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
12_А. НАСКОЛЬКО ВЕРОЯТНЫ В РОССИИ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДИЛИ В 2004–2005 ГОДАХ В ГРУЗИИ?												
1. Очень вероятно	1	–	–	–	2	2	–	2	–	4	4	2
2. Довольно вероятно	6	4	7	–	6	8	2	14	6	4	8	4
3. Маловероятно	53	43	57	31	67	59	69	60	50	45	61	40
4. Совершенно исключено	38	52	35	66	22	31	29	21	44	43	20	53
5. Затрудняюсь ответить	2	1	1	3	2	–	–	2	–	4	6	2
12_Б. НАСКОЛЬКО ВЕРОЯТНЫ В РОССИИ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДИЛИ В 2004–2005 ГОДАХ В УКРАИНЕ?												
1. Очень вероятно	3	–	1	–	6	8	–	2	–	2	8	2
2. Довольно вероятно	12	8	14	7	16	6	16	24	10	11	18	6
3. Маловероятно	58	62	61	69	63	61	67	50	52	49	57	51
4. Совершенно исключено	25	30	22	24	12	25	16	21	38	38	10	40
5. Затрудняюсь ответить	2	–	3	–	2	–	2	2	–	–	6	2
12_В. НАСКОЛЬКО ВЕРОЯТНЫ В РОССИИ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДИЛИ В 2004–2005 ГОДАХ В КИРГИЗИИ?												
1. Очень вероятно	2	–	–	–	2	–	–	5	2	2	6	2
2. Довольно вероятно	5	3	5	–	4	8	2	10	4	2	6	6
3. Маловероятно	47	42	45	41	61	57	60	48	44	43	51	28
4. Совершенно исключено	45	55	47	59	31	35	38	36	50	49	29	60
5. Затрудняюсь ответить	2	1	3	–	2	–	–	2	–	4	8	4
13. КАКОЙ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ВАРИАНТОВ РАЗВИТИЯ РОССИИ ЛИЧНО ВАМ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫМ?												
1. Последовательное движение к рынку, демократии, правовому государству (европейский вариант модернизации)	39	42	35	41	29	39	42	24	31	15	55	70

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТПП, РСПП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред-ставители армии и МВД	Руководители внешних регионов СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
2. Плановая экономика, государственная идеология, восстановление великой державы (советский вариант)	6	5	5	7	8	2	4	10	6	19	—	—
3. Движение к рынку и демократии через авторитаризм (чилийский вариант)	4	3	5	3	2	4	7	2	6	2	4	2
4. Медленное эволюционное развитие страны в сторону рыночной экономики при сильном централизованном государстве, с учетом национальных интересов	29	27	31	28	37	25	31	43	35	36	16	9
5. Особый российский путь, не похожий ни на один из перечисленных	18	18	16	17	18	25	13	17	17	26	16	13
6. Другое	4	5	7	—	4	6	2	5	4	—	6	6
7. Затрудняюсь ответить	1	—	—	3	2	—	—	—	—	2	2	—
14. НА КАКОЙ ИЗ ЭТИХ ВАРИАНТОВ РАЗВИТИЯ РОССИИ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ОРИЕНТИРУЮТСЯ СЕГОДНЯ ФЕДЕРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ, ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА?												
1. Последовательное движение к рынку, демократии и право-вому государству (европейский вариант модернизации)	29	30	37	52	35	27	22	26	29	51	10	2
2. Плановая экономика, государственная идеология, восстановление великой державы (советский вариант)	6	4	10	7	—	2	2	2	8	6	6	11
3. Движение к рынку и демократии через авторитаризм (чилийский вариант)	15	18	12	7	14	20	27	7	13	4	20	15
4. Медленное эволюционное развитие страны в сторону рыночной экономики при сильном централизованном государстве, с учетом национальных интересов	15	10	12	7	12	20	20	19	15	8	14	30
5. Особый российский путь, не похожий ни на один из перечисленных	22	27	23	24	25	18	22	29	21	19	22	11

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важнейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполнительной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные представители армии и МВД	Руководители региональных СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
6. Другое	5	3	1	-	6	4	7	5	4	2	8	15
7. Смешение различных вариантов	2	1	1	-	2	-	-	2	2	2	4	9
8. Нет такой программы, анархия, хаос	3	4	4	-	4	-	-	2	2	4	8	6
9. Затрудняюсь ответить	4	3	-	3	2	8	-	7	6	6	6	-
15. НАСКОЛЬКО ВЕРОЯТНО, ЧТО ПРИ СОХРАНЕНИИ НЫНЕШНЕГО ПОРЯДКА ВЕЩЕЙ РОССИЯ ПРЕВРАТИТСЯ В ПЕРИФЕРИЙНУЮ СТРАНУ, НАХОДЯЩУЮСЯ В ИЗОЛЯЦИИ ОТ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА?												
1. Очень вероятно	11	8	5	-	20	18	9	12	2	9	10	26
2. Достаточно вероятно	28	26	23	10	33	27	40	31	19	17	31	45
3. Маловероятно	50	47	64	72	41	45	44	55	54	55	51	26
4. Исключено	11	18	8	17	6	8	7	2	25	17	6	2
5. Затрудняюсь ответить	1	1	-	-	-	2	-	-	-	2	2	-
16. СТАВИТ ЛИ ПРЕЗИДЕНТ ПУТИН ЦЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ, ПОДДЕМА БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ?												
1. Определенно да	43	55	55	69	41	37	38	24	48	57	27	23
2. Скорее да	41	30	38	28	43	37	51	50	48	30	53	45
3. Скорее нет	12	12	5	3	12	20	9	21	-	11	12	23
4. Определенно нет	3	4	1	-	2	2	-	2	2	2	4	8
5. Затрудняюсь ответить	2	-	-	-	2	4	2	2	2	-	4	2
17. ЕСТЬ ЛИ У ПРЕЗИДЕНТА ПУТИНА СЕГОДНЯ В БЛИЖАЙШЕМ ОКРУЖЕНИИ КОМАНДА, НЕОБХОДИМАЯ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЭТИХ ЗАДАЧ – МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ, ПОДДЕМА БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ?												
1. Определенно да	5	7	4	10	8	-	2	-	4	11	2	4

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Рководство федерального округа	Представители законодательной власти	Рководители крупного и среднего частного бизнеса	Рководители региональных организаций (ТТП, РСНП и др.)	Рководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные преа-ставители армии и МВД	Рководители влиятельных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
2. Скорее да	31	30	43	52	25	20	27	26	40	34	29	13
3. Скорее нет	48	48	46	31	41	59	60	55	46	42	55	42
4. Определенно нет	16	14	7	—	27	20	11	17	8	13	12	42
5. Затрудняюсь ответить	1	1	—	7	—	—	—	2	2	—	2	—
18. ПРАВИТЕЛЬНОСТЬ МИХАИЛА КАСЬЯНОВА БЫЛО СИЛЬНЕЕ НЫНШЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА МИХАИЛА ФРАДКОВА?												
1. Оно было сильнее, чем нынешнее	17	14	11	3	12	14	20	14	15	11	22	43
2. Оно было слабее, чем нынешнее	14	21	19	10	8	12	13	21	8	21	8	6
3. Примерно такое же по силе, как нынешнее	32	27	39	55	33	22	36	33	33	36	35	9
4. Примерно такое же по слабости, как нынешнее	34	34	28	31	45	47	27	29	38	28	29	42
5. Затрудняюсь ответить	3	4	3	—	2	4	4	2	6	4	6	—
19. А. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ НА ПРЕЗИДЕНТА ПУТИНА ЭКОНОМИСТОВ ИЗ ЕГО БЛИЖАЙШЕГО ОКРУЖЕНИЯ?												
1. Очень значительное	8	14	8	10	6	4	7	7	6	13	2	8
2. Довольно значительное	46	40	50	52	45	43	38	45	46	51	65	38
3. Не слишком значительное	36	35	30	35	43	39	49	38	42	26	25	40
4. Совершенно незначительное	5	4	5	—	4	8	7	7	—	2	6	11
5. Затрудняюсь ответить	5	7	7	3	2	6	—	2	6	8	2	4
19. Б. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ НА ПРЕЗИДЕНТА ПУТИНА "СИЛОВИКОВ" ИЗ ЕГО БЛИЖАЙШЕГО ОКРУЖЕНИЯ?												
1. Очень значительное	28	16	26	31	25	39	31	21	17	15	41	57
2. Довольно значительное	49	68	50	35	51	45	53	60	44	38	51	36
3. Не слишком значительное	16	12	19	28	18	8	11	12	31	32	8	6

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерально-го округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.)	Руководители крупных (1000 чел. и более) гос. предприятий	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители валютных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
4. Совершенно незначительное	2	—	3	3	2	—	—	2	4	9	—	—
5. Затрудняюсь ответить	4	5	3	3	4	8	4	5	4	6	—	2
19. В КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ НА ПРЕЗИДЕНТА ПУТИНА РУКОВОДИТЕЛЕЙ КРУПНЕЙШИХ ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ ИЗ ЕГО БЛИЖАЙШЕГО ОКРУЖЕНИЯ?												
1. Очень значительное	7	1	1	—	12	8	13	10	17	11	4	8
2. Довольно значительное	32	25	37	17	49	27	36	31	29	42	29	30
3. Не слишком значительное	50	65	47	72	37	49	42	52	44	36	55	51
4. Совершенно незначительное	7	5	10	10	2	12	7	2	6	8	10	9
5. Затрудняюсь ответить	3	4	5	—	—	4	2	5	4	4	2	2
19. Г. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ НА ПРЕЗИДЕНТА ПУТИНА ЛИДЕРОВ КРУПНЕЙШИХ ФРАКЦИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ИЗ ЕГО БЛИЖАЙШЕГО ОКРУЖЕНИЯ?												
1. Очень незначительное	3	—	1	7	6	2	—	7	—	6	2	—
2. Довольно значительное	13	10	15	10	16	18	22	17	15	13	10	2
3. Не слишком значительное	48	57	61	59	41	43	47	50	56	53	41	17
4. Совершенно незначительное	33	30	19	24	35	31	31	24	25	19	45	79
5. Затрудняюсь ответить	3	3	4	—	2	6	—	2	4	9	2	2
20. МОЖНО ЛИ СЕГОДНЯ ГОВОРИТЬ, ЧТО ПРАВИТЕЛЬСТВО, АДМИНИСТРАЦИЯ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ РУКОВОДИТЕЛИ ЕДИНЫ С ПРЕЗИДЕНТОМ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О КУРСЕ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ?												
1. Полностью едины	4	7	4	3	—	2	2	2	6	6	—	4
2. По большей части едины	66	69	70	76	63	57	62	67	65	72	63	59
3. По большей части расходятся	27	22	19	17	35	35	29	31	25	19	31	34

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Рководство федерального округа	Представители законодательной власти	Рководители крупного и среднего частного бизнеса	Рководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.)	Рководители крупных гос. предприятий (1 000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Рководители влиятельных региональных СМИ	Московские интелектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
Число опрошенных												
4. Полностью расходятся	2	1	1	3	—	6	7	—	—	2	—	4
5. Затрудняюсь ответить	2	1	5	—	2	—	—	—	4	2	6	—
21_А. НАСТРОЕНЫ ЛИ СЕГОДНЯ ПРЕДСТАВИТЕЛИ КРУПНОГО БИЗНЕСА НА КОНСОЛИДАЦИЮ ВОКРУГ ПУТИНСКОЙ КОМАНДЫ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО КУРСА?												
1. Определенно да	6	7	4	10	2	4	7	7	17	9	2	4
2. Скорее да	50	56	57	66	61	49	58	43	46	45	39	32
3. Скорее нет	35	33	31	21	25	41	27	38	29	32	53	49
4. Определенно нет	5	3	3	3	6	6	7	5	2	6	4	9
5. Затрудняюсь ответить	4	3	5	—	6	—	2	7	6	8	2	6
21_Б. НАСТРОЕНЫ ЛИ СЕГОДНЯ КРУПНЕЙШИЕ ПОЛИТИКИ НА КОНСОЛИДАЦИЮ ВОКРУГ ПУТИНСКОЙ КОМАНДЫ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО КУРСА?												
1. Определенно да	9	12	8	10	6	12	7	5	8	13	6	9
2. Скорее да	58	65	64	76	55	47	56	57	67	55	51	45
3. Скорее нет	26	18	24	10	35	31	31	33	25	23	31	28
4. Определенно нет	3	3	1	—	—	4	2	2	—	2	4	8
5. Затрудняюсь ответить	5	3	3	3	4	6	4	2	—	8	8	9
21_В. НАСТРОЕНЫ ЛИ СЕГОДНЯ РУКОВОДИТЕЛИ АРМИИ, СИЛОВЫХ СТРУКТУР НА КОНСОЛИДАЦИЮ ВОКРУГ ПУТИНСКОЙ КОМАНДЫ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО КУРСА?												
1. Определенно да	40	39	42	52	33	43	44	21	40	53	33	38
2. Скорее да	51	51	53	45	51	49	42	69	60	36	57	47
3. Скорее нет	6	8	4	3	12	4	7	5	—	2	8	8
4. Определенно нет	1	3	—	—	—	—	—	5	—	4	2	2
5. Затрудняюсь ответить	3	—	1	—	4	4	7	—	—	6	—	6

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТМТ, РСПП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные преа-дставители армии и МВД	Руководители валютных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
Число опрошенных												
21. Г. НАСТРОЕНЫ ЛИ СЕГОДНЯ ВЕДУЩИЕ ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ, СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА КОНСОЛИДАЦИЮ ВОКРУГ ПУТИНСКОЙ КОМАНДЫ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО КУРСА?												
1. Определенно да	8	9	1	14	8	4	9	5	17	13	6	4
2. Скорее да	58	69	72	79	55	45	47	52	65	64	51	34
3. Скорее нет	25	17	18	7	27	35	33	36	10	6	33	53
4. Определенно нет	4	4	4	-	2	10	2	5	2	2	10	4
5. Затрудняюсь ответить	6	1	5	-	8	6	9	2	6	15	-	6
22. ВОКРУГ КАКИХ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ИДЕЙ МОГЛА БЫ БЫТЬ РЕАЛЬНО ДОСТИГНУТА КОНСОЛИДАЦИЯ ВЕДУЩИХ ГРУПП ОБЩЕСТВА?												
1. Идея социального государства и социальной справедливости	32	29	31	38	41	27	33	41	29	21	35	32
2. восстановление величия российской державы, укрепление ее лидерской роли в мировой политике	37	35	39	45	41	27	38	33	35	60	37	17
3. развитие рыночной экономики и демократических институтов	20	26	19	14	14	35	20	19	23	13	20	9
4. Другое	3	-	1	3	-	-	2	2	4	-	-	17
5. Нет таких идей	3	3	3	-	4	2	-	-	2	2	-	13
6. Комплекс перечисленных идей	3	4	1	-	-	4	-	5	4	-	2	6
7. Национальное единство, восстановление культурных и духовных ценностей	1	1	1	-	-	2	2	-	2	2	-	2
8. Достижение экономического благополучия и материального благосостояния жителей России	1	1	3	-	-	2	2	-	-	-	-	2
9. Затрудняюсь ответить	2	1	1	-	-	2	2	-	-	2	6	2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТПП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1 000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред-ставители армии и МВД	Руководители влиятельных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
	Число опрошенных											
23. КАКАЯ ИЗ ЭТИХ ИДЕЙ БЛИЖЕ ВАМ ЛИЧНО?												
1. Идея социального государства и социальной справедливости	26	18	37	28	41	14	33	36	31	23	16	13
2. Восстановление величия российской державы, укрепление ее лидерской роли в мировой политике	29	25	31	45	33	20	22	29	27	62	25	4
3. Развитие рыночной экономики и демократических институтов	38	51	26	21	25	53	42	31	33	11	53	62
4. Другое	7	7	7	7	—	12	—	2	6	4	6	19
5. Затрудняюсь ответить	1	—	—	—	2	—	2	2	2	—	—	2
24. А. МОГУТ ЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛИ КРУПНОГО БИЗНЕСА ПРЕДЛОЖИТЬ ДОЛГОСРОЧНУЮ СТРАТЕГИЮ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ?												
1. Определенно да	9	8	7	3	4	10	18	5	17	13	6	4
2. Скорее да	44	47	51	52	39	53	47	45	35	30	55	30
3. Скорее нет	39	43	35	31	47	35	31	36	38	38	33	57
4. Определенно нет	7	3	7	7	8	2	4	10	6	17	6	8
5. Затрудняюсь ответить	2	—	—	7	2	—	—	5	4	2	—	2
24. Б. МОГУТ ЛИ ЛИДЕРЫ КРУПНЕЙШИХ ПАРТИЙ ПРЕДЛОЖИТЬ ДОЛГОСРОЧНУЮ СТРАТЕГИЮ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ?												
1. Определенно да	4	4	3	3	12	4	2	5	2	8	6	—
2. Скорее да	36	46	46	48	35	29	27	29	52	47	22	6
3. Скорее нет	46	44	45	38	43	53	64	55	38	32	55	45
4. Определенно нет	12	7	7	3	8	14	2	10	4	11	14	47
5. Затрудняюсь ответить	2	—	—	7	2	—	4	2	4	2	2	2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТНП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители влиятельных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
24 В. МОГУТ ЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ОРГАНИЗАЦИЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА, НЕЗАВИСИМЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ ПРЕДЛОЖИТЬ ДОЛГОСРОЧНУЮ СТРАТЕГИЮ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ?												
1. Определенно да	5	1	4	7	10	2	9	2	6	—	8	11
2. Скорее да	33	34	34	45	27	31	24	31	29	34	29	43
3. Скорее нет	46	53	46	28	45	47	53	50	52	43	47	30
4. Определенно нет	13	9	14	17	16	20	11	14	6	15	12	11
5. Затрудняюсь ответить	3	3	3	3	2	—	2	2	6	8	4	4
24 Г. МОЖЕТ ЛИ ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО, ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ АНАЛИТИКОВ ПРЕДЛОЖИТЬ ДОЛГОСРОЧНУЮ СТРАТЕГИЮ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ?												
1. Определенно да	16	10	12	14	20	16	22	19	17	8	18	21
2. Скорее да	60	66	60	69	49	57	56	55	52	68	67	57
3. Скорее нет	19	20	20	7	27	18	16	21	25	15	12	19
4. Определенно нет	3	3	3	7	4	6	4	5	—	4	—	2
5. Затрудняюсь ответить	3	1	5	3	—	2	2	—	6	6	2	2
24 Д. МОГУТ ЛИ РУКОВОДИТЕЛИ АРМИИ, СИЛОВЫХ СТРУКТУР ПРЕДЛОЖИТЬ ДОЛГОСРОЧНУЮ СТРАТЕГИЮ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ?												
1. Определенно да	3	4	—	—	2	2	—	5	6	9	6	—
2. Скорее да	17	18	23	21	18	14	9	7	40	26	8	2
3. Скорее нет	44	44	50	52	57	51	49	52	33	42	49	9
4. Определенно нет	34	34	26	24	20	33	38	31	15	23	35	87
5. Затрудняюсь ответить	2	—	1	3	2	—	4	5	6	—	2	2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТМ, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1 000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред-ставители армии и МВД	Руководители ведущих регио-нальных СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных												
24_Е. МОГУТ ЛИ ВЕДУЩИЕ ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ, СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРЕДЛОЖИТЬ ДОЛГОСРОЧНУЮ СТРАТЕГИЮ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ?												
1. Определенно да	3	1	3	7	4	2	2	5	6	2	2	2
2. Скорее да	30	29	32	28	20	41	27	12	46	32	35	23
3. Скорее нет	46	48	49	38	53	41	49	60	31	36	53	45
4. Определенно нет	19	22	15	21	20	16	18	21	10	25	8	28
5. Затрудняюсь ответить	3	—	1	7	2	—	4	2	6	6	2	2
25_А. В КАКОЙ МЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ОДОБРЯЕТ СЕЙЧАС ВНУТРЕННЮЮ ПОЛИТИКУ ПУТИНА И УСТАНОВЛЕННЫЙ ИМ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ?												
1. Полностью одобряют	36	34	37	38	33	29	42	31	35	42	39	43
2. Скорее одобряют	59	64	57	55	65	59	51	69	63	55	55	51
3. Скорее не одобряют	3	1	4	3	—	10	—	—	—	—	4	4
4. Полностью не одобряют	0	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5. Затрудняюсь ответить	2	1	1	3	2	2	7	—	2	4	2	2
25_Б. В КАКОЙ МЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНАЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ОДОБРЯЕТ СЕЙЧАС ВНУТРЕННЮЮ ПОЛИТИКУ ПУТИНА И УСТАНОВЛЕННЫЙ ИМ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ?												
1. Полностью одобряют	41	44	42	24	47	45	42	41	38	38	45	38
2. Скорее одобряют	52	52	51	72	49	37	49	45	60	59	45	55
3. Скорее не одобряют	5	3	3	3	2	14	7	12	—	—	8	6
4. Полностью не одобряют	0	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
5. Затрудняюсь ответить	2	1	4	—	2	4	2	—	2	4	2	2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТПП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные преа-дставители армии и МВД	Руководители внешних регионов СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных												
25. В. В КАКОЙ МЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ, СИЛОВЫХ ВЕДОМСТВ ОДОБРЯЮТ СЕЙЧАС ВНУТРЕННЮЮ ПОЛИТИКУ ПУТИНА И УСТАНОВЛЕННЫЙ ИМ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ?												
1. Полностью одобряют	47	51	51	41	37	57	38	43	54	45	43	53
2. Скорее одобряют	46	43	45	45	57	39	51	55	42	47	51	34
3. Скорее не одобряют	4	3	1	10	2	4	4	-	-	6	4	8
4. Полностью не одобряют	1	1	-	-	-	-	-	2	-	-	-	2
5. Затрудняюсь ответить	3	3	3	3	4	-	7	-	4	2	2	4
25. Г. В КАКОЙ МЕРЕ РУКОВОДИТЕЛИ СМИ ОДОБРЯЮТ СЕЙЧАС ВНУТРЕННЮЮ ПОЛИТИКУ ПУТИНА И УСТАНОВЛЕННЫЙ ИМ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ?												
1. Полностью одобряют	4	4	1	-	4	6	2	-	4	8	2	11
2. Скорее одобряют	48	57	54	59	43	41	40	52	46	55	41	34
3. Скорее не одобряют	40	36	31	24	49	47	53	33	42	32	45	49
4. Полностью не одобряют	2	1	3	-	-	4	-	2	-	-	6	4
5. Затрудняюсь ответить	6	1	11	17	4	2	4	12	8	6	6	2
25. Д. В КАКОЙ МЕРЕ БИЗНЕС-СООБЩЕСТВО ОДОБРЯЕТ СЕЙЧАС ВНУТРЕННЮЮ ПОЛИТИКУ ПУТИНА И УСТАНОВЛЕННЫЙ ИМ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ?												
1. Полностью одобряют	2	3	-	3	6	2	2	2	2	6	-	-
2. Скорее одобряют	40	46	55	62	41	39	38	36	48	30	27	21
3. Скорее не одобряют	47	47	35	24	47	45	49	50	38	49	53	70
4. Полностью не одобряют	5	3	4	-	4	10	4	7	4	-	10	8
5. Затрудняюсь ответить	6	3	5	10	2	4	7	5	8	15	10	2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
Всего	Зам. губернатора по ва- нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни- тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТМ, РСМ и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред- ставители армии и МВД	Руководители влиятельных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных											
25. Е. В КАКОЙ МЕРЕ ЛЮДИ КУЛЬТУРЫ, НАЖИ ОДОБРЯЮТ СЕЙЧАС ВНУТРЕНнюю ПОЛИТИКУ ПУТИНА И УСТАНОВЛЕНный ИМ ПОЛИТИЧЕСкий РЕЖИМ?											
3	4	—	3	2	2	2	2	6	4	2	—
50	53	62	55	55	45	53	45	60	53	41	19
38	36	31	31	39	41	40	43	19	30	45	68
5	5	4	—	—	10	—	2	4	4	8	11
5	1	3	10	4	2	4	7	10	9	4	2
25. Ж. В КАКОЙ МЕРЕ ЛЮДИ ИЗ БЛИЗКОЙ ВАМ ГРУППЫ, ТАКИЕ КАК ВЫ, ОДОБРЯЮТ СЕЙЧАС ВНУТРЕНнюю ПОЛИТИКУ ПУТИНА И УСТАНОВЛЕНный ИМ ПОЛИТИЧЕСкий РЕЖИМ?											
9	12	14	28	8	6	4	2	10	17	4	—
51	58	66	62	55	43	51	62	67	51	39	6
24	20	12	10	16	35	29	31	15	25	43	32
12	8	5	—	14	10	11	5	4	4	10	60
3	3	3	—	6	6	4	—	4	4	4	2
26. А. КАК ОБСТОЯЛО ДЕЛО ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД – В КАКОЙ МЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ОДОБРЯЛА ТОГДА ПУТИНА И ЕГО ВНУТРЕНнюю ПОЛИТИКУ?											
21	12	22	24	18	22	20	19	31	26	16	21
58	66	58	66	53	47	58	60	52	55	61	64
17	21	16	10	22	27	13	14	15	13	14	11
1	—	—	—	—	—	2	2	—	—	2	—
4	1	4	—	6	4	7	5	2	6	6	4

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерально-го округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональ-ных организаций предпринима-телей (ТМН, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители внешних регионов СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
26_Б. КАК ОБСТОЯЛО ДЕЛО ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД – В КАКОЙ МЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНАЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ОДОБРЯЛА ТОГДА ПУТИНА И ЕГО ВНУТРЕННЮЮ ПОЛИТИКУ?												
1. Полностью одобряли	28	27	26	24	37	20	24	17	35	34	27	34
2. Скорее одобряли	55	57	61	72	43	61	60	60	46	47	49	55
3. Скорее не одобряли	12	13	8	3	14	14	11	14	17	15	14	8
4. Полностью не одобряли	1	1	1	–	–	–	2	5	–	–	2	–
5. Затрудняюсь ответить	4	1	4	–	6	4	2	5	2	4	8	4
26_В. КАК ОБСТОЯЛО ДЕЛО ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД – В КАКОЙ МЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ, СИЛОВЫХ ВЕДОМСТВ ОДОБРЯЛИ ТОГДА ПУТИНА И ЕГО ВНУТРЕННЮЮ ПОЛИТИКУ?												
1. Полностью одобряли	47	51	46	48	39	47	47	33	60	53	41	43
2. Скорее одобряли	44	44	46	48	49	41	44	50	31	40	51	40
3. Скорее не одобряли	6	3	4	3	6	8	4	10	6	4	2	13
4. Полностью не одобряли	0	–	–	–	–	–	2	2	–	–	–	–
5. Затрудняюсь ответить	4	3	4	–	6	4	2	5	2	4	6	4
26_Г. КАК ОБСТОЯЛО ДЕЛО ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД – В КАКОЙ МЕРЕ РУКОВОДИТЕЛИ СММИ ОДОБРЯЛИ ТОГДА ПУТИНА И ЕГО ВНУТРЕННЮЮ ПОЛИТИКУ?												
1. Полностью одобряли	11	12	8	7	8	10	16	10	19	17	6	8
2. Скорее одобряли	57	58	55	55	63	53	49	64	60	45	57	68
3. Скорее не одобряли	23	26	26	31	16	29	29	17	13	28	25	17
4. Полностью не одобряли	3	1	4	–	2	2	–	5	2	2	8	4
5. Затрудняюсь ответить	6	3	7	7	10	6	7	5	6	8	4	4

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ										
	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТМТ, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1 000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред-ставители армии и МВД	Руководители внешних СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
26 Д. КАК ОБСТОЯЛО ДЕЛО ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД – В КАКОЙ МЕРЕ БИЗНЕС-СООБЩЕСТВО ОДОБРЯЛО ТОГДА ПУТИНА И ЕГО ВНУТРЕННЮЮ ПОЛИТИКУ?											
1. Полностью одобряли	9	12	7	8	10	16	7	13	11	6	4
2. Скорее одобряли	56	64	54	51	59	58	55	63	47	49	55
3. Скорее не одобряли	26	20	26	33	22	22	29	13	28	33	32
4. Полностью не одобряли	4	3	7	–	2	2	5	4	6	4	4
5. Затрудняюсь ответить	6	3	7	8	6	2	5	8	8	8	6
26 Е. КАК ОБСТОЯЛО ДЕЛО ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД – В КАКОЙ МЕРЕ ЛЮДИ КУЛЬТУРЫ, НАУКИ ОДОБРЯЛИ ТОГДА ПУТИНА И ЕГО ВНУТРЕННЮЮ ПОЛИТИКУ?											
1. Полностью одобряли	11	14	10	14	16	12	13	7	15	8	8
2. Скорее одобряли	61	64	65	69	59	55	62	60	71	68	61
3. Скорее не одобряли	20	18	16	10	14	22	22	29	6	17	25
4. Полностью не одобряли	2	1	5	–	2	2	–	2	2	–	2
5. Затрудняюсь ответить	5	3	4	7	8	8	2	2	6	8	4
26 Ж. КАК ОБСТОЯЛО ДЕЛО ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД – В КАКОЙ МЕРЕ ЛЮДИ ИЗ БЛИЗКОЙ ВАМ ГРУППЫ, ТАКИЕ КАК ВЫ, ОДОБРЯЛИ ТОГДА ПУТИНА И ЕГО ВНУТРЕННЮЮ ПОЛИТИКУ?											
1. Полностью одобряли	16	16	19	35	14	18	18	10	25	23	8
2. Скорее одобряли	60	60	69	62	47	61	64	71	67	62	61
3. Скорее не одобряли	16	18	10	3	20	14	11	10	6	9	22
4. Полностью не одобряли	5	1	1	–	12	2	4	5	–	–	4
5. Затрудняюсь ответить	4	5	1	–	6	4	2	5	2	6	4

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ																				
	Всего	568	77	Высокопоставленные представители исполнительной власти	74	Руководство федерального округа	49	49	49	49	49	45	42	48	53	49	57				
				Зам. губернатора по различным направлениям		Руководители региональных органов государственной власти		Руководители крупных и средних предприятий		Руководители крупных и средних предприятий (ТМ, РСНП и др.)		Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)		Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры		Высокопоставленные представители армии и МВД		Руководители региональных СМИ		Московские интеллектуалы	
27. ЧТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ДВИЖЕТ СЕГОДНЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВЫСШЕЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ, КАКОВ ГЛАВНЫЙ МОТИВ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?																					
1. Стремление преобразить Россию в современную, экономически развитую, социально благополучную страну	25	42	43	35	27	18	16	17	33	19	8	2									
2. Стремление вернуть стране статус великой державы, восстановить прежний геополитический баланс сил	12	7	19	17	10	6	13	14	8	19	10	6									
3. Стремление любой ценой удержать власть, защитить достигнутое положение	49	38	26	28	55	65	60	62	44	47	59	70									
4. Страх перед преследованиями со стороны тех, кто может прийти на смену	5	5	4	10	4	4	4	—	2	8	8	4									
5. Другое	7	8	5	3	2	2	4	5	13	4	12	17									
6. Затрудняюсь ответить	3	1	3	7	2	4	2	2	—	4	2	2									
28. С КАКИМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СУЖДЕНИЙ О НОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ, СЛОЖИВШЕМСЯ ПРИ ПУТИНЕ, ВЫ СКОРЕЕ СОГЛАСНЫ?																					
1. Основные участники признали новые правила игры и объединились вокруг фигуры президента	17	21	18	28	14	14	13	7	29	28	8	6									
2. Путин и его команда так или иначе заставили других принять новый порядок	53	51	50	41	57	59	42	57	38	45	59	74									
3. Новый порядок основан на новых отношениях собственности, за ним стоят сложившиеся экономические интересы наиболее влиятельных групп	20	17	20	21	16	18	33	21	25	21	22	6									
4. Новый порядок достаточно свободен, не слишком ограничивает участников, и они могут решать свои проблемы	6	5	8	10	2	8	7	10	8	6	2	6									
5. Другое	3	4	—	—	6	—	4	2	—	—	6	6									
6. Затрудняюсь ответить	2	3	4	—	4	—	—	2	—	—	—	2									

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Сам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТМП, РСМП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1 000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред-ставители армии и МВД	Руководители ведущих СМИ	Московские интеллектуалы
29 А. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СЕГОДНЯ СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ, НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕГО КУРСА?	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
1. Очень значительное	69	79	65	79	61	71	64	60	65	66	76	74
2. Довольно значительное	26	18	31	17	33	27	24	31	33	28	22	25
3. Не слишком значительное	4	-	4	3	6	2	11	10	-	6	2	-
4. Совершенно незначительное	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5. Затрудняюсь ответить	1	3	-	-	-	-	-	-	2	-	-	2
29 Б. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СЕГОДНЯ СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ, НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕГО КУРСА?												
1. Очень значительное	48	53	35	48	45	53	31	43	44	40	65	68
2. Довольно значительное	40	39	49	41	39	39	51	36	38	47	25	30
3. Не слишком значительное	10	5	14	10	12	8	18	12	15	13	6	-
4. Совершенно незначительное	1	1	1	-	2	-	-	10	-	-	-	-
5. Затрудняюсь ответить	1	1	1	-	2	-	-	-	4	-	4	2
29 В. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СЕГОДНЯ СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ, НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕГО КУРСА?												
1. Очень значительное	12	17	11	10	12	12	16	10	6	21	8	4
2. Довольно значительное	51	48	51	59	43	45	38	60	60	45	71	47
3. Не слишком значительное	34	34	37	28	41	43	42	24	29	28	18	42
4. Совершенно незначительное	3	-	1	3	2	-	4	7	4	6	2	6
5. Затрудняюсь ответить	1	1	-	-	2	-	-	-	-	-	-	2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важнейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполнительной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные представители армии и МВД	Руководители властных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
Число опрошенных												
29_Г. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СЕГОДНЯ СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ ВЫСШИХ ЧИНОВНИКОВ, ПРЕСЛЕДУЮЩИХ СОБСТВЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ, НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ, НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕГО КУРСА?												
1. Очень значительное	20	12	12	10	25	25	18	14	15	13	39	43
2. Довольно значительное	49	49	46	48	45	51	58	55	50	47	43	49
3. Не слишком значительное	23	29	34	31	20	18	18	19	29	28	12	6
4. Совершенно незначительное	5	8	4	—	8	—	4	7	6	8	6	—
5. Затрудняюсь ответить	3	3	4	10	2	6	2	5	—	4	—	2
29_Д. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СЕГОДНЯ СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ УПРАВЛЕНЦЕВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ, НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕГО КУРСА?												
1. Очень значительное	2	3	1	3	—	2	—	2	4	—	2	4
2. Довольно значительное	21	25	20	7	12	25	38	12	13	21	25	25
3. Не слишком значительное	57	52	62	69	61	61	47	57	48	57	59	57
4. Совершенно незначительное	18	20	12	17	25	8	16	26	33	21	12	13
5. Затрудняюсь ответить	2	1	4	3	2	4	—	2	2	2	2	2
29_Е. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СЕГОДНЯ СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ, НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕГО КУРСА?												
1. Очень значительное	8	3	8	7	10	8	7	7	8	13	10	4
2. Довольно значительное	38	44	43	45	25	37	31	45	27	34	37	42
3. Не слишком значительное	45	47	39	48	49	49	49	38	52	43	41	45
4. Совершенно незначительное	9	5	10	—	14	4	13	10	13	8	8	8
5. Затрудняюсь ответить	1	1	—	—	2	2	—	—	—	2	4	2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
Всего	3ам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупных и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.)	Руководители крупных (1000 чел. и более) гос. предприятий	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред-ставители армии и МВД	Руководители влиятельных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
Число опрошенных											
29_Ж. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СИЛОВЫХ ВЕДОМСТВ, ГОСБЕЗОПАСНОСТИ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ, НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕГО КУРСА?											
17	17	10	7	10	18	20	10	6	17	22	47
49	51	58	59	49	53	47	48	40	42	53	42
28	29	24	35	31	27	29	33	46	34	20	8
3	1	4	—	8	—	—	5	6	8	—	2
3	3	4	—	2	2	4	5	2	—	4	2
29_З. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ ЛОББИСТОВ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ФИНАНСОВЫХ ГРУППИРОВОК НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ, НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕГО КУРСА?											
10	3	4	3	14	22	9	24	13	6	12	8
57	66	60	52	49	45	64	52	52	57	47	72
26	25	31	41	25	29	22	21	21	28	29	19
4	4	3	—	8	2	2	—	10	—	8	—
4	3	3	3	4	2	2	2	4	9	4	2
29_И. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМАТОРОВ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ, НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕГО КУРСА?											
1	1	—	—	2	—	2	2	—	—	—	—
10	13	5	24	18	8	9	5	4	4	14	6
51	51	66	52	33	51	53	62	50	49	41	49
35	33	23	17	45	37	33	31	40	40	41	42
4	3	5	7	2	4	2	—	6	8	4	4

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ										
	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители влиятельных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
Всего	568										
29_К. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СЕГОДНЯ СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ ДЕПУТАТСКОГО КОРПУСА НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ, НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕГО КУРСА?											
1. Очень значительное	2	3	—	—	4	2	5	—	2	2	—
2. Довольно значительное	20	25	32	28	22	14	17	27	21	10	2
3. Не слишком значительное	47	47	51	48	51	45	48	48	51	49	26
4. Совершенно незначительное	30	25	15	24	25	35	31	23	23	35	70
5. Затрудняюсь ответить	2	1	1	—	2	2	—	2	4	4	2
29_Л. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СЕГОДНЯ СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ ДЕРЖАВНО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ СИЛ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ, НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕГО КУРСА?											
1. Очень значительное	1	—	—	—	2	—	—	—	—	2	4
2. Довольно значительное	7	5	5	14	6	4	10	4	6	4	19
3. Не слишком значительное	48	49	50	41	47	51	47	45	54	40	51
4. Совершенно незначительное	40	42	41	38	45	37	44	38	43	43	25
5. Затрудняюсь ответить	4	4	4	7	2	4	—	4	11	6	2
29_М. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СЕГОДНЯ СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ ОТВЕТСТВЕННЫХ, КОМПЕТЕНТНЫХ ПОЛИТИКОВ, РЕШАЮЩИХ ПОВСЕДНЕВНЫЕ ЗАДАЧИ УПРАВЛЕНИЯ СТРАНОЙ, НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ, НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕГО КУРСА?											
1. Очень значительное	4	3	3	7	4	4	9	5	6	2	6
2. Довольно значительное	33	39	38	55	22	29	20	45	35	43	33
3. Не слишком значительное	45	44	43	31	57	51	47	41	40	40	53
4. Совершенно незначительное	14	12	11	7	14	12	16	10	17	8	32
5. Затрудняюсь ответить	5	3	5	—	2	4	9	—	2	8	6

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ- нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни- тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупных и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТМТ, РСПП и др.)	Телеведущие крупных гос. предприятий (1 000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред- ставители армии и МВД	Руководители влиятельных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
29. Н. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СЕГОДНЯ СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ ПОЛИТЕХНОЛОГОВ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ, НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕГО КУРСА?	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
Число опрошенных												
1. Очень значительное	4	4	-	-	-	2	-	10	6	6	10	4
2. Довольно значительное	29	22	27	24	31	31	27	29	35	26	31	34
3. Не слишком значительное	49	58	53	62	47	35	60	45	40	53	41	40
4. Совершенно незначительное	16	12	18	10	18	27	9	17	17	11	10	21
5. Затрудняюсь ответить	4	4	3	3	4	6	4	-	2	4	8	2
30. ЧТО ИЗ СЛЕДУЮЩЕГО ЧАЩЕ ВСЕГО ИСПОЛЬЗУЕТСЯ СЕГОДНЯ, ЧТОБЫ ПРОВЕСТИ НУЖНЫЕ РЕШЕНИЯ?												
1. Близость к президенту и администрации	73	65	70	69	69	76	78	57	83	62	78	93
2. работа командой, включающей компетентных в соответствующей области представителей разных ветвей власти	20	35	26	14	18	16	11	21	19	30	6	8
3. Интриги, закулисные ходы групп, лоббирующих или отстаивающих разные интересы	40	33	32	28	39	35	44	43	38	30	55	68
4. финансы, крупный капитал	42	31	42	45	47	45	69	41	50	42	37	26
5. Согласованное понимание необходимости реформ, умение их реализовать	10	13	12	10	10	2	4	10	17	19	8	2
6. административно-бюрократический ресурс высших представителей власти	45	40	46	35	35	43	67	55	33	40	51	57
7. Другое	1	-	3	-	2	-	-	2	-	2	2	2
8. Затрудняюсь ответить	2	5	1	3	2	4	-	-	-	2	4	2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ														
	Всего	568	77	Выкопоставленные представители исполнительной власти	74	29	49	49	49	45	42	48	53	49	57
		Число опрошенных	Зам. губернатора по важнейшим направлениям	Выкопоставленные представители исполнительной власти	Рководство федерального округа	Представители законодательной власти	Рководители крупного и среднего частного бизнеса	Рководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.)	Рководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Выкопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Выкопоставленные представители армии и МВД	Рководители влияния региональных СМИ	Московские интеллектуалы		
31 А. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ, ТО КАКИХ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ КАЧЕСТВ ЧАЩЕ ВСЕГО НЕ ХВАТАЕТ ИМ СЕГОДНЯ?															
1. Компетентность	31	28	22	18	25	37	32	21	32	29	34	62			
2. Кругозор, понимание масштабов задач	33	30	19	29	25	28	25	31	30	31	38	75			
3. Наличие идей, программ действий	46	39	37	25	50	48	48	52	39	38	55	71			
4. Инициативность	16	10	10	21	21	9	21	19	18	29	11	15			
5. Культура, образованность	15	6	10	4	11	11	5	10	7	17	15	60			
6. Честность, порядочность	40	34	22	18	39	37	36	43	36	35	60	75			
7. Наличие средств и возможностей реализовать свои подходы	15	5	24	18	14	22	14	21	9	19	13	8			
8. Способность просчитывать последствия своих действий	52	57	46	36	48	46	50	55	50	46	62	73			
9. Независимость, инициативность	20	5	15	14	21	17	36	14	14	29	32	33			
10. Исполнительность, дисциплинированность	12	8	15	25	7	7	11	10	14	15	11	15			
11. Корпоративная солидарность	16	8	16	27	22	21	12	9	9	15	13	15			
12. Патриотизм	29	22	22	32	30	28	25	31	34	33	38	33			
31 Б. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИИ, ТО КАКИХ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ КАЧЕСТВ ЧАЩЕ ВСЕГО НЕ ХВАТАЕТ ИМ СЕГОДНЯ?															
1. Компетентность	53	43	47	69	45	50	51	50	60	41	56	85			
2. Кругозор, понимание масштабов задач	45	37	30	55	38	40	40	38	49	41	58	81			
3. Наличие идей, программ действий	48	52	34	28	47	46	42	36	43	41	63	85			
4. Инициативность	29	25	22	28	45	23	22	21	11	26	35	62			
5. Культура, образованность	43	25	32	45	40	38	36	41	53	39	54	85			

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Зам. губернатора по важ- нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни- тельной власти	Рководство федеральног о округа	Представители законодательной власти	Рководители крупного и среднего частного бизнеса	Рководители региональных организаций предпринима- телей (ТМТ, РСНП и др.)	Рководители крупных гос. предприятий (1 000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре- дставители армии и МВД	Рководители влиятельных региональных СМИ	Московские интеллектуалы	
Всего	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57	
Число опрошенных	568	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57	
6. Честность, порядочность	47	38	55	51	60	56	60	60	57	83	83	
7. Наличие средств и возможностей реализовать свои подходы	17	21	31	36	17	11	24	19	31	38	31	
8. Способность просчитывать последствия своих действий	49	53	62	60	48	51	64	62	47	75	75	
9. Независимость, инициативность	53	37	38	51	50	53	48	28	37	65	79	
10. Исполнительность, дисциплинированность	26	20	27	23	15	18	24	38	39	29	21	
11. Корпоративная солидарность	15	11	17	28	21	18	19	13	24	27	21	
12. Патриотизм	23	27	24	38	27	36	31	36	31	35	37	
31. В. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ, ТО КАКИХ ИЗ СПЕДУЮЩИХ КАЧЕСТВ ЧАЩЕ ВСЕГО НЕ ХВАТАЕТ ИМ СЕГОДНЯ?												
1. Компетентность	41	33	28	45	38	40	44	49	43	52	52	
2. Кругозор, понимание масштабов задач	46	47	31	41	36	47	36	55	49	44	66	
3. Наличие идей, программ действий	54	52	50	45	53	62	67	42	40	51	62	
4. Инициативность	34	33	24	41	26	30	29	36	37	41	48	
5. Культура, образованность	15	5	8	17	13	11	7	15	13	20	17	
6. Честность, порядочность	44	36	26	38	40	45	44	46	40	47	54	
7. Наличие средств и возможностей реализовать свои подходы	21	13	24	28	26	13	11	17	19	28	24	
8. Способность просчитывать последствия своих действий	64	69	64	62	57	60	58	64	55	80	66	
9. Независимость, инициативность	40	36	31	38	45	32	47	38	39	41	66	
10. Исполнительность, дисциплинированность	36	39	38	38	43	28	36	36	31	41	34	
11. Корпоративная солидарность	22	24	22	38	23	21	20	24	13	14	30	
12. Патриотизм	33	24	29	28	43	32	33	34	36	37	36	

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важнейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполнительной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные представители армии и МВД	Руководители региональных СМИ	Московские интеллигалы
32. КАК БЫ ВЫ В ЦЕЛОМ ОЦЕНИЛИ ПОСЛЕДСТВИЯ СМЕНЫ КАДРОВ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ВЛАСТИ, КОТОРАЯ БЫЛА ОСУЩЕСТВЛЕНА ЗА ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ПУТИНА?	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
1. Очень положительно	5	7	5	7	4	12	2	7	4	4	2	2
2. Скорее положительно	58	61	64	62	63	55	60	67	71	68	49	21
3. Скорее отрицательно	23	22	22	14	20	22	22	17	10	17	31	55
4. Очень отрицательно	4	—	—	7	2	—	2	2	—	2	8	23
5. Затрудняюсь ответить	10	10	10	10	10	10	13	7	15	9	10	—
33. КОГДА СЛОЖИТСЯ НЫНЕШНИЙ КАДРОВЫЙ РЕЗЕРВ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОРПУСА?												
1. еще при Ельцине	15	16	11	3	14	14	27	10	17	25	12	9
2. в последнее время, при Путине	33	36	39	35	33	27	24	24	40	30	31	36
3. Остался еще от прежних, советских времен	11	9	10	17	8	22	24	10	6	13	6	6
4. Прежняя система отбора кадров и их продвижения разрушена, и сегодня каждый «начальник» подбирает команду под себя	36	35	39	45	37	33	20	55	29	30	41	42
5. Другое	4	4	1	—	8	2	4	—	4	2	6	8
6. Затрудняюсь ответить	1	—	—	—	—	2	—	2	4	—	4	—
34. КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ УПРАВЛЕНЦЕВ ВЫШЕГО И СРЕДНЕГО ЗВЕНА, ПРИШЕДШИХ ПРИ ПУТИНЕ?												
1. высокий	15	14	19	31	10	14	27	17	17	11	6	8
2. Средний	64	70	66	59	71	61	56	64	65	64	76	51
3. Низкий	19	16	15	7	18	18	16	19	15	25	18	42
4. Затрудняюсь ответить	1	—	—	3	—	6	2	—	4	—	—	—

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
	5688	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТМН, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред-ставители армии и МВД	Руководители влиятельных региональных СМИ	Московские интелектуалы
35. КТО ЧАЩЕ ВСЕГО ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ ВЗГЛЯДАМ НОВЫЕ УПРАВЛЕНЦЫ ПУТИНСКОГО ПРИЗЫВА?												
1. Демократы-западники	40	42	45	48	55	31	44	48	46	55	27	6
2. Демократы-националисты	15	13	10	17	4	10	18	24	10	8	20	32
3. Русские патриоты	12	10	10	17	16	18	13	2	13	6	16	13
4. Коммунисты	4	3	3	—	6	4	4	5	4	6	4	8
5. Центристы	45	68	43	59	37	31	40	41	48	42	47	40
6. Независимые	9	12	15	21	6	12	16	—	4	6	12	—
7. Другое	7	1	4	—	6	6	7	7	2	2	8	30
8. Коррупционеры, карьеристы, без убеждений, приспособленцы	7	7	7	—	2	6	4	7	4	6	14	21
9. Затрудняюсь ответить	9	5	12	3	8	12	4	5	13	15	12	—
36. ЧЕРЕЗ 10 ЛЕТ ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ В РОССИИ ПРИДУТ К СОБЛЮДЕНИЮ ЕДИННЫХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ НОРМ И ПРОЦЕДУР ЛИБО ВЛАСТЬ БУДЕТ ПО-ПРЕЖНЕМУ ИСПОЛЬЗОВАТЬСЯ В ИНТЕРЕСАХ ОТДЕЛЬНЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ГРУПП?												
1. Определенно первое (соблюдение единых демократических норм и процедур)	7	5	4	17	6	6	4	7	4	15	6	2
2. Скорее первое (соблюдение единых демократических норм и процедур)	33	39	45	55	35	22	27	19	38	36	22	19
3. Скорее второе (власть будет использоваться в интересах отдельных групп)	45	43	41	17	41	53	58	62	42	36	49	55
4. Определенно второе (власть будет использоваться в интересах отдельных групп)	9	3	7	3	12	12	9	7	8	8	14	21
5. Затрудняюсь ответить	6	10	4	7	6	6	2	5	8	6	8	4

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполнител-ьной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТПП, РССП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители внешних регионов СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
37_А. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМ СУЖДЕНИЕМ ОТНОСИТЕЛЬНО МЕРОПРИЯТИЙ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ – ЭТОГО ПОТРЕБОВАЛИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ЗАДАЧИ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ?												
1. Полностью согласен	25	26	28	48	22	18	22	26	38	40	12	4
2. Скорее согласен	35	34	37	45	29	33	38	48	46	45	31	8
3. Скорее не согласен	22	30	16	7	29	37	16	19	13	8	37	25
4. Совершенно не согласен	16	9	14	–	16	12	24	5	2	6	18	62
5. Затрудняюсь ответить	2	1	5	–	4	–	–	2	2	2	2	2
37_Б. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМ СУЖДЕНИЕМ ОТНОСИТЕЛЬНО МЕРОПРИЯТИЙ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ – ОНИ СОКРАТИЛИ МАСШТАБЫ ПРОИЗВОЛА И КОРРУМПЦИОННОСТИ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ, ОЛИГАРХОВ И ПР.?												
1. Полностью согласен	10	10	11	17	8	10	9	12	15	17	2	4
2. Скорее согласен	33	44	39	52	31	31	27	33	42	38	22	4
3. Скорее не согласен	33	26	31	28	35	41	44	36	31	28	45	25
4. Совершенно не согласен	22	18	14	–	22	18	20	17	13	15	31	66
5. Затрудняюсь ответить	2	1	5	3	4	–	–	2	–	2	–	2
37_В. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМ СУЖДЕНИЕМ ОТНОСИТЕЛЬНО МЕРОПРИЯТИЙ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ – ОНИ УКРЕПИЛИ ОСНОВЫ ФЕДЕРАЛИЗМА?												
1. Полностью согласен	17	14	24	28	8	18	16	14	33	30	6	2
2. Скорее согласен	43	49	42	48	43	41	40	64	46	53	45	6
3. Скорее не согласен	20	23	16	14	33	27	29	10	13	8	29	19
4. Совершенно не согласен	16	13	11	3	14	12	11	5	4	4	18	72
5. Затрудняюсь ответить	4	–	7	7	2	2	4	7	4	6	2	2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТМН, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1 000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред-ставители армии и МВД	Руководители внешних регионов СМН	Московские интеллектуалы
37 Г. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМ СУЖДЕНИЕМ ОТНОСИТЕЛЬНО МЕРОПРИЯТИЙ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ – ОНИ ПОВЫСИЛИ ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ, НАВЕЛИ ПОРЯДОК В БЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ?	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
1. Полностью согласен	8	9	10	17	2	6	11	–	15	11	6	–
2. Скорее согласен	43	47	49	59	33	41	53	48	42	49	33	21
3. Скорее не согласен	31	34	24	17	41	35	18	43	40	30	37	25
4. Совершенно не согласен	15	9	12	7	20	16	11	10	4	6	18	53
5. Затрудняюсь ответить	3	1	5	–	4	2	7	–	–	4	6	2
37 Д. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМ СУЖДЕНИЕМ ОТНОСИТЕЛЬНО МЕРОПРИЯТИЙ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ – ОНИ ПРИВЕЛИ К ЧРЕЗМЕРНОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ ВЛАСТИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА, ОСЛАБИВ ТЕМ САМЫМ ВСЮ СИСТЕМУ?												
1. Полностью согласен	22	17	19	10	31	18	16	21	8	11	33	49
2. Скорее согласен	31	33	28	17	33	33	40	38	25	26	33	32
3. Скорее не согласен	38	42	46	62	27	39	36	38	50	42	33	13
4. Совершенно не согласен	7	8	3	10	6	8	9	2	15	13	–	2
5. Затрудняюсь ответить	3	1	4	–	4	2	–	–	2	8	2	4
37 Е. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМ СУЖДЕНИЕМ ОТНОСИТЕЛЬНО МЕРОПРИЯТИЙ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ – ОНИ РАЗРУШИЛИ ЗАЧАТКИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ, ПРИВЕЛИ К ПОЛНОМУ ОТРЫВУ ВЛАСТИ ОТ ОБЩЕСТВА?												
1. Полностью согласен	13	7	7	7	14	14	9	5	6	6	16	51
2. Скорее согласен	25	23	19	3	31	22	40	26	10	19	47	28
3. Скорее не согласен	43	44	55	55	35	47	38	52	48	47	31	17
4. Совершенно не согласен	17	25	15	31	16	16	13	14	31	21	4	2
5. Затрудняюсь ответить	3	1	4	3	4	–	–	2	4	8	2	2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.)	гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред-ставители армии и МВД	Руководители валютных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
37_ж. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМ СУЖДЕНИЕМ ОТНОСИТЕЛЬНО МЕРОПРИЯТИЙ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ – ОНИ ПОСТАВИЛИ ПОД УГРОЗУ КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТРОЙ, ОСНОВЫ ФЕДЕРАЛИЗМА И ЦЕЛОСТНОСТЬ СТРАНЫ?												
1. Полностью согласен	8	7	5	–	12	6	4	–	–	6	8	30
2. Скорее согласен	14	13	11	10	14	16	16	14	4	4	20	36
3. Скорее не согласен	43	43	39	35	41	51	64	52	44	36	47	23
4. Совершенно не согласен	33	36	42	55	29	27	16	31	52	49	20	9
5. Затрудняюсь ответить	2	1	3	–	4	–	–	2	–	6	4	2
37_з. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМ СУЖДЕНИЕМ ОТНОСИТЕЛЬНО МЕРОПРИЯТИЙ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ – ОНИ ПРИВЕЛИ К ПРИХОДУ ВО ВЛАСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ, НЕ ОБЛАДАЮЩИХ ДОЛЖНОЙ КОМПЕТЕНЦИЕЙ?												
1. Полностью согласен	12	10	8	–	14	12	9	2	6	8	8	51
2. Скорее согласен	30	20	30	24	35	35	33	38	23	23	49	28
3. Скорее не согласен	37	51	34	38	33	37	40	43	42	40	27	17
4. Совершенно не согласен	18	17	22	35	14	16	13	14	29	26	12	2
5. Затрудняюсь ответить	3	3	7	3	4	–	4	2	–	4	4	2
37_и. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМ СУЖДЕНИЕМ ОТНОСИТЕЛЬНО МЕРОПРИЯТИЙ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ – ОНИ ПРИВЕЛИ К ПАРАЛИЧУ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ, СТАГНАЦИИ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ?												
1. Полностью согласен	5	1	1	–	10	2	4	2	–	6	4	19
2. Скорее согласен	15	10	11	7	16	20	13	14	6	6	18	43
3. Скорее не согласен	41	46	35	48	43	47	56	41	35	34	45	25
4. Совершенно не согласен	37	42	47	45	29	29	27	41	56	47	27	11
5. Затрудняюсь ответить	3	1	5	–	2	2	–	2	2	8	6	2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руховство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТМТ, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сорудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители внешних регионов СМИ	Московские интеллектуалы	
	568	77	74	29	49	45	42	48	53	49	57	
	Число опрошенных											
38 А. С КАКОЙ ИЗ ОЦЕНОК ХОДА АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ ПОСЛЕ ПРИХОДА ПУТИНА К ВЛАСТИ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?												
1. Скорее привела к позитивным результатам	30	34	26	31	22	27	22	41	50	45	25	6
2. Скорее привела к негативным результатам	23	29	31	14	20	22	18	14	13	15	33	33
3. По-настоящему еще и не проводилась	47	38	43	55	57	51	60	45	38	40	43	62
38 Б. С КАКОЙ ИЗ ОЦЕНОК ХОДА ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВЫБОРОВ ГУБЕРНАТОРОВ ПОСЛЕ ПРИХОДА ПУТИНА К ВЛАСТИ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?												
1. Скорее привела к позитивным результатам	57	57	58	93	41	67	64	62	77	59	43	20
2. Скорее привела к негативным результатам	31	27	23	-	41	25	24	31	15	23	49	78
3. По-настоящему еще и не проводилась	12	16	19	7	18	8	11	7	8	19	8	2
38 В. С КАКОЙ ИЗ ОЦЕНОК ХОДА ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ПОСЛЕ ПРИХОДА ПУТИНА К ВЛАСТИ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?												
1. Скорее привела к позитивным результатам	32	39	45	41	43	31	24	24	50	30	16	6
2. Скорее привела к негативным результатам	37	35	22	17	35	35	42	33	21	17	63	84
3. По-настоящему еще и не проводилась	31	26	34	41	22	35	33	43	29	53	20	10
127 38 Г. С КАКОЙ ИЗ ОЦЕНОК ХОДА РЕФОРМЫ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПОСЛЕ ПРИХОДА ПУТИНА К ВЛАСТИ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?												
1. Скорее привела к позитивным результатам	10	7	15	14	12	10	2	10	19	8	8	4
2. Скорее привела к негативным результатам	42	36	42	24	55	41	51	45	35	43	57	29
3. По-настоящему еще и не проводилась	48	57	43	62	33	49	47	45	46	49	35	67
38 Д. С КАКОЙ ИЗ ОЦЕНОК ХОДА РЕФОРМЫ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ПОСЛЕ ПРИХОДА ПУТИНА К ВЛАСТИ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?												
1. Скорее привела к позитивным результатам	10	7	12	14	8	12	9	10	13	11	8	8
2. Скорее привела к негативным результатам	39	34	43	24	67	33	38	41	46	40	43	21
3. По-настоящему еще и не проводилась	51	60	45	62	25	55	53	50	42	49	49	71

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерально-го округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональ-ных организаций (ТПП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители ведущих СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
38_Е. С КАКОЙ ИЗ ОЦЕНОК ХОДА МОНЕТИЗАЦИИ ЛЬГОТ НАСЕЛЕНИЮ ПОСЛЕ ПРИХОДА ПУТИНА К ВЛАСТИ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?												
1. Скорее привела к позитивным результатам	31	30	37	52	25	33	33	31	31	30	29	19
2. Скорее привела к негативным результатам	59	58	42	45	67	55	62	57	60	60	61	77
3. По-настоящему еще и не проводилась	10	12	22	3	8	12	4	12	8	9	10	4
38_Ж. С КАКОЙ ИЗ ОЦЕНОК ХОДА ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ ПОСЛЕ ПРИХОДА ПУТИНА К ВЛАСТИ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?												
1. Скорее привела к позитивным результатам	22	21	22	28	29	22	16	10	46	21	25	6
2. Скорее привела к негативным результатам	20	22	16	7	27	18	24	24	10	34	20	8
3. По-настоящему еще и не проводилась	59	57	62	66	45	59	60	67	44	45	55	87
38_З. С КАКОЙ ИЗ ОЦЕНОК ХОДА ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ ПОСЛЕ ПРИХОДА ПУТИНА К ВЛАСТИ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?												
1. Скорее привела к позитивным результатам	26	31	45	31	18	20	20	12	33	21	27	15
2. Скорее привела к негативным результатам	31	26	20	31	41	33	40	36	35	30	33	27
3. По-настоящему еще и не проводилась	43	43	35	38	41	47	40	52	31	49	41	58
38_И. С КАКОЙ ИЗ ОЦЕНОК ХОДА РЕФОРМЫ ЖКХ ПОСЛЕ ПРИХОДА ПУТИНА К ВЛАСТИ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?												
1. Скорее привела к позитивным результатам	8	7	15	3	8	8	11	2	6	8	10	4
2. Скорее привела к негативным результатам	33	38	26	38	47	33	29	24	35	40	25	35
3. По-настоящему еще и не проводилась	59	56	60	59	45	59	60	74	58	53	65	62
38_К. С КАКОЙ ИЗ ОЦЕНОК ХОДА СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ ПОСЛЕ ПРИХОДА ПУТИНА К ВЛАСТИ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?												
1. Скорее привела к позитивным результатам	29	34	19	45	29	18	27	29	60	34	27	12
2. Скорее привела к негативным результатам	19	14	16	24	27	20	18	14	21	26	20	18
3. По-настоящему еще и не проводилась	51	52	65	31	45	61	56	57	19	40	53	71

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТМТ, РСМТ и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные судьи и прокураторы	Высокопоставленные преа-дставители армии и МВД	Руководители внешних региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных												
38. Л. С КАКОЙ ИЗ ОЦЕНОК ХОДА НАЛОГОВОЙ РЕФОРМЫ ПОСЛЕ ПРИХОДА ПУТИНА К ВЛАСТИ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
1. Скорее привела к позитивным результатам	47	51	36	52	39	53	44	50	62	41	42	50
2. Скорее привела к негативным результатам	21	17	28	14	37	15	21	14	13	24	25	15
3. По-настоящему еще и не проводилась	33	33	36	35	25	32	35	36	26	35	33	35
39. С КАКОЙ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ОЦЕНОК НЫНЕШНЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?												
1. Постепенное продвижение по пути реформ, более осторожное, чем реформы 1990-х годов	57	62	69	69	53	49	47	62	71	79	49	15
2. Стагнация, отсутствие реальных значимых результатов модернизации страны	26	26	19	24	33	25	47	26	13	17	25	34
3. Поворот назад, отказ от демократических завоеваний и свобод 1990-х годов	9	5	4	3	10	18	2	-	-	2	16	38
4. Другое	5	5	7	-	4	8	-	7	8	-	4	11
5. Затрудняюсь ответить	3	1	1	3	-	-	4	5	8	2	6	2
40. С КАКОГО МОМЕНТА МОЖНО СЧИТАТЬ, ЧТО В СТРАНЕ НАЧАЛИСЬ СТАГНАЦИЯ ИЛИ ПОВОРОТ НАЗАД?												
1. После отставки гайдаровского правительства, в начале 1990-х	7	8	8	10	8	6	9	7	4	6	2	9
2. во второй половине 1990-х, после выборов Ельцина на второй срок	21	16	23	31	20	20	24	14	15	32	20	21
3. С первого президентского срока Путина, когда не была использована благоприятная ситуация в экономике	10	7	7	3	18	4	9	12	4	6	20	19
4. С периода начала политики Путина по укреплению вертикали власти	6	5	1	-	6	12	11	5	-	6	4	19

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.)	гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители областных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
5. После выборов 2003 года, когда правящей властью практически было «зачищено» все политическое пространство	13	16	11	—	12	12	13	14	10	4	18	23
6. Другое	4	—	5	—	6	6	7	5	4	2	—	4
7. Не считаю, что в стране происходит стагнация или поворот назад	34	44	34	55	22	35	24	38	50	40	31	4
8. Затрудняюсь ответить	6	5	11	—	6	4	2	5	13	6	4	2
41. СУЩЕСТВУЕТ МНЕНИЕ, ЧТО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАСТИ, НАПРАВЛЕННАЯ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ, НЕДОСТАТОЧНО ЭФФЕКТИВНА И РЕЗУЛЬТАТИВНА. КАКИЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ВОЗМОЖНЫХ ПРИЧИН ЭТОГО ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ ВАМ САМЫМИ ГЛАВНЫМИ?												
1. Отсутствие вынятых идей и программ изменения, разработанных компетентными, квалифицированными людьми	44	40	49	21	47	37	53	52	38	40	45	55
2. Отсутствие вынятых стратегий в экономической и социальной политике	44	51	49	35	35	47	56	52	40	45	31	38
3. разрозненность элит, отсутствие общей платформы для консолидации и выработки необходимых для страны решений	20	16	23	31	12	22	13	36	10	21	25	17
4. Сложившаяся бюрократическая система и механизмы принятия решений	45	44	43	62	45	41	49	36	40	36	61	47
5. Недостаток политической воли у высшего руководства	18	17	20	7	29	14	24	19	23	25	6	9
6. Незаинтересованность правящих элит в переменах, стремление закрепить свои позиции во власти, защитить свои интересы	38	31	24	28	33	37	38	41	48	36	45	66

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТПП, РСП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1 000 чел. и более)	Высокопоставленные органы и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители влияния региональных СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
Число опрошенных												
7. Проблема в механизмах реализации принятых решений, в их отсутствии или слабости	25	30	35	45	16	27	27	12	19	32	18	15
8. Проблема в отрицательном отношении населения к реформам и связанных с этим опасениях власти	17	21	22	28	12	14	20	12	10	13	16	13
9. Другое	2	-	3	-	-	-	-	-	6	-	4	8
10. Не считаю, что деятельность власти, направленная на раз-витие страны, недостаточно эффективна и результативна	2	3	1	-	4	2	-	2	6	6	-	-
11. Затрудняюсь ответить	0	1	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-
42_А. КАКУЮ РОЛЬ МОЖЕТ СЫГРАТЬ СЕГОДНЯ В ПРОВЕДЕНИИ РЕАЛЬНОЙ И ЭФФЕКТИВНОЙ ПОЛИТИКИ РЕФОРМ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЛЯ ПРЕЗИДЕНТА?												
1. Очень важную роль	75	77	77	86	74	71	76	76	85	76	80	51
2. Довольно важную роль	21	22	20	14	22	22	16	21	15	23	12	36
3. Незначительную роль	3	1	1	-	2	6	4	-	-	2	4	9
4. Никакой роли	1	-	1	-	2	-	4	-	-	-	-	2
5. Затрудняюсь ответить	1	-	-	-	-	-	-	2	-	-	4	2
42_Б. КАКУЮ РОЛЬ МОГУТ СЫГРАТЬ СЕГОДНЯ В ПРОВЕДЕНИИ РЕАЛЬНОЙ И ЭФФЕКТИВНОЙ ПОЛИТИКИ РЕФОРМ ИНТЕРЕСЫ КРУПНОГО БИЗНЕСА?												
1. Очень важную роль	19	10	16	10	16	27	18	24	15	28	35	13
2. Довольно важную роль	67	79	74	72	69	51	69	64	75	68	47	59
3. Незначительную роль	11	8	5	14	12	20	13	10	6	4	12	25
4. Никакой роли	1	1	3	-	-	-	-	2	2	-	2	2
5. Затрудняюсь ответить	2	1	1	3	2	2	-	-	2	-	4	2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители валютных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
42. В. КАКУЮ РОЛЬ МОГУТ СЫГРАТЬ СЕГОДНЯ В ПРОВЕДЕНИИ РЕАЛЬНОЙ И ЭФФЕКТИВНОЙ ПОЛИТИКИ РЕФОРМ ИНТЕРЕСЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ?												
1. Очень важную роль	11	7	12	7	14	12	18	12	13	15	10	2
2. Довольно важную роль	53	60	60	62	47	53	49	43	56	47	47	51
3. Незначительную роль	32	30	27	28	31	31	29	43	25	36	35	42
4. Никакой роли	3	4	1	—	4	4	2	2	4	—	2	4
5. Затрудняюсь ответить	2	—	—	3	4	—	2	—	2	2	6	2
42. Г. КАКУЮ РОЛЬ МОЖЕТ СЫГРАТЬ СЕГОДНЯ В ПРОВЕДЕНИИ РЕАЛЬНОЙ И ЭФФЕКТИВНОЙ ПОЛИТИКИ РЕФОРМ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КРУПНЕЙШИХ СТРАН ЗАПАДА, ВЛИЯТЕЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (ВТО)?												
1. Очень важную роль	9	4	10	7	4	10	18	14	10	13	6	9
2. Довольно важную роль	46	44	47	31	57	47	53	52	40	49	53	28
3. Незначительную роль	38	48	39	52	33	41	24	33	42	25	31	53
4. Никакой роли	4	1	1	3	2	2	4	—	4	9	4	8
5. Затрудняюсь ответить	3	3	3	7	4	—	—	—	4	4	6	2
42. Д. КАКУЮ РОЛЬ МОЖЕТ СЫГРАТЬ СЕГОДНЯ В ПРОВЕДЕНИИ РЕАЛЬНОЙ И ЭФФЕКТИВНОЙ ПОЛИТИКИ РЕФОРМ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ, ДАВЛЕНИЕ МИРОВЫХ РЫНКОВ, ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ?												
1. Очень важную роль	16	16	16	21	18	12	22	12	13	23	12	17
2. Довольно важную роль	54	51	57	55	51	55	67	62	46	43	59	57
3. Незначительную роль	26	31	27	21	27	31	9	21	33	26	22	25
4. Никакой роли	2	1	—	—	2	2	2	—	4	6	—	—
5. Затрудняюсь ответить	2	1	—	3	2	—	—	5	4	2	6	2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важнейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполнительной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринимателей (ТПП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1 000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные представители армии и МВД	Руководители властных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
42_Е. КАКУЮ РОЛЬ МОЖЕТ СЫГРАТЬ СЕГОДНЯ В ПРОВЕДЕНИИ РЕАЛЬНОЙ И ЭФФЕКТИВНОЙ ПОЛИТИКИ РЕФОРМ ВСЕОБЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КРИЗИС, МАССОВОЕ НЕДОВОЛЬСТВО НАСЕЛЕНИЯ?												
1. Очень важную роль	20	18	22	7	22	12	18	17	25	26	20	30
2. Довольно важную роль	39	33	43	66	35	43	49	45	42	42	31	19
3. Незначительную роль	31	40	34	14	37	35	29	26	23	19	31	42
4. Никакой роли	5	4	1	3	2	8	2	7	4	6	10	8
5. Затрудняюсь ответить	4	5	—	10	4	2	2	5	6	8	8	2
43. ЧАСТО ПРИХОДИТСЯ СЛЫШАТЬ, ЧТО ФЕДЕРАЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ ПРИНИМАЮТСЯ РЕШЕНИЯ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ И ПОВЫШЕНИЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ ЛЮДЕЙ, А РЕЗУЛЬТАТЫ ОКАЗЫВАЮТСЯ НЕГАТИВНЫМИ. КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ОБЪЯСНЕНИЙ ЭТОГО НАИБОЛЕЕ БЛИЗКО К ВАШЕЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ?												
1. Не учитываются интересы групп исполнителей, которые должны обеспечить реализацию этих решений	20	18	26	24	27	16	16	29	10	28	10	21
2. Эти решения сталкиваются с групповыми интересами других влиятельных сил (представители госбезопасности, военные, крупный бизнес)	38	30	27	38	27	41	56	36	35	21	47	70
3. Эти решения оказываются не проработанными в технологическом, административном, правовом и пр. плане	84	90	91	79	76	84	87	88	83	85	76	74
4. Это следствие прямого саботажа чиновников, бюрократии	16	7	11	17	20	20	22	5	21	19	16	19
5. Население не информирует о целях реформ и намерениях власти	32	30	43	31	39	35	20	24	21	36	39	25
6. Это связано с пассивным сопротивлением населения по отношению к любым реформам	20	21	20	38	18	8	27	21	15	25	22	13

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерально-го округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители областных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
7. Другое	6	5	3	-	10	6	7	-	6	2	4	15
8. Не считаю результаты решений федеральной власти негативными	1	1	-	3	-	-	-	2	-	2	-	-
9. Затрудняюсь ответить	1	-	-	-	4	-	-	-	2	-	-	-
44_А. КАКАЯ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО РЕАЛЬНОЙ РОЛИ ПАРТИЙ В СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ БЛИЖЕ ВСЕГО К ВАШЕМУ ЛИЧНОМУ МНЕНИЮ?												
1. Партии прежде всего представляют интересы разных групп населения	14	17	19	17	31	8	4	12	10	13	4	11
2. Партии — это прежде всего средство отбора политических лидеров, их продвижения во власть	32	30	28	31	31	25	44	31	44	45	29	21
3. Партии — это прежде всего способ контроля общества над исполнительной властью, критики правительственного курса	9	13	11	3	8	8	13	12	10	9	8	2
4. Партии — это прежде всего система лоббирования интересов крупных финансово-промышленных групп и отраслевых ведомств, монополий	23	21	26	21	10	37	27	26	29	13	31	17
5. Партии — это прежде всего механизм проведения решений исполнительной власти в массу населения	15	18	11	21	10	18	9	14	10	8	18	30
6. Другое	5	-	4	-	8	-	2	5	2	2	10	17
7. Затрудняюсь ответить	3	3	1	7	2	4	-	-	2	9	4	2
44_В. МОГУТ ЛИ СЕЙЧАС ПОЯВИТЬСЯ НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ, ОСМЕЛИВАЮЩИЕСЯ НА САМЫЕ РАДИКАЛЬНЫЕ ЛОЗУНГИ И ДЕЙСТВИЯ, НЕ ИДУЩИЕ НА КОМПРОМИССЫ С ВЛАСТЬЮ?												
1. Уверен, что нет	13	8	12	24	12	12	18	7	10	17	12	11
2. Скорее всего, нет	54	64	60	55	55	55	53	62	48	49	39	43

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ										
	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Рководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТНП, РСНП и др.)	гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред-ставители армии и МВД	Руководители влиятельных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Всего	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
3. Скорее всего, да	28	22	17	25	27	24	26	29	26	43	34
4. Уверен, что да	5	4	—	4	6	4	2	8	6	6	11
5. Затрудняюсь ответить	2	3	3	4	—	—	2	4	2	—	—
45. НАЗОВИТЕ 7–8 ПОЛИТИКОВ, ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, КОТОРЫМ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ											
1. Алексий II	2	1	—	2	—	—	5	—	—	4	9
2. Алферов Ж.И.	1	3	—	2	2	4	—	—	—	—	2
3. Бабурин С. Н.	1	1	3	2	2	—	—	—	2	—	—
4. Васильев В.А.	1	1	—	2	2	—	—	—	4	—	2
5. Володин В.В.	1	4	—	3	—	2	—	—	—	—	2
6. Вольский А.И.	3	4	—	2	4	11	5	—	2	—	—
7. Гайдар Е.Т.	6	4	3	2	6	2	5	—	—	12	28
8. Глазьев С. Ю.	8	7	8	8	8	16	7	4	9	8	4
9. Гордеев А.П.	1	4	—	3	—	4	—	—	—	2	—
10. Греф Г.О.	7	8	11	8	10	7	10	2	—	8	8
11. Громоу Б.В.	2	3	3	—	2	2	—	4	4	—	—
12. Грызлов Б.В.	12	14	19	14	8	11	7	15	21	—	—
13. Жириновский В.В.	2	—	—	4	8	—	5	2	4	—	—
14. Жуков А.Д.	11	10	15	18	6	11	12	8	8	10	6
15. Задорнов М.М.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16. Зуратов М.Ю.	1	3	3	—	—	2	2	—	—	—	—

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТМН, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители властных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
Число опрошенных												
17. Зюганов Г.А.	3	3	1	-	12	4	2	7	-	4	4	-
18. Иванов В.П.	7	13	5	7	4	-	4	5	13	13	8	-
19. Иванов И.С.	1	1	1	3	-	2	-	-	-	-	-	-
20. Иванов С.Б.	5	8	7	10	8	-	4	2	8	4	-	-
21. Ишаев Ц.И.	1	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
22. Каспаров Г.К.	1	-	1	-	-	4	-	-	-	-	4	6
23. Касьянов М.М.	3	3	1	-	6	-	2	2	2	2	6	8
24. Кириенко С.В.	2	-	1	21	4	2	-	-	-	-	-	-
25. Козак Д.Н.	4	4	5	10	2	2	2	5	2	2	8	8
26. Кудрин А.Л.	4	7	4	7	2	6	2	2	2	6	6	4
27. Лавров С.В.	2	1	4	3	-	-	4	-	2	4	2	-
28. Лужков Ю.М.	14	10	22	21	16	14	18	12	19	17	4	2
29. Лукин В.П.	3	1	-	7	2	2	-	-	2	-	10	13
30. Матвиенко В.И.	3	1	8	7	-	2	4	2	4	2	-	-
31. Медведев Д.А.	3	3	3	17	2	6	2	-	2	-	6	2
32. Миронов С.М.	4	5	7	-	14	6	-	-	-	2	2	-
33. Михалков Н.С.	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	10	-
34. Немцов Б.Е.	2	-	-	-	2	4	-	-	-	-	4	9
35. Нургалiev P.K.	2	-	-	3	4	2	-	-	-	8	2	-
36. Памфилова Э.А.	2	1	-	-	-	-	2	5	4	-	2	4

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ												
	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерально-го округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТПП, РСТП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред-ставители армии и МВД	Руководители ведущих СМИ	Московские интеллектуалы		
Число опрошенных	568	77	29	49	49	45	42	48	53	49	57		
37. Патрушев Н.П.	2	1	10	4	—	—	—	2	—	—	4		
38. Полтавченко Г.С.	1	—	10	2	—	—	—	2	2	—	—		
39. Примаков Е.Н.	13	18	10	10	10	33	17	10	8	8	4		
40. Путин В.В.	46	47	83	53	39	33	43	63	51	31	6		
41. Рогозин Д.О.	5	5	14	4	2	9	2	4	9	2	—		
42. Рошаль М.Г.	1	—	—	4	2	—	2	—	2	2	2		
43. Рыжков Н.И.	7	1	7	6	6	4	10	4	4	14	9		
44. Рыжков В.А.	4	4	—	—	6	4	5	4	—	4	8		
45. Селезнев Г.Н.	1	—	—	2	2	2	2	—	—	—	—		
46. Слипка Л.К.	2	1	3	4	—	—	—	2	—	2	—		
47. Солженицын А.И.	3	—	3	—	2	2	5	2	4	10	4		
48. Степашин С.В.	3	4	10	2	—	2	—	2	2	—	4		
49. Сурков В.Ю.	2	1	10	2	—	—	—	—	—	2	2		
50. Трутнев Ю.П.	2	—	7	2	2	2	2	—	2	—	—		
51. Тулеев А.Г.	4	3	3	6	6	—	2	2	6	6	—		
52. Федоров Н.В.	1	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—		
53. Филипенко А.В.	2	3	3	2	—	2	2	2	—	—	—		
54. Фрадков М.Е.	6	9	10	4	4	4	12	6	6	2	—		
55. Хакамада И.М.	5	3	3	4	2	4	5	10	—	10	13		
56. Хлопонин А.Г.	3	3	3	—	2	4	5	2	2	2	4		

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ										
	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполнительной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТМТ, РСМТ и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные судьи органов и прокуратуры	Высокопоставленные представители армии и МВД	Руководители региональных СММ	Московские интеллектуалы
Всего	568	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
57. Христенко В.Б.	1	1	—	2	—	—	5	—	—	2	—
58. Чубайс А.Б.	7	3	—	4	14	2	10	—	—	12	28
59. Шаймиев М.Ш.	2	3	—	4	2	—	2	2	4	2	—
60. Шойгу С.К.	12	16	14	7	14	16	9	7	17	11	—
61. Явлинский Г.А.	5	3	—	2	4	4	5	8	2	8	13
62. Яковлев В.А.	2	—	1	—	2	—	2	4	—	6	2
63. Ясин Е.Г.	3	3	—	—	—	—	—	—	—	6	21
96. Отсутствие ответа / отказ от ответа	5	13	4	—	2	6	—	2	6	6	6
97. Другие	22	14	22	21	16	27	14	15	17	27	53
98. Нет таких / никто	8	7	1	3	4	16	9	2	4	12	13
99. ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	14	13	16	10	16	8	20	13	19	18	6
46. ОПРАВДАЛИСЬ ЛИ ВАШИ НАДЕЖДЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИХОДОМ К ВЛАСТИ ВЛАДИМИРА ПУТИНА?											
1. Определенно, да	16	17	26	35	12	18	2	5	19	13	11
2. Скорее да	44	52	46	48	43	35	51	45	52	55	21
3. Скорее нет	24	18	20	10	31	25	29	33	23	19	21
4. Определенно, нет	9	7	4	—	10	8	11	7	—	8	40
5. Особых надежд, не было	5	5	1	7	2	10	7	10	6	6	—
6. Затрудняюсь ответить	2	1	3	—	2	4	—	—	—	—	8
47. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ ПУТИНУ КАК ПРЕЗИДЕНТУ?											
1. Полностью доверяю	25	30	39	72	16	25	11	10	27	42	2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТМН, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред-ставители армии и МВД	Руководители влиятельных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
2. Скорее доверяю	52	52	54	24	55	55	64	71	67	45	59	19
3. Скорее не доверяю	13	10	4	3	22	16	18	12	4	9	16	32
4. Полностью не доверяю	8	7	3	-	4	2	4	2	-	2	12	45
5. Затрудняюсь ответить	2	1	-	-	2	2	2	5	2	2	4	2
48. С КАКОЙ ИЗ ПРЕДЛОЖЕННЫХ ОЦЕНОК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. ПУТИНА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?												
1. я полностью разделяю взгляды и позиции Путина	19	29	24	59	12	10	4	7	23	32	10	2
2. я готов поддерживать Путина до тех пор, пока он готов проводить демократические и рыночные реформы	37	40	43	31	39	43	58	45	40	23	33	11
3. раньше Путин мне нравился, но в последнее время я в нем разочаровался	6	4	5	-	6	8	9	5	8	9	8	4
4. До сих пор Путин мне не очень нравился, но надеюсь, что в дальнейшем он будет полезен России	3	1	1	-	6	4	-	2	2	2	6	2
5. я поддерживаю Путина за неимением других достойных политических деятелей	18	10	19	10	16	22	11	33	23	26	20	11
6. я не являюсь сторонником Путина	14	14	4	-	18	10	13	2	2	8	16	62
7. я считаю, что нужно поддерживать кого угодно, только не Путина	1	-	-	-	-	-	-	2	-	-	2	4
8. Затрудняюсь ответить	2	1	3	-	2	2	4	2	2	-	4	4
49. КАКУЮ ОЦЕНКУ ВЫ БЫ ДАЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУТИНА В ЕГО ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТСКИЙ СРОК?												
1. (1) 1	2	3	1	-	4	-	-	-	-	-	4	11
2. (2) 2	2	1	1	-	6	-	2	2	-	-	2	4
3. (3) 3	7	4	-	-	10	12	4	12	-	6	8	19

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТМН, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные преде-ставители армии и МВД	Руководители влияния региональных СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
4. (4) 4	9	13	11	7	8	8	7	7	8	4	8	13
5. (5) 5	16	13	12	10	10	10	24	21	21	19	14	17
6. (6) 6	14	10	20	3	16	14	22	19	8	6	25	8
7. (7) 7	22	22	23	14	22	31	11	19	17	28	27	25
8. (8) 8	17	18	18	28	10	18	13	12	29	25	10	4
9. (9) 9	8	13	11	24	10	2	11	7	8	6	2	-
10. (10) 10	4	3	3	14	2	4	4	-	8	8	-	-
Среднее по шкале:	6	6	7	8	6	6	6	6	7	7	6	5
50. КАКУЮ ОЦЕНКУ ВЫ БЫ ДАЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУТИНА ВО ВРЕМЯ ВТОРОГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО СРОКА?												
1. (1) 1	6	8	1	-	2	2	2	2	-	8	6	25
2. (2) 2	6	3	4	-	6	8	7	2	2	4	8	23
3. (3) 3	11	8	7	3	14	14	13	14	6	6	12	19
4. (4) 4	9	8	5	3	12	6	18	7	10	6	14	13
5. (5) 5	18	20	15	3	12	25	20	31	15	15	27	9
6. (6) 6	10	5	14	7	16	12	11	17	8	13	10	2
7. (7) 7	14	13	16	21	14	12	13	14	15	19	10	4
8. (8) 8	14	12	22	24	14	16	9	7	27	13	6	2
9. (9) 9	9	20	11	21	4	2	4	5	13	11	4	2
10. (10) 10	4	5	5	17	4	2	2	-	4	6	2	2
Среднее по шкале:	6	6	6	8	6	5	5	5	7	6	5	3

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Сам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федеральногo округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТПП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1 000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред-ставители армии и МВД	Руководители влиятельных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
	Число опрошенных											
	51_А. НАСКОЛЬКО УСПЕШНО НА ПРОТЯЖЕНИИ СВОЕГО ПРЕЗИДЕНТСТВА ПУТИН СПРАВЛЯЛСЯ С ПРОБЛЕМАМИ В СЛЕДУЮЩЕЙ СФЕРЕ – ПОДЪЕМ ЭКОНОМИКИ, РОСТ БЛАГОСОСТОЯНИЯ?											
1. Очень успешно	2	3	1	–	2	–	4	2	2	4	2	–
2. Довольно успешно	42	60	50	69	35	35	27	21	50	40	39	32
3. Без особого успеха	47	30	41	31	57	57	60	67	40	47	51	51
4. Совершенно безуспешно	6	8	4	–	4	4	9	7	6	6	6	13
5. Затрудняюсь ответить	2	–	4	–	2	4	–	2	2	4	2	4
	51_Б. НАСКОЛЬКО УСПЕШНО НА ПРОТЯЖЕНИИ СВОЕГО ПРЕЗИДЕНТСТВА ПУТИН СПРАВЛЯЛСЯ С ПРОБЛЕМАМИ В СЛЕДУЮЩЕЙ СФЕРЕ – ЗАЩИТА ДЕМОКРАТИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СВОБОД ГРАЖДАН?											
1. Очень успешно	2	1	5	3	2	2	2	2	2	4	–	–
2. Довольно успешно	39	42	53	66	27	31	22	41	63	62	18	6
3. Без особого успеха	38	40	32	28	55	41	58	41	31	25	47	25
4. Совершенно безуспешно	17	13	7	–	10	20	16	12	–	6	33	68
5. Затрудняюсь ответить	4	4	3	3	6	6	2	5	4	4	2	2
	51_В. НАСКОЛЬКО УСПЕШНО НА ПРОТЯЖЕНИИ СВОЕГО ПРЕЗИДЕНТСТВА ПУТИН СПРАВЛЯЛСЯ С ПРОБЛЕМАМИ В СЛЕДУЮЩЕЙ СФЕРЕ – УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ РОССИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ?											
1. Очень успешно	17	13	22	31	14	16	13	17	29	26	8	–
2. Довольно успешно	54	61	60	62	57	53	58	55	50	42	51	45
3. Без особого успеха	22	25	19	3	20	22	27	17	17	25	31	30
4. Совершенно безуспешно	5	1	–	–	6	2	2	10	2	6	10	21
5. Затрудняюсь ответить	2	–	–	3	2	6	–	2	2	2	–	4

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТМ, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители влиятельных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
51_Г. НАСКОЛЬКО УСПЕШНО НА ПРОТЯЖЕНИИ СВОЕГО ПРЕЗИДЕНТСТВА ПУТИН СПРАВЛЯЛСЯ С ПРОБЛЕМАМИ В СЛЕДУЮЩЕЙ СФЕРЕ – РАЗГРОМ БОЕВИКОВ В ЧЕЧНЕ?												
1. Очень успешно	5	4	1	10	4	6	4	10	6	4	4	6
2. Довольно успешно	37	39	39	45	27	41	33	38	38	49	33	28
3. Без особого успеха	39	33	49	38	37	39	40	41	42	38	39	40
4. Совершенно безуспешно	16	22	11	3	27	10	22	10	8	9	22	25
5. Затрудняюсь ответить	3	3	—	3	6	4	—	2	6	—	2	2
51_Д. НАСКОЛЬКО УСПЕШНО НА ПРОТЯЖЕНИИ СВОЕГО ПРЕЗИДЕНТСТВА ПУТИН СПРАВЛЯЛСЯ С ПРОБЛЕМАМИ В СЛЕДУЮЩЕЙ СФЕРЕ – ПОЛИТИЧЕСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ СИТУАЦИИ В ЧЕЧНЕ?												
1. Очень успешно	4	3	3	—	2	8	4	7	6	8	4	—
2. Довольно успешно	36	42	42	62	35	35	27	41	40	47	20	17
3. Без особого успеха	42	38	45	35	39	39	53	43	44	38	49	40
4. Совершенно безуспешно	15	14	10	—	22	14	16	7	4	8	25	42
5. Затрудняюсь ответить	3	4	1	3	2	4	—	2	6	—	2	2
51_Е. НАСКОЛЬКО УСПЕШНО НА ПРОТЯЖЕНИИ СВОЕГО ПРЕЗИДЕНТСТВА ПУТИН СПРАВЛЯЛСЯ С ПРОБЛЕМАМИ В СЛЕДУЮЩЕЙ СФЕРЕ – БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ ВО ВЛАСТИ?												
1. Очень успешно	1	3	—	—	—	—	—	—	2	6	2	—
2. Довольно успешно	12	13	16	24	14	6	11	5	23	13	8	—
3. Без особого успеха	51	57	61	62	53	53	40	57	44	51	51	25
4. Совершенно безуспешно	34	22	20	14	31	37	49	31	27	30	39	74
5. Затрудняюсь ответить	3	5	3	—	2	4	—	7	4	—	—	2

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по ва- нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни- тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТМТ, РСМТ и др.)	Руководители крупных предприятий (1 000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред- ставители армии и МВД	Руководители ведущих региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
51. Ж. НАСКОЛЬКО УСПЕШНО НА ПРОТЯЖЕНИИ СВОЕГО ПРЕЗИДЕНТСТВА ПУТИН СПРАВЛЯЕТСЯ С ПРОБЛЕМАМИ В СЛЕДУЮЩЕЙ СФЕРЕ – НАВЕДЕНИЕ ПОРЯДКА В СТРАНЕ?												
1. Очень успешно	5	7	3	3	2	4	4	2	8	9	6	–
2. Довольно успешно	40	51	49	59	41	33	36	45	50	36	31	13
3. Без особого успеха	41	33	39	38	37	49	42	41	35	45	45	53
4. Совершенно безуспешно	12	10	5	–	18	8	13	10	4	9	16	32
5. Затрудняюсь ответить	2	–	4	–	2	6	4	2	2	–	2	2
52. НА КАКИЕ СЛОИ, СИЛЫ, ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОПИРАЕТСЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ПУТИН?												
1. На ближайшее окружение	84	82	84	97	84	86	93	74	79	89	71	91
2. На «олигархов», крупный бизнес	16	14	12	10	20	8	20	24	27	26	10	9
3. На «директорский корпус», руководителей крупных предприятий	7	7	10	3	10	2	4	5	8	13	8	2
4. На государственных чиновников, бюрократов	36	34	35	14	33	27	38	38	33	30	43	64
5. На «силовиков», представителей спецслужб, армии, МВД	78	83	74	79	84	74	71	83	69	72	88	83
6. На культурную и научную элиту	7	7	10	7	6	4	4	7	10	11	4	2
7. На «средний класс», людей с доходами выше среднего	9	17	11	3	8	14	9	2	8	6	8	8
8. На интеллигенцию	4	7	4	7	10	6	4	–	4	4	–	–
9. На простых людей, служащих	13	17	18	24	4	14	13	7	2	6	14	19
10. Другое	2	5	–	3	4	–	–	2	2	–	2	2
11. Затрудняюсь ответить	2	–	1	–	–	2	–	2	6	4	4	–

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональ-ных (ТПП, РСНП и др.) организаций предпринима-телей	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители влиятельных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
53. ПОЛУЧАЕТ ЛИ ВЛАДИМИР ПУТИН ОТ СВОЕГО ОКРУЖЕНИЯ ПОЛНУЮ И ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В СТРАНЕ?												
1. Получает полную и достоверную информацию	40	47	42	62	31	41	29	36	50	43	39	25
2. Получает неполную и искаженную информацию	50	47	47	24	55	51	60	50	42	47	51	72
3. От него скрывают правду о положении дел в стране	5	3	7	7	6	4	4	10	—	6	4	2
4. Затрудняюсь ответить	5	4	4	7	8	4	7	5	8	4	6	2
54. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ УЖЕ ГОВОРЯТ О «ПРОБЛЕМЕ 2008 ГОДА». ВЫ ЛИЧНО СКОРЕЕ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ЭТО СЕРЬЕЗНАЯ ПРОБЛЕМА, ПЕРЕПОМНАЯ ТОЧКА, ИЛИ НЕ ОЖИДАЕТЕ ОТ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА В 2008 ГОДУ НИЧЕГО ОСОБЕННОГО?												
1. Серьезная проблема, переломная точка	38	35	43	41	29	31	42	33	35	32	43	49
2. Не жду ничего особенного	59	61	54	45	65	65	56	62	63	60	57	51
3. Затрудняюсь ответить	4	4	3	14	6	4	2	5	2	8	—	—
55. ВОЗМОЖНА ЛИ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ В СВЯЗИ С ВЫБОРАМИ 2008 ГОДА?												
1. Очень возможна	5	3	8	—	6	2	7	2	4	6	8	6
2. Вполне вероятно	29	27	27	21	25	31	40	26	25	23	33	36
3. Маловероятно	61	64	60	76	65	59	53	62	58	62	55	57
4. Совершенно исключена	5	5	5	3	2	4	—	5	13	9	2	2
5. Затрудняюсь ответить	1	1	—	—	2	4	—	5	—	—	2	—
56. ЭТА ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ СКОРЕЕ ПРОИЗОЙДЕТ ДО ВЫБОРОВ, «ВМЕСТО ВЫБОРОВ», В ХОДЕ ВЫБОРОВ ИЛИ ПОЗЖЕ, В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЫБОРОВ?												
1. До выборов	20	13	19	—	20	19	19	33	21	27	30	9
2. «вместо выборов»	10	9	8	—	—	19	5	17	7	7	15	18
3. в ходе выборов	26	35	23	17	33	25	33	17	14	33	25	23

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТТП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные преа-дставители армии и МВД	Руководители валютных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
4. После выборов, в результате их	39	35	35	67	40	38	43	25	50	33	30	50
5. Затрудняюсь ответить	5	9	15	17	7	—	—	8	7	—	—	—
57. КАКОЙ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ СЦЕНАРИЕВ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В 2008 ГОДУ КАЖЕТСЯ ВАМ НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫМ?												
1. Президентом станет новый человек, победивший своих соперников в честной борьбе	8	13	10	14	4	6	2	5	13	11	2	2
2. Путин и его окружение назовут преемника, и народу останется только поддержать его	55	58	47	52	63	41	53	52	48	45	67	77
3. Будет изменена Конституция, Путин останется президентом России на третий срок	25	18	31	21	22	43	27	29	17	25	25	19
4. выборы президента будут отменены	1	1	3	—	—	—	2	—	2	4	—	—
5. Затрудняюсь ответить	11	9	10	14	10	10	16	14	21	15	6	2
58. НАСКОЛЬКО ВЕРОЯТНО, ЧТО ЧЕЛОВЕК, ПОБЕДИВШИМ НА ВЫБОРАХ В 2008 ГОДУ, БУДЕТ КАНДИДАТ НАЦИОНАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ СИЛ?												
1. Очень вероятно	3	3	3	—	—	4	4	2	2	2	2	4
2. Достаточно вероятно	22	17	19	31	14	27	16	17	29	25	22	28
3. Маловероятно	60	70	65	41	74	49	71	62	42	51	63	53
4. Совершенно исключено	10	8	5	24	4	14	7	12	10	8	8	15
5. Затрудняюсь ответить	7	3	8	3	8	6	2	7	17	15	4	—
59. НАСКОЛЬКО ВЕРОЯТНО, ЧТО ЧЕЛОВЕК, ПОБЕДИВШИМ НА ВЫБОРАХ, БУДЕТ НАСТОЯЩИЙ РЕФОРМАТОР, КОТОРЫЙ ВОЙДЕТ В ИСТОРИЮ СТРАНЫ?												
1. Очень вероятно	2	4	4	3	4	—	—	—	4	2	2	—
2. Достаточно вероятно	20	30	23	38	18	25	13	14	15	26	10	9
3. Маловероятно	60	55	58	52	59	61	69	64	58	60	76	53

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерально-го округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональ-ных организаций (ТМН, РСНП и др.)	Руководители крупных гос.-предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители влиятельных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
4. Совершенно исключено	8	7	3	-	4	6	7	10	4	4	8	38
5. Затрудняюсь ответить	9	5	12	7	14	8	11	12	19	8	4	-
60. ЕСЛИ ПУТИН НАЗОВЕТ СВОЕГО ПРЕМИКА, ТО КТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ВЕРОЯТНЕЕ ВСЕГО МОЖЕТ СТАТЬ ЕГО ПРЕМИКОМ?												
1. Один из нынешних членов правительства	10	9	11	10	10	6	16	2	15	6	10	15
2. Человек из администрации президента	11	10	14	14	6	18	7	10	10	9	12	13
3. Представитель спецслужб или других силовых ведомств	12	12	7	3	10	10	18	14	15	15	16	13
4. Энергичный, знающий губернатор	12	13	14	21	20	18	11	12	8	15	2	4
5. Человек, известный в деловых кругах	2	-	7	-	-	-	2	2	4	2	-	-
6. Спикер Государственной Думы	2	1	3	-	2	2	4	2	4	-	2	-
7. Лидер одной из нынешних партий	2	5	-	3	4	2	7	-	-	-	2	-
8. Кто-то другой, кого мы сегодня не знаем или не замечаем и чья кандидатура будет объявлена непосредственно перед выборами	36	38	38	24	37	29	24	43	38	36	43	45
9. Другое	3	5	1	-	2	6	-	2	-	-	6	6
10. Затрудняюсь ответить	9	7	7	24	8	8	11	12	6	17	6	4
61. КАКОЙ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ВАРИАНТОВ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ 2008 ГОДА НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТЕН?												
1. По существу ничего не изменится	41	36	37	21	33	45	58	45	44	45	57	32
2. Страна будет стабильно развиваться по демократическому пути, продолжится рост экономики, будет повышаться жизненный уровень	28	36	39	62	33	22	20	17	29	43	6	2
3. в основу развития будет положена программа национально-патриотических сил	4	1	4	3	8	4	2	2	8	2	2	4

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТТП, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные судьи органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред-ставители армии и МВД	Руководители властных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
Число опрошенных												
4. Произойдет укрепление авторитарного режима, милитаризация страны, рост изоляционизма	7	4	7	3	8	10	7	2	4	2	10	21
5. Будут расти внутренние напряжения, национальные конфликты, возникнет угроза распада страны	8	10	3	3	10	6	2	10	2	2	12	28
6. Другое	6	9	5	—	4	4	4	7	2	2	4	13
7. Затрудняюсь ответить	6	3	5	7	4	8	7	17	10	4	8	—
D1. ОТКУДА ВЫ ЛИЧНО ПОЛУЧАЕТЕ НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМУЮ ДЛЯ ВАС ИНФОРМАЦИЮ О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В СТРАНЕ, В РЕГИОНЕ?												
1. Отечественные СМИ	90	94	91	90	90	80	96	83	92	96	98	83
2. Зарубежные СМИ	36	35	27	35	39	29	47	33	21	23	63	55
3. Закрытая служебная информация	28	44	30	45	33	18	9	19	21	45	29	8
4. Собственные впечатления, встречи с людьми, поездки по стране	74	73	78	79	74	67	78	74	77	62	76	79
5. Доверительные разговоры с коллегами, знакомыми, друзьями	45	39	32	45	35	43	44	48	48	51	53	68
6. Служебные совещания, отчеты с мест	33	48	51	45	43	8	27	31	29	28	33	11
7. Консультации с экспертами	27	30	35	41	31	20	20	14	8	13	39	38
8. Материалы социологических, экономических, политологических и других исследований, статистика	64	71	69	69	74	51	73	45	42	53	74	76
9. Специальная литература	26	30	30	35	35	27	18	14	8	28	31	25
10. Другое	2	1	1	—	2	2	—	2	2	2	2	2
11. Интернет	3	4	1	—	4	4	9	2	—	2	—	—

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполнительной власти	Рководство федерального округа	Представители законодательной власти	Рководители крупного и среднего частного бизнеса	Рководители региональных организаций (ТМ, РСНП и др.)	Рководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Рководители внешних СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
Число опрошенных												
D2. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В 2008 ГОДУ, В КОТОРЫХ В.ПУТИН, СОГЛАСНО КОНСТИТУЦИИ, УЖЕ НЕ СМОЖЕТ УЧАСТВОВАТЬ, ВЫ, СКОРЕЕ ВСЕГО, ПРОГОЛОСУЕТЕ ЗА КАНДИДАТА, ПРЕДЛОЖЕННОГО ПУТИНЫМ, ИЛИ ПРОГОЛОСУЕТЕ ЗА ДРУГОГО КАНДИДАТА?												
1. За кандидата, предложенного Путиным	44	51	61	66	45	41	33	45	58	47	27	9
2. За другого кандидата	22	17	14	3	22	18	16	19	4	15	33	74
3. Зависит от обстоятельств	22	22	14	28	20	27	42	31	17	25	20	2
4. Затрудняюсь ответить	13	10	12	3	12	14	9	5	21	13	20	15
D3. ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, ЧТО В СПИСКЕ КАНДИДАТОВ НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА БЫЛИ БЫ СЛЕДУЮЩИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ, ЗА КОГО ИЗ НИХ ВЫ БЫ ЛИЧНО ПРОГОЛОСОВАЛИ?												
1. С. Глазьев	6	1	8	-	16	4	7	5	6	8	8	-
2. Б. Грызлов	6	4	7	10	4	2	7	7	13	9	4	-
3. В. Жириновский	1	-	-	-	4	-	-	-	2	2	-	-
4. Г. Зюганов	1	1	-	-	8	4	-	2	-	-	-	-
5. С. Иванов	8	14	8	7	8	6	7	7	15	6	8	-
6. М. Касьянов	3	3	-	-	4	2	2	-	-	2	10	11
7. Ю. Лужков	14	10	23	14	12	12	18	12	19	21	4	2
8. Д. Рогозин	2	5	3	7	-	-	-	-	-	6	-	-
9. В. Рыжков	7	5	7	3	6	6	13	7	6	4	12	11
10. И. Сечин	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-
11. И. Хакамада	2	-	3	-	2	4	4	2	-	-	2	2
12. А. Хлопонин	9	8	7	10	2	12	16	10	4	2	12	15

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТНП, РСНП и др.)	гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные пред-ставители армии и МВД	Руководители внешних региональных СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
13. М. Ходорковский	3	1	-	-	-	4	-	-	2	-	2	26
14. Г. Явлинский	1	1	-	-	-	4	-	-	4	-	-	4
15. Другой	15	17	16	14	12	16	7	14	8	17	12	23
16. Не знаю, за кого бы стал голосовать	17	25	12	31	10	14	20	26	19	19	16	6
17. Проголосовал бы против всех	4	4	7	3	10	4	-	7	2	4	4	-
18. Не пошел бы голосовать	1	-	-	-	-	4	-	-	-	2	2	-
Д4 А. НА ПРЕДЫДУЩИХ ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ 2000 г. ВЫ ГОЛОСОВАЛИ ЗА ПУТИНА?												
1. За Путина	67	74	87	97	61	69	67	74	77	79	47	11
2. За другие кандидатуры	17	13	10	3	31	12	13	14	17	11	25	40
3. голосовал против всех	4	5	1	-	2	4	7	-	-	4	6	8
4. Не участвовал в выборах	8	3	1	-	-	10	9	10	-	2	16	34
5. Нет ответа	4	5	1	-	6	4	4	2	6	4	6	8
Д4 В. НА ПРЕДЫДУЩИХ ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ 2004 г. ВЫ ГОЛОСОВАЛИ ЗА ПУТИНА?												
1. За Путина	66	77	89	93	67	61	71	71	83	70	41	6
2. За другие кандидатуры	14	10	7	7	20	8	11	17	10	11	25	30
3. голосовал против всех	4	4	1	-	4	8	7	-	-	-	8	11
4. Не участвовал в выборах	12	7	1	-	6	16	7	7	4	13	22	45
5. Нет ответа	4	3	1	-	2	6	4	5	2	6	4	8
Д5. ЗА КАКУЮ ПАРТИЮ ВЫ ГОЛОСОВАЛИ НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 1999 г.?												
1. АПР	1	3	-	-	4	2	-	-	2	-	-	-

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций (ТМН, РСНП и др.)	Руководители крупных гос. предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные судьи органов и прокуратуры	Высокопоставленные пре-дставители армии и МВД	Руководители влиятельных региональных СМИ	Московские интеллектуалы
	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
Число опрошенных												
2. «Едиство»	13	18	16	28	18	4	9	12	10	19	4	-
3. КПРФ	10	12	7	3	27	8	9	17	2	17	4	-
4. ЛДПР	1	1	-	-	4	-	-	-	-	4	-	-
5. НДР	2	-	3	10	4	2	2	2	-	2	2	-
6. «Отчество» – «Вся Россия»	3	4	4	7	6	4	2	-	-	-	2	-
8. СПС	14	8	11	7	6	25	18	-	6	-	27	51
9. «Яблоко»	10	10	3	3	4	12	9	5	15	9	18	25
10. Другая	1	3	-	-	2	-	2	-	2	-	2	-
11. Против всех	2	1	1	-	-	-	4	-	6	2	4	-
96. Отсутствие ответа / отказ	6	3	8	7	4	12	4	5	-	6	4	11
98. Не помню	27	25	41	28	18	18	33	43	46	28	14	-
99. Не голосовал	11	13	7	7	2	12	7	17	10	13	18	13
Д6. ЗА КАКУЮ ПАРТИЮ ВЫ ГОЛОСОВАЛИ НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 2003 г.?												
1. АПР	2	4	1	-	6	2	-	-	2	-	-	-
2. «Единая Россия»	37	47	54	72	41	22	29	41	42	42	16	-
3. КПРФ	6	9	3	-	16	6	7	12	-	4	8	-
4. ЛДПР	1	-	-	-	4	-	-	2	-	-	-	-
7. «Родина»	5	7	5	3	6	4	4	7	4	9	-	-
8. СПС	14	8	7	-	6	25	18	10	4	2	22	47
9. «Яблоко»	7	5	1	3	4	6	13	-	10	-	8	21

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ. Продолжение

	ГРУППЫ ОПРОШЕННЫХ											
	Всего	Зам. губернатора по важ-нейшим направлениям	Высокопоставленные представители исполни-тельной власти	Руководство федерального округа	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители региональных организаций предпринима-телей (ТМТ, РСП и др.)	Руководители крупных гос.предприятий (1000 чел. и более)	Высокопоставленные сотрудники судебных органов и прокуратуры	Высокопоставленные представители армии и МВД	Руководители ведущих СМИ	Московские интеллектуалы
Число опрошенных	568	77	74	29	49	49	45	42	48	53	49	57
10. Другая	1	1	1	-	2	4	-	2	-	2	-	-
11. Против всех	3	1	3	-	2	-	7	-	6	2	8	4
96. Отсутствие ответа / отказ	5	1	4	3	2	12	2	2	2	6	4	17
98. Не помню	10	8	14	10	2	2	13	10	15	21	8	2
99. Не голосовал	12	9	7	7	8	16	7	14	15	13	25	9
Д7. КАКУЮ ПАРТИЮ ВЫ БЫ ПОДДЕРЖАЛИ НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ, ЕСЛИ БЫ ОНИ СОСТОЯЛИСЬ В БЛИЖАЙШЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ?												
1. АПР	1	1	1	-	4	2	-	-	2	-	-	-
2. «Единая Россия»	31	40	49	48	41	20	20	26	38	38	10	8
3. КПРФ	4	4	-	3	14	6	7	7	-	4	4	-
4. ЛДПР	0	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-
7. «Родина»	5	8	4	-	6	-	9	7	4	9	4	-
8. СПС	6	4	3	3	2	8	4	5	2	-	12	17
9. «Яблоко»	3	1	-	-	-	4	-	-	4	-	2	15
10. Другая	4	3	-	-	8	10	11	2	-	2	4	6
11. Нет таких партий	4	1	5	-	2	6	4	7	2	4	14	-
96. Отсутствие ответа / отказ	6	4	3	3	2	12	-	7	4	6	6	21
97. Против всех	6	3	4	-	2	4	4	5	4	-	4	30
98. Затрудняюсь ответить	23	22	26	35	8	18	31	26	35	26	22	4
99. Не буду голосовать	7,6	9,1	5,4	6,9	6,1	8,2	8,9	7,1	4,2	11,3	16,3	-

ПОСЛЕСЛОВИЕ: ОТВЕТ ПОЛУЧЕН

Я полагаю, что читатель получил очень интересную, своевременную и оригинальную книгу, может быть, местами трудную для чтения, но стоящую тех усилий, которые читателем будут затрачены. Эта книга не закрывает тему, а открывает ее, хотя о проблемах элиты, в том числе российской, написано много. Она будит мысль. Тот же, кто хотел бы иметь готовые ответы на тревожащие его вопросы, вряд ли их получит — скорей уж это будет новая партия вопросов, требующих новых исследований, новых размышлений. Но разве это плохо?

Эта книга, возможно, последняя работа, в которой непосредственное участие принимал Юрий Александрович Левада — выдающийся, яркий, значительный человек редкостно высоких нравственных качеств. Подлинный представитель настоящей российской интеллектуальной элиты. Я считаю своим долгом сказать об этом здесь, помимо прочих очевидных причин, еще и потому, что он представляется мне «аргументом» в мою пользу в том скрытом споре, который идет между мной и авторами этой книги, включая самого Леваду.

Социологи часто оказываются пессимистами в отношении общества, которое они изучают, подобно тому как становятся мизантропами многие врачи и полицейские. И их можно понять — достаточно непредвзято оценить результаты большинства социологических опросов. Я не социолог и к тому же от природы записной оптимист, склонный приукрашивать настоящее и особенно будущее даже тогда, когда для этого нет никаких оснований. Предупреждаю об этом заранее, чтобы читатель, не утруждая себя, мог легче выбрать позицию в нашей дискуссии. Авторы, опираясь на результаты выполненного исследования, утверждают: сейчас в России, по сути, нет элиты. Есть квазиэлита, которая неспособна выполнять возлагаемые на элиту нации символическую и инструментальную роли. Иначе говоря — неспособна выработать адекватную национальную стратегию и организовать ее реализацию. Я же не хочу соглашаться с этим выводом, возможно вопреки фактам, и продолжаю искать доводы против, в том числе и в данных того же исследования.

Чтобы пояснить свою мысль, коротко расскажу об истории появления этой книги. В 2005 году я написал книгу «Приживется ли демократия в России». При этом честно предупредил, что являюсь дилетантом в вопросах, о которых взялся писать, и только тревога гражданина за то, что происходит в отечестве, заставила меня взяться за перо. В этой книге я, в частности, написал целую главу об элите. Видно, так «хорошо» написал, что авторы настоящей работы даже не сочли возможным сослаться на нее. Я воспринимаю это как должное: я родом из Одессы и не лишен поэтому чувства юмора. Знаю, что с юмором нужно относиться прежде всего к себе.

Но некоторые размышления мне и сегодня кажутся важными. Я полагаю, что в результате краха советского коммунизма и тяжелых реформ, сопровож-

давшихся глубоким трансформационным кризисом, Россия все же выбралась из исторической ловушки, в которую она попала в 1917 году. Какое-то время она была полностью поглощена собой, переживая перипетии произошедшего с ней крутого разворота, а придя в себя, обнаружила, что стоит перед вызовом новой эпохи, о наступлении которой она как-то не задумывалась. Пока мы сидели в ловушке и пока выбирались из нее, другие страны не стояли на месте. Одни, такие как Китай и Индия, вступили наконец на путь индустриализации и развиваются быстрыми темпами, опираясь на свои конкурентные преимущества — миллиардную рабочую силу с низкими запросами. Другие — США, Европа, Япония — перешли в постиндустриальную эпоху, создали инновационную экономику. Мы не можем конкурировать с первыми и нам трудно догнать вторых. В этом и состоит суть вызова.

Ответ на него, как я понимаю, заключается в том, чтобы создавать наиболее благоприятные условия для развития конкурентной рыночной экономики, выстроить в России демократию и правовое государство. Между тем в последние годы дело пошло в ином направлении, а именно к восстановлению традиционной для нас авторитарной власти. Я уверен, что рано или поздно произойдет еще один разворот — на объективно лучший сегодня для России путь развития. Либо ее ожидают новые потрясения.

Я также пришел к выводу, что в этом развороте исключительно важную роль должна сыграть национальная элита. Не те или иные безликие классовые силы, как учил марксизм-ленинизм, а элита, которая обязана предложить стратегию развития и мобилизовать общество на осуществление задуманного. Стратегию долгосрочную, потому что речь идет не о модернизации основных фондов, не о реализации мегапроектов и т.п., а о глубокой трансформации социальных институтов и культуры, которая позволила бы России преодолеть отсталость и присоединиться к странам, уже создавшим инновационную экономику.

И я задал себе вопрос, а есть ли у нас такая элита или может ли она у нас появиться в приемлемые сроки? Я не чувствовал себя способным ответить на этот вопрос, вернее, два вопроса, требовалось специальное исследование, которое должны были провести профессионалы высокой пробы. Вот тогда я и обратился к Левада-Центру с предложением провести такое исследование, благо Фонд «Либеральная миссия» мог его профинансировать. Итог его перед вами. Сразу скажу: я получил ответы на поставленные вопросы. Не те, которые хотел, но, возможно, те, которых ожидал.

Перед исследователями были поставлены еще два вопроса. Первый: как изменилось в элите отношение к Путину и его команде за истекшие годы его правления? Предположение было такое, что более или менее одинаковое изначально отношение к нему элиты и массы к середине второго срока, после событий с НТВ, ЮКОСом, с отменой выборов губернаторов и другими анти-

демократическими мерами, поменялось, точнее, у массы осталось прежним, позитивным, а у элиты стало существенно более негативным, хотя мотивы у разных частей элиты могли быть разными. Ответ на этот вопрос имел большое значение, так как стратегические интересы России требовали демократизации, максимальной свободы предпринимательства и верховенства закона, и это должна была понимать элита, тогда как Путин, пусть с сохранением декорации, но все же, по сути, поворачивал политику в противоположном направлении. Если моя гипотеза не подтверждалась, если единство элиты и народа под руководством Путина сохранялось, то надежды на нынешнюю элиту — никакой. Именно такой ответ, в общем, я и получил. Во всяком случае, так его сформулировали авторы исследования.

Второй вопрос: возможна ли консолидация элиты хотя бы в будущем, после 2008 года, то есть возможно ли достижение хотя бы относительного национального консенсуса, пусть по немногим вопросам, но достаточного для того, чтобы проводить национальную стратегию перехода к демократическому обществу и инновационной экономике? Демократия является необходимым условием, ибо инновационная экономика требует свободы творчества и предпринимательства, а также конкуренции — экономической и политической.

В России сегодня демократия, как мне кажется, возможна только элитарная, по Шумпетеру. Отсюда особая роль элиты. Но отсюда также следует необходимость политического плюрализма, представительства на политической арене России всех основных, традиционных для нее идейных течений — либерального, консервативно-националистического и социалистического, и при этом, после длительного и жесткого противостояния, достижения национального согласия этих сил в элите относительно соблюдения в интересах страны установленных правил игры, своего рода российского варианта пакта Монклоа. Для этого нужно было проверить гипотезу о возможности консолидации. И на этот вопрос авторы исследования ответили отрицательно. Увы!

Точнее, я прочитал ответ так: консолидация элит есть уже сейчас, но это консолидация вокруг Путина, на предложенной им платформе. Неважно, что меньшинство (например, московские интеллектуалы) не согласно. Важно, что большая часть сегодняшней элиты сплотилась вокруг лидера и сочла возможным для себя принять установленные ограничения в обмен на стабильность и приличное содержание. Бюрократия просто возрадовалась, поскольку она всегда предпочитала такие условия. Бизнес согласился с пониманием частной собственности как условного держания, которое не станут отнимать, пока будет демонстрироваться послушание. Согласился — и отвечает отсутствием долгосрочных инвестиций на родине и покупкой активов за рубежом, где они точно станут частной собственностью. А один видный интеллектуал мне прямо сказал: чем становиться по сомнительным причинам политическим маргиналом, я предпочитаю пользоваться всеми благами жизни, тем более что они

как никогда доступны. Политическую же оппозицию, ввиду целесообразности ее сохранения в общей композиции декораций режима, оттеснили как раз в политические маргиналы. И основные ее отряды согласились с такой ролью, чтобы не подвергаться прямым преследованиям, как, скажем, «Другая Россия». Что ж, похоже на правду.

Но такая консолидация не позволит решать национальные задачи?! Да, возможно, отвечают нам, впрочем, этот тезис спорный. Не исключено, что стратегия Путина и его команды, со ставкой на нефть и газ, на государственный капитализм и вертикаль власти окажется не менее конструктивной. А вдруг цены на нефть больше не опустятся ниже 50 долларов за баррель? В этом случае именно такая консолидация более всего будет соответствовать русской национальной традиции — опоре на самодержавие, православие и народность. Последняя — по Уварову и Погодину — зиждется на прямой связи народа с государем, минуя всякую элиту, что и отражается в высоких рейтингах государя. Тогда достаточно «фельдфебеля в Вольтеры дать».

Я, как видите, соглашаюсь с выводами исследователей, хотя, признаюсь, неохотно. И лелею надежду, что, может быть, новые исследования внесут коррективы.

Дело в том, что я предложил исследователям не совсем стандартное определение элиты — как «собрания лучших», а не как верхушки, определяемой по занимаемым постам. Представителей элиты отличает сочетание природных (способности), профессиональных и нравственных качеств, в силу которых они завоевывают авторитет в обществе. Понятно, что это определение романтически-идеалистическое. Такое же, как и мои вопросы, на что авторы прозрачно намекают на с. 19–22. Чуть дальше (с. 26–27) они дают свое определение элиты, которое я принимаю, включая и последнее свойство — «хранение и воспроизводство своего уникального ресурса (власти, культуры) из поколения в поколение». Хотя мне не нравится их замечание, что наши диссиденты 70-х годов к элите не относятся, поскольку были оторваны от основных институтов социума. А мне кажется, что не так уж были оторваны, ибо в условиях тоталитарного режима они обеспечили сохранение и воспроизводство традиционных идейных течений, загнанных в подполье, — либерализма (А. Сахаров, Л. Копелев) и национализма (А. Солженицын, И. Шафаревич). Их связь с социумом обеспечивалась правящим режимом, который своими запретами и гонениями придавал им притягательность. Они же, по сути, готовили смену господствующей власти, во всяком случае идеологически. Именно они дали идеологию демократическому движению 1980–1990-х годов, которое смело коммунистическую систему.

Определение, данное авторами элите, меня устраивает и тем, что в нем делается акцент на ту роль, которую элита должна играть, чтобы обеспечить здоровое развитие общества. А если она этого не сможет, если в ней возобладает

балласт, для которого важны лишь привилегии, сопутствующие вхождению в элиту, — тогда общество будет болеть.

Подобные определения создают большие трудности для исследований, потому что в них нет четких инструментальных критериев выделения исследуемой совокупности. Пока вы говорите о правящей элите, она достаточно легко определяется постами, которые занимают ее представители во властной иерархии. В некоторой степени то же самое можно сказать о политической элите, имея в виду вхождение в нее лидеров оппозиционных партий, независимых депутатов парламента и т.д. Однако, когда речь заходит о деловой и интеллектуальной элите, границы становятся расплывчатыми, мнения — субъективными, с чем были связаны немалые вполне объективные трудности в исследовании, по-моему, до конца не преодоленные. Авторы пишут, что у них «не было более трудоемкой и проблематичной работы». Но исходить из более сложного определения было необходимо, чтобы методику подчинить задаче, а не наоборот. Если упростить задачу, то получится преувеличение роли правящей элиты и сопровождающего ее балласта, тогда как другие части элиты, в какой-то мере скрытые в тени, латентные, но содержащие силы, способные сменить правящую верхушку, останутся не видны.

И я думаю, авторы справились с задачей, результат носит поистине уникальный характер, хотя пуристы могут предъявить претензии в отношении, например, представительности в выборке всех важных элитарных групп. Для меня особенно ценно то, что мы получили представление о нынешнем состоянии российской элиты, не такое приятное, как хотелось бы, но достаточно правдивое и убедительное. Над этим материалом стоит серьезно думать и работать. Кто сможет — сделает лучше, мы на это очень рассчитываем.

Первая, очень важная характеристика российской элиты сегодня — чрезвычайная закрытость этого слоя. На интервью первого этапа соглашался один человек из 30–40 кандидатов, заполнить анкету после долгих разъяснений был готов один из 13–15. О чем это говорит? О некомпетентности, боязни внешних контактов, страхе потерять лицо или место? Когда я работал в правительстве (1994–1998 годы), дело обстояло иначе, никто не боялся. Понятно, почему авторы говорят о квазиэлите, преобладающей сейчас, о большой доле балласта. И понятно, почему, даже при высокой квалификации интервьюеров, есть основания подозревать часть респондентов, особенно чиновников высокого ранга, в неискренности. Авторы очень верно подчеркивают их важную черту — они чувствуют свою ответственность только перед начальством, но не перед обществом. По-моему, этот вывод сам по себе является исключительно ценным результатом исследования.

Еще один важный вывод — бóльшая часть современной «элиты», если брать прежде всего аппарат исполнительной власти и силовиков, по своим взглядам ничем не отличается от массы населения. В частности, они не видят

необходимости в каких бы то ни было новых реформах. Только 10% опрошенных считают очень вероятной перспективу ухода страны на периферию мировых процессов, это представители бизнеса, депутаты местных законодательных собраний и в наибольшей степени московские интеллектуалы. Выше я намеренно подчеркнул серьезность вызова, перед которым стоит Россия, а вот ни опрошенные, ни население этой серьезности не ощущают. В 80-е годы у советской элиты, включая партийно-советскую номенклатуру, настроения были иные.

Все же хочу проявить себя как оптимист. Посмотрим на таблицы 5 и 6 (с. 89–90). За европейский путь, включая демократию и правовое государство, высказываются 35% опрошенных, за рыночную экономику при сильном государстве и медленное, эволюционное развитие — 31%, за особый путь — 18%. Я бы сказал, что все-таки некоторые реформаторские представления усвоены, хотя и согласен с той интерпретацией этих данных, которую предлагают авторы. (Замечу, что большинство чиновников, привлеченных во власть в последние годы, я бы вообще, если бы было возможно, исключил из опроса как балласт, и тогда «голосующих» за первый вариант было бы заметно больше. Но меня коллеги и без того упрекали, что я хочу подогнать результаты к подтверждению моих гипотез.)

Я бы также сопоставил таблицы 5 и 7, собственные мнения опрашиваемых и их мнения о проводимой политике. Высокопоставленные офицеры армии и МВД предпочитают медленное развитие и авторитаризм, но полагают, что федеральные власти ведут политику по варианту европейского пути. В то же время бизнес, представители СМИ и местной интеллигенции, московские интеллектуалы сами предпочли бы европейский путь, но считают, что власти идут по чилийскому варианту (к демократии через авторитаризм), или эволюционным путем с сильным государством, или особым путем. Таким образом, у этих групп расхождения с центральной властью, тогда как у представителей исполнительной власти таких расхождений практически нет. Далеко идущих выводов делать из этого не стоит, но все же, повторю, у меня сложилось впечатление, что в элите сегодня укоренились представления о том, что путь к рыночной экономике и демократии необратим или желателен (это, правда, не относится к силовикам). Возможно, эти люди убеждены в том, что у нас демократия.

Важный вопрос: вокруг каких идей могла бы быть достигнута консолидация элиты? В среднем 38% респондентов считают, что вокруг идеи восстановления величия российской державы (из числа офицеров так думают 60%), 32% всех опрошенных — за идею социального государства и социальной справедливости. Я бы сказал, что эти ребята за консолидацию элиты по Путину, которая уже произошла. Только 20% полагают, что идеей консолидации может быть рыночная экономика и демократия (из числа бизнесменов — 26%), тогда как идею величия державы назвали 35%.

Основываясь на этих данных, почти определенно можно утверждать, что элита в ее нынешнем составе (как он представлен нашей выборкой) выполнить миссию реальной модернизации страны не сможет. Правда, сами авторы обращают внимание на то, что в ней есть ядро, на которое можно было бы рассчитывать: в среднем 35% — за западный вариант модернизации, из них 62% (21,7% от общего числа) считают, что для консолидации подходит именно развитие рыночной экономики и демократических институтов. Увы, эти люди уверены, что их убеждения не разделяют ни большинство коллег, ни население.

Последний аргумент в пользу моего оптимизма. Выборка, которую первоначально удалось построить, по составу выглядела так:

Государственные служащие и депутаты	372 (72%)
В том числе:	
• исполнительная власть	180 (35%)
• законодательная власть, в основном регионального уровня	49 (9,5%)
• силовики — представители армии, МВД, прокуратуры, судебных органов	101 (19,6%)
• директора государственных предприятий	42 (8,2%)
Лица, относительно независимые от государственной власти	143 (27,8%)
В том числе:	
• частный бизнес	49 (9,5%)
• руководители предпринимательских союзов	45 (8,7%)
• представители региональных СМИ	49 (9,5%)
Всего	515

Вопрос в том, насколько такой состав выборки отражает структуру российской элиты. Я всегда был убежден, что правящая политическая элита (чиновники, депутаты от партии власти, силовики) составляют меньшую часть элиты. Деловая и интеллектуальная элита более многочисленна. В крайнем случае, эти три части примерно равны. А в выборке почти $\frac{3}{4}$ приходилось на первую группу. Частный бизнес и интеллектуальная элита (если принять за нее представителей региональных СМИ) — по 9,5%. Выборка представлялась смещенной, причем в сторону наиболее верноподанных.

Коллеги возражали, упрекая меня в том, что я хочу получить более оптимистические результаты. Я понимаю их упреки, понимаю и трудности исследования, обусловленные как нечеткостью определения элиты, так и чрезвычайной закрытостью нашей сегодняшней элиты, ее недоступностью. В Москве еще куда ни шло, но кто в регионах подскажет, кого считать там «властителями дум»? Тем более что провинциалы — это наша традиция —

крайне редко, даже обладая высоким интеллектом, решаются публично высказывать свои оригинальные суждения. Откуда же посторонним узнать об их интеллектуальных достоинствах? Бизнес на местах более открыт, хотя зачастую тоже избегает обобщений и публичности. И ведь размеры капитала не пропуск в элиту?

Короче, задачка не из легких, но все-таки смещенность выборки грозила некорректностью выводов. Компромисс нашли в том, что к выборке с некоторой задержкой добавили группу московских интеллектуалов — 57 анкет. В результате доля относительно независимых лиц в выборке возросла до 35%, а доля госслужащих и депутатов сократилась до 65%. Я, правда, остался не вполне удовлетворен, но далее настаивать у меня не было оснований: кто знает, сколько и кого надо добавить? Возможно, следовало бы добавить бизнесменов и интеллектуалов, и тогда график оптимизма еще чуть-чуть подрос бы. Но ведь так и перестараться недолго.

Потому я и говорю, что эта книга не закрывает, а открывает тему. Нужно продолжить исследование, добиваясь совершенствования методологии и бóльшей открытости, углубляя анализ процессов, происходящих в элите и в ее взаимоотношениях с обществом. И при этом, я уверен, мы будем получать и более обнадеживающие с точки зрения нашего общего будущего данные.

В конечном счете, книга дает картину, близкую к реальности. Пессимизм авторов во многом основывается на том облике российского общества, который вырисовывается из многочисленных опросов: в основном мы традиционалистски, консервативно настроенный народ, на которого демократическая революция пока особо не повлияла. На массу вообще влияет либо очень крутая ломка социальных отношений, да и то с последующей отдачей, либо длительная практика жизни в изменившейся среде. Наша же демократическая революция 1989–1993 годов была очень мягкой, коснулась поначалу немногих, а ухудшение условий жизни большинству трудно воспринять как символ обновления.

Изменения мало коснулись прежде всего отношений общества и власти. Россияне в массе своей по традиции считают, что идеальная власть должна иметь общие цели с народом, заботиться о нем и уважать его. То есть ублажать, патронировать. За это народ будет платить ей покорностью. Идея подотчетности власти, права общества сменить ее не бунтом, а посредством демократической процедуры в этот идеальный образ не входит. Власть должна быть сильной, значит, сконцентрированной в руках одного человека. Политологи демократической направленности не зря упрекают Б. Ельцина в том, что, борясь за реформы и одновременно за власть, не присоединившись ни к какой партии, он не использовал революционную обстановку для смены персоналистской парадигмы российской политической культуры, может быть самой заскорузлой. Трудно сейчас сказать, позволяла ли тогда ситуация острой борь-

бы за власть подобные действия, но, я думаю, что Ельцин, с его знаменитой интуицией, чувствовал: эту парадигму пока трогать нельзя. Конечно, это было и в его личных интересах. Но конкретные обстоятельства требовали, чтобы власть продемонстрировала силу. У нас считают, что правитель не должен давать слабину, пусть лучше будет крут, порой несправедлив, мы будем его ругать, но и бояться при этом. С нами иначе нельзя.

А откуда взяться иным представлениям, если в нашей новой истории были только два коротких периода — 8 месяцев в 1917 году и 10 лет в конце XX века (1989–1999), когда жесткого персоналистского режима не было. И именно эти периоды запечатлелись в памяти народной как времена смуты, беспорядка, обнищания — как бы вследствие отсутствия порядка. Непредвзтому человеку ясно, что в обоих случаях сторонники свободы брали на себя руль управления в чрезвычайных обстоятельствах, когда кризис уже был предопределен накопившимися проблемами, которые предыдущий режим не в состоянии был разрешить. Но как это объяснить людям, которые обычно склонны видеть причинно-следственную связь между негативными явлениями или событиями и тогдашними правителями? К тому же наши националисты и государственники используют эти исторические эпизоды, чтобы внушать мысль о вредности для русского человека свободы, о том, что свобода и демократия у нас обязательно обращаются в хаос, за которым следует разруха.

И их в полную силу поддерживает правящая бюрократия, более всех заинтересованная в персоналистском режиме, при котором она делегирует первому лицу всю ответственность, а первое лицо ей — все полномочия, освобождая от ответственности перед народом. Поэтому-то представители бюрократии так удивлялись, что кто-то смеет их опрашивать, и интересовались, не было ли указаний сверху проводить опрос.

Народ же, сакрализуя образ правителя, если при нем жизнь пусть небогатая, но спокойная, не ценит и не любит элиту, рассматривает чиновников как взяточников или, шире, как людей, использующих служебное положение в корыстных целях; предпринимателей — как воров (в стоворе с чиновниками); интеллектуалов — как болтунов и пропагандистов на службе власти, тоже корыстных и лживых, а если брать другую часть — оппозицию, диссидентов, то как врагов порядка. Элита «старается» соответствовать представлениям народа и платит ему той же монетой. Враждебность отношений элиты и общества оправдывает в глазах такой элиты любые меры, направленные на удержание народа в узде — от контроля за СМИ и манипулирования до применения вооруженной силы.

Замечу, что это представления феодального общества, где нет граждан, но есть подданные, привилегированная аристократия и податное сословие. И эти представления живы: их воскресили большевики и сейчас вновь оживляют элиты путинского призыва. Примерно три четверти россиян придержи-

ваются этих представлений, и только 19% (по данным 2005 года) считают, что власть должна подчиняться народу и нуждается в его контроле. Отмечу близость цифр — 21,7% — демократическое ядро элиты, 19% — доля граждан в обществе.

Честно говоря, я бы много чего мог добавить от себя к критическому взгляду авторов этой книги. В моей книге 2005 года я привожу нелицеприятные отзывы о российской элите таких безупречных ученых-социологов, как Т. Заславская и А. Здравомыслов. И все же эти отзывы, как и мнения наших авторов, может быть в силу моего безосновательного оптимизма, понуждают меня избегать крайних оценок.

Там же я написал (извините за самоцитирование): «...современная российская элита — закономерный результат той трансформации, которую пережила Россия. Она сложилась из того материала, который был в наличии, и использовала те возможности, которые появились при смене плановой экономики на рыночную. Иначе и быть не могло. Революцию начинают идеалисты, а заканчивают жулики и мародеры, приобретающие потом респектабельность. И если смотреть на вещи реально, а не с позиций нравственного идеала, то выносить приговор нашей элите, исходя из приведенных оснований, нельзя. Мало ли как повернется жизнь» (*Ясин Е.* Приживется ли демократия в России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 287–288).

Изменились ли мои взгляды на нашу элиту после прочтения книги Л. Гудкова, Б. Дубина и Ю. Левады? Да, изменились. Я по-прежнему уверен в том, что в России в обозримой перспективе возможна только элитарная демократия, а поскольку, пусть и такая, она необходима для инновационного развития, то и роль элиты оказывается велика. Но теперь я знаю, что сегодня она в основной своей массе мало отличается от остального общества и ее привязанность к нынешнему режиму и интерес к благам цивилизации сильно перевешивают разочарование в нем, если даже оно и есть. Я также узнал, что консолидация элиты на демократической платформе, допускающей достижение национального консенсуса, маловероятна. Скорее мы можем констатировать ее консолидацию уже сейчас вокруг Путина и авторитарной власти, но такая консолидация, равная послушности начальству, закрывает или, по крайней мере, ограничивает возможности свободного и инновационного развития. Ограничения гражданских прав и свобод, даже прикрытые флером формальных демократических ритуалов, пропитывают общественную атмосферу ханжеством и недоверием. Если роль элиты велика, а она не готова к выполнению своей миссии, то выводы очевидны: сроки перехода к современной инновационной экономике, во всяком случае к достижению признанных успехов в этом направлении, придется отодвинуть. Будут проблемы и во внутренней политике, и в международных отношениях. Вызов есть, ответ не просматривается.

Федор Лукьянов, характеризуя современную российскую элиту, как-то процитировал китайского поэта VIII века Ду Фу. Вот одна цитата: «Радуюсь приезду ко мне уездного начальника Цуй». И вторая: «Изображаю то, что вижу из своего шалаша, крытого травой».

Интерпретация Лукьянова: большая часть нашей элиты радуется приезду начальника Цуй, полагая, что ее искренний восторг будет замечен и вознагражден. Меньшая же часть, по разным причинам обделенная (травы не черепица, она символ бедности), не видит из своего шалаша достоинств начальника Цуй, а видит лишь одни недостатки. Эта часть могла бы способствовать их устранению, но начальнику этого не надо, он предпочитает не талантливых, а преданных лично ему. Тем более если он убежден, что радующиеся правильно считают его «воплощенным национальным благом».

Но при этом все недовольны. Первые — собой, они стыдятся своей нескончаемой радости. Вторые — начальником и тем, что порадоваться больше нечему. А сам начальник Цуй — тем, что он не способен что-либо изменить на подведомственном участке (Коммерсантъ. 2006. 24 окт.).

Очень похоже на наши выводы, и без всяких исследований. Увы!

Тем не менее я верю, что, когда сложится более благоприятная обстановка, в нашей элите произойдут необходимые перемены. Во-первых, мы обнаружили в ней здоровое, ориентированное на рыночную демократию ядро. Во-вторых, вокруг элиты всегда складывается «некое предполье», некая оболочка, в нее втягивается множество способных и активных людей, из которых рекрутируется пополнение элиты. А наблюдения, в том числе в моей Высшей школе экономики, говорят о том, что пополнение будет неплохое. Элита есть всегда. Разговор о квази- или эрзац-элите — это только разговор о качестве элиты, о ее готовности исполнить свою миссию. Правящая часть элиты, оттесняя одних оппонентов в маргиналы, в тень, покупая других, портит элиту в целом, снижает ее компетентность и нравственные нормы, способность встречать национальные вызовы. При этом значительная часть элиты, особенно деловой и интеллектуальной, уходит в подполье, во внутреннюю эмиграцию, становится недоступной для наблюдения. Становится не открытой, легальной, а внесистемной оппозицией, опасной не только для верхушки, но порой и для общества, особенно если она отражает интересы каких-либо значимых общественных групп, которые, не имея возможности отстаивать эти интересы публично, начинают искать иные пути их реализации. Я не могу включать в элиту только чиновников и деятелей, о которых пишут СМИ, и исключать из нее участников маршей «несогласных». Пусть у последних меньше сторонников и «фанов», чем у Путина и «Спартака», но они есть.

В-третьих, обстановка меняется просто потому, что со временем, в том числе и в правящей группировке, неизбежно зреет понимание серьезности вызова и необходимости что-то делать, чтобы ответить на него. Тем более что

связанные с этим проблемы могут обсуждаться публично и все интенсивней обсуждаются. Будем надеяться.

В-четвертых, давайте задумаемся, что дает консолидация элиты, когда общество представляется беспросветно неготовым к модернизации, к необходимому для него самому переменам. Она дает надежду — в том плане, что элита меняется намного быстрее общества и при определенных предпосылках может довольно быстро менять его представления и установки. Мы видели на своем опыте, как это происходило в течение последних 20 лет. Кто бы мог подумать в 1982 году, что из состава советской номенклатуры уже через 3–4 года выделятся такие лидеры перемен, как М. Горбачев, А. Яковлев, Б. Ельцин, что последний через 10 лет сможет найти у нас Гайдара и его команду, чтобы осуществить труднейшие реформы и что эти люди возьмут на себя ответственность, сознавая, что в награду они получают в основном поношения. А ведь это знак высшего качества. Мы видели потом попятное движение, но мне кажется неубедительным утверждение, что, по сути, в эти годы вообще ничего не изменилось, какими мы были, такими и остались. На мой взгляд, изменения происходили, если не на уровне ценностей, то на уровне представлений и установок. Только они были слишком быстрыми, чтобы закрепиться с первой волной. Я надеюсь, будет и вторая, и я вижу вокруг себя людей, которые смогут взять игру на себя. Тем более что им будет легче.

Еще раз хочу поблагодарить авторов, высоко оценить вклад Юрия Александровича Левады, подлинного вдохновителя и идейного руководителя работы, и его многолетних товарищей Льва Дмитриевича Гудкова и Бориса Владимировича Дубина, на которых пришлось основная доля трудов и ответственности за «содеянное». Когда работа была завершена, я искренне поздравил их с успехом. Задача не в том, чтобы добиться совершенства — оно невозможно или преходяще, а в том, чтобы продвинуть научное понимание проблемы и будить мысль. Это, как мне кажется, удалось.

Е. Ясин,
президент Фонда «Либеральная миссия»

*ГУДКОВ Лев Дмитриевич,
ДУБИН Борис Владимирович,
ЛЕВАДА Юрий Александрович*

Проблема «элиты» в современной России
Размышления над результатами социологического исследования

Подписано в печать 23.08.2007
Печать офсетная
Тираж 800 экз.

Фонд «Либеральная миссия»
101990, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 621 33 13, 623 40 56
Факс: (495) 623 28 58